

С. САХАРНОВ

ИЗБРАННОЕ

ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ

С. САХАРНОВ

ИЗБРАННОЕ

*Том,
второй*

ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

*Рисунки
М. Беломлинского*

МОСКВА

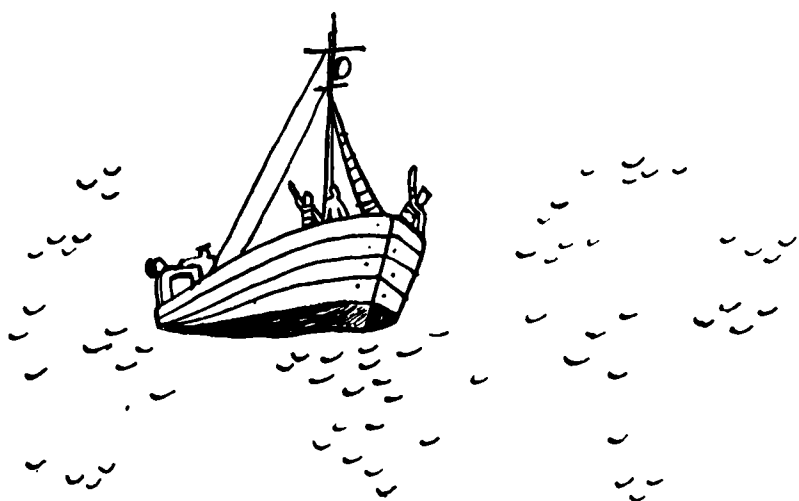
«Детская литература»

1987

P 2
C 22

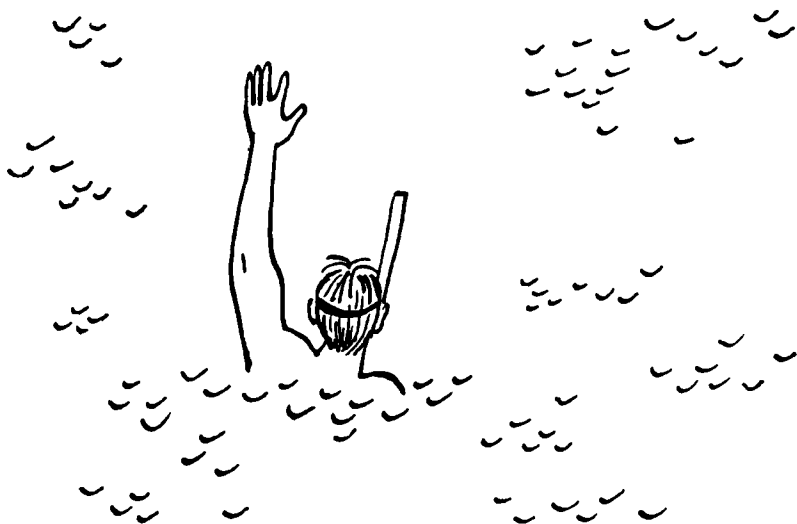
С 4803010102—283
М101(03)87 359—87

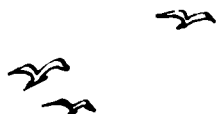
© Состав. Послесловие. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1987 г

ПОДВОДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Повести

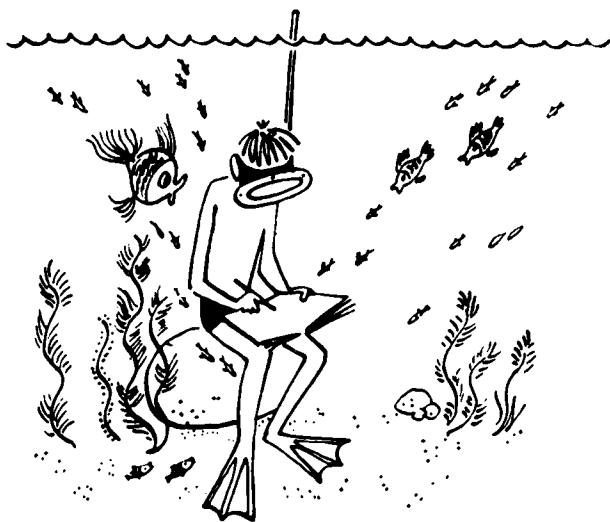
Эти повести я писал вот так.

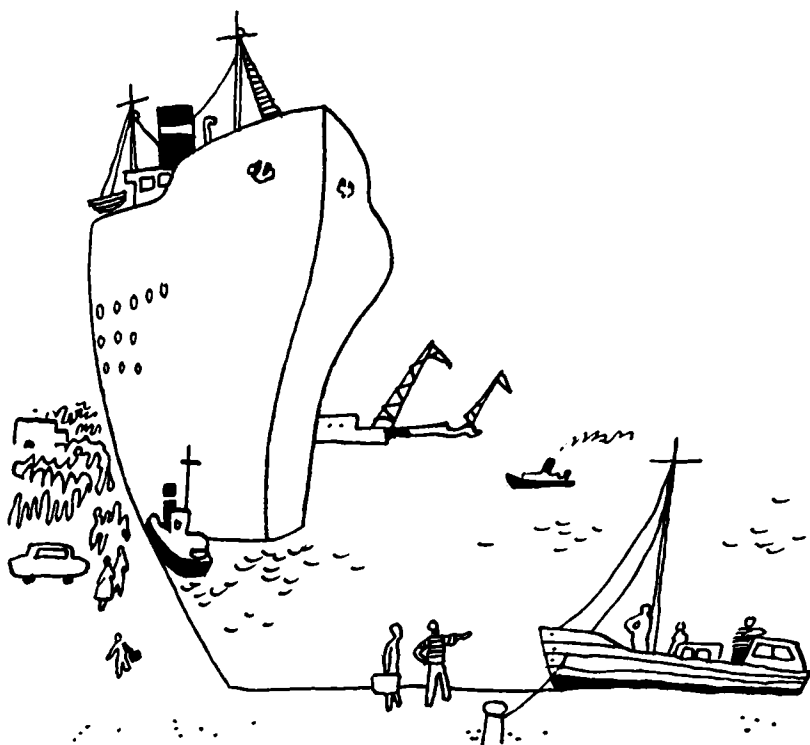
О чём они?

О кораблях, о подводных домах,
о шишковатых трепангах и зыбких,
меняющих свой цвет осьминогах.

А главное — о людях,
о тех, кто бродит по дну, присматриваясь
к рыбам, камням,
кто собирает в верёвочные мешки трепангов,
обследует затонувшие корабли,
ищет, ошибается и находит.

Это повести о водолазах.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА «ТРИГЛЕ»

НАЧАЛОСЬ ТАК

Больше всего на свете я боюсь показаться трусом. Когда Марлен спросил: «Хочешь в экспедицию?» — я ответил: «Ещё бы!..»

Ночь я уже не спал.

За окном мне мерещились горбатые волны и зловещие плавники акул.

Марлен — учёный и водолаз. Он изучает морское дно.

А я — художник. Я плохо плаваю. В Севастополь приехали на одно лето, отдохнуть. Зачем мне всё это нужно?

ПРИ ЧЕМ ТУТ Я?

«ТРИГЛА»

На другой день с чемоданом в руках я пробирался сквозь толпу на пристани.

— Где здесь экспедиция? — спросил я мужчину в жёлтой соломенной шляпе.

Мужчина посмотрел на меня сверху вниз.

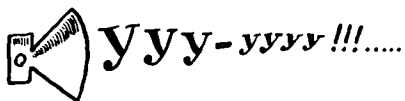
— Прямо.

Прямо передо мной возвышался белоснежный борт теплохода. На белой краске горели бронзовые окошки — иллюминаторы.

Загорелые матросы, как обезьяны, бегали по крутым лестницам.

А ГДЕ МАРЛЕН?

Грохнула музыка. Тонкие стальные канаты шлёпнулись в воду. Белый борт медленно пополз вдоль причала.

Теплоход описал по бухте широкий полукруг и вышел в море.

ВОТ ТАК РАЗ!.. А Я?..

Кто-то схватил меня за рукав.

— Ты что здесь делаешь? — Позади меня стоял Марлен.— Живей, тебя ждут!

Рассекая толпу, как ледокол, он повёл меня вдоль причала. В самом конце пристани стояла маленькая, покрашенная в грязно-зелёный цвет шхуна. На её носу белыми буквами было написано:

ТРИГЛА

На палубе стояло несколько человек.
Шагнув через борт, мы очутились среди них.
Парень с бородой отвязал канат, оттолкнул ногой нос шхуны.

Затарактел мотор.

«Тригла», покачиваясь, пошла к выходу.

МАРЛЕН

Марлена я знал давно.

Мы вместе росли в деревне под Минском.

Из всех мальчишек в деревне он был самый отчаянный.

Однажды ему сказали, что к змеиному яду можно привыкнуть.

Марлен поймал гадюку и дал ей укусить себя в руку.

Рука вздулась и почернела. Марлена увезли в больницу.

Месяц он провалялся там. Мать плакала навзрыд. Рука из чёрной стала синей, затем жёлтой.

Через месяц он вышел, поймал вторую гадюку и дал ей ту же самую руку.

Горячего, как печка, с деревянной рукой, его снова увезли.

Пролежал он на этот раз неделю. Вернувшись, поймал змею и дал укусить себя в третий раз.

Рука немного покраснела. И всё.

И вот с таким человеком я должен плыть в открытое море! ЗАЧЕМ?

ЗАЧЕМ!

Затем, чтобы искать СЛЕДЫ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ЗВЕРЕЙ.

Так объяснил мне Марлен.

Миллионы лет назад на месте Крыма бушевало море.

В море плавали ихтиозавры. Они были похожи и на рыб, и на ящеров. Длинные челюсти. Тело, покрытое чешуёй. Рыбий хвост.

Это были хищники. Они нападали на рыб, на спрутов. Устраивали драки между собой.

Когда рыбаешер погибал, тело его опускалось на дно. Оно покрывалось известковой корой. Отпечатывалось на камне.

Шли годы.

Тонули и всплывали материки.

Там, где морское дно обнажалось, отпечатки оказывались на суше.

И вот однажды в Голубой бухте, на скалах, над самым морем, нашли отпечатки двух рыбаешеров.

Скорченные, раздавленные, распластанные, как листы, они равнодушно смотрели пустыми глазницами в небо.

Учёные переполошились.

Неприступные скалы? Пустяки!

Решили подогнать к берегу баржу, вырезать из скалы плиту с отпечатками ящеров, спустить её на канатах в баржу и увезти.

Помешала война.

В Голубой бухте шли сильные бои. Гремели взрывы. С моря по горе из тяжёлых орудий били корабли.

Отступая, фашисты взорвали склад снарядов, построенный на берегу.

Полгоры сползло в море.

Когда после войны в бухту вернулись учёные, отпечатков не было.

И вот Марлен предложил искать их ПОД ВОДОЙ.

ЗАНИМАЛСЯ БЫ ОН ЛУЧШЕ СВОИМИ РЫБАМИ.

В МОРЕ

«Тригла» вышла в море, и её начало качать.

Только чтобы не было шторма!.. Ах, как не нужен шторм!

О бурях на море я читал много.

Сначала волны ласково-ласково покачивают корабль.

Затем они начинают захлёстывать палубу.

Пассажиры вступают в бой из-за шлюпок.

Наконец волны переворачивают судно.

Я с тоской оглядел палубу: всего одна шлюпка. Она лежала у борта, коротенькая и мелкая, как детское корытце.

КОМУ-КОМУ, А МНЕ МЕСТО В НЕЙ НЕ ДОСТАНЕТСЯ!

Удивительно, что шхуна ещё держится на воде!

Берег, такой милый и ТВЕРДЫЙ, отступал всё дальше и дальше.

МОИ ТОВАРИЩИ

— Знакомьтесь,— сказал Марлен,— наш новый товарищ. Художник.

Я назвал себя:

— Николай.

— Дима,— сказал парень с бородой.

— Кая.

— Вениамин.

— Капитан — у руля, — продолжал Марлен, — моторист — в машине. Вот и вся команда. Ну, как тебе здесь нравится?

— По-моему, мы идём слишком далеко от берега.

КАКОГО ЦВЕТА МОРЕ!

В детстве я знал, какой цвет у моря.

Я любил его рисовать. Брал кисточку, густо разводил кирпичик ультрамариновой краски и проводил в тетради яркую синюю полосу.

Потом я стал учиться живописи.

Стал присматриваться к морю.

Оно оказалось каким угодно, только не синим.

Однажды я прожил месяц на острове. Море было вокруг меня.

Утром до восхода солнца оно было белёсого, сероватого цвета. Как поле, посыпанное пеплом.

Поднималось солнце. Поле розовело, по нему ползли лиловые и синие полосы. Полосы росли, ширились, охватывали всё море.

Небо голубело, тянул утренний ветерок — бриз, и море, как чаша, наливалось до краёв зелёной или голубой краской.

При облачном небе море так и оставалось на весь день серым.

Перед штормом оно чернело и только там, где светился солнечными лучами облачный разрыв — глаз циклона, — делалось изумрудно-зелёным. Вернувшись в Ленинград, я снова начал учиться живописи. Я много читал.

Я узнал, что у тёплых берегов Африки и Азии вода зелёная-зелёная, густо настоянная на мелких, невидимых глазу водорослях.

На Севере вода прозрачная, как кристалл льда.

Около устья рек в море всегда держится громадное жёлтое или коричневое пятно. Это река красит воду в цвет своих берегов.

Когда у пляжа из кварцевого или кораллового песка грохочет прибой, вода взбаламученная — серая, почти белая.

В Калифорнии есть залив. Вода в нём кроваво-красная от малюсеньких рачков — ночесветок. Ночью такая вода, если ударить по ней веслом, вспыхивает миллионами огоньков. А быстрый дельфин кажется в ней сказочным чудовищем, источающим синее пламя.

Превращениям моря нет конца.

Какого же оно цвета?

Этого не знает никто.

А «ТРИГЛА» всё идёт вперёд.

Я готовлю кисть и краски.

Замечательные краски, на чистейшем растительном масле.

Я буду рисовать.

Уж если попал на эту посудину, так хоть напишу много-много картин.

ШТОРМ

Мы обогнули какой-то мыс, и шхуну начало качать. К горлу у меня подступил комок.

сначала волны были небольшие,
потом они стали все круге и длиннее
и, наконец, гёрт знает какие большие и страшные

Я опрометью бросился к борту.

Потом я лежал в каюте на койке и тихо стонал. Лоб был в испарине. Руки болтались, как чужие. В рту был вкус медной пуговицы.

НЕТ, КОНЕЧНО, ЗРЯ ПОШЕЛ Я В ЭТОТ РЕЙС!

Моя кисть и краски уже валялись под столом.

ОБЛАКО ПОД ВОДОЙ

К обеду волны улеглись.

Впрочем, мы не обедали.

Мы шли вперёд, к Голубой бухте.

Нас вёл капитан. Толстый, волосатый. Он стоял за рулём в одних штанах и фуражке. Сразу было видно — моряк. Всю жизнь водил океанские пароходы. Плыть на такой букашке для него пустяк.

Мы обогнули мыс — высокий, обрывистый, с белой маячной башенкой наверху.

За мысом стояла на якоре шхуна — родная сестра «Триглы». Только серая, а не зелёная.

Марлен замахал шляпой.

— Привет киношникам!.. Под водой снимают, — сообщил он мне.

Мы подошли к шхуне.

— Ну как? — крикнул Дима.

Его бороду узнали.

— Порядок, — сказал главный киношник, в чёрном берете и очках. — Сняли взрыв под водой. Мина. Отличные кадры!

Тут я заметил, что недалеко от шхуны расплывается чёрное маслянистое пятно.

— Ах, бесовы дети, — рассердился наш капитан, — вот это рванули!

Марлен сказал:

— Надо посмотреть, что там на дне!

Он нацепил ласты, маску и, не ожидая, когда капитан поставит «Триглу» на якорь, прыгнул за борт.

— Что они там натворили — жуть! — крикнул он, вынырнув. — Николай, иди посмотри!

Я?

Этого ещё не хватало!

Пока я раздумывал, Вениамин принёс мне водолазную маску и ласты.

Надев их, я подошёл к борту.

В ЭТОЙ МАСКЕ Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАХЛЕБНУСЬ!

Авось Марлен не дожждётся меня и вылезет.

Не успел я так подумать, как очутился в воде.

Я барахтался, как в молоке. Вокруг меня висела подвижная белая завеса. Тысячи мелких пузырьков.

Они клубились, как кучевое облако, а я медленно опускался сквозь него.

ВОТ УЖАС!

И тут я вышел из белой завесы. Подо мной было дно. Бурое, каменистое. Надо мной — белое облако. Я висел между дном и облаком. В камнях там и тут блестели серебряные полоски и запятые. Рыбы. Это были рыбы!

Убитые или оглушённые взрывом, они лежали на дне.

На обожжённых взрывом камнях.

Мне сжало грудь.

ДЫШАТЬ! ДЫШАТЬ!

Я отчаянно замолотил руками и, как пробка, выскочил на поверхность.

Уф! Маска сползла на грудь.

Меня втащили на шхуну.

Марлен был мрачен, как туча.

— Видал, — обратился он ко мне, — сколько рыбы погубили? «Отличные кадры»!..

— А пузыри? — спросил я.

Он ответил не сразу.

— Белое облако?.. Это от взрыва.

ИНТЕРЕСНО, КАКАЯ ЗМЕЯ ТОЛКНУЛА МЕНЯ В ВОДУ?

ВЕНЯ

Вениамин толкнуть не мог. Он был чересчур занят.

Бормоча что-то себе под нос, он готовил аппаратуру. Термометры, вертушки. И пробирки. Сотни пробирок.

А ещё микроскоп, сачки, марлю...

Дел у него сейчас не впрокорот.

Он будет «делать станции»: брать пробы забортовой воды, записывать её температуру и солёность.

Четыре толстенных, только что купленных журнала для записей ожидают его.

Некогда ему забавляться.

Не толкал он.

КАЯ

И Кая не могла толкнуть.

Она спала.

Она спала с той минуты, как шхуна отошла от берега.

Как выяснилось позже, она всегда спала. На ходу. Сидя. Стоя.

Кая была врачом. Легководолазам нужен врач. Он нужен им, как воздух, как насос, как ласты.

Она была самым удивительным врачом, какого мне только приходилось встречать.

В свободное время, когда она не спала, ОНА ТОЛКАЛА ЯДРО.

Тяжеленное ядро. Я как-то попробовал и вывихнул руку.

А она ничего. Ядро летело у неё, как из пушки.

Она была чемпионом города.

А сейчас она спала.

Спала не просыпаясь. Как спящая красавица. Как февральский медведь.

— ХР-РР-Р! ФФФ...ХР-РР-Р!

Где уж ей толкать меня!

ДИМА

Дима только-только окончил институт.

Он был специалист по доисторическим рыбам. ПО
РЫБЬИМ ОТПЕЧАТКАМ НА КАМНЕ.

Дима — это маленький Марлен. Очень дельный
и решительный. Только у Марлена бороды нет,
а у него борода.

Замечательная борода.

— Вы не с Кубы? — спрашивали у него
мальчишки.

— Нет, дети, я не с Кубы! — отвечал Дима.

— Врёт! Конечно, с Кубы! — Мальчишки шли за
ним толпой.

Мог такой человек толкнуть меня? Нет.

А КТО ЖЕ?

Капитан стоял у руля. Моторист был в машине.
Между прочим, я так его и не видел.

КТО ЖЕ МЕНЯ ТОЛКНУЛ?

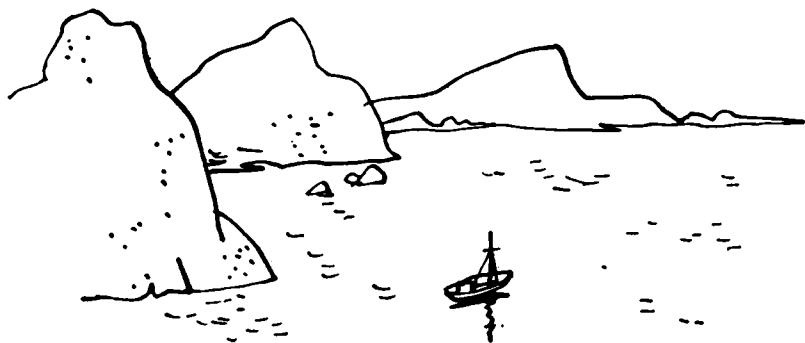
Наверно, я сам себя толкнул в воду. Так сказал
Марлен.

ГОЛУБАЯ БУХТА

Вечером мы пришли в Голубую бухту.

Я даже не понял, что это бухта.

Мы шли прямо на высокий берег. Он рос, рос,

отступил, выбросил в море справа и слева от нас два низких мыса.

— Пришли,— сказал капитан.— Голубая бухта,— и зевнул. Ему, видно, надоели все бухты на свете.

Он поставил шхуну на якорь, сел и начал штопать носок. **НАСТОЯЩИЙ МОРСКОЙ ВОЛК!**

Из машины послышался стук молотка. Моторист перестал управлять мотором и начал чинить его.

Интересно, покажется ли он когда-нибудь?

ПУШЕЧНЫЕ ЯДРА

«Тригла» стояла у самого берега.

Высокая каменная стена, освещённая закатным солнцем, уходила отвесно в воду.

Стена была покрыта круглыми глубокими вмятинами.

— Что это? — удивился Дима.

Капитан отложил носок.

— Нахимов,— сказал он и подошёл к нам.— А может, Лазарев. Кто их знает! Русские адмиралы, прежде чем палить в турок, учились здесь, палили в стену. В упор всем бортом как ахнут!

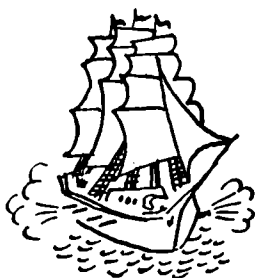
У Марлена в руках был бинокль.

Он внимательно осматривал каждый выступ.

— Нет отпечатков,— сказал он.— И той скалы нет. Сползла в воду... Показать её?

Адмирал
П. С. Нахимов

Адмирал
М. П. Лазарев

Он протянул мне фотографию.

Старую, пожелтевшую фотографию Голубой бухты. Одна из скал на снимке была помечена крестиком.

Чёрная скала с белыми полосками.

— Это и есть отпечатки? — спросил я.

— Нет. Отпечатков на снимке не видно. Это кварц, минерал такой. Очень приметная скала.

Интересно, найдём мы её или нет?

А сейчас пора спать.

НОЧЬ

Это была моя первая ночь в море.

Мы спали на палубе. Вповалку.

Шхуна вздрагивала. Слабая волна то и дело поднимала её.

Поскрипывал узел, которым был завязан якорный канат. Поскрипывали доски, скрипел руль.

Надо мной в звёздное небо тенью уходила мачта. Верхушка её запуталась в звёздах.

Тонкий крючок луны цеплялся за вершины гор.

С берега доносился шум водопада; сладко пахло сухой травой.

НЕТ, НА МОРЕ НЕ ТАК УЖ ПЛОХО!

Вздохнув, я положил голову на шершавую Димину ногу и уснул.

НАЧАЛОСЬ

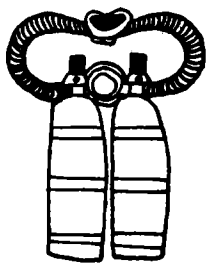
Когда я проснулся, моторист уже стучал внизу в машине.

Капитан протирал суконкой сигнальный фонарь.

Марлен и Дима готовились к спуску в воду.

Они надели акваланги — гулкие металлические баллоны, маски, ласты.

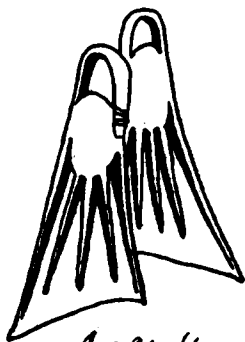
Кая вытащила на палубу сумку с красным крестом.

Акваланг

Маска

Ласты

Марлен и Дима спустили за борт лесенку, сошли по ней в воду.

Там, где они исчезли, забили серебряные роднички пузырей.

Следом за ними в воду полез Веня. Без акваланга. Он будет дежурить на поверхности.

Мало ли что может случиться!

Медленно перебирая руками, он переплывал с одного места на другое. Лицо его было задумчиво.

Я уже знал, о чём он думает:

КАК БЫ ПОЙМАТЬ

ВЕСЛОНОГОГО.

ДВАДЦАТЬ НОГ

Это Марлен рассказал мне, о чём мечтает Веня. Он хочет сделать ОТКРЫТИЕ. Открыть новое, неизвестное науке животное.

Сделать это ужасно трудно.

Рыбы все открыты. Открыты киты, тюлени. Даже лягушки.

Остались одни рачки.

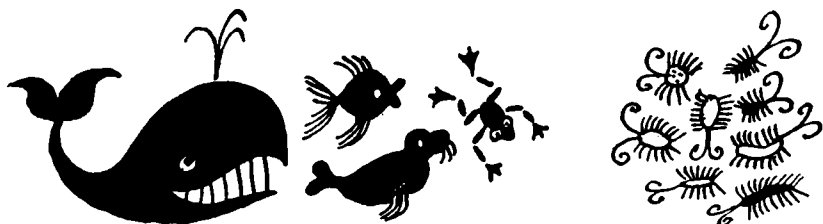
Малюсенькие.

Малюсенькие.

Вот такие.

Видов рачков тысячи. Они отличаются друг от друга усиками, ножками, глазами.

Особенно много двадцатиногих рачков с ножками-вёслами. Каждый год на земле открывают нового веслоногого рачка.

ЗДЕСЬ,
НА «ТРИГЛЕ», ВЕНЯ
ОТКРОЕТ
ЕЩЕ ОДНОГО.

...ХЕЛЬ

Когда Марлен вылез из воды, он сказал:

— Ну и дно! Ничего не понять: камни есть, а отпечатков нет. Придётся искать по всей бухте! С его трусов падали круглые, как пяточки, капли. Вот бы его таким нарисовать!

Стоит на палубе, за спиной акваланг, а с трусов падают большущие бронзовые капли.

И небо синее-синее.

— Николай,— сказал Марлен,— посмотри, что я нашёл.

Он протянул руку. В руке лежал красный осколок. Кусок пластмассовой крышки от коробки.

Немецкие солдаты во время войны хранили в таких коробках масло, сахар, соль.

Марлен нашёл осколок на дне, между камнями.

На нём было нацарапано по-немецки «hel».

— ХЕЛЬ... Видно, его звали Михель,— сказал Марлен.

Он замолчал.

Я вспомнил: Марлен воевал под Севастополем. Тут, рядом.

Я как-то спросил его:

— Ты кем кончил войну? Офицером?

— Солдатом.

Очень странно!

Я часто представлял себе такую картину: бой, командира батальона убили, Марлен — лейтенант — принял командование, и враг разбит.

И вдруг — простой солдат!..

К нам подошёл капитан.

— Вот здесь, хлопчики, — сказал он, — высаживал я во время войны разведчиков. С мотобота. Кто-то с берега из пулемёта как полоснёт! Хорошо, была у нас дымшашка...

Но тут Марлен поднял руку.

— Дельфины! — сказал он. — Скорее к ним! Скорей!

ДЕЛЬФИНЫ

Дельфины нам были нужны.

Дима уверяет, что дельфин после человека — самое умное существо на Земле.

Умнее собаки. Умнее лошади.

Дельфин может носить за человеком поноску, играть в мяч, прыгать через обруч. Может считать до десяти.

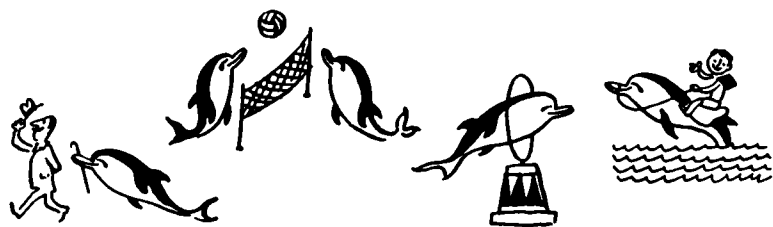
В Новой Зеландии был дельфин, который катал на себе детей. Прямо по воде. С седлом, как пони. И ни разу не уронил ребёнка.

ДЕЛЬФИНЫ — ЭТО ТЫСЯЧА И ОДНА ЗАГАДКА.

Они даже плавают как-то по-особенному, не так, как рыбы. А как — точно не знает никто.

А как они разговаривают друг с другом?..

Марлен давно мечтал попасть в стаю дельфинов.

Поплывать с ними. Посмотреть на них из-под воды.
— Полный вперед!

«Тригла» снялась с якоря и направилась к стае.

Но дельфинов мы нагнать не смогли. Они плыли в десять раз быстрее шхуны.

Тогда Марлен предложил: он выбросится за борт, шхуна отойдёт в сторону, дельфины вернутся, и он окажется среди них!

ЗДОРОВО ПРИДУМАНО!

Мы так и сделали. Марлен прыгнул за борт.
А мы ушли.

Через полчаса наша шхуна вернулась. На то же самое место.

Тютелька в тютельку.

Но Марлена здесь не оказалось.

Что такое?!

Битый час мы ходили взад-вперёд, разыскивая его.

Марлена не было!

Уж не утонул ли он?

Наконец капитан заметил далеко от шхуны человеческую голову. Человек вяло махал рукой.

Это был Марлен.

Его втащили на борт.

Он ослабел и ругался шёпотом.

Он проклинал нас, море, дельфинов.

Он говорил, что мы **НАРОЧНО** целый час ходили вокруг него. **НАРОЧНО** не замечали знаков. Один раз чуть было **НАРОЧНО** не зарубили его винтом.

Что за чепуха!

И только капитан догадался, в чём дело.

Со шхуны голова Марлена казалась точкой. На тёмной воде её не было видно.

А для Марлена шхуна на фоне неба всё время была видна и казалась совсем рядом.

— А дельфины? — спросили мы.

— Не приплыли.

— Ещё бы, — ответил капитан, — так морской зверь к тебе и подплывёт! Он человеком обижен...

И мы услышали историю серого кита по прозвищу Боб.

СЕРЫЙ БОБ

Это произошло в Северной Атлантике.

Летом здесь собираются на промысел рыбаки. Они ловят сельдь.

Сельдь ходит громадными косяками на отмелях, прогретых солнцем. На отмелях, где тучами роится еле заметный глазу рачок, рыба нагуливает жир.

Тысячи рыболовецких траулеров со всех концов мира ходят следом за лиловыми селёдочными косяками.

Траулеры, как чёрные муравьи, снуют по отмелям. Каждый тащит за собой сеть.

Стучат дизели. Стучат разделочные ножи. Густой запах солёной рыбы стоит над океаном.

И вот однажды среди кораблей появился огромный кит.

— Гляди, серый! — удивились рыбаки.

Серый кит — редкость.

Рыбаки сказали это на разных языках, но одинаково радостно. Даже кит — развлечение в эти однообразные дни лова.

В полдень с итальянского судна за борт упал человек. Он поскользнулся (кто-то бросил на палубе селёдочную голову) и не успел крикнуть, как очутился в воде.

На судне хватились его не сразу. Стали искать и, конечно, не нашли.

— Жаль Антонио,— сказал капитан,— он был хороший рыбак.

Он мог бы добавить: «И хороший отец». У Антонио было четверо детей.

— Надо искать его, капитан, всё время искать! — сказал молодой моторист. Он впервые видел, как гибнет в море человек.

Капитан молчал. Уж он-то знал: человека ищут НЕ ДОЛЬШЕ, ЧЕМ ОН МОЖЕТ ПРОДЕРЖАТЬСЯ НА ВОДЕ.

— Капитан, я вижу вон там что-то серое!

— Это сегодняшний кит. Гоняется за селёдкой.

— Но он кружится на одном месте!

Капитан пожал плечами.

— Можно посмотреть...

Траулер направился к киту.

Когда рыбаки подошли, серый великан отплыл в сторону. В том месте, возле которого так долго и упорно кружилось животное, белела матросская куртка. Это был ослабевший, потерявший надежду Антонио...

С этого дня кит стал другом рыбаков и получил кличку Серый Боб.

Каждое лето Серый Боб появлялся на отмелях.

— Здорово, приятель! — кричали ему матросы.

Шумно вздыхая, Боб медленно проплывал между судами.

Дважды он попадал в сети. Одну порвал, во второй запутался. Его подтащили к борту траулера и осторожно разрезали сеть.

После этого случая Боб стал совсем ручным.

— Не кончится это добром! — говорили старые капитаны, глядя, как Боб лениво переворачивается перед самым носом у кораблей.— Где это видано, чтобы животное лезло на корабль?

И беда пришла.

К самому концу сезона на отмели появился английский траулер. Вместо дизелей у него стояла газовая турбина. Капитан его, молодой моряк, впер-

вые получивший под своё командование судно, торопился. Нужно было до ухода рыбы с отмелей набить трюмы.

Кита он возненавидел с первого же дня.

— Этот проклятый зверь пугает рыбу,— зло повторял он.— Кому нужен в море цирк!

Однажды траулер, приготовив сеть, гнался за косяком. Неожиданно перед носом судна вынырнула громадная серая туша. Боб перевернулся несколько раз и, привлечённый необычным звуком моторов, приблизился к самому борту.

— Осторожнее, капитан! — крикнул кто-то из матросов.— Не пораньте Боба!

Капитан сделал вид, что не слышит.

Он уже заметил на горизонте фиолетовое пятно. Косяк!

— Право руля!

Корма траулера стремительно двинулась в сторону кита.

— Эй, приятель!

Но было уже поздно. Острые, как ножи, лопасти винта врезались в мягкое тело животного.

Боб рванулся и, оставляя за собой длинный кровавый след, ушёл на глубину. Больше его на отмелях не встречал никто...

— Капитан, это правда? — тихо спросила Кая.

Капитан с жалостью посмотрел на неё.

— Разве такое выдумаешь?.. — помолчав, сказал он.

— А кит... его убили?

— Н-не знаю. У кита на спине сала — полметра. Могли и не убить... Обиделся кит.

Мы молчали.

— А что стало с англичанином? — спросил Веня.

— Вернулся в Англию. Там вся команда спилась на берег. Пришлось уйти и капитану. Ни один матрос не хотел больше плавать с ним... Вот так.

ЖЕЛЕЗНОЕ РАСПИСАНИЕ

Когда мы вернулись в Голубую бухту, Марлен распределил обязанности.

Он составил железное расписание.

Веня «берёт станции». Каждые четыре часа.

Я веду перепись рыб: где сколько их живёт.

Кая следит за водолазными спусками и заполняет Венины журналы. Марлен и Дима два раза в день обследуют дно.

Всё по расписанию, и ни шага в сторону!

Кроме того, я должен ВСЕМ ПОМОГАТЬ. Так... Так... Картины я, очевидно, должен писать ночью.

МЕНЯ УЧАТ ПЛАВАТЬ

— А ты, кстати, плавать с маской умеешь? — спросил Марлен.

— Не очень... В общем, плохо.

— Тогда смотри!

И он мне показал, как надо плавать.

Надеваешь маску и ласты, ложишься на воду. В маске воздух. Она, как поплавков, держит голову. Дышишь через трубку. Шевелишь ногами. Ласты извиваются, как змеи, и ты плывёшь. Руки свободны для работы.

— Не переплыви сгоряча море! — предупредил Марлен.

В маске, с ластами я сполз за борт. Зашевелил ногами и — поплыл.

Долго плыл. Оглянулся — до шхуны шагов десять.

Так что зря Марлен беспокоился: море я не переплыву. Уж разве что сгоряча.

ПИСЬМО

Вторая ночь.

Я зажёл на палубе огарок свечи и написал письмо.

ПИСЬМО МОРЯКА.

На клочке бумаги. Огрызком карандаша. Под свист ветра и выстрелы пиратов. «Капитан, где моя шпага?..»

Вот что я написал:

Дорогие мама и Зина!

Не удивляйтесь, если письмо будет пахнуть смолой и солью,— пишу на корабле.

Второй день плывём по Чёрному морю. Всё идёт замечательно. Я боялся, что не будет ни одного шторма, но их здесь достаточно. На днях какие-то олухи взорвали в море мину. Я первый бросился за борт, чтобы обследовать дно.

Капитан и Марлен (наш начальник) — парни ничего. Если с ними что-нибудь случится, заменять их придётся мне. Больше никому.

Ваш сын и брат К о л я.

Это дурацкое письмо я для чего-то запечатал в бутылку из-под нарзана и бросил в море...

УТРО

Проснулся я раньше всех.

По бледно-жёлтому небу ползли ватные облака. Море было тихим и стальным.

Я вышел на корму и начал делать приседания. — Раз... Два... Раз... Это что такое?

Метрах в десяти от шхуны покачивалась на воде бутылка. **МОЯ БУТЫЛКА С ПИСЬМОМ.**

Я представил: её вылавливают, раскупоривают и читают вслух письмо.

СГОРЕТЬ МОЖНО СО СТЫДА!

Раздумывать было некогда.

Я перевалился через борт.

Стуча по воде руками, как утопающий, поплыл к бутылке. Цоп!

Холодное скользкое горлышко очутилось в моей ладони.

— Ты что там делаешь?

Сонно протирая глаза, у борта стоял Дима.

Я судорожно глотнул воздуха и скрылся с бутылкой под водой.

Пробка была как камень!

Чуть не плача, я вырвал её зубами.

Буль-буль-буль! Бутылка пошла на дно.

— Уфф!

Я вынырнул, отдышался и, стараясь плыть НЕБРЕЖНО, вернулся на «Триглу».

— Сказочное утро! — бросил я Диме. — Люблю с утра поплавать!

ПЕРВЫЙ КОСМОПЛАВ

В это утро я отважился пуститься в настоящее плавание.

Я лежал на груди, быстро перебирая ластами, и плыл над подводным лесом.

Дно было покрыто лохматыми, похожими на еловые лапы, водорослями.

Между ними чернели шербатые кривые камни да светились жёлтые россыпи гальки.

Морских рыб я часто рисовал для книг и теперь легко узнавал их.

На камнях сидели ерши — такие же чёрные и шербатые, как камни.

Колченогий краб, смешно взбрыкивая ногами, пробежал по гальке.

Пронеслись стайей кефали — узкие серебристые рыбы, стремительные, как стрелы.

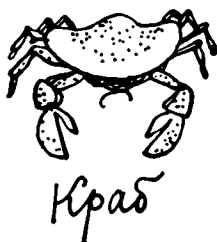
Мягкий, рассеянный свет без теней ложился на подводные леса и скалы.

Это был удивительный, какой-то космический мир.

А я — первый космоплав.

Я плыл, не чувствуя веса своего тела, не видя, где начинается и где кончается толща воды.

Перед моим лицом беззвучно ломалось и распадалось на куски серебристое зеркало.

Это играл свет на волнах.

Когда я вернулся на шхуну, то спросил Марлена:

— Ну как я плыл?

— Ничего,— спокойно ответил он.

Я обиделся.

— В общем, ничего,— повторил наш начальник,— только болтал головой и дрыгал ногами, как курортница.

Я захлопал глазами от неожиданности. Мне казалось, что я плыл ве-ли-ко-леп-но!

БЕЛЫЕ МЕШОЧКИ

Мы работали по расписанию. По железному расписанию, которое составил Марлен.

Мне некогда было вздохнуть. Про кисть и краски я забыл.

Я крутился как белка в колесе.

На свет появились белые мешочки.

ЭТО ТЕПЕРЬ САМОЕ ГЛАВНОЕ.

В каждой мешочке лежала рыбья приманка.

Пахучая-препахучая.

Мешочки я привязывал к шнурам. У каждого шнура были якорь и поплавок.

Шнуры я бросал за борт везде, где останавливалась шхуна.

Я плавал от поплавка к поплавку.

Я вёл рыбью перепись.

Я висел, сгорбившись, в воде и писал.

Тупым гвоздём на алюминиевой пластинке.

Записывал рыб.

Шнур был туго натянут между якорем и поплавком. На каждом шнуре висели три белых мешочка. У самого дна, посередине и у поверхности.

Около мешочка толпились рыбы.

У верхнего — юркая серебристая мелочь.

У среднего — рыба посolidнее, но тоже отливающая серебром.

У самого нижнего — ни на кого не похожие обитатели морского дна. Зелёные и бурые — под цвет камней и водорослей.

Теперь я совсем забыл, что плохо плаваю. Мне некогда было плохо плавать.

Я плавал хорошо.

ВПРОЧЕМ, В СЛУЧАЕ ЧЕГО, СПАСАТЬ МЕНЯ ДОЛЖЕН БЫЛ ВЕНЯ.

ПОДВОДНЫЕ ПТИЦЫ

Я вывернул один мешочек, и горсть бурых крошек закружилась около шнура.

Откуда ни возьмись, на них налетела стая чёрных бархатных рыбок.

Хвостик у каждой был раздвоен.

Рыбки не стояли на месте, не плавали по кругу, как другие. Они причудливо порхали, переносясь с места на место. Чёрные хвостики не знали покоя. Рыбки вились вокруг медленно тонущих крошек.

Ко мне подплыл Марлен.

«Морские ласточки», — нацарапал он на дощечке.

Конечно, ласточки... Как же их называть ещё?

ИГЛА

Прямо подо мной из водорослей торчала серая палка.

Вдруг я заметил, что палка

И
З
Г
И
Б
А
Е
Т
С
Я

Живая!

Я решил, набрал воздуха и нырнул.

Я увидел полянку, поросшую бурыми водорослями, а среди них здоровенную рыбу-иглу. Рыбу-иглу, которых полно в матрасах, набитых морской травой.

«САМАЯ БЕЗОБИДНАЯ ИЗ РЫБ», — так пишется в книгах.

Я протянул руку.

Рыба тронулась с места и пошла на глубину. В камни. Она плыла ужасно нелепо, плыла **СТОЯ** — головой вверх, хвостом вниз.

Глубже, глубже...

Я снова протянул руку, схватил иглу и...

МНЕ НЕ ХВАТАЕТ ВОЗДУХА!!!

Изо рта выскочил серебряный пузырёк. Перед глазами пошли круги.

Я потерял сознание...

Чья-то сильная рука тащила меня наверх...

Вот всё, что я помню.

О НОГАХ

Спас меня Марлен.

Это он заметил: со мной что-то неладное.

А Веня?

ОН ДУМАЛ О СВОИХ ДВАДЦАТИНОГИХ.

Обо мне он забыл.

НУ КОНЕЧНО, ВЕДЬ У МЕНЯ ДВЕ НОГИ...

У Марлена с ним был неприятный разговор.

Веня целый день потом ходил в пятнах. Как жираф.

Двадцатиногие, и верно, не давали ему покоя.

То и дело Веня доставал из-за борта ведро воды.

Воду процеживал через марлю.

На марле оставался комочек голубоватой слизи.

ЭТО БЫЛИ РАЧКИ.

Вернее, в слизи было **ЧТО УГОДНО**, и рачки тоже.

Слизь он осторожно собирал на стёклышко и рассматривал через микроскоп.

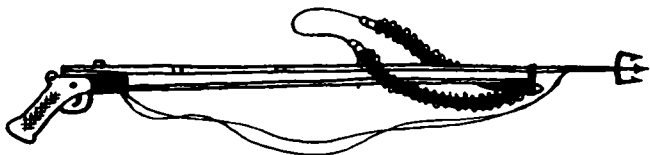
НОВЫЕ ВЕСЛОНОГИЕ НЕ ПОПАДАЛИСЬ.

РУЖЬЕ

В каюте, над койкой Марлена висело ружьё. Необыкновенное ружьё. Для подводной охоты. Оно стреляло гарпуном. Две стальные пружины вились бок о бок вдоль металлического ложа.

— Этим ружьём можно убить кита,— сказал как-то Марлен.

Я не понял, шутит он или всерьёз.

Разве можно такое страшное оружие оставлять на стене, без присмотра?

Однажды, когда Марлена не было, я снял ружьё со стены и попробовал взвести курок. Тяжёлые пружины едва шевельнулись.

Я понял, почему Марлен не боится за ружьё.

Кроме него, с ружьём никому не справиться!

БРИЛЬ

Мы ходили по шхуне растрёпанные и волосатые. Один Веня в аккуратной соломенной шляпе.

— Очень милая шляпка. Где ты её достал? — спросила однажды Кая.

— Не твоё дело,— обиделся Веня.

— Позор! — сказал Марлен. Он давно присматривался к Вениной шляпе.— На корабле — такая панاما! Нас примут за диверсантов и арестуют.

— Это бриль,— гордо возразил Веня.

— Вот и хорошо. Выброси его за борт.

Марлен до сих пор не простил Вене случай со мной.

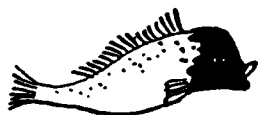
МЫ ИЩЕМ, ИЩЕМ, ИЩЕМ...

Потянулись скучные дни.

Каждое утро «Тригла» снималась с якоря и шла в «точку» — к заранее намеченному месту.

Таких «точек» Марлен наметил сорок.

В «точке» Марлен и Дима осматривали дно. Веня «брал станцию». Я записывал рыб.

Морская собака

Зеленушка

Окунь-смариды

Каждый день одно и то же.

Вначале мы с нетерпением ждали возвращения водолазов. А вдруг сегодня нашли?

— Нет! — мрачно говорили они.

И мы привыкли.

Мы только вопросительно смотрели на них, а они в ответ только качали головами.

Потом мы перестали смотреть, а они перестали качать.

Тогда все стали пожимать плечами.

— Кто знает, где эти камни? — говорили мы. — Может, никаких отпечатков-то и не было?

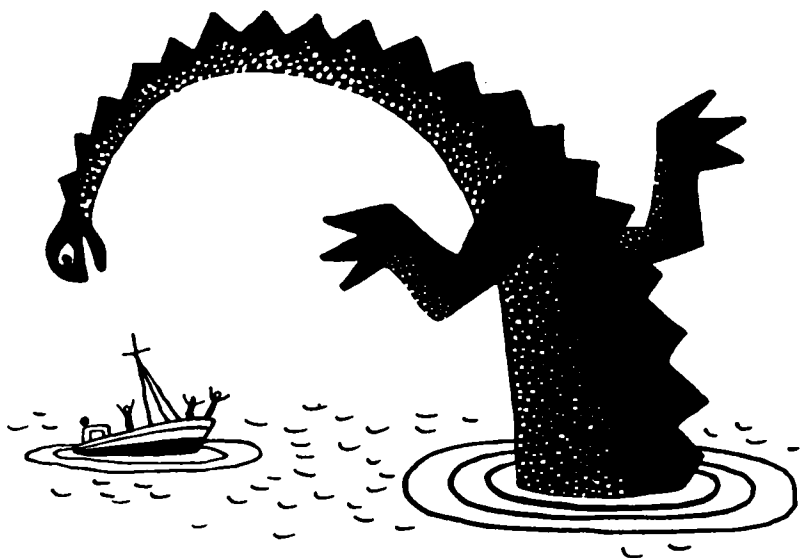
Тогда Марлен вытаскивал из бумажника пожелтевшую фотографию.

— Отпечатки были вот здесь, — показывал он.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ЯЩЕР

Я так много думал о древних следах, что как-то ночью мне даже приснился ихтиозавр.

Большой, серый. Сначала он шёл по берегу, а потом поднялся на задние лапы и вошёл в воду.

Он подошёл к «Тригле» и, подняв над ней маленькую злую головку на тонкой шее, зловеще замер.

Я проснулся в холодном поту.

— Эх ты! — сказал Марлен, когда я рассказал ему сон. — По-твоему, ихтиозавры на четырёх ногах? А ну нарисуй.

Я нарисовал.

— Это же бронтозавр, сухопутный ящер. А ихтиозавр — морской, вроде зубатого дельфина. Тоже мне художник! Правильного ящера увидеть во сне не можешь!

Больше неправильные ящеры мне не снились.

ГДЕ ЖЕ КАМНИ!

А дни шли.

Мы съели мясо, капусту. Хлеб зачерствел.

Мы перешли на консервы. За обедом капитан стал класть на стол, для желающих, сухари.

— Но где же камни?

Этот вопрос мучил нас.

— Кажется, я знаю,— сказал наконец Веня.— Камни выветриваются. За миллион лет камень теряет до половины своего веса.

Марлен посмотрел на него уничтожающе.

И тут меня осенило.

А что, если...

Нет, не может быть! Слишком просто! Скажешь — засмеют.

И я промолчал.

ШПИЛЬ

На носу шхуны стоял шпиль — здоровенная чугунная тумба.

Она соединялась с мотором.

Когда нужно было вытащить якорь, капитан набрасывал на тумбу якорную цепь. Запускали мотор. Тумба, поскрипывая, начинала крутиться.

Цепь наматывалась на неё, якорь неторопливо и важно показывался из воды.

— Отличная машина! — говорил капитан и шлёпал ладонью по ржавой макушке шпиля.— Чёрта своротит!

Ночью Кая сушила на шпиле купальник.

Больше шпиль не интересовал никого.

ЯКОРЬ

Каждый раз, на ночь, мы проверяли, как лежит якорь. Хорошо ли он зарылся в песок?

Однажды Веня, который нырял к якорю, вернулся обескураженный.

— Ничего не пойму,— сказал он, стянув с лица маску и разводя руками.— Вчера всё было в порядке, а сегодня якорь лежит поверх песка. Кто-то ВЫРЫЛ его.

— Это ещё что такое? — возмутился Марлен.—

Дом с привидениями? Кто будет рыться на дне около нашего якоря?

— Морские духи,— сказал Дима.

— И всё-таки якорь вырыли,— настаивал Веня.

Дима сложил ладони лодочкой и пошевелил пальцами — это значило: **ВОТ ДО ЧЕГО ДОВОДЯТ ДВАДЦАТИНОГИЕ!**

КАК ВЕНЯ СОЧИНИЛ СТИХИ

Я сидел, привалясь к мачте, и смотрел, как опускается в море солнце. Оно было похоже на лимон. Жёлтое и приплющенное.

Рядом со мной сидел Веня.

Он шевелил губами.

— Знаешь что,— сказал он,— я, кажется, сочинил стихи. Хорошие стихи: тум-туру-рум-тум, тум-туру-рум-тум... Три строчки сочинил, а четвертую не могу придумать.

— А ну прочти свои стихи! — сказал Марлен. И Веня прочёл:

Шёл весёлый барабанщик,
Шёл весёлый барабанщик,
Шёл весёлый барабанщик..

— Громко плакал и рыдал,— сказал Марлен.— Можешь не стараться, эти стихи я уже где-то читал... Ну и команда! Один ходит в панаме, вторая спит, есть свой Айвазовский. Не хватало Пушкина. А между прочим, время — двадцать ноль-ноль. Кто будет за тебя температуру воды измерять? Раки?..

20.00

Двадцать ноль-ноль — это восемь часов вечера. По-корабельному.

Я давно уже понял: на корабле всё не так, как на суше.

Пол называется палуба. Комната — каюта. Наш капитан вместо «кóмпас» говорит «компа́с», вместо «маякí» — «мая́ки».

Но путаннее всего — время.

Дома у меня на столе стоял будильник. На нём были числа от 1 до 12. Половина пятого была половина пятого. Стрелки я мог крутить, как хотел. Время подчинялось мне.

На «Тригле» всё оказалось не так.

В первый же день ко мне подсел капитан и объяснил, что время бывает:

судовое,
солнечное,
звёздное,
среднее.

И каждое — разное. Половина пятого — это может быть:

и 4.30,
и 16.30,
и 16.25,
и 23.10,
и всё, что угодно.

На корабле есть такие часы — хронометр. К ним нельзя прикасаться. Когда с хронометром нужно что-нибудь сделать, его выносят на берег и специальные люди колдуют над ним.

Время — это наука.

Я понял: время подчиняется учёным и морякам.

ТРИГЛА

Я часто думал: почему наша шхуна называется «Тригла»?

Три иглы?

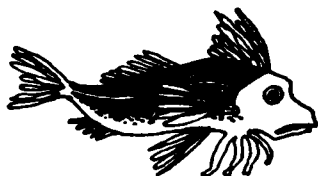
Три угла?

В оркестре есть такой инструмент — триангль. Треугольник. Если по нему ударить палочкой, раздаётся звон: денн-н-нь...

Как-то утром мы решили половить рыбу. Я, Дима и капитан.

За борт на капроновых жилках были опущены крючки с наживкой.

Капитану повезло. Его жилку сразу потащило в сторону. Он дёрнул. Жилка задрожала. Неторопливо смотав её, он вытащил на палубу рыбу.

Морской петух

Замечательную рыбу. Пёструю, как птица, большеголовую, золотисто-бурую, с голубыми плавниками.

— Морской петух, — сказал капитан, — тригла.

Так вот оно что! Наша неказистая шхуна называется именем этой красавицы!

Я долго разглядывал триглу, а когда вернулся к своей жилке, она была тоже туго натянута.

Я дёрнул — что-то сопротивлялось.

Все лица с любопытством повернулись ко мне.

Я торопливо начал выбирать удочку.

Наконец в воде показалось что-то жёлтое. Ещё одна диковинная рыба!

Я потянул — из глубины всплыл Венин бриль, аккуратно насаженный на крючок.

Бессовестные!

Я дёрнул... и — о счастье! — бриль отцепился. Поблёскивая полями, он снова погрузился в море.

Я оглядел шхуну.

Кая и Марлен смотрели в сторону. Веня улыбался. Его чёрные волосы свободно развевались по ветру.

— Кого поймал? — спросил, подходя, Дима.

Лицо у него было каменное.

— Триглу,— как можно небрежнее сказал я.— Сорвалась.

— Ах вот что!..— Губы у Димы задрожали от смеха.— Рыбу не мог вытащить,— сказал он и ущипнул себя за бороду.— Айвазовский!

АЙВАЗОВСКИЙ

Айвазовский был художник.

Он жил на берегу моря, в городе Феодосии.

В шторм он раскрывал настежь окна своего дома и писал картины.

Солёные брызги летели на неоконченное полотно.

Он писал много.

Он написал очень много картин. Несколько тысяч.

И на всех было море.

Море утреннее и вечернее, море спокойное и в бурю, море у берегов России, Италии, Африки.

У Айвазовского есть картина «Наполеон на острове Святой Елены». Этот остров находится в Атлантическом океане. На картине бушуют волны. Они пенятся у подножия отвесной скалы. На вершине скалы стоит маленькая фигурка Наполеона.

Айвазовского не интересовал французский император. Его интересовало только море.

КАК РЫБЫ СЪЕЛИ МОЮ КАРТИНУ

А мои картины не писались.

Картонки, заготовленные для них на берегу, сырели и покрывались плесенью.

Я уставал. Я работал в воде часами. На шхуне я только спал.

И вдруг мне в голову пришла блестящая мысль. А что, если написать картину под водой?

Там так здорово!

Я рассказал об этом товарищам.

— Для такого дела не жалко и акваланга,— сказал Марлен.— Пустим тебя на конце, чтобы не утонул. Будешь писать рядом со шхуной.

Конец — тонкая верёвка. Её прицепили мне за пояс. Чтобы кисти не всплыли, к ним привязали гайки.

Алюминиевый лист — вместо картона — принёс из машины капитан.

На меня навьючили акваланг, и я полез в воду. Пять метров глубины.

Светло, как в студии!

Отчаянно пузыря и болтая ногами, я стал устраиваться. Положил лист, краски. Сидеть на дне оказалось страшно трудно. Я всё время всплывал и переворачивался вверх ногами.

Тогда я стал плавать вокруг листа. Подплыву, сделаю мазок — и поплыл дальше. Мазок за мазком.

И картина начала получаться.

Я писал подводный лес — бурые разлапистые водоросли и лиловую даль, чёрные камни и кроваво-красных рыбок-собачек.

Очень хорошо!

Но тут появились зрители.

Стайка чёрных монашек-ласточек остановилась около меня. Подплыл круглый, как блюдце, с чёрной отметиной на хвосте карась-ласкирь. Он уставился плоскими глазами на картину и начал задумчиво жевать губами.

Подошли серебристые кефальки. Самая храбрая из них подплыла к листу и клюнула его. Её примеру последовали подруги.

Я не сразу понял, в чём дело. Рыбы выскакивали одна за другой вперёд и — тюк! — ударялись губами о картину.

И вдруг я увидел: они едят краски! Замечательные краски, приготовленные на чистом растительном масле.

— Кыш! Кыш!

Я замахал руками и тотчас же очутился метрах в десяти от картины.

Разбойницы-рыбы почувствовали свободу. Они дружно бросились вперёд... и, когда я вернулся, на алюминиевом листе лишь кое-где пестрели остатки краски...

Я дёрнул за верёвку: «Ташите наверх!»

ПЛОВ ИЗ РАКУШЕК

Мы работали в Голубой бухте уже неделю, а отпечатки, которые искали, всё не давались нам в руки. Мы отощали, нам надоели консервы и чёрствый хлеб.

— Сегодня я приготовлю вам плов из ракушек! — сказал капитан.

ПЛОВ — ЭТО ХОРОШО!

По этому поводу Марлен объявил выходных полдня.

Капитан оживился. В его глазах зажглись огоньки.

Плов — это рис, масло, ракушки.

Рис и масло были в шкафу.

Ракушки — на морском дне.

— Надрать мидий! — распорядился Марлен.

Бросили жребий.

Лезть в воду досталось Диме и мне.

Мы не заставили себя ждать.

Вот и дно. В некоторых местах ракушки ковром покрывают камни. Но отрывать их ужасно трудно. Висишь вниз головой, отколупываешь по одной, ломаешь об них ноги.

Мы надрали целое ведро ракушек.

Мы сломали семь ногтей и порезали четыре ладони.

Мы устали.

Только надежда на вкусный обед поддерживала нас.

УХ КАК БУДЕТ ВКУСНО!

ОБЕД

На шхуне капитан варил рис.

В кухню не допускался никто. Масло летело в кастрюлю ложками.

Когда рис был готов, мы уже истекали слюной. Но капитан не спешил.

Он ножом извлёк каждого моллюска из раковины и обжарил его на сковородке.

Запахло водорослями.

Мы насторожились.

Жаренные на чистом сливочном масле мидии были брошены в кастрюлю и перемешаны с рисом. Каждому навалили по тарелке плова.

Мы набросились на него, как голодные волки. Каждый сунул в рот по полной ложке и...

Я понял: ЭТО ЧТО-ТО НЕ ТО!

Первым положил ложку Дима: ему надо посмотреть, как уложены акваланги.

Он ушёл.

Вторым сбежал Марлен: оказалось, ему нужно подтянуть ЯКОРНУЮ ЦЕПЬ.

Кая взглянула на меня большими испуганными глазами. Можно, она сходит за солью?..

Соль стояла на столе. Мы с Веней стеснялись. Нам ужас как не хотелось обидеть капитана.

Может быть, придёт моторист?

Он опять чинит мотор...
Я жевал холодного моллюска полчаса.
Из тарелки пахло йодом и сырой капустой.
Я не мог спокойно смотреть на кастрюлю. Мне
казалось, что моллюски в кастрюле

ВЕВЕЛЯТСЯ

Наконец сбежали и мы.
На палубе нас встретили хохотом.
Марлен заглянул через люк в каюту. Капитан
доедал третью тарелку.
Моторист так и не пришёл.

МОЕ ОТКРЫТИЕ

Чем дольше мы работали в бухте, тем веселее становился Веня.

Каждый комок слизи, отцеженный из ведра, приближал его к победе. Новый вид рачка мог быть открыт с минуту на минуту.

Его микроскоп горел на солнце, как золотое оружие героя.

Картины писать мне было уже нечем. Кисти съели тараканы...

Мне тоже захотелось славы учёного.

Выждав момент, когда Веня спустился в каюту, я набрал ведро воды и добыл из него немного слизи.

Острым кухонным ножом я соскоблил слизь с марли на тарелку, комочек слизи размазал по стеклу.

Вот стекло под микроскопом. На светлом поле копошились прозрачные многорукие твари.

— Что это?!

Мои глаза полезли на лоб.

Прямо посередине светлого поля судорожно двигался по стеклу пятиногий рачок.

— Ого!

Я поперхнулся от радости.

А вон ещё... ещё... Шестиногие, четырёхногие, семиногие рачки так и кишели под микроскопом. Один из них был даже одноногий.

КАКОЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ!

— А, и ты смотришь? — Веня стоял рядом и сочувственно моргал близорукими глазами. — Есть что-нибудь?

— Кое-что есть...

Я небрежно уступил ему место у микроскопа.
ВОТ СЕЙЧАС ОН АХНЕТ!

— Господи! — Из Вениной груди вырвался стон. — Что ты сделал? Ты их всех разрезал! Разве можно скоблить их острым ножом?

Я сделал вид, что люблюсь облаками.

Облака медленно плыли над морем.

Два облака плыли отдельно.

Одно было похоже на одноногую лошадь. Второе — на трёхгорбого верблюда.

КАПИТАН

Как-то мы с капитаном чистили якорь-цепь.

— Вы много плавали? — спросил я его.

— Много, — ответил он.

— Вам, поди, это всё надоело?

Капитан промолчал.

Мы сидели на носу.

Рядом с нами Веня опускал за борт термометры.

Говорят, у капитана на берегу дом, сад с вишнями. Зачем ему торчать с нами в этой бухте?..

Кая сегодня наступила на тюбики и выдавила всю краску.

ШАШКА ДУСТА

За то, что меня взяли в экспедицию, я решил отплатить добром.

На шхуне водились тараканы.

Тараканы были рыжие и усатые.

Им ничего не стоило прокусить насквозь ботинок.

Их не брало никакое море. Говорят, на железных кораблях не живут ни собаки, ни кошки. Тараканы же чувствуют себя как дома.

Вся команда ненавидела их.

А мне тараканы были не страшны.

В чемодане у меня лежала шашка друга.

**НОВЕЙШЕЕ СРЕДСТВО ОТ МУХ, КОМАРОВ
И ПРОЧИХ НАСЕКОМЫХ!**

Когда все вышли из каюты на палубу, я достал шашку из чемодана, поставил её на пол, и, чиркнув спичкой, поджёг.

Из шашки показалась струйка зелёного дыма.

«Ага!» — радостно подумал я.

В шашке что-то затрещало.

«Разгорается!»

Я задвинул шашку в угол, откуда особенно часто вылезали тараканы.

Зашипев, она выбросила густую струю дыма.

В каюте сразу запахло аптекой. Защипало глаза.

Дневной свет померк.

Упав на колени, я пополз к выходу.

На палубе уже заметили дым.

— Что с тобой? В чём дело? Пожар?!

Из дверей каюты клубами валил дым.

Минута — и палуба скрылась в тумане.

Раздался кашель.

Шхуна окуталась густым зелёным облаком.

Ап-чхи!

За борт с шумом свалилось чьё-то тело.

СПАСАЙСЯ КТО МОЖЕТ!

Я бросился в воду последним.

Отплыв метров на двадцать, оглянулся.

Шхуна стояла, окутанная ядовитым зелёным облаком. Из облака торчала одна мачта.

В воде чернели головы команды. Раз, два, три, четыре, пять, шесть... А где моторист?

Через час, когда дым улетучился, мы вернулись на шхуну.

Я немедленно полез в каюту.

Вот где, наверное, побоище! Страшное дело — горы тараканьих трупов!

Первое, что я увидел, были два зелёных от дуста таракана. Они сидели на столе и грызли хлебную корку.

Из машины раздался стук. Моторист тоже был жив.

КАК МНЕ ПОПАЛО ОТ МАРЛЕНА

Ох и попало же мне от Марлена!

Я ВИЖУ ЧТО-ТО НЕПОНЯТНОЕ

Вечером я опять спустился с аквалангом — посмотреть закат под водой.

Заката я не увидел.

Подводный мир был объят какой-то непонятной тишиной. Света становилось всё меньше и меньше. Рыбы исчезли.

И вдруг я заметил прямо под собой здоровенное чёрное пятно. Со стол величиной. Наверное, камень...

Затем посередине пятна появились две дыры. Появились и исчезли. Как чёрные пузыри. Появились — лопнули. И опять появились.

Я отплыл на всякий случай в сторону.

Когда я оглянулся, то на том месте, где только что чернело пятно, стоял жёлтый столб мути.

Муть осела. Затаив дыхание, я вернулся на старое место.

Чёрное пятно исчезло.

ЧТО ЭТО БЫЛО ТАКОЕ?

ВЕНЯ ПРЕДПОЛАГАЕТ...

Когда я рассказал про чёрное пятно, никто не засмеялся.

Капитан пожал плечами.

— В море всё может быть,— сказал он.— Одних рыб сколько!

Марлен кивнул.

— Я не хотел говорить,— сказал Дима,— но дня три назад у берега я тоже видел что-то вроде громадной камбалы. Такая рыба — сам себе не поверил!

Веня задумчиво смотрел на нас.

— Знаете,— сказал он,— в библиотеке Академии наук я читал древние книги о морских змеях. И есть люди, до сих пор убеждённые в том, что морские змеи действительно существуют.

Кая зло посмотрела на него.

— Спасибо,— сказала она.— Первым они сожрут тебя...

НА СОРОК МЕТРОВ

— Что, если камни с отпечатками скатились на середину бухты, на самую глубину?

Мы уже знали: посреди бухты — впадина. Сорок метров.

— Надо искать и там.

Это сказал Марлен.

И время пришло, Марлен опускался на сорок метров.

Он стоял на палубе в голубой майке, голубых ластах, с аквалангом за плечами.

Поднятая на лоб маска блестела, как лягушачий глаз. Всплеск — и Марлен ушёл в воду.

За ним, в жёлтой майке и жёлтых ластах, свалился Дима. Я с трубкой и маской сошёл в воду последним.

Кая уселась на борт. У ног её, как всегда, стояла сумка с красным крестом.

Мы плыли в три этажа.

На поверхности плыл я. Из трубки, торчавшей над моим затылком, фонтанчиком вылетала вода.

На глубине десяти метров держался Дима. Он двигался, как жёлтый краб, едва перебирая руками и ногами.

Ниже всех, у самого дна, шёл Марлен. Его не было видно. Только иногда в глубине вспыхивали голубые зайчики — солнечные лучи, отражённые от ласт.

За Марленом и Димой, шипя, поднимались белые гирлянды пузырей.

Через двадцать минут мы подплыли к борту.

— Камней нет, — сказал Марлен. Он дышал тяжело, как кит.

ГРОТ «МАШИНА»

Мы целый час сидели на борту, свесив ноги, и отдыхали.

Потом Марлен спросил:

— Видишь пар?

Напротив шхуны из узкой расселины в скале вырывалось белое облачко.

— А может, это не пар?..

— Посмотрим?

Я кивнул. Недалеко, можно посмотреть.

Плыли мы недолго. Вот и расселина. Под скалой тень. Холодина — брр!

Волна, идущая с моря, складывалась здесь с отражённой от стены волной. Мы заплясали на воде, как пробки.

До расселины было рукой подать. Она оказалась низкой пещерой, гротом, в который свободно входила вода. Улучив минуту, Марлен проскочил в грот, а вслед за ним и я.

Осторожно раздвигая руками ледяную воду, мы держались на месте. В глубине грота чернело отверстие.

Крадучись, в грот вошла пологая волна. Она подняла нас, затопила отверстие, и тогда из-под воды с шумом вырвалась струя сжатого воздуха.

Пшш-ш! Ш-ш-шшу!

Так вот оно что! Мы дождались следующей волны, и в лица нам снова ударила холодная струя. Отверстие в глубине грота вело в небольшую камеру. Вода входила в неё, сжимала воздух, и тот с силой вырывался наружу.

Пшш-ш! Точно как пар из машины!

Марлен показал мне жестом: НАЗАД!

Я поплыл за ним. Со шхуны за нами следили.

— Ну как? — спросил капитан. — Видели?

— Видели.

— Ну и что?

— Как что?.. Ничего.

— Паровая машина — вот что. — Капитан сурово оглядел нас. — Десять лет работает. И никто, хлопцы, не знает — как.

Марлен посмотрел на него. Капитан и глазом не моргнул.

Я понял: капитан хочет, чтобы там была машина. Чтоб у моря была ещё одна тайна. Пусть будет так.

ЧП

Пока мы плавали, на шхуне случилось чрезвычайное происшествие — ЧП.

Веня и Кая поссорились.

Ко всем женщинам Веня относился свысока. И к Кае тоже.

Когда мы с Марленом были в гроте, он затеял мытьё пробирок. Мой себе на здоровье!

Но ему помешала санитарная сумка Каи. Она стояла рядом с пробирками.

Веня отодвинул сумку в сторону. Сумка упала. Кая поставила её на старое место. Звякнуло стекло.

Веня крикнул.

Кая подняла бровь.

Веня отодвинул сумку ногой.

Тогда Кая молча поднялась, сгребла Веню в охапку и, не раскачивая, бросила за борт. Как ядро...

— Почему ты такой мокрый? — с удивлением спросил Марлен, когда мы вернулись из грота.

— Он купался,— мягко сказал Дима.

— В штанах?

Марлен пожал плечами.

Я ПРИДУМАЛ

Мы плавали в бухте уже десять дней.

На ногах у нас были лиловые синяки от ласт. Плечи гудели. Мы не справлялись. Бухта была очень велика.

Вечером Марлен нацарапал карандашом в блокноте какие-то цифры.

— М-да...— заявил он.— Если так искать, надо ещё двадцать дней. Почти месяц!

В кубрике воцарилась тишина.

Все сосредоточенно думали.

— Двадцать, а у нас еды всего на пять. И потом, ведь шхуна нужна другим. Нам её больше не дадут.

Тут у меня зачесалась нога и запершило в горле.

— К-гхе!

Мне в голову пришла сумасшедшая мысль:

«А ЧТО, ЕСЛИ...

...что, если прицепиться на буксир и плыть за шхуной. А? Ведь здорово? Ведь быстро? Можно успеть и в пять дней...»

Я выпалил это вслух.

Веня фыркнул.

Дима покачал головой.

— Оборвёт! — сказал капитан.

Только Каю моё предложение привело в восторг.

— Вот хорошо! — сказала она. — Я хочу на буксир. Действительно, захотели полморя изучить за десять дней! Знаете, кто вы такие? СУМА-ШЕДШИЕ!

Марлен сказал:

— М-м-м...

НА БУКСИРЕ

«М-м-м...» — это значило, не хватало ещё, чтобы нас учил художник.

И всё-таки Марлен рискнул.

Приготовили буксир — канат с палкой на конце.

Буксироваться решил сам Марлен, напарником он предложил быть мне.

ВОТ ЭТО ЗДОРОВО!

Буксир бросили за борт.

Мы с Марленом прыгнули в воду и уцепились за палку.

«Тригла» дала ход.

Нас потащило.

Вода, такая тёплая и ЖИДКАЯ, превратилась в жёсткий, холодный поток. Он налетел на нас, выбросил из глубины на поверхность, распластал по воде, с силой прижал к лицу маски.

— Ох!

Я вцепился что было сил в палку, втянул голову в плечи, осторожно глянул вниз.

Подо мной со страшной быстротой проносились пронизанные солнечными лучами голубые глыбы воды. Дна не было видно. Какие-то белые, парящие в воде частички стремительно приближались, яркими искрами вспыхивали у лица и так же стремительно уносились прочь.

Руки быстро немели.

На шхуне сообразили, что идут далеко от берега. Они изменили курс.

Из голубой бездны выступили очертания дна. Промелькнули полянки, усыпанные белыми раковинами. Проплыли чёрные знакомые валуны. Розовым ковром потянулось дно, заросшее водорослями.

— Мои руки!..

Палка, за которую я держался, повернулась, прижалась к канату, придавив пальцы. Я выпустил её и, беспомощный, с маской, сбитой на ухо, забарахтался в остановившейся воде.

Вынырнув и сорвав маску, я увидел невдалеке от себя голову Марлена. Поодаль шхуна описывала широкий полукруг, направляясь к нам.

Нас подняли на борт.

Оказалось, что первым оборвался Марлен. Широкоплечий, он грёб воду, как плуг, и устал раньше меня.

Как хорошо иметь узкие плечи!

КТО ТОЛКНУЛ МЕНЯ ЗА БОРТ

Когда я стоял на палубе и сдирал с головы маску, ко мне подошёл Дима.

— Молодец,— сказал он,— здорово придумал... А знаешь, кто толкнул тебя в первый день?

— Кто?

— Мы все. Предложил я. Кая и Веня толкнули. Нам хотелось посмотреть, какой ты.

Какой я!

— Пустяки! — ответил я Диме. — А что, если вместо палки на конце буксира сделать петлю?..

ОТЧАЯНИЕ

На буксире за шхуной мы в два дня осмотрели всю бухту.

Камней с отпечатками не было.

«Тригла», как паук, сновала взад-вперёд. Тёмный след её винта паутиной ложился на поверхность моря.

Всё напрасно.

Подозрительными на дне были только те чёрные глыбы, около которых я едва не утонул, добывая иглу.

Мы по очереди облазили их. Осмотрели поверхности. Поковыряли ножом. Камни как камни.

Единственным человеком, который ещё не видел камней, была Кая.

ПОЛОСКИ КВАРЦА

Мы сидели понутив головы.

Марлен сказал:

— К чёрту! Камней не найти! Они рассыпались в прах.

Дима крикнул.

Капитан почесал живот.

— Значит, конец, — рассудил он. — Завтра домой!

КАК ЖЕ ТАК?

Я хотел было сказать: «Может, ещё поищем?» — но меня опередила Кая.

Она с громом отодвинула ящик, на котором сидела, и подошла к аквалангам.

С лязгом нацепила на себя баллоны. Нахлобутила на лоб маску. Села на борт.

Шхуна качнулась.

Выпуская тучи пузырей, Кая ушла на дно.

Марлен угрюмо смотрел ей вслед.

Прошло полчаса.

Море было как зеркало. Солнце бронзовым жуком ползло вверх по горному склону.

Белая дорожка пузырей протянулась от берега к шхуне.

Вода раскололась. Из воды, фыркая, как тюлень, вылезла Кая.

Она грузно перевалилась через борт и стала перед Марленом.

— Ну как? — спросил Марлен. — Нашла?

— Нет.

Кая выжала волосы, и жёлтые струйки побежали по её плечам.

— Но я, кажется, знаю, где они, — просто сказала она.

И тут я не выдержал. Я вспомнил свою догадку. Когда Веня сказал, что камни выветриваются, я...

— У меня тоже есть мысль!

— Я тоже думал... — нехотя сказал Марлен. — Да разве...

Он не договорил.

— А ты? — обратился он к Диме.

Дима пожал плечами.

Марлен вытащил блокнот и вырвал из него пять листов.

— Вот, — сказал он. — Пусть каждый напишет, что он думает.

Огрызком карандаша мы написали, каждый на своём листке, ЧТО МЫ ДУМАЕМ.

Марлен собрал бумажки.

— Константин Федотович! — позвал он капитана. — Слушайте.

И он прочёл бумажки вслух:

Камни могут лежать
откопавшим выш. уаа.

А если он выш. изюм?

Без подписи. Так написать мог только художник...

Что, если перевернуть
камень? Дима.

Мы ищем ке-тан.
Вене.

— Ценное замечание!.. И вот моя.— Он показал последнюю бумажку, на которой был нарисован такой значок:

8

— Я знаю,— сказал Дима.— Это корректорский знак. Он означает: перевернуть букву или рисунок. Марлен кивнул.

— Вся штука в том,— усмехнулся он,— что камни руками не перевернёшь. Поэтому я и молчал. Надо было искать до последнего дня.

Капитан молча наблюдал за нами.

Бумажки его уже не интересовали.

— Переворачивать будем шпилем,— лениво ска-

зал он. — Якорь отклепаем, цепь — за камень, и пошла! А потом...

Он не договорил. Кая, бронзовая и сияющая, подошла к нему, обняла мокрыми руками и звонко чмокнула в щёку.

ВИРА ПОМАЛУ!

Капитан метался по шхуне.

Во-первых, его поцеловали.

Во-вторых, он действительно придумал здорово!

Впервые я видел, чтобы он суетился.

Он сам вытащил на палубу якорь и отклепал его.

Он сам вплёл в свободный конец якорной цепи две петли.

Он кричал на Марлена и Диму. Он объяснял им, как надо ЗАВОДИТЬ за камень эти петли.

Марлен и Дима послушно кивали. Затем они ушли на дно. Выбрать камень.

— Камень нашли — будьте спокойны! — вынырнув, сказал Дима.

Капитан привязал к якорю пеньковый канат и поставил шхуну на якорь около этого камня — около пузырей, которые пускал над камнем Марлен.

В воду опустили якорную цепь.

— Петли заведены! — вынырнув снова, сообщил Дима. — Можно поднимать!

— Пошёл шпиль! — скомандовал капитан.

Затарахтел мотор, и круглая тумба шпиля начала вращаться. Цепь, полязгивая, выходила из воды и обвивалась вокруг тумбы ровными кольцами.

Вот она натянулась.

— Вира помалу! — сказал капитан.

Это значило: «Тяни наверх».

И мотор потянул.

Шхуна накренилась. Шпиль, повизгивая, сделал три оборота и остановился.

«Ну и камень!» — подумал было я.

И тут что-то случилось. Шхуна качнулась и выпрямилась. Цепь глухо стукнула о борт. Шпиль легко завращался.

— Оборвало! — с досадой промолвил капитан.

Со дна поднялись облака рыжей мути и пузырей.

Вместе с пузырями всплыли головы Марлена и Димы.

Руками они что-то поддерживали в воде.

— Идёт! Идёт! — закричала Кая.

Из воды медленно вылез обломок скалы. Одна грань его была чистая и блестящая.

— Раскололся! — довольно пробормотал капитан. — Камень сломали! А?

Камень со скрежетом перетащили через борт и бережно положили на палубу.

Марлен, Дима, мы все сгрудились возле него.

Кая присела на корточки и начала бережно мыть камень.

Веня покорно таскал для неё воду.

— Вот... — неожиданно сказал Дима. — Смотрите!

И он показал пальцем на еле заметные неровности на камне.

Только когда Кая отмыла весь камень, мы увидели: на камне действительно были отпечатки чьих-то больших ЗУБОВ.

МОТОРИСТ

И вот тогда на палубе появился моторист.

До этого я часто думал: какой он?

Наверное, весь чёрный, заросший волосами, с большим носом и могучей грудью.

Как дух из подземной кузницы.

И вот наконец он.

Он вылез из машинного люка. Медленно и торжественно.

Человек как человек... Худенький, с птичьим носиком, тонкими руками и... лысый.

Ни единой волосинки на голове.

— А-а! — сказал он, наклонившись над камнем.
И всё.

Это всё, что он сказал за время нашего путешествия. Сказав это, он подмигнул Кае и снова полез в свою машину.

УРА!

Итак, мы достали камень. Пусть не целый, а только кусок.

Кусок с отпечатками чьих-то зубов.

Неведомый зверь миллионы лет назад в предсмертной судороге сомкнул свои челюсти. Камень сохранил их след.

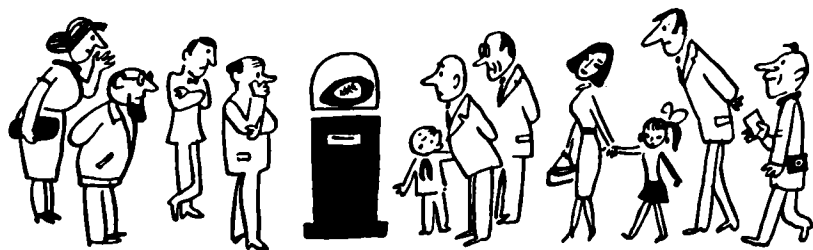
И вот теперь этот след у нас.

Скоро сюда придёт баржа с краном и поднимет все камни.

Камни будут стоять за стёклами в залах музеев, и тысячи людей, удивляясь, будут подходить к ним...

МЫ нашли эти камни!

...Сегодня вечером мы уйдём из Голубой бухты.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

Остаток дня мы решили охотиться.

Охота на рыб с аквалангом — не охота, а избиение. Всё равно что охота на зверей из автомашины или с вертолѐта.

Настоящие охотники на земле вымерли. Они остались только в воде. Это мы — пловцы без аквалангов, но в масках и с копьями.

У нас было два копья и Марленово ружьё.

Бросили жребий.

Одно копье досталось Диме, второе — Вене.

— Не плачь,— сказал мне Марлен.— Поплывёшь со мной.

Он плюхнулся в воду и поплыл, держа перед лицом свою машину, заряженную гарпуном.

Я был сзади. У меня в руках была сетка для добычи

ОХ И НАБЬЕМ ЖЕ МЫ РЫБЫ!

Но скоро я понял: ЭТО ружьё не для ЭТОЙ бухты.

Для марленовского гарпуна вся здешняя рыба — мелочь.

Мы плавали битый час.

Мне надоело.

Но Марлен не сдавался.

И нам повезло.

СКАТ

Я отстал от Марлена, а когда догнал, то увидел — Марлен нырнул.

В светло-голубой воде он казался розовым великаном. Он висел вниз головой и старательно в кого-то целился.

Я подплыл ближе.

Прямо под Марленом раскинулась на песке громадная рыба. Чёрный ромб с тонким, как плеть, хвостом. Скат!

Он мне показался величиной со стол.

Ба, да ведь это то самое чёрное пятно, которое когда-то испугало меня!

Скат лежал на песке, широко раскинув плавники-крылья и едва шевеля хвостом.

Два отверстия на голове — брызгальца — закрылись и открывались. Скат дышал.

Время от времени он рылся мордой в песке. Вот кто мог откопать наш якорь!

Я заглянул Марлену в лицо.

Он смотрел на ската как зачарованный. Ружьё в его руках ходило вверх-вниз, вверх-вниз.

Сейчас он будет стрелять!

У ската на хвосте есть зазубренный костяной шип. Раненый скат может нанести этим шипом жестокий удар. Значит, Марлен будет бить наверняка.

Мне не хватило воздуха, и я на секунду всплыл.

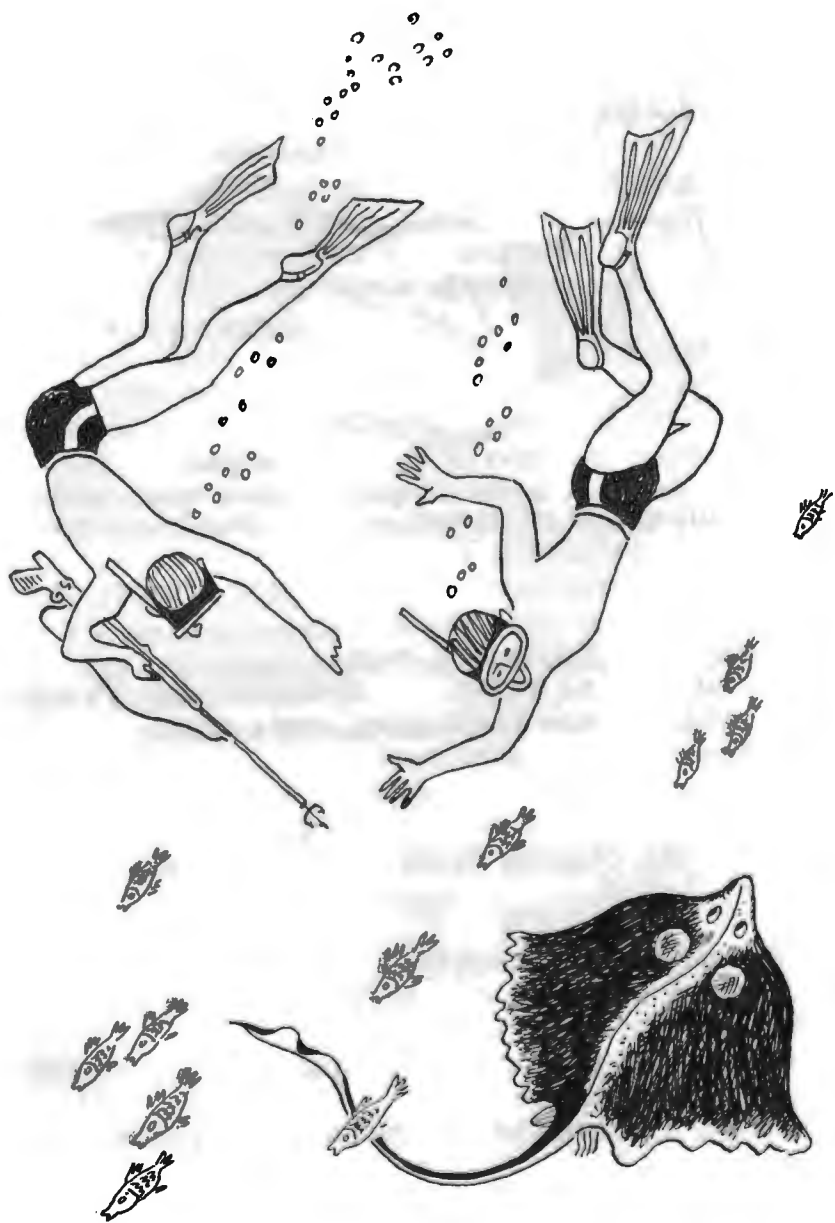
Когда я вернулся под воду, скат медленно уплывал. За ним — Марлен.

Скат делал редкие взмахи крыльями и шёл как тень. Над самым дном.

Рыжие лохматые водоросли послушно склонялись перед ним.

Марлен с тяжёлым ружьём, нацеленным на ската, плыл позади.

Вот скат остановился.

Теперь или никогда!

Марлен направил стальное остриё гарпуна на голову ската и вдруг, что-то решив, махнул рукой.

Движение испугало рыбу.

Скат резко сорвался с места.

Его громадные плавники поднялись, и он в один взмах очутился далеко от нас.

Он уходил, как огромная чёрная птица. Он то парил над морским дном, то взмахивал крыльями и удалялся всё дальше и дальше.

Мы вынырнули.

Марлен тяжело дышал.

— Что ж ты, а?.. — начал было я, но взглянул в глаза Марлена и осекся.

Я впервые видел у него такие глаза.

В них были восхищение и зависть. Замечательный пловец, он завидовал рыбе.

— Хочешь? — спросил он и протянул мне ружьё.

Я взял наперевес эту стальную махину с туго взведёнными пружинами и хищно заточенным гарпуном.

Около шхуны я прицелился и выстрелил в круглый коричневый камень на дне.

С коротким стуком гарпун рассек его пополам.

ДОМОЙ

Качаясь на волнах, точно утка, «Тригла» возвращалась домой.

Был вечер.

По небу плыли красные перья облаков.

Тяжёлый воздух дрожал над чёрными зубцами гор.

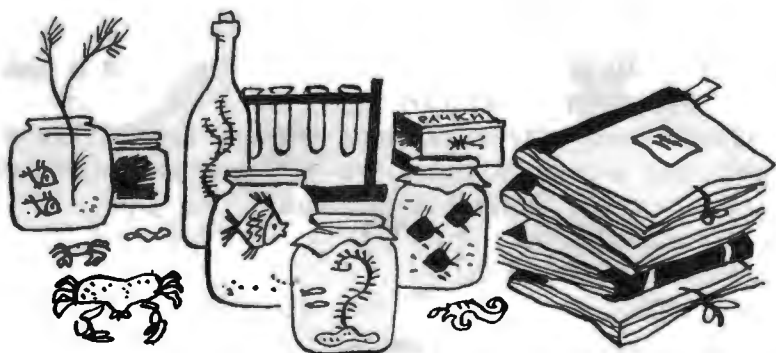
Мы сидели на палубе и слушали, как поёт Кая. Она пела без слов:

— А-а-аа-аа-а!..

Здорово! Вечер. Закат. Песня. И мы.

Это мы набили каюту до потолка банками с водой,
водорослями, рачками, рыбами.

Мы исписали четыре толстых журнала.

Мы за двенадцать дней ни разу всерьёз не поссорились и не пожелали друг другу зла.

НИЧЕГО, ЧТО У МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ НИ
ОДНОЙ КАРТИНЫ.

«Тригла», покачиваясь, шла вперёд.

Небо потемнело, и у горизонта зажглась зелёная
закатная полоса.

Мы уходили всё дальше
и дальше

от Голубой бухты,
на дне

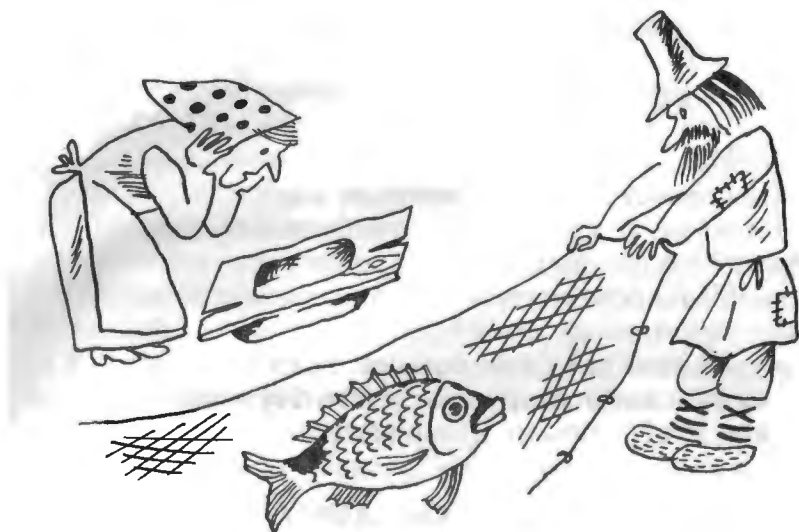
которой

лежали

наши

камни.

ТРЕПАНГОЛОВЫ

ЖИЛ СТАРИК СО СВОЕЮ СТАРУХОЙ

Однажды я сделал рисунки к сказке о рыбаке и рыбке.

— М-да,— сказали в редакции, где я работал,— ну и рыбак у вас получился! Не рыбак, а молотобоец. И старуха тоже — прямо борец. А это что — корыто?

— Корыто.

— Корыто лучше. Это рыбка?

— Рыбка.

— Рыбка хорошо. Вы её по памяти рисовали?

— По памяти. Это черноморский карась-ласкирь. Видите, на хвосте у него чёрное пятнышко? Я рассказал все ласкирьи приметы.

— Э-э, батенька,— сказали мне,— какие у вас знания! Так, может быть, вам не старух надо ри-

совать, а рыб? Может, вам съездить на Дальний Восток? Там готовится книга «Морепродукты». Попробуйте её иллюстрировать.

— Что ещё за морепродукты? Консервы?

— Нет, животные. Рукопись пока не поступила. Во Владивостоке её пишут для нас двое учёных — муж и жена. Им уже сейчас требуется художник. Так поедете?

— Раз посылаете, — сказал я, — придётся ехать. А как будет со сказкой?

— Не пойдёт. Вы только вслушайтесь: «Жил старик со своею старухой...» Это Пушкин. Музыка! А у вас что? Корыто. Да рыбка.

СОБИРАЮСЬ В ДОРОГУ

Дома меня ждали сестра Зина и мать.

— Как — ехать? Да ещё на Дальний Восток? — всполошились они.

— Вот так. Посылают.

— Это же так далеко!

— Тихий океан... Мой чемодан не видели?

Начали собирать меня в дорогу.

— Альбом, краски, карандаши, — бормотал я.

— Галстук! — предупредила сестра.

Галстук я потихоньку вытащил.

— Батон и кусок плавленого сыра. Я завернула его в тряпочку, — говорила мать.

— Фотоаппарат, катушки с цветной плёнкой...

— Ложка, стакан, соль...

— Босоножки...

— Стоп! Зачем мне босоножки?

— Как зачем? Сейчас лето, все ходят в босоножках.

— Но ведь это ДАЛЬНИЙ ВОСТОК! ОКЕАН. ОСТРОВ!

— Ну и что же?

Зина положила босоножки рядом с плавленым сыром.

— А бокс? — вспомнил я.

— Какой бокс?

— Водонепроницаемый, для аппарата. Такая жёлтая камера с ручками.

— Она лежит в ванной.

Я принёс бокс и тоже уложил его в чемодан.

Теперь, кажется, всё.

У меня получилось всего два места: тяжёлый чемодан и лёгкий альбом для рисования. Широкий большой альбом — пупырчатые ватманские листы.

Потом я поехал на аэровокзал и, к своему удивлению, купил билет на тот же день, на вечер.

Мы начали прощаться.

— Коля, ты ничего не забыл из нужных вещей? — спросила мать.

— Ничего.

— А если пойдёт дождь?

— Сейчас лето.

— А вдруг?

Зина протянула мне свой зонтик. Я отстранил его.

Я подошёл к вешалке и снял плащ. Старый, поношенный плащ. У него был такой вид, будто он объездил весь земной шар.

Все моряки носят плащи. В плащах бьют китов и открывают новые земли.

— Коля, не ленись писать. Обещай присылать письма.

— Мама, это же далеко. Будем обмениваться телеграммами.

— Ну хорошо. Только пиши все подробности. Нас интересует каждая мелочь. Вдруг с тобой случится несчастье. Не вздумай скрывать от меня правду!

В САМОЛЁТЕ

От Ленинграда до Хабаровска лететь не так уж и долго.

Я уселся на своё место, сложил на животе руки и стал думать.

Несколько лет назад я плавал на шхуне «Тригла» по Чёрному морю. Там я впервые опустился под воду.

В Чёрном море ласковая прозрачная вода. От аквалангиста, когда он плывёт под водой, во все стороны исходит сияние. Это отражаются от его тела солнечные лучи. На Чёрном море вся вода пронизана солнечными лучами.

Плывёшь, над головой гнётся ломкое стекло — колышется поверхность моря. Внизу дымится лиловая глубина...

Вот я плыву, вытянув руки вдоль тела. Внизу дно — фиолетовое, поросшее кустиками цистозир. Подо мной на камне лежит ёрш-скорпена. Золотой ёрш — в жёлтых причудливых пятнах. Вся голова в выростах-веточках. Завидя меня, ёрш снимается с места и начинает всплывать. Он приближается, растёт и становится большим, как собака, прижимается мордой к моей ноге и начинает толкать её...

Толк! Толк!

Я просыпаюсь.

Я сижу в кресле, вытянув ноги в проход между креслами.

Девушка-стюардесса осторожно носком туфли отодвигает мою ногу в сторонку.

Я говорю: «Простите!» — и начинаю устраиваться поудобнее. Откидываю кресло — плохо. Наклоняюсь вперёд — ещё хуже. Сваливаюсь набок.

Некуда деть ноги!

Я снова вытягиваю их в проход. На них тотчас же наступает какой-то пассажир.

ЧТО ЕМУ НЕ СИДИТСЯ?

Я заталкиваю ноги под переднее кресло. Пробую убрать — ноги застряли. Я потихоньку расшнуровываю ботинки и вытаскиваю по очереди: сперва ноги, потом ботинки.

Наконец я укрепляю перед собой столик, достаю блокнот и карандаш. Начинаю рисовать. Я рисую самолёт, девушку-стюардессу, аквалангиста, от ко-

торого исходит сияние, и пятнистого ерша-скорпену. Потом я рисую МОРЕПРОДУКТЫ. Они похожи на людей — с бородами, в масках, очень таинственные.

ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

От Хабаровска до Владивостока я доехал поездом.

На вокзале меня встретили учёные — муж и жена. Те, что пишут книгу. Он был большой и шумный, она — тихая и маленькая. Оба в очках и с портфелями.

Мы шли по владивостокской улице.

— Морепродукты? О-о-о! — кричал на всю улицу учёный-муж. — У них огромное будущее. Мировой промысел нерыбных уже достиг пяти миллионов тонн. Из них моллюсков — три миллиона, ракообразных — миллион. Десять лет — и рыбы останутся позади. Правда, Лиза?

Учёная-жена кивнула.

— Моя фамилия Букин! — продолжал кричать он. — А это Лиза. Зовите нас так.

Он бросился на мостовую и остановил такси.

Мы поехали в институт.

В институте вдоль стен стояли стеклянные шкафы. В каждой комнате было много столов. За столами сидели сотрудники и что-то писали.

— Из морепродуктов Дальнего Востока нас больше всего интересуют... Вы записываете?

Я достал блокнот.

Букин подвёл меня к стеклянному шкафу.

— Вот они. Трепанг... Ещё трепанг... Морской ёж. Мидия. Устрица...

— Я ел устрицы...

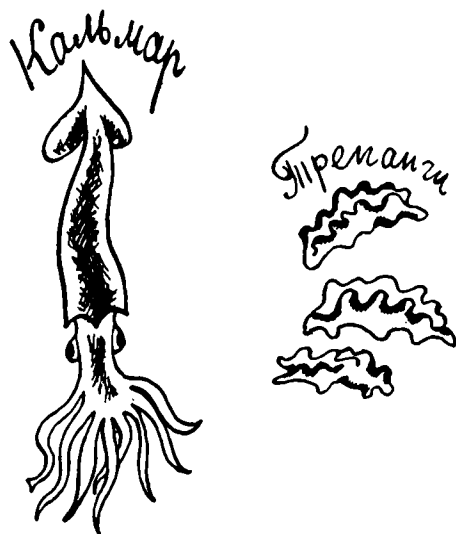
— Раковина трубача. Водоросль анфельция, осьминог и...

— Кальмар, — подсказала Лиза.

— Конечно, кальмар. Но лично я уже много лет

работаю над изучением трепангов. Трепанги съедобны и, как утверждают японцы, целебны. У трепангов интересное строение. Полюбуйтесь на них. Красавцы!

Трепанги в шкафу были похожи на чёрные капустные кочерыжки.

— Не забудь, что товарищу надо успеть на катер,— сказала Лиза.

— Я помню. Всех, кого я назвал, вы должны нарисовать в книге. В ней будут рисунки и фотографии.

— Я взял аппарат.

— Прекрасно. А мы всё устроили: вы будете жить на острове Попова. Там рыбокомбинат, приветливые, знающие рыбаки. Ловят они не рыбу, а морепродукты. То, что нам нужно. Морепродукты...

— Прошу вас,— сказал я,— не повторяйте так часто это слово. У меня от него мороз по коже. Лиза рассмеялась.

— До свидания,— сказала она.— Катер ходит от городского причала два раза в день. Не опоздайте.

На остров мы послали письмо. Вас там ждут... Адрес острова? Хорошо, мы сообщим его сегодня в Ленинград.

ОСТРОВ ПОПОВА

Катер был весь белый и закрытый. Только в носу у него был кусочек открытой палубы.

Он шёл, ударяясь носом о волны. Вода взлетала и падала дождём на палубу.

Пассажиры были сухие. Они все сидели внутри, под крышей. Все в плащах и резиновых сапогах. Сразу видно — моряки и морячки.

Я вышел на палубу. Мы проходили маяк. Маленький маяк на конце длинной косы. Волны, которые шли с моря, останавливались около неё.

Город был уже позади. Катер поворачивал, и за кормой двигался порт: мачты, трубы, краны на причалах, жёлтые и серые дома на сопках.

Впереди показалась скала. Она стояла отдельно, одна в море, и была из двух половинок. Одна половинка — задранная вверх, как нос тонущего парохода, вторая — наклонная, как труба.

Громадный остров заслонил Владивосток. Он закрыл от меня причалы, трубы. Одна телевизионная мачта осталась торчать в небе.

Мы плыли вдоль берега.

Через час показался зелёный край нового острова.

— Кто тут спрашивал остров Попова? — сказал матрос, выходя из рубки. — Вам выходить, гражданин.

ТЫ, БАТЮШКА, КТО!

По деревянному широкому причалу пассажиры сошли на берег. Они шли, повизгивая резиновыми сапогами. Только я не повизгивал. На мне были

лёгкие чёрные полуботинки. Я поднял чемодан, взял под мышку альбом и пошёл следом.

Рыбокомбинат начинался у самого причала.

За дощатым невысоким забором стояли вытасщенные на берег катера. Бревенчатые подпорки держали их. Подпорки упирались в смолёные катерные днища. Днища блестели. Берег пах смолой и рыбой.

У ворот комбината дежурила старуха.

Я поставил около неё чемодан.

— Ты, батюшка, куда? — спросила старуха.

— Мне бы начальство найти. Я из города.

— Наниматься пришёл?

— Плавать.

— Ты, случайно, не трепаншшик?

Я не понял.

— Я по казённому делу. Командировочный. Где правление комбината?

— Контора? Вон она.

В конторе моему появлению не удивились.

— Знаем, было письмо, — сказала кудрявая секретарша. — Директор приказал принять и разместить. Жить будете в общежитии, плавать на МБВ-10.

— МБВ — что? — переспросил я.

— Десять. Морской бот водолазный номер десять. Фамилия шкипера Телеев... Клава, где сейчас МБВ-10?

— В море, — донеслось из-за стены.

— Тогда ждите до утра. Вот вам записка в общежитие, к коменданту.

Когда я опять проходил ворота, старуха посмотрела на меня и сказала:

— Нет, батюшка, ты не трепаншшик!.. Комнату снимать будешь? Есть у меня, недорого.

— Не надо.

Я нашёл общежитие. Громадная, с прямой солдатской спиной женщина-комендант прочитала записку, сказала: «Комната, так точно, есть» — и повела меня в конец коридора.

— Только кровать плохая,— объяснила она,— я нам завтра хорошую дам. Вот ваша комната.

Открыла дверь.

Я внёс в комнату вещи, разделся и повалился на скрипучую, шаткую кровать.

В голове у меня ревели моторы, стучали колёса поезда.

Я лежал с открытыми глазами до тех пор, пока из вечерней темноты не выплыла скала, похожая на тонущий пароход. Она заслонила для меня весь мир, и я уснул.

ТЕЛЕГРАММЫ

Утром мне неожиданно принесли телеграмму:

ВОЛНУЕМСЯ КАК ДОЛЕТЕЛ ТЕЛЕГРАФИРУЙ ПОДРОБНО-
СТИ ПОЛЕТА

МАМА ЗИНА

Как они быстро узнали мой адрес!
Я ответил:

ДОЛЕТЕЛ БЛАГОПОЛУЧНО САМОЛЕТЕ ЗАСТРЯЛА НОГА
КОЛЯ

Здесь всё было правда и были подробности.

ПРИВЕТЛИВЫЕ РЫБАКИ

Отправив телеграмму, я пошёл искать МБВ-10.

За забором, около которого я проходил в первый день, прямо на берегу стояли цеха. От цехов в море уходили причалы. Рыбачьи судёнышки побольше и поменьше покачивались около них.

— Где тут МБВ-10? — спросил я.

Мне показали.

В самом конце причала стоял низенький деревянный бот. У него был прямой нос, крыша над моторным отделением и рулевое колесо на корме. На носу лежали два зелёных водолазных костюма и стояли два медных глазастых шлема. Белые резиновые шланги, как змеи, свернулись около них.

На корме стоял матрос. Плотный, невысокий, совсем мальчишка.

— Скажите, не вы будете Телеев? — спросил я его.

Матрос перешёл к носовой каюте и крикнул вниз:

— Володя!

— Что?

— Спрашивают.

— Кто?

— Кто вы будете? — спросил матрос.

— Я, собственно говоря, художник.

— Художник.

— Здесь все художники.

Из каюты на палубу один за другим вылезли три человека. Все они были в ватниках, на одном кепка-блин.

— У меня есть задание, — сказал я. — Директор комбината разрешил...

Человек в кепке сказал:

— Жаботинский, ватник!

Молодой матрос нырнул в каюту, вылез и положил передо мной на причал старую ватную куртку.

— Заводи мотор! — сказал человек в кепке.

Я понял, что это и есть Телеев.

— Я не умею заводить мотор, — сказал я.

Телеев поморщился:

— Я не вам. Заводи!

Моторист уже сидел в машинном отделении. Оттуда слышался лязг, мотор чихнул и взревел.

Я понял, что они уходят в море.

— Подождите, — сказал я. — Я не ожидал, что

исё будет так быстро... У меня нет с собой аппарата. Он в чемодане.

Мотор тарахтел. Палуба под ногами Телеева нетерпеливо вздрагивала.

— Какого аппарата?

— Фотоаппарата. У меня «Зенит-ЗМ». У меня цветная плёнка.

— Глуши мотор! — сказал Телеев.

Мотор захлебнулся и умолк.

— В чём дело? — спросил моторист, высовывая голову из люка.

— Товарищ фоторепортёр. Надо подождать его.

— Я не фоторепортёр, я художник. И потом, мне надо разобрать вещи, привыкнуть. А то сразу так — в море...

— Как хотите. Сегодня — солнце.

— А завтра его не будет?

Телеев пожал плечами. Моторист в люке тоже пожал плечами. Они пожали плечами и переглянулись.

Я сошёл на причал. Моторист скрылся в машине.

Снова запустили мотор, матросы отвязали канат, и катер ушёл.

Он ушёл в море, а я отправился домой.

Да, да, сперва надо осмотреть остров. Надо привыкнуть.

Я взглянул на часы — восемь часов утра.

ОСТРОВА НА ГОРИЗОНТЕ

Я шёл осматривать остров.

Жёлтая дорога вела из посёлка в лес.

Лес был густой, непролазный. Высокая, по пояс, трава росла между деревьями. На деревьях висели, как плети, тонкие суставчатые лианы.

Я шёл по дороге. Справа от меня между верхушками деревьев чернела большая сопка. Слева

шумело море. На верхушке сопки виднелась ровная площадка.

Я шёл по лесу час, второй. Дорога не кончалась и не делала крутых поворотов. Сопка всё время была у меня справа, море — слева. Только тень моя передвигалась: сперва она прыгала позади, потом забежала сбоку и, наконец, появилась спереди.

И тогда я понял, что кружу. Что дорога идёт по острову вокруг сопки и что если я пойду по ней дальше, то вернусь в посёлок.

Я свернул к морю, прямо на шум волн. Они шумели совсем неподалёку, но как только я сделал несколько шагов, то сразу попал в болото.

В невысокой траве лужами стояла вода. Глина не давала ей уйти в землю. Мелкому холодному болотцу не видно было конца.

Я вернулся обратно. Ноги мокрые. Была не была! Махнул рукой и пошёл напролом через лес к сопке.

Сопка была крутая и скользкая. Лес редел.

Несколько шагов, и моя голова поднялась над вершиной.

Вокруг до самого горизонта море! И острова.

Острова были зелёные. Они плыли по морю; приближаясь к горизонту, становились голубыми.

На вершине сопки кто-то выложил площадку из камней. ЗАЧЕМ?

Наверно, задумал когда-то строить дом, заложил фундамент, а брёвна для дома затащить сюда не смог. А может, во время русско-японской войны на этой площадке стояли генералы и смотрели в подзорные трубы, как приближаются к Владивостоку серые японские миноносцы?

Дул ветер, сильный ветер, которого не было внизу.

На юге, в море, стояла розовая полоса тумана.

Я обошёл площадку кругом и начал спускаться по тропинке вниз. Идти было скользко.

ОТКУДА ЗДЕСЬ ТАК МНОГО ВОДЫ?

ДОЖДЬ

На следующий день я проснулся оттого, что кто-то барабанил по стеклу: тук-тук-тук...

Я поднял с подушки голову.

Небо было серое и плоское. С этого плоского неба на землю спускались серые нити. Шёл дождь. Крыши домов блестели. Блестели трава и листья деревьев. Дорога около дома потемнела. Из жёлтой она превратилась в коричневую.

В дверь постучали.

— Кто там?

— Получите кровать.

Я пошёл следом за комендантом в кладовую. Кровати все были с чугунными литыми спинками. Их нельзя было оторвать от пола.

— Тяжесть-то какая!

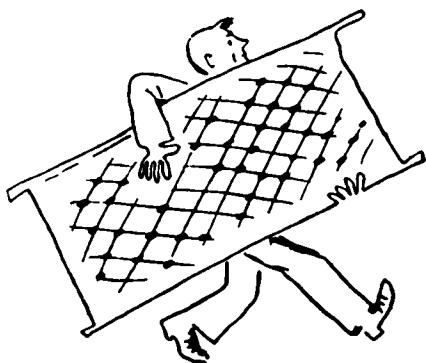
— Позвольте! — сказала комендант и подняла сразу две спинки, как пёрышки.

Следом за нею я потащил кроватную сетку.

В комнате комендант поставила спинки — они стали как вкопанные, — бросила между ними сетку. Сетка с лязгом вошла в пазы.

— Готово, — сказала комендант, — сейчас постелю.

Она привела в порядок кровать, сдёрнула со

стола старую скатерть, принесла новую, сменила в графине воду. Раз-два — и готово.

— Не понравится вам у нас,— сказала она на прощание,— быстро уедете.

— Почему вы так думаете?

— Знаю. Городским всем не нравится. Что тут? Одно кино.

— Отчего же только кино? А природа? Острова кругом интересные.

Комендант посмотрела на меня с недоверием:

— Какие острова?

— Те, что рядом.

— Вы что, их видели?

— Вчера на вершушку сопки лазил.

Комендант вздохнула.

— А вот я там не была. Пятый год на острове и всё не собралась. Всё некогда. То приезжают, то уезжают, то бельё, то кровати... Красивые они?

— Острова? Очень. Все зелёные, а вода вокруг них голубая.

Комендант ещё раз вздохнула.

— Счастливо оставаться! — по-военному сказала она и вышла.

Мне надо было на катер. Я достал из чемодана плащ, надел чёрные полуботинки и вышел из дома.

Дорога раскисла и стала липкой. Она присасывалась к подмёткам. Полуботинки с писком отрывались от глины: чвик! чвик! Брызги летели во все стороны. Ноги тонули в лужах.

Когда я дошёл до причала, мои чёрные полуботинки стали жёлтыми. На катере меня ждали, мы отошли от причала.

К ОСТРОВУ СИБИРЯКОВА

МБВ-10 тарахтел мотором, раскачивался на волнах, неторопливо шёл вперёд. На палубе, кроме меня, был один Телеев. Он стоял на корме за рулём

и смотрел вперёд. Перед ним на машинном люке лежал бинокль.

Впереди был западный берег залива.

С неба падала морось. На люке, на медных водолазных шлемах — всюду были капли. У Телеева промокла кепка. Она была сплюснутая, как блин, и блестящая.

— Скажите, — спросил я, — что мы будем ловить?

— Трепангов.

— А где?

Шкипер пожал плечами.

Ветер был несильный, но с моря шла тяжёлая пологая зыбь. Она лениво раскачивала бот.

Мы подошли к берегу. Здесь зыбь вела себя совсем по-другому. Она выбегала на мелководье, поднималась горой и с рёвом обрушивалась на камни. Вода около берега была мутная и кипела.

Вся команда вышла на палубу.

— Нельзя здесь работать! — сказал Телеев. — Придётся идти прятаться.

— К Сибирякову?

— Туда.

Ко мне подсел один из матросов.

— Можно посмотреть? — спросил он и показал на фотоаппарат.

Прежде чем дать ему камеру, я сам посмотрел через неё на море. В зеленоватом стекле отражались хмурые берега. Шевелилась белёсая горбатая зыбь.

— Сейчас будем проходить кекур Колонну! — сказал матрос. — На ней нерпы живут. Вот она.

Катер проплыл мимо одинокой, торчащей из воды скалы. Она и верно была похожа на колонну. С одной стороны от скалы отходила в море коса. На косе лежало несколько чёрных тюленей — нерп.

Услыхав катер, нерпы нехотя поднялись.

Я взял у Телеева бинокль и стал их разглядывать. У нерп были усаые собачьи морды и блестящие — бусинами — глаза. Кипящая пена подкатывалась под их лоснящиеся бока.

Самая осторожная из нерп сползла в воду.

Катер отвернул, оставил кекур Колонну за кормой и направился к острову Сибирикова. Здесь в тихой, укрытой от волны и ветра бухточке Телеев отдал якорь.

Первым под воду полез он сам.

ПИТОМЗА

За бортом пузырилась вода. Гладкий след, который оставался за водолазом, шёл кругами. Телеев бродил по дну.

— Как танк ходит,— с уважением сказал матрос.

Его звали Володя Шапулин. Пока мы шли к острову, он рассказал мне о команде.

Шкипер катера, он же старший водолаз,— Володя Телеев.

Моторист — Самойлов. Прозвище — Дед.

Матрос — Веня Жаботинский. Второй водолаз — он, Шапулин. И всё.

Команда — четыре человека. Когда много работы, Телеев берёт с собой ещё одного-двух водолазов.

Сейчас работы немного.

— Трепанга стало меньше. Выбрали его,— объяснил Володя.— Надо новые места искать. Раньше, бывало, только спустишься, готово — полная питомза. А сейчас!..

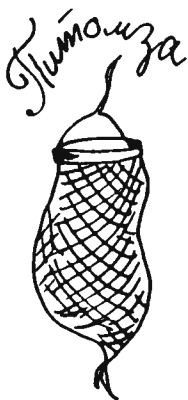
Питомза — верёвочный мешок. В неё собирают трепангов.

Передо мной около телефона стоял Дед. Он был молод, белобрыс и на деда ничуть не похож. Только нос широкий, как у Деда Мороза.

Телеев сделал под водой ещё круг и начал приближаться к катеру.

— Стой! — крикнули ему в телефон.

Пузыри всплывали уже у самого судна.

На дно опустили на верёвке карабин — стальной крючок с защёлкой. На карабине — пустую питомзу. — Готов! — прохрипел телефон.

Верёвку стали тащить.

Из глубины показался серый мешок, набитый чем-то блестящим, коричневым.

Питомзу перевалили через борт, раздёрнули шнурок, которым она была завязана, и из мешка на палубу хлынул поток шишковатых, скользких, похожих на кедровые шишки, червей.

Это были трепанги. Большие — с ботинок, и маленькие — с кулак.

Пустую питомзу, которую опустили на крючке, Телеев снял и оставил у себя.

КАКОЕ ЗВОНКОЕ СЛОВО: ПИ-ТОМ-ЗА!

РИСУНОК

Трепанги лежали на палубе молча. Они шевелились чуть-чуть, почти незаметно.

Шапулин и Веня выпотрошили их, промыли, уложили в бочку. Поверх налили воды.

На палубе стояло три бочки.

Это наша норма, наш план. Ради этих бочек мы и пришли к острову.

Я сунул в бочку руку и вытащил оттуда трепанга. На ощупь он был совсем как резиновая игрушка. Упругие шишечки на его спине торчали во все стороны.

Достал альбом и нарисовал его.

Первый рисунок для книги готов.

ОНИ ОЧЕНЬ РАЗНЫЕ

Домой мы возвращались вечером. Я сидел вместе с Шапулиным на люке. В ногах у нас стояли бочки с трепангами.

— Какие они все разные,— сказал я,— коричневые, жёлтые, пёстрые.

Шапулин кивнул.

— Разные,— сказал он.— Другой раз посмотришь на дне, каких только нет. Вот один с края лежит — совсем чёрный. А говорят, даже белые есть. Мне не попадались.

— Белые как снег?

— Не знаю.

Сегодня Шапулин опускался последним. На нём уже был грубый свитер, штаны, связанные заодно с носками. Он сидел как большая шерстяная кукла. В горле свитер был растянут, и шея из него торчала.

— Я школу после восьмого класса бросил, в техникуме учился,— рассказывал Шапулин.— В сельскохозяйственном. На механизатора. Моторы хорошо знаю. Неделя осталась до экзаменов — уехал. Сюда завербовался.

— Что же так?

— Не знаю, понесло... Здесь мотористом сначала был. Не понравилось: стучит сильно. И всё время внизу, без воздуха.

— А как же ваш Дед?

— Так он настоящий моторист, а я — так.

На палубу вышел Жаботинский. Он потянулся, сделал упражнение — шпагат и полез на рубку набрать из бочки пресной воды.

Из открытого люка кубрика повалил голубой ядовитый дымок. Загремели жестяные кружки. Жаботинский готовил чай.

— Говорят, все животные бывают чёрные и белые,— сказал Шапулин,— даже слоны... Я учиться зимой хочу. Школу, дурак, бросил. Как думаете, теперь смогу?

— Теперь тяжело будет. Не знаю.

— Зимой мы на берегу болтаемся. Я буду стараться.

БАМБУК

Рядом с бочками лежал кусок бамбукового ствола. Настоящее бревно, только пустое и внутри с перегородками.

ЗАЧЕМ ОНО?

Когда про человека хотят сказать плохое, про него говорят: «Бамбук!»

Придя домой, мы стали сдавать трепангов.

— Жаботинский — бамбук! — крикнул Телеев.

Ага!

Но Веня не обиделся, а поднял бамбуковый ствол. У каждой бочки была сверху верёвочная петля. Жаботинский продел бамбук в такую петлю и положил конец ствола на плечо. За второй конец взялись Дед и Шапулин.

Они подняли стокилограммовую бочку. Один конец держали двое здоровых парней, второй — маленький квадратный Жаботинский. Осторожно ступая, они понесли бочку с катера в разделочный цех.

Я вспомнил: Жаботинский — знаменитый силач. Значит, Веня — по праву его однофамилец.

И ещё я понял, зачем на катере бамбук. Тут никакое другое дерево не выдержит.

Дождь лил третий день подряд.

Я сидел в комнате, как в плену.

Дорога превратилась в реку из жёлтой грязи. Лужайки за домом стали чёрными.

Я понял: мне нужны сапоги. Резиновые, высокие, как у всех на острове. Я надел свои раскисшие полуботинки, отправился в магазин.

Магазин стоял на горе. Я лез к нему навверх по щиколотку в грязи, скользил, цепляясь руками за кусты. Жёлтые ручьи текли мне навстречу.

Я ввалился в магазин и прохрипел:

— Сапоги!

Девушки-продавщицы очень удивились:

— Вы это о чём?

— Мне нужны сапоги. Резиновые. Сорок второй размер. Срочно. Высокие, до колен.

— Сапог нет,— ответили девушки.

Ноги перестали меня держать, и я упал на подоконник.

— Поймите,— сказал я.— Приехал издалека. Мне надо всё время ходить. У меня есть босоножки. Но я не могу в них. Я тону в грязи.

— Сапоги все разобрали,— сказали девушки.

— Милые! — взмолился я.— Приехал издалека.

— Катя, поищи, там какие-то ещё есть,— сказала продавщица постарше.

Та, что помоложе, принесла из задней комнаты маленькие резиновые сапожки.

— Только такие,— сказала она,— только детские, на пять лет.

— Мне не пять лет.— Я чуть не плакал.— Мне тридцать четыре года. У меня сорок второй размер!

— Станный вы человек,— сказала старшая.— Сапоги покупают заранее. Вам говорят ясным языком: взрослых сапог нет. Зимой...

Я покачал головой. Зимой меня здесь не будет. Я буду ходить дома по асфальту в галошах...

Стоп! Это идея!

— А галоши у вас есть?

— Сорок первый размер.

— Давайте.

Я заплатил деньги и получил пару блестящих, словно облитых маслом, галош. Примерил их. На полуботинки галоши были малы. Ничего!

Я снял полуботинки и надел галоши. Я надел их просто так, на носки.

Я знал, что спасёт меня. БОСОНОЖКИ. Они меньше, а в крайнем случае им можно обрезать носки.

Пусть никто ещё не ходил в галошах, надетых на босоножки. Я буду первый.

Мне не страшна теперь никакая грязь.

Я вышел из магазина и пошёл самой серединой улицы. Я не шёл, а плыл по грязи. Как Колумб к Антильским островам.

ТЕПЕРЬ ДОЖДЬ МНЕ НЕ СТРАШЕН!

ЛЕСНЫЕ ВОДОПАДЫ

Я шёл по лесу.

Лес был мокрый, сырой. В нём хорошо слышались все звуки.

За мной кто-то шёл следом.

Я сразу заметил это. Шагов слышно не было, но ветки позади то прошумят, то замолкнут. То сзади, то сбоку.

Я остановился и стал ждать.

И тут совсем рядом, под соседним деревом, кто-то как забарабанит. Я — туда. Никого.

Постоял на месте, послушал и понял.

Шумели капли. Маленькие капли воды. Сорвётся капля с самой макушки, упадёт пониже на лист. А там, на листе, другая капля лежит. Сольются они, станет листу невмочь держать их, прогнётся и уронит — уже две капли. А там, ниже, четыре... восемь... И рухнул вниз дробный лесной водопад.

Послушал я и пошёл дальше. Шёл, пока не наткнулся на развалины. Видно, стоял здесь когда-то дом. Только, наверное, очень давно. Тут фундамент когда-то был, здесь — стена... Всё погребено в траве, сквозь пол деревья проросли, водой залит подвал.

Хотел я кирпич поднять, ухватился за него, а он развалился в руке — раскис.

Видно, здесь когда-то самые первые поселенцы жили. Лет двести назад.

Обошёл я развалины кругом. Куст, под кустом сухой кусок стены. На нём кто-то копотью вывел:

ЖИЛ В ЭТОМ ДОМЕ... фамилия неразборчиво и год: 1956.

Вот тебе и двести лет! Всего десять лет, как ушёл человек.

В лесу как в воде: что упало, затянулось травой, плесенью, мхом — утонуло, ушло на дно.

Десять лет — как десять метров глубины: кое-что ещё рассмотреть можно.

Пятьдесят — и следов не найти.

ЕЩЕ РИСУНОК

— Николай, там осьминога привезли! — сказал мне Дед.

— Где?

— На первом причале. На сейнере лежит.

Я схватил альбом и побежал.

У причала стоял малый рыболовецкий сейнер — МРС. На палубе в дощатой выгородке была навалена пластами рыба. Она тускло поблёскивала, как жёсть.

Поверх рыбих приплюснутых тел лежало что-то фиолетовое, в пятнах. Это был осьминог. Он скорчился, застыл и был похож на лянёшку студня.

Вот он какой!

Я спросил рыбаков:

— Можно мне его взять?

— Варить?

— Рисовать.

— Поздно. Мы уже на завод сообщили. Сейчас его заберут.

— Я недолго...

Осьминога вытащили на причал.

Он был вялый, ни одно щупальце не шевелилось. Глаз не было, только по бокам головы две плотно закрытые щёлки.

Я развёл щупальца, присел на корточки и стал рисовать.

На рисунке я сделал осьминога не таким плоским и дряблым.

По-моему, получилось хорошо.

Только кончил, пришли две женщины в ватниках, положили осьминога на носилки и унесли. Он лежал на носилках как пласт. Тело его в такт шагам тряслось и покачивалось.

Итак, ещё один рисунок! Есть ещё одно морское животное.

ПУСТАЯ КОМНАТА

Каждое утро, когда я шёл на катер и проходил ворота, меня останавливала старуха сторож.

— А, это ты, батюшка? Всё ходишь? — спрашивала она.

— Хожу.

— Всё общим житьём живёшь?

— В общежитии.

— А у меня комната пустая...

Старуха вздыхала.

Однажды я не выдержал.

— Бабушка, — сказал я, — не беспокойтесь, мне и там хорошо. А комната вам самой нужна.

— Не нужна теперь, — сказала старуха. — Сын прежде в ней жил.

— Он что — уехал?

— Погиб... Водолазом был... Прошлым летом погиб...

Старуха стояла в воротах и как-то странно, протисительно смотрела на меня.

Я смутился.

— Если кому-нибудь понадобится комната, я скажу. Я обязательно пришлю таких людей к вам, — сказал я. — Скоро мои знакомые из Владивостока должны приехать.

Я сказал и подумал, что Букину и Лизе незачем останавливаться у кого-то на один день.

Просто мне хотелось ободрить старуху. Уж очень невесёлой она выглядела.

ПОД ВОДУ

На катер для меня притащили легководолазный костюм и помпу.

— Только сначала сдашь зачёты, изучишь правила, тебя осмотрит врач, — сказал Телеев. — Чтобы всё было в ажуре. А то отвечай за тебя.

— Отвечать всё равно придётся, — сказал Дед.

Он не очень-то верил, что на Чёрном море я уже опускался с аквалангом.

Для пробы меня опустили на пятнадцать минут около причала, на глубину три метра.

Сначала надели костюм. Он был как детская матрёшка: из двух половинок. Рубаха и штаны надевались на широкое стальное кольцо-пояс. Поверх пояса затягивалось второе кольцо. Половинки соединялись, прижимались друг к другу. Шлем у костюма был мягкий, похожий на капюшон, только с маской.

Меня одели и начали опускать. Опускали постепенно. Вода была мутная. Ничего, кроме обросшей ракушками причальной сваи, я не видел. С моря шла зыбь. Меня качало и ударяло о сваю. Стук головой, стук! Я сразу попросился наверх.

— Написано в инструкции: первый раз держать пятнадцать минут, — ответил по телефону Телеев.

На шестнадцатой минуте меня вытащили.

— Вот теперь можешь опускаться. Снимай и рисуй под водой сколько хочешь! — сказал Телеев. — Самочувствие как?

— Ничего. Сваи у вас что — железные?

— Железные.

— Чувствуется!

ЕЩЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Не успел я прийти домой, как мне вручили новую телеграмму:

ТВОЮ ТЕЛЕГРАММУ ПОЛУЧИЛИ ТЕЛЕГРАФИРУЙ ПОД-
РОБНОСТИ РАБОТЫ

МАМА ЗИНА

Я ответил:

НАЧАЛ СПУСКИ УДАРИЛСЯ ГОЛОВОЙ О СВАЮ

КОЛЯ

«ВИСЮ»

Через два дня я опустился в водолазном костюме в море.

Мы работали у восточного берега острова.

Берег был пустынный.

На нём стояли, как изваяния, каменные столбы.

— На острове Пасхи в Тихом океане есть очень похожие фигуры, — сказал я, — только они изваяны рукой человека, а эти?

— Ветер да море, — сказал Телеев. — Бывает, заштормит, так их водой, как ножом, режет.

Он сидел на перевёрнутом ящике и отдыхал, прежде чем пойти второй раз под воду.

Одели и меня. Я взял фотоаппарат, мешочек из полиэтилена, выждал, когда запустят помпу, проверил телефон, закрыл окошко маски и полез за борт.

Последняя ступенька лесенки. Я шагнул вниз, за окошечком запузырилась вода.

Меня опускали, держа за шланг и сигнальный конец, Шапулин и Жаботинский.

Опускали быстро. Мимо прошёл чёрный катерный борт. Нанискосок в сторону убежал якорный канат.

Из голубой тьмы вынырнуло и стало приближаться морское дно.

Я уже почти касался его ногами, как вдруг дикая боль вошла в уши. Будто в барабанные перепонки кто-то сунул по гвоздю и, проткнув их, стал сверлить мозг. Я закричал.

— В чём дело? — спросил Шапулин

— Стой!

Спуск прекратили.

— В чём дело?

— Уши!..

Меня стали поднимать. Я не чувствовал ничего, кроме боли в ушах. Только когда моё плечо стукнулось о дно катера, боль немного утихла.

— Ну как? — спросили по телефону.

Я молчал.

— Будете выходить?

— Повисю.

Я висел под катером, следил, как притупляется боль в ушах, и раздумывал: как надо говорить — «вишу» или «висю»?

Ни одного правила грамматики вспомнить под водой я не мог.

НАВЕРНОЕ, «ПОВИШУ».

— Давайте опускайте! — сказал я наконец. — Только осторожно.

Потихоньку, с остановками, меня опустили на дно.

Оно было покрыто крупной белой галькой. Кое-

где среди камней росли кустики бурых водорослей. Пучеглазая камбала подплыла и легла рядом.

Она, наверно, первый раз в жизни видела человека.

Я присел на корточки, протянул руку и потрогал её. Рыбина не шевельнулась.

Я поднял бокс с фотоаппаратом, навёл его на камбалу, щёлкнул и сообразил, что не взвёл затвор.

Камбала терпеливо ждала.

Я снял её три раза подряд. Только тогда она уплыла.

ТОТ САМЫЙ ТРЕПАНГ

Кто-то схватил меня за ногу. Я вздрогнул.

Позади зелёной горой стоял Телеев. Через окошки в шлеме было видно, что он улыбается. На берегу или на катере я ни разу не видел, чтобы он улыбался, а тут под водой — пожалуйста!

Я уселся, вытянул ноги и стал фотографировать.

Я фотографировал, как работает водолаз.

Телеев брёл по дну, сильно наклонясь вперёд. Он шёл, как идут против ветра, рывками таща за собой шланг. В одной руке у него была питомза, в другой острый крюк с рукояткой — багорок.

Багорком он подбирал трепангов.

Трепангов было много. Они лежали толстые, шишковатые, припав плоскими животами ко дну.

Телеев подходил, накалывал трепанга, стряхивал его с багорка в питомзу. Мешок волочился за ним, как раздутая от проглоченной добычи змея.

Я пошёл было за Телеевым, но скоро отстал: не сразу понял, что идти надо, почти касаясь телом грунта, почти ложась и глубоко зарывая носки галош.

Каждый шаг давался мне с боя. К тому же я забыл, что меня держит на месте шланг.

— Потравить? — спросил наконец Шапулин.

— Потрави.

Он дал шлангу слабину, и идти сразу стало легче.

Я не захватил с собой багорок и помогать Телееву не мог. Я уселся около якоря. От него отходил вверх канат. Прямо надо мной на этом канате, как дирижабль на привязи, плавал катер.

Я снял его и стал собирать в пластмассовый мешок жителей морского дна.

Их я зарисую на палубе сразу же, как только поднимусь. Пока они живые, пока не изменили форму и цвет.

На камнях сидело несколько бурых актиний. При моём приближении они спрятали щупальца, сжались, замерли и стали похожи на грибы.

Лиловые, с красными пятнышками морские звёзды копошились среди камней.

Из-под одной звезды торчал белый раскисший хвост полусъеденной рыбины.

Я положил в мешок звезду, актинию, несколько трепангов.

Рядом с полусъеденной рыбиной лежал на гальке ещё один трепанг. Он был, наверное, дохлый или больной — бесцветный, желтовато-серый. Я не хотел его брать, но увидел, что шишечки на его спине шевелятся.

Бросил и его в мешок.

— Поднимаем! — сказал Шапулин.

Поднимали меня осторожно, с выдержкой.

На палубе я снял рубаху и привалился спиной к борту.

В ушах потрескивало.

Телеев был ещё на дне.

Он набрал уже третью питомцу.

Я вытряхнул содержимое своего мешка на доски.

— О,— сказал Веня,— белый трепанг!

Я удивился.

Так вот он какой, знаменитый белый трепанг! Очень обыкновенный.

САМОЕ ВАЖНОЕ В МОРЕ

Когда мы возвращались домой, нашёл туман и закрыл берег. Через серую туманную полосу зелёным пятном пробивалась луна.

Бот шёл вдоль туманной полосы.

Мы с Телеевым сидели на палубе. Веня стоял у руля.

— Знаешь, что самое важное в море? — спросил меня Телеев.

— Компас.

— А ещё?

— Карта.

— А если подумать?

— Мотор. Без мотора пропадёшь.

Телеев встал и запахнул ватник.

— План,— сказал он.— Без плана не приходи домой.

Он ушёл в кубрик, оставив меня раздумывать над значением своих слов.

Не выдержав, я полез за ним.

— Так что же,— шёпотом спросил я,— получается? Ерунда? Ведь это не завод, а КАТЕР!

— Не ерунда,— ответил мне из темноты Телеев.— На первом месте план. Дай добычу... Спать-то ты будешь?

— Посижу наверху.

Луна и туман по-прежнему красили море зеленью. Бот поскрипывал и покачивался. Он тёрся бортом о волны, и от этого по палубе растекался слабый, невнятный шум.

Мы пришли на комбинат под утро.

СВАДЬБА

В общежитии было светло, я открыл дверь и не узнал комнату.

Посреди пола чернела яма. Торчали сломанные доски, и в глубине подполья висела паутина.

Кто-то кашлянул. Я повернулся. В коридоре стояли комендант и ещё два человека. Плечистые, в свитерах с растянутыми воротами. Сразу видно — водолазы.

— Извините, товарищ,— сказала комендант,— без вас авария получилась. Говорила я им — на цыпочках. А они — вприсядку.

Водолазы посмотрели друг на друга.

— Разошлись малость,— сказал один.

— Свадьба у нас была. Товарищ женился. Такое дело получилось.

— Вещички ваши я на это время уносила,— сказала комендант.

Я посмотрел на водолазов снизу вверх.

ЕСЛИ ТАКИЕ РАЗОЙДУТСЯ!

— И часто у вас бывают свадьбы? — спросил я.

— Часто.

— М-да. Я, знаете, сам люблю потанцевать. Но, конечно, вальс. А тут, как видно, танцевали всерьёз.

— Говорила им, чертям: легче, легче,— объясняла комендант.— Да разве послушают! Придётся вам мою комнату занять. Не в яме же спать.

— Спасибо,— ответил я и вдруг вспомнил старуху в проходной.— Мне здесь давно хорошую комнату предлагают. Очень спокойная семья. Не танцуют.

— Да бросьте вы,— сказал водолаз.— Мы вам быстро починим. Сейчас чурбачки подложим, доски набьём, покрасим. Денёк-два сохнуть будет, а потом — лучше старого. Пол мы вам теперь в две доски настелем.

— В деревнях на улице танцуют,— сказала комендант.— А тут нельзя: то дождь, то туман... Говорила я им: на цыпочках! Нет дисциплины у людей. Сразу видно — не были в армии!

— И всё-таки я уйду,— сказал я.— Мне там будет лучше.

СТАРИК СО СТАРУХОЙ

Я перетащил вещи к старухе.

— Давно бы так,— сказала она.— Вот твоя, родимый, комната.

Мы вошли в маленькую, очень чистую комнату. В ней стояли кровать и стол.

Стена над столом была вся заклеена фотографиями. На каждой фотографии был один и тот же парень — молодой, улыбчивый, в тельняшке или в бушлате.

— Ваня мой,— сказала старуха и печально кивнула,— как с флота пришёл, так одёжу военную не снимал. Нравилась она ему.

— Видно, вы очень его любили. Вы часто ходите к нему на могилу? — спросил я.

Старуха покачала головой:

— Нету его здесь. В город увезли и нам не показали. Очень они тогда торопились — всё думали, что спасут. Там и похоронили. Только бумажку прислали. На фронте деда моего не убило, а сына тут — без войны... Вон дед идёт с причала, всё катера из города встречает.

К дому по дорожке поднимался старик. Он шёл прямо, не торопясь. Увидел меня в окне, не удивился, а подошёл к крыльцу, скрипнул дверью и — слышно было — ушёл к себе.

— Живи, батюшка,— сказала старуха.— Всё нам веселее... Так ты не трепаншик?

— Художник я.

— И это неплохо. Живи. Старика моего звать Иваном Андреевичем. Ты здоровкайся с ним, он это любит.

Она ушла.

Я остался в комнате, где были кровать, стол и много-много фотографий.

ОКТОПУС ВУЛЬГАРИС

Я шёл вдоль комбинатовского забора.

— Николай! — крикнул кто-то сзади.

Я оглянулся и увидел Лизу, Букина и какого-то солидного мужчину в чёрном берете и очках.

— А-а! — закричал Букин.— Я говорил, мы его быстро найдём. Знакомьтесь!

Человек в очках помахал рукой. Пальцы у него были толстые и вялые, как сосиски.

Я протянул ладонь. Человек вложил в неё две сосиски.

— Очень приятно,— сказал он.

— Это известный кинорежиссёр,— объяснил Букин,— через неделю приезжает сюда его экспедиция. Будут снимать картину про осьминогов. Вы как художник и местный житель можете быть полезны.

Я посмотрел на режиссёра. Его лицо показалось мне знакомым.

— Простите,— сказал я,— мы с вами нигде не встречались?

— Возможно, возможно,— сказал он.

— Постойте... Чёрное море... Взрыв мины для учебного фильма... Рыбы на дне... Ну конечно, это

вы! Помните, наша шхуна подошла к месту взрыва. Я ещё нырял, осматривал дно? Знаете, как мы вас называли тогда — Главным киношником.

— Ах, вот оно что! Припоминаю: был такой фильм. И шхуна, верно, была.

— А вы всё на морскую тему снимаете?

— Да, знаете, поручают. Один фильм удался, второй...

— Товарищ режиссёр снимает почти все фильмы о морских животных, которые делаются у нас, и он часто ездит за границу,— сказала Лиза.

— Так чем я могу помочь? — спросил я.

— Трудно сказать. Пока ясна только общая идея.

Главный киношник кивнул мне, Букин сказал: «Салют!» Они ушли в контору, а Лиза осталась.

— Надо работать,— сказала она.— Покажите, что успели нарисовать. Я привезла вам альбом «Животные Японского моря». Но предупреждаю: животные там невыразительные. Их не рисовали, а срисовывали. Где присядем?

— Все рисунки на катере.

— Идёмте туда...

Мы сидели на палубе, на потёртых нетвёрдых досках. Я доставал из папки по одному рисунку, Лиза смотрела их. На каждом писала два названия животного: по-русски и по-латыни.

— Как будет «осьминог»? — спросил я.

— Октopus вульгарис.

Около нас сидели Телеев и Жаботинский.

Лиза улыбалась. Видно, рисунки ей нравились.

— А это что такое? — вдруг спросила она.

Это был осьминог, которого я нарисовал на причале.

— Октopus вульгарис,— гордо ответил я.

Лиза нахмурилась.

— Зачем вы срисовали мёртвого?

КАК ОНА ДОГАДАЛАСЬ?

— Это безобразие! Видите, закрыты глаза, опали надглазные бугорки.

ВОТ ТАК РАЗ!

— Мм-м... — сказал я. — Он действительно не шевелился, но я думал...

Телеев и Жаботинский смотрели на Лизу открытыми.

— Найдите живого и рисуйте. Лучше всего подсмотрите его под водой. Нарисуйте его так, чтобы он шевелился даже в книге!

— Сдаюсь.

На катер пришёл Букин.

— Хорошо быть художником, — сказал он, взглянул на мои рисунки. — Что ни сделай, всё хвалят. В науке, у нас, брат, не так! Ухабы!

— Неизвестно, где их больше, — ответил я.

СПОР

И мы поспорили. Я сказал:

— Художники — самые несчастные люди на земле. То рисуешь сказки — Бабу Ягу, то копёр, которым забивают сваи. А к чему настоящее твоё призвание, не знаешь. Или узнаешь, прожив полжизни. Вот один художник, говорят, двадцать лет ситец расписывал, горошинки на нём рисовал, а потом вдруг что-то ему стукнуло в голову, полез в горы, выбрал высокую скалу и давай на ней орла выбивать. Зубилом и молотком. Два года в люльке — знаете, в которой маляры работают, — висел. Еду ему в корзинке сверху со скалы спускали. Выбил орла, все посмотрели и ахнули — хороший орёл получился! Он сейчас же на другую гору. Вот так. А в науке всё ясно.

— Что ясно? — возмутился Букин.

— Над чем работать.

— Чепуха, — сказала Лиза. — Каждый учёный — узкий специалист. Попробуй угадай, чем всю жизнь заниматься? Одни занимаются глистами рыб, другие — двадцатиногими рачками. Третьи — движением кальмаров. Переучиваться некогда. Кто сразу

правильно не выбрал, привыкнет и сидит, коптит небо.

— У нас приятель, — сказал Букин, — всю жизнь просидел на рыбьих хвостах. Далеко, шельмец, пошёл — доктор наук!

— Работать надо, а не менять темы, как ты, — сказала Лиза. — Впрочем, когда всё время хвосты да хвосты, тоже плохо...

И она рассказала о страшной силе привычки, которая убивает всё лучшее в человеке и даже в рыбе.

ТОЛСТАЯ ЛУША

Её вытащили сетью тихим сентябрьским утром. Маленькая белужка лежала на дне баркаса, разевая маленький кривой рот.

Ей повезло. Баркас принадлежал биологической станции. Весь улов привезли в Севастополь и пустили в аквариумы и бассейны.

Белужка попала в большой бассейн. Он был круглый, в середине зала. Стены зала были стеклянные. За ними плавали освещённые слабым светом голубоватые рыбыны.

— Белужка! — сказала тоненькая девушка в ватнике, которая пересаживала рыб. — Тебя-то нам и не хватало... Бе-лушка. Лушка-бе!

Девушка была очень молода, любила выдумывать новые слова и прозвища.

Так маленькая белуга стала Лушкой.

Лушка оказалась в бассейне меньше всех. Меньше плоского, с кнутиком-хвостом морского кота, меньше головастых лобанов — кефалей и уж давно меньше осетра, жившего на станции второй год.

Девушка не забыла Лушку. Она приходила каждый день, всегда в зелёном ватнике. Под ватником виднелось то голубое, то розовое цветастое платье. Ведь наверху, в мире, который никогда не видела

Лушка, ярко светило солнце, стояла ещё летняя жара. А здесь сочились из каменных стен на пол холодные капли и мерно журчала вода, взятая насосами с самого дна моря.

Шло время.

Лушка плавала вдоль стенки бассейна — всё вперёд и всё влево, круг за кругом, час за часом, день за днём, месяц за месяцем.

Однажды она заметила, что лобаны, которым случается столкнуться с ней, уступают ей дорогу, и удивилась, почему они раньше казались ей большими.

Лушка совершенно забыла море, леса рыжих водорослей и песчаное дно, на котором так весело было гоняться за серенькими крабишками. Среди людей, беспрестанно толпившихся в зале, она научилась узнавать девушку в зелёном ватнике. Завидя её, Лушка подплывала к краю бассейна и, тыча мордой в цемент, ждала, когда в воду полетят пахучие куски рыбьего корма.

Месяцы складывались в годы. Лушка уже переросла осетра. Потом осётр куда-то исчез. Менялись один за другим обитатели аквариумов, и только Лушка величественно и сонно делала свои круги по бассейну — вперёд и влево. Она превратилась в большую, покрытую костяной бронёй пузатую рыбину.

— Ты теперь настоящая Луша! — сказала однажды девушка, наблюдая за неторопливым движением своей любимицы. — Четыре года здесь. Четыре года... Какая ты стала толстая!

Девушка грустно засмеялась, а маленькая Лушка с этого дня стала Толстой Лушей.

Но однажды, когда Толстая Луша заканчивала свой обычный круг по бассейну, здание станции вздрогнуло. Удар передался бассейну и переполошил рыб.

С этого дня такие удары стали постоянными. Исчезли праздные посетители. Рыб стали кормить реже. Люди, забежавшие в зал, без конца повторяли

слово «война», которое, как и другие слова, ровно ничего не говорило рыбам.

И вот настал день, когда в зале вновь сталолюдно и как никогда тревожно. Люди торопились. Они спускали из аквариумов воду, вычерпывали рыб, уносили их куда-то.

Среди этих людей работала девушка.

Очередь дошла до Луши. Большой сетью её выволокли на каменный пол, подхватили на руки и, как бревно, потащили длинным коридором.

Толстая Луша не билась, а только беззвучно вздыхала, тяжело раскрывая громадный изогнутый рот. Коридор соединял зал с набережной. На набережной у каменных плит тревожно бормотала вода. Из бухты, прощально перемигиваясь фонариками, уходили в море корабли.

Лушу с плеском бросили в воду. Она замерла, словно в растерянности, а затем начала тереться мордой о шершавый камень, обросший чёрными дольками мидий.

Девушка наклонилась к воде и помахала Луше рукой. Та привычно замерла, ожидая корма.

Принесли багор и багром кое-как оттолкнули Лушу от стенки. Поняв наконец, что от неё хотят, она повернулась мордой к морю и робко, нехотя шевельнув хвостом, поплыла.

Она плыла, медленно удаляясь от берега одним и тем же заученным движением — по кругу, вперёд и влево, как плавала много лет подряд.

Ошеломлённые люди молча стояли на стенке и смотрели ей вслед. В тишине послышалось всхлипывание. Это плакала девушка.

Луша плыла, как всегда, у самой поверхности. Тёмные кольца от её движения всё удалялись, и удалялись от берега, пока их не накрыла синяя полоса ряби. Шёл шквал — предвестник приближающегося шторма. Ночью разыгрался ветер. Гудели ревуны на буюх. Всю ночь по бухте сновали задержанные штормом корабли...

Прошли ночь и день.

Вечером к причалу на северной стороне бухты прибило безжизненную тушу громадной рыбыны.

У причала стоял последний уходивший из Севастополя миноносец. На борту его оказался работник станции. Он узнал Толстую Лушу. В её теле зияла рана. Левый бок почти до хребта был рассечён паровым винтом.

Встретясь ночью с кораблём, белуга не смогла уклониться от удара и погибла, так и не сумев выйти из бухты...

Когда Лиза кончила рассказывать, я сказал: — А я знаю, кто была эта девушка. Это были вы? Она кивнула.

СЫН

Я решил, что пора рассчитаться с хозяевами за комнату.

— Бабушка, — сказал я однажды, когда старуха пришла ко мне убирать, — скоро месяц, как я живу.

— Ну и живи.

— Очень мне хорошо тут у вас. Хорошая комната. Тихо.

Старуха походила по комнате, остановилась перед фотографиями и сказала:

— Говорят, Ваня мой, сыночек, на помощь звал, а его не слышали... В город увезли, да так и не привезли обратно, — непогоды сильные в ту пору начались. Кто хоронил, и хоронил ли, не знаем, а у нас только митинг на комбинате был, речи говорили. Старик мой ходил, а у меня сил не хватило... Учительница у соседей живёт, та и сейчас к нам приходит. Очень хорошая женщина, молодая. «Лучше вашего Вани никого не было», — говорит. Любила его, что ли...

Я молчал, не зная, что сказать.

Поэтому сказал ненужное:

— Деньги я вам хочу заплатить за первый месяц. Старуха посмотрела на меня, силясь понять: к чему это?

— Один он у меня был сын, Ваня,— сказала она.

К РЕЙНИКЕ

— Мне очень нужен живой осьминог,— сказал я наконец Телееву.— Ходим, ходим... Всё трепанги да трепанги, а у меня тоже план.

Телеев промолчал.

— К Рейнике идём,— сказал мне на другой день Шапулин.— Там около острова меляк. Трепангов мало, зато осьминог есть. Там живёт. Я, как опускаюсь, каждый раз его вижу.

Рейнике — самый крайний из здешних островов. Он как дерево на опушке леса. За ним — море.

Мы дошли до острова и стали на якорь. Опускался Шапулин.

Его одели, включили помпу. Телеев шлёпнул его ладонью по медной макушке. Шапулин отпустил руки, отвалился от катера.

Дробное пузырчатое облако за клубилось у борта.

К телефону — на связь — поставили меня.

В телефонной трубке было слышно, как шумит, врывается в шлем водолаза воздух. Шапулин скрипел резиной, что-то бормотал. Это он ходил по дну, собирал трепангов.

— Ну как? — то и дело спрашивал я.

Молчок.

И верно. Что «ну как?», когда надо работать.

Шапулин набрал одну питомзу, взял вторую.

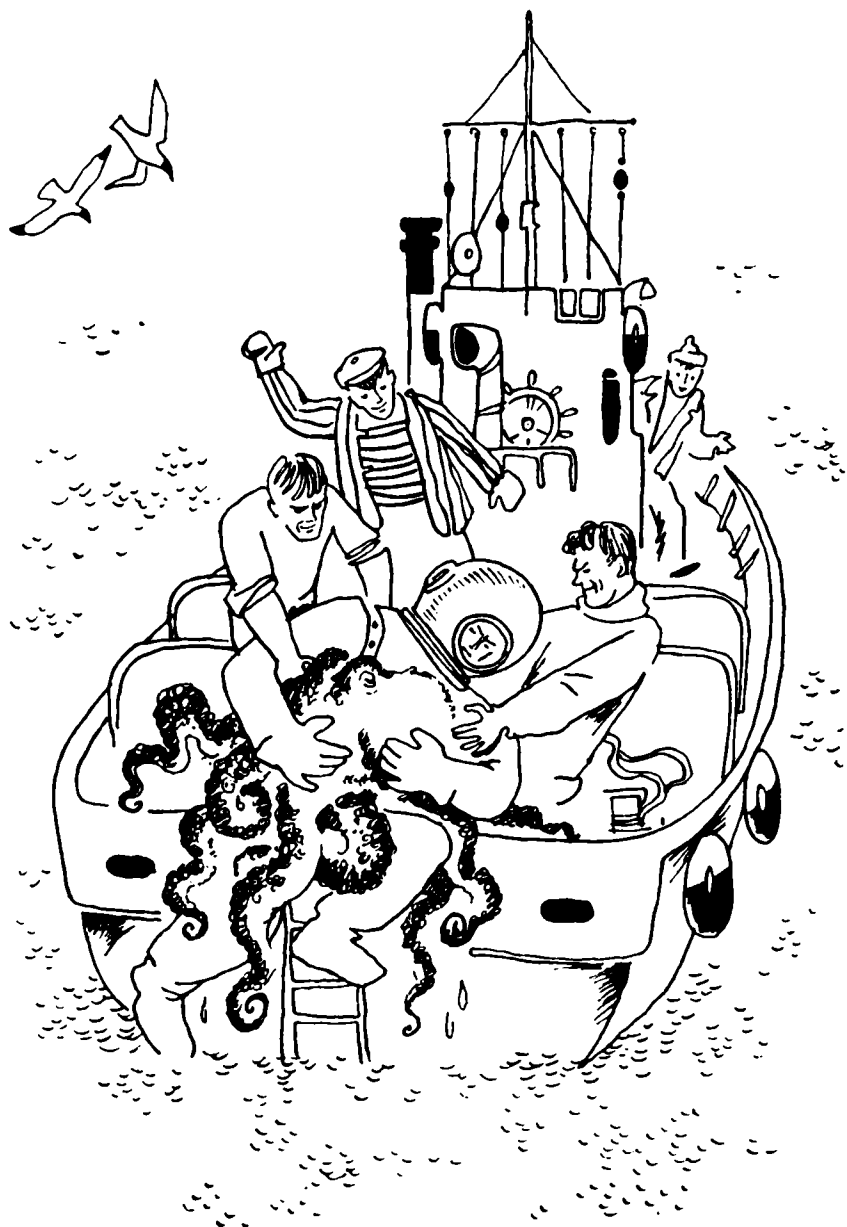
Я по-прежнему стоял у телефона.

Однажды мне послышалось, что он сказал слово «ушёл».

— Кто ушёл? — всполошился я.

Шапулин не ответил.

И вдруг метрах в десяти от катера забурлило.

Пробив медным шлемом воду, показался водолаз. На зелёной его рубаше извивалось что-то красное, бесформенное, ногастое.

— Осьминог! — завопил я. — Осьминог!

На палубу выскочили Телеев, Дед, Жаботинский. Мы стали подтягивать водолаза к борту.

Он стукнулся шлемом о катер.

— Осторожно! — закричал я.

Про фотоаппарат, заряженный чудесной цветной плёнкой, я забыл. Он болтался у меня на шее, как маятник, а я то бросался тащить водолаза, то хватался за осьминога. Осьминогу не хотелось на катер. Он присасывался к борту, к водолазному шлему, к лесенке.

Мы отлепляли его, тащили, кричали.

Наконец Шапулина вместе с осьминогом перевалили через борт.

Осьминог отпустил водолаза и шлёпнулся на доски.

Он был испуганный, красный. Шумно всосав в себя воздух, сгорбился и стал раздуваться, расти вверх. Розовые ноги с белыми кольцами-присосками укорачивались.

Жаботинский выкатил из трюма пустую бочку.

Мы подняли и посадили в неё осьминога. Он зашипел. Из-под крайнего щупальца у него торчала белая трубка. Она то сжималась, то раздувалась. Через неё осьминог дышал, выпускал воздух.

Бочку налили до краёв. Осьминог всплыл, затем снова опустился на дно и там застыл, испуганно тараща из-под воды глаза.

С Шапулина сняли шлем. Он сел рядом с бочкой. Лицо у него было красное и мокрое: здорово устал, пока тащил осьминога.

— Что будем делать? — спросил Телеев.

Я подумал, если нарисовать осьминога в бочке, Лиза опять скажет: «Безобразие!»

— Надо бы его куда-нибудь на мелкое место, в скалы.

— Трепангов наберём и сходим,— пообещал Телеев.— Ты отдыхать будешь? — обратился он к Шапулину.— Раздевайся. Я за тебя пойду.

— Долго костюм снимать. Ладно, я ещё разок.

— Питомца где?

— Около якоря бросил. Найду.

Через несколько минут он снова полез за борт.

ОСЬМИНОГ НА ПАЛУБЕ

Осьминог сидел в бочке.

Он был по-прежнему красный, как варёный рак, тяжело дышал. Там, где торчала вверх его трубочка, то закипал, то гас родничок. Это животное толчками выпускало из себя воду. Я сел около бочки и стал рисовать осьминога по частям: щупальца, глаза, клюв.

Тело осьминога было всё покрыто мелкими серыми складочками. Как будто его посыпали пеплом. Чёрные глаза с белыми веками-шторками полуприкрыты.

Один раз, когда осьминог повернулся, я увидел его клюв, кривой, как у птицы.

Мы смотрели с осьминогом друг на друга. Каждый из нас думал о своём.

Осьминог не ждал от меня ничего хорошего. Это было видно по выражению его глаз. От морщинок, которыми были окружены глаза, взгляд его казался стариковским.

А у меня мысли были весёлые: наконец-то смогу нарисовать!

ДВА БРАТА

Когда две бочки были заполнены трепангами, Телеев сказал:

— Идём к Двум Братьям!

Мы снялись с якоря.

Скалу Два Брата я знал. Мимо неё мы проходили часто. Она лежит как раз напротив комбината.

Добирались туда почти час. Подходили осторожно. С кормы Телеев отдал якорь: в случае чего можно стянуться назад.

Когда нос сел на мель, до берега оставалось ещё метров пять.

Шли по колено в воде. Осьминога нёс Шапулин. Он нёс его, перекинув через плечо.

Два Брата — это два больших камня. Когда-то здесь была одна скала. Потом она развалилась пополам. Между камнями получилась лагуна — тихая и закрытая. Воды по пояс, узкий проход соединяет лагуну с морем.

Проход мы забросали камнями, а в лагуну пустили осьминога.

Он опустился на дно, закрубился и покатился, как облако лилового дыма.

У меня в руках был аппарат в боксе. Пока осьминог полз по лагуне, я прыгал с камня на камень, снимал его. Потом влез по пояс в воду, опустил аппарат и стал снимать из-под воды.

Вода была ледяная.

Осьминог решил проскочить мимо меня. Он поплыл. Он плыл легко, быстро, сокращая и раздувая зыбкое тело, с силой выбрасывая из себя воду. Как ракета. Сложенные плетью щупальца свободно развевались.

Осьминог доплыл до заваленного камнями прохода и повернул обратно.

Я снимал, пока не остался только один кадр. Тогда я загнал осьминога в камни и стал медленно приближаться к нему.

Он снова покраснел, испуганно поднял щупальца, развернул их, как зонт.

Я щёлкнул затвором в последний раз, отвалил камни от прохода и вышел из воды.

Осьминог понял, неторопливо выбрался из расщелины, повернулся и поплыл в сторону моря.

Он уже устал и плыл очень медленно.

Миновав проход в камнях, наклонил туловище, взмахнул на прощание, как плетью, щупальцами и исчез в глубине.

ЧАЙКИ

Мы шли по острову в обход скал обратно к катеру. Шли по галечному пляжу.

Под ногами хрустели остатки морских ежей. Весь берег был усеян ими. Белые известковые скелетики лежали грудками, как черепа.

Над скалой металась чайка. Она криками прогоняла нас. Наконец самая храбрая, не дожидаясь, когда мы уйдём, кинулась вниз к воде, выхватила из расселины чёрного ежа и полетела с ним к скале.

Там она перевернула лапой ежа и принялась клевать его в мягкий, не защищённый иглами живот.

Берег весь был усеян скелетиками. Он напоминал место побоища.

Чайки не только прекрасные белые птицы, которых так любят рисовать художники. Это хищники — ловкие и злые...

Подобрав якорь-цепь, мы стащили катер с мели и ушли к себе на комбинат.

КАК БЫЛО

Я рассказал Телееву, что живу у старухи, у которой погиб сын-водолаз.

— Знал я Ивана, — ответил Телеев. — Вот как дело-то было...

Я записал историю, рассказанную шкипером.

Катер работал в тот день у Рейнике. На якорь стали неудачно. Косу, на которой водились трепанги, проскочили. Когда опустили под воду Ивана, он сразу сказал, что трепангов нет, надо искать, и по-

шёл к берегу. След его пузырей потянулся к мыску. Шёл он точно.

Белый шланг с красной паутинкой телефонного, примотанного к нему провода полз с катера в воду. Шланг шевелился, как змея.

— Потрави! — просил Иван.

Он просил для шланга слабины. В телефоне получалось: по-по-по... Телефон барахлил.

— Починил бы ты его! — сказал мотористу шкипер. — А то случись что...

Моторист принёс из кубрика отвёртку, моток изоляционной ленты, начал искать, где плохой контакт.

— По-по-по...

Больше слабины не было.

— Надо к нему подойти! — сказал матрос.

Моторист возился у телефона.

Шкипер сам спустился в машину, врубил муфту на самый малый ход, вылез и переложил руль на борт.

Нос катера сделал широкий полукруг. Натянутый шланг сразу ослаб.

— Шланг-то у тебя где? — закричал матросу шкипер.

Тот метнулся к борту. Лёгкий, светящийся под водой шланг уходил под катер.

— Стой!

Как ударился шланг о винт, никто не слышал. Удар был очень тихий. Винт беззвучно перерубил резиновую трубку. За кормой вспыхнул пузырчатый родник.

— В воду! В воду! — закричал шкипер.

Матрос понял. Он сбросил только сапоги и в штанах, в рубашке кинулся за борт. Шланга он не поймал. Перерубленный винтом, он успел лечь на дно.

Вытащили отрубленный конец.

На белую резиновую культяпку смотрели с ужасом, расширив глаза.

В спешке одели второго водолаза. Опускался сам шкипер. Он кружил по дну до тех пор, пока под ноги ему не попал лежащий на гальке шланг. Он пошёл по нему и пришёл к обрубку. Торопясь и обливаясь потом, побрёл назад. Прикреплённый к шлангу, на дне лежал человек. Увеличенный водой, он был страшен и неподвижен.

Его подняли и увезли в город...

— Вот оно что... Ну и дело,— сказал я, когда Телеев кончил рассказ.

— Подсудное,— ответил он.— Подходить под мотором к водолазу запрещено. Юлить надо.

Я не спросил, что значит «юлить». Раз человек погиб, о чём спрашивать?

Перед моими глазами стояло наклонное, дымящееся известковой пылью морское дно. Голубой водолаз в раздутом от крика шлеме неподвижно лежал на нём.

ЗАЧЕМ ЖЕ С РУЖЬЁМ!

С Главным киношником мы встретились у магазина. Шёл дождь. Я был в галошах и босоножках.

Он — в блестящих резиновых сапогах.

ИНТЕРЕСНО, КАК ОН ИХ ДОСТАЛ?

— Здравствуйте! — сказал Главный киношник.— Что делаем?

— Рисуем.

— Ах да! Вас зовут...

— Николай.

— Чудесно! А ко мне уже приехали люди. Завтра будем снимать сцену: водолаз с ружьём против спрута. Приходите смотреть.

— Зачем же с ружьём? — удивился я.— Водолазы осьминога вам и так поймают. И снимутся с ним.

Главный киношник посмотрел на меня, как на маленького.

— Как вы не понимаете? У нас научно-художественно-

ственный фильм. У нас сценарий. По сценарию спрут нападает на водолаза. Человека спасает ружьё.

Я пожал плечами. Но раз Букин сказал, что я могу быть полезным, я стал советовать.

— Сделайте так,— сказал я.— Вы наденете водолазный костюм. Водолаз наденет костюм. Спуститесь вдвоём под воду. Водолаз поймает осьминога, отпустит, выстрелит, а вы снимете.

Главный киношник даже улыбнулся.

— Что вы! — сказал он.— Мы сделаем проще. За комбинатом мы выстроили аквариум. Три метра высоты, три метра ширины. Двадцать семь тысяч литров. Нальём пожарными помпами в него воды, пустим осьминога. За осьминогом в аквариум опустится водолаз. Мне обещали дать самого лучшего. Осьминог атакует человека, человек убьёт осьминога, и всё будет в порядке. Просто?

— Не думаю.

— Сразу видно, что вы не работали в кино.

КИНОСЪЕМКА

На другой день в полдень все собрались около аквариума.

Пришло полпосёлка: женщины, дети, рыбаки, водолазы.

Аквариум стоял на самом берегу. Он был высокий, как дом. Настоящая лестница вела наверх. Толстые прозрачные стенки из пластмассы блестели. Пазы в стенках были замазаны красной замазкой. Она пахла грушевым клеем. Я понюхал воздух. Прямо фруктовый сад.

Около аквариума бегали молодые киношники. Они устанавливали осветительную аппаратуру. Пожарники готовили шланги.

Главный киношник и Телеев стояли около самого аквариума.

ЧТО ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТ ТЕЛЕЕВ?

И тут я вспомнил, что для съёмки обещали дать самого лучшего водолаза.

Пожарники развернули шланги, включили помпу и начали качать в аквариум морскую воду. Светлая линия поползла вверх по прозрачной стенке. Стенка затрещала.

— Не лопнет? — спросил Телеев у Главного киношника.

— Не успеет. Мы быстро. Осьминог здесь?

Осьминог сидел рядом, в бочке. За ним специально ходил в море катер.

— Одеть водолаза!

Телееву уже привязывали к ногам медные га-лоши. Свинцовые подошвы ушли в песок.

— Пустить осьминога!

Бочку подняли наверх и опрокинули в аквариум.

Через желтоватую стенку было видно, как осьминог, растопырив щупальца зонтом, медленно опускается на дно.

— Теперь так, — сказал Главный киношник, — будете стрелять, когда я махну рукой.

Мне было жаль осьминога. Телееву, наверно, тоже. Каждый день он встречается с осьминогами на дне, и никогда они не причиняли ему вреда.

Телееву дали в руки ружьё, заряженное гарпуном, и он полез по лестнице наверх.

Жаботинский нёс его шланг. По короткой металлической лесенке Телеев слез в аквариум. За прозрачной стеной он казался большим и неповоротливым. По его медному шлему прыгали рыжие зайчики.

Осьминог увидел человека и забился в угол.

Заметив в руках человека ружьё, он насторожился. Телеев нехотя поднял ружьё. Видно, он уже расхотел сниматься. Но было уже поздно. Главный киношник махнул рукой. Телеев навёл ружьё на осьминога. Осьминог испуганно метнулся в сторону. Бац! — гарпун вылетел из ружья и с размаху ударил в пластмассовую стену. Стена раскололась, и двадцать семь тысяч литров воды хлынули на песок.

Телеев и осьминог вытекли из аквариума вместе с водой. Они лежали рядом. Вода с шумом стекала по песку в море.

Первым опомнился осьминог. Он со свистом во-
брал в себя воздух, сгорбился и выбросил вперёд
щупальца. Он полз по мокрому песку, переливаясь
и блестя, как стеклянный шар.

Раз-раз — первые щупальца достигли воды. Ось-
миног повернулся. Сильная струя воды вылетела на
берег. Осьминог исчез в глубине.

Около Телеева уже хлопотал Жаботинский. Он
отвинчивал на шлеме окошечки. Телеев уселся, мор-
гая глазами, и стал соображать, что произошло.

Народ шумел. По лужам бегали киношники и
размахивали руками.

Главный киношник стоял наверху, на помосте,
и смотрел в пустой аквариум.

Потом он спустился и подошёл к нам.

— Какая силища, а? — спросил он и потёр ру-
ки. — Ничего, искусство требует жертв! Помню, бро-
сали мы однажды с парашютом корову. Конечно, с
самолёта. Дверь оказалась узкой. Корова зацепилась
рогами и не проходит. Пришлось идти на посадку
и заменить самолёт.

— Простите, — сказал я, — зачем корове прыгать
с парашютом?

— Не помню. Наверно, так надо было по сце-
нарию... Тэкс, а что же теперь делать нам? Время
идёт.

— Я предлагал: опуститесь под воду.

— Это исключено. Придётся сделать так. Ком-
бинированная съёмка. Отдельно осьминог — отдель-
но водолаз. Маленького осьминога снимаем в ма-
леньком аквариуме. Стрелять в него будем с воздуха,
через воду. Гарпун большой, но мы его потом умень-
шим при печати. Затем — у меня есть где-то кад-
ры — аквалангист на Чёрном море. Склеим аква-
лангиста и осьминога, и всё будет в порядке...
Помню, однажды мы в Киеве устроили пожар. По-

дожгли дом. Дом горит, а артиста, который должен входить в этот дом, нет. Не приехал. Пришлось потушить...

Я не дослушал. Меня позвал Жаботинский. Надо было раздевать Телеева.

ЕЩЕ ГАЛОШИ

На остров вернулось солнце.

Дороги снова стали жёлтыми, а трава — зелёной.

Я вытащил из галош босоножки и положил их в чемодан. Ура! А галоши можно выбросить. Как они мне надоели! Даже походка из-за них стала у меня утиной.

Я хотел вышвырнуть их в окно, но побоялся. Мимо всё время кто-нибудь да шёл.

Я бросил галоши под кровать...

Вечером мы сидели около дома: я, старуха и старик.

За Амурский залив, за синие сопки опускалось коричневое солнце. Оно тускло светило сквозь дым из комбинатовской трубы.

— Мне скоро уезжать, — сказал я. — Почти два месяца у вас прожил. Хорошее место — остров.

— Чего хорошего, — сказал Иван Андреевич, — дождь да снег.

— Осень, говорят, тут очень славная.

— Тридцать лет здесь живём. До войны приехали, — сказала старуха. — Привыкли. Все нас тут знают. Кем мы ни работали: и матросами и сторожами. Иван Андреевич складом даже заведовал.

— Интересно, вот летом — катер, а зимой как? — спросил я. — Как до города добираетесь?

— Зимой дорогу по льду накатывают. Машины, считай, каждый час ходят. Кроме нас, на острове и зверосовхоз и школа.

Я представил себе, как по весне ломается лёд и эту дорогу уносит в море. Там она и плавает по кусоч-

кам: льдина за льдиной — на каждой отпечатки автомобильных шин. А к острову в это время ни подойти, ни подъехать.

— Вы молодцы,— сказал я.— Шутка сказать — тридцать лет на острове! Прямо герои.

— Привыкли мы к тебе,— сказала старуха.— Хорошо ты у нас пожил. А я всё собиралась пирог спечь. Может, успею?

— Горят они, пироги-то, у тебя,— сказал старик.— Как поставишь, так дым.

Старуха вздохнула:

— Памяти нет. И откуда ей быть теперь у меня — памяти?

ЛАМПЫ И УДОЧКИ

На остров снова приехали Букин и Лиза.

— Идём за кальмарами! — сказали они.

У Букина под мышкой был переносный аквариум.

Около причала стояли два странных судна. Между мачтами у каждого был натянут провод. На нём висели голубые прозрачные лампы. Лампы были большие, как кастрюли, на борта навешаны катушки с капроновыми лесками. Лески блестели на солнце.

Я подошёл к одному судну.

Поверх лесок лежали разноцветные подвески с крючками.

— Это что за катушки?

— Удочки. И видите лампы? Люстры.

— А-а...— Я ничего не понял.— Пойду с вами. Когда?

— Вечером. Идите на одном, мы — на втором.

НОЧНОЙ ЛОВ

В район лова мы пришли к полуночи.

Включили люстры.

Яркий голубой свет вспыхнул над судном. Он упал на воду и проник в её глубину.

Рыбаки выстроились у обоих бортов. Они стали у катушек-удочек и начали крутить ручки. Лески с разноцветными подвесками побежали с катушек в воду.

Подняли — опустили... Подняли — опустили... Острые крючки царапали спокойную воду.

Крючки выходили из воды пустыми. Кальмаров не было.

И вдруг на одной из лесок что-то затрещало, забилося. Облепив щупальцами подвеску, повиснув на крючках, в воздухе вертелся кальмар. Он бил хвостом, брызгался.

Его подтянули. Кальмар перевалился через катушку, сорвался с крючков и шлёпнулся в жестяной приёмный жёлоб. По жёлобу он скатился на палубу.

Я наклонился над ним.

— Осторожно!

Кальмар выпустил мне в лицо чёрную струю жидкости.

— Немедленно промойте глаза!

Глаза щипало и жгло. Я сбегал к умывальнику. Вернулся.

Слезящимися глазами я смотрел на то, что происходит на судне.

Из глубины всплывали на свет кальмары. Они прятались в тени под днищем судна, набрасывались на пёстрые подвески, попадались на крючки, вместе с движущимися лесками поднимались в воздух.

Слышался стук хвостов, шлёпанье, плеск.

Кальмары один за другим летели на палубу.

— Давай, давай!

Люди без отдыха крутили катушки. Если рыбак уставал, его сменял моторист или повар.

— А вы что стоите? — крикнул мне капитан. — Вон свободная!

Я стал у катушки. Первый кальмар шлёпнулся к моим ногам.

— Давай! Давай!

Ловила вся команда.

К утру кальмары стаи ушли.

Подвески поднимались пустые.

Скользкая, залитая водой и чернильной жидкостью палуба была завалена телами кальмаров.

Их стали укладывать рядами в ящики...

— Вот вам и ночной лов! — сказал капитан. — Когда ловит флотилия, всё море залито светом. Целый город качается на воде. Такая красота!

ПОСЛЕ ЛОВА

Судно, на котором пошли Букин и Лиза, задержалось. Я ждал их на причале целый час.

Наконец их сейнер вышел из-за мыса и начал подходить, увеличиваясь в размерах, описывая по бухте дугу. Между его мачтами устало покачивались голубые лампы.

Судно привалилось к причалу и замерло. Замолк дизель. Около мачты стояли Лиза и Букин. Оба в плащах с поднятыми воротниками. Я прыгнул к ним на судно.

— Ну как? — спросил Букин.

— Отлично!

На палубе, в низких открытых ящиках, лежали кальмары. Они лежали рядами, как бутылки. Каждый был похож на трубку, в которую залезло глазастое десятирукое существо. К концу трубки прикреплён треугольный плавник.

— Смотрите, что у нас! — сказала Лиза.

Около мачты стоял их аквариум. В нём копошились два живых кальмара.

Им было тесно, они то и дело упирались щупальцами в стекло и поднимали крышку.

— Кыш! — сказала кальмарам Лиза.

— Знаете, — сказал я, — ведь ночью-то я ничего зарисовать не успел. Сейчас нарисую!

И присел около кальмаров.

Букин стоял надо мной.

— Мне кажется,— печально сказал он,— я напрасно связался с трепангами. Ну что такое трепанги? Черви. Вот кальмары — это да. За ними будущее. Сейчас в океане истребили кашалотов — расплодились кальмары. Это очень интересная тема. Надо менять профиль работы.

Лиза мрачно посмотрела на мужа.

СТАРИК

Я зарисовал кальмаров, проводил Лизу с Букиным на катер.

Они ушли во Владивосток.

На причале я увидел Ивана Андреевича.

Домой мы шли вместе.

— Иван Андреевич,— спросил я,— зачем вы всё время ходите на причал?

Он не ответил, остановился, вытащил из грудного кармана записную книжечку. В книжечке лежала сложенная вчетверо вырезка из газеты.

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Йошкар-Ола (ТАСС). В семью учителей Соколовых пришла радость. Во время войны из Ленинграда был эвакуирован вместе с детским садом и пропал без вести их четырёхлетний сын Гриша. Отец и мать тоже были разлучены и встретились только после войны в Йошкар-Оле. Здесь они остались работать. Сейчас оба учителя на пенсии. Неделю назад стол розыска сообщил, что их сын, Григорий Акимович Соколов, жив и работает в Кемерове. Вчера на перроне городского вокзала произошла трогательная встреча. Григорий Акимович вместе с женой и сыном приехал навестить родителей.

— Приехал навестить,— сказал одними губами старик.— Вместе с женой и сыном. Их сын Григорий Акимович.

Видно, он знал заметку наизусть.

Я отдал ему аккуратно вырезанный клочок пожелтевшей бумаги. На сгибе бумага была подклеена.

Мы молча пошли к дому. Над дорогой в кустах, где строили новую школу, кто-то упорно бил молотком в рельс: день... день...

ГОЛУБОЙ ОСКОЛОК

Всё было сделано, всё зарисовано. Я прощался с островом.

Я бродил по берегу.

Среди белой и розовой, обкатанной морем гальки чернели пятна золы от костров. По воскресеньям в солнечные дни здесь гуляют семьями.

Подошвы вязли в пластах прелой зелени. Пузырчатые коричневые листья морской капусты щёлкали под каблуком.

Весь берег был усеян обломками раковин. Море выбрасывало их годами. Ломкие, побелевшие от солнца, они лежали грудями.

Один обломок раковины я поднял.

Он был не такой, как остальные. На вогнутой его поверхности сидела перламутровая шишечка.

Странное дело!

Бывает, что внутрь раковины попадает песчинка. У моллюска, живущего в известковом домике, нежное и мягкое тело. У него нет рук. Он не может избавиться от песчинки. Резкая боль заставляет его обволакивать песчинку корочкой перламутра. Один слой, второй. Получается блестящая молочная бусина — жемчуг.

Чтобы достать жемчуг, искусные пловцы ныряют на дно. Они отдирают от камней крупные иззубренные раковины, складывают их в мешочки у пояса.

Это очень тяжёлый труд.

А тут прямо под ногами, рядом с золою костров...

Я присмотрелся к осколку. Ещё недавно он был

половинкой раковины, по краям — свежий излом, на выпуклой поверхности — мазутный след каблука. Кто-то наступил башмаком — крак! — и прошёл мимо.

Нарост в одном месте имел дырочку. Сквозь неё виднелось что-то тёмное и блестящее.

Что, если разбить? Может, из него выкатится тёмно-голубая жемчужина? А может, всего-навсего серый камешек?

Я сунул осколок в карман и пошёл дальше. Я знал, что никогда не разобью раковину. Она будет лежать у меня дома вместе со всякими редкостями. Будут приходить гости и, взяв в руки, рассматривать её и спорить.

А там внутри будет ТАЙНА.

ЮЛИ-ЮЛИ

Я уезжал рано утром. Стараясь не шуметь и не будить стариков, я собрал чемоданы, вышел из дома.

Около проходной меня догнал Иван Андреевич. В руках у него был свёрток, перевязанный шпагатом.

— Вот... — сказал старик, задыхаясь. — Вам... от нас...

— Зачем такое беспокойство, Иван Андреевич? — сказал я. — Большое спасибо за всё. Я не хотел вас будить. Тут, наверное, пирог?

— Пирог.

— Вот видите, сколько хлопот. Большой привет супруге. Не поминайте лихом!

Я положил свёрток в чемодан и пошёл к причалам.

ВСЁ-ТАКИ СПЕКЛА ПИРОГ!

Я зашёл на бот проститься с командой МБВ-10. Мы пожали друг другу руки.

— Приезжай! — сказал мне Телеев.

— Осенью иду в школу! — сказал Шапулин.

— Книжку пришлите! — попросил Дед.

Катер почему-то в этот день не подошёл к причалу, а стал на рейде. Меня повёз к нему Жаботинский.

Он положил в лодку мой чемодан, взял одно весло, оттолкнулся от берега.

— А второе весло? — спросил я.

Веня не ответил. Он вставил весло в верёвочную петлю на корме, встал во весь рост и начал раскачивать весло из стороны в сторону. Он раскачивал его и крутил вокруг оси. Весло врезалось в воду, как винт.

Лодка дрожала и шла вперёд.

— Это называется юлить! — весело сказал Веня. — Юли-юли!

ТАК ВОТ КАК НАДО БЫЛО ПОДХОДИТЬ К ВОДОЛАЗУ!

— Я писать буду, Веня, — сказал я. — Остров Попова, до востребования, Жаботинскому?

— Зачем Жаботинскому? Моя фамилия Томский. Жаботинский — прозвище.

Я вспомнил, как Веня носит на бамбуковой трубке стокилограммовые бочки. Конечно, он — Жаботинский.

Лодка подошла к катеру. Веня протянул мне чемодан.

— До свидания! — сказал я.

Веня поднял руку.

Лодку относило течением. Веня встал на корме, завертел веслом, и нос лодки тотчас же повернул к берегу.

Сегодня вечером я улечу домой.

НА АЭРОДРОМЕ

На аэродроме во Владивостоке я целый час ждал самолёта.

Проголодался, открыл чемодан и вытащил свёрток.

Попробуем пирог.

Я положил свёрток на стол и развязал шпагат. Внутри была газета, в газете почему-то ДВА СВЕРТКА.

Я раскрыл первый. Пирог. Обещанный пирог! Во втором свёртке лежали галоши. Мои галоши. Вымытые и блестящие.

ЗАЧЕМ ОНИ МНЕ ТЕПЕРЬ?

Я положил галоши рядом с пирогом и стал думать.

Выбросить? Невозможно. Теперь это не галоши, а знак доброго внимания и заботы.

Повезу-ка я их домой. Дома у меня на подоконнике много редких вещей. Там лежат черноморские раковины рапаны, засушенная рыба-игла, бронированный кузовок, которые привёз мне из Индийского океана знакомый матрос.

Там я положу одну галошу. Она ведь тоже редкость. Она плавала со мной к островам Рейнике и Два Брата. Её месяц поливало морской водой, и липкая жёлтая глина пыталась сорвать её с босоножки.

Вторую я поставлю под диван.

Пускай стоят. Они ещё пригодятся. Ведь мои путешествия не кончились.

Я уселся поудобнее и стал жевать старухин пирог. Он был вкусный и на этот раз непригорелый. Радио объявило посадку.

В ЛЕНИНГРАДЕ

Когда я прилетел в Ленинград, дверь мне открыла сестра.

— Ты? — воскликнула она. — А мы думали, тебя уже нет в живых!

— Это ещё почему?

— Из-за твоих дурацких телеграмм.

В переднюю вышла мать и упала ко мне на грудь.

— Ну-ну, мама...— сказал я.— При чём здесь мои телеграммы?

Мать с сестрой положили их на стол:

ДОЛЕТЕЛ БЛАГОПОЛУЧНО САМОЛЁ-
ТЕ ЗАСТРЯЛА НОГА

КОЛЯ

ЗДОРОВЬЕ ХОРОШЕЕ УДАРИЛСЯ ГОЛО-
ВОЙ О СВАЮ

КОЛЯ

— И на этом телеграммы кончились. Что мы должны были думать? Признайся: ты сильно разбил голову?

— Да что ты? Пустяки, чуть-чуть стукнулся. Небольшая шишка.

— А нога в самолёте?

— Ещё легче. Совсем ерунда.

— Тогда зачем ты нам об этом писал?

— Ты сама просила писать подробно и писать всю правду.

Я достал папку с рисунками, стал показывать их. Тут я сразу вспомнил рыбака и рыбку. Вот эти рисунки совсем другое дело!

Ну и что же, что у меня плохо получаются люди? Я буду рисовать морских животных, буду опускаться на дно, наблюдать, как прыгают плоские, как блюдечки, раковины-гребешки, следить за пучеглазыми бычками, красными глубоководными крабами с колючками. Буду ходить на ночной лов кальмаров и на сбор морской травы анфельции.

Я могу разглядеть спрятавшуюся в песок камбалу. Мне ничего не стоит нарисовать плывущего, как голубое облако, осьминога.

Пусть у меня не будет больших, написанных маслом картин. Пусть будут маленькие рисунки

в книгах о водолазах. Я сделаю много книг о жизни рыб.

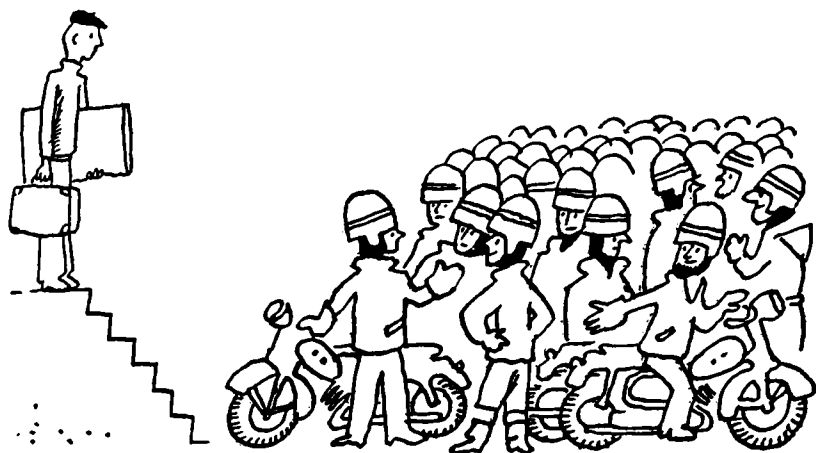
Хорошо, что я слетал на Дальний Восток.

— Что ты бормочешь себе под нос? — спросила сестра.

— Это я так, сам с собой. Вспоминаю отлёт.

РАДИО ОБЪЯВИЛО ПОСАДКУ. МЫ ВОШЛИ В САМОЛЕТ И ВЗЛЕТЕЛИ. КОГДА САМОЛЕТ ПОДНЯЛСЯ, Я УВИДЕЛ В МОРЕ ОСТРОВ. ЭТО БЫЛ ОСТРОВ ПОПОВА. САМОЛЕТ КАЧНУЛО, И ОСТРОВ НАКЛОНИЛСЯ: ОН ПРОЩАЛСЯ СО МНОЙ, ОСТРОВ, ОКОЛО КОТОРОГО ВОДЯТСЯ ОСЬМИНОГИ И ГДЕ ВОДОЛАЗЫ СОБИРАЮТ НА ДНЕ ТРЕПАНГОВ.

ДОМ ПОД ВОДОЙ

МЕНЯ ВЫЗЫВАЕТ МАРЛЕН

Звонок среди ночи. Я вскочил с кровати.

— Не туда! — закричала из соседней комнаты мать. — К телефону!

Я закрыл дверь, которую отворил было, и побежал к телефону.

— Завернись в одеяло, — крикнула сестра, — от окна дует!

— Да!.. Да!.. — кричал я в телефонную трубку. — Слушаю вас... Кто?.. Какой парлен?.. Ах, Марлен!.. Какая бухта?..

Я опустил на стул и начал соображать.

«Марлена я не видел два года... Наверно, зовёт меня опять на Чёрное море»...

— Скажи по буквам! — закричал я. — Тебя плохо слышно. Ты откуда? Из Севастополя... Так. Григорий... Ольга... Ласкирь... Улыбка... При чём здесь улыбка? А-а, Голубая!

«Голубая бухта!»

Я вспомнил: тёплый воздух дрожит над вершинами гор... Прямо в воду опускается отвесная скала. Её поверхность вся изрыта круглыми, как оспины, отметками...

— Хорошо, я подумаю.

В трубке что-то щёлкнуло, и стало отлично слышно. Голос Марлена раздавался совсем рядом.

— Нечего думать! — сказал Марлен. — Мы начинаем работы в Голубой бухте. Очень интересно. Приедешь в Симферополь, там тебя встретят и на мотоцикле привезут к нам. Встречать будет человек в белом шлеме. Жду!

И он повесил трубку.

«Вот так раз!»

Я остался сидеть около телефона, завёрнутый в одеяло.

«Может, и верно поехать?»

Через три дня я уже слезал с поезда на перрон симферопольского вокзала.

Призывы Марлена всегда действовали на меня, как взгляд очковой змеи на мышь.

НЕУСТОЙЧИВЫЕ МОТОЦИКЛЫ

Я вышел на привокзальную площадь и первым делом стал высматривать человека в белом мотоциклетном шлеме.

Вся привокзальная площадь была полна людей в белых шлемах. Они бродили около своих мотоциклов, заводили их — трах-тах-тах! — и, размахивая руками, обсуждали какие-то свои мотоциклетные дела.

— Что тут происходит? — спросил я одного.

— Мотопробег Симферополь — Феодосия в честь праздника виноградаря! — ответил мотоциклист.

В это время какой-то человек в кожаной куртке поднял флаг, другой выстрелил из пистолета, и все мотоциклы, стреляя и взрываясь, умчались.

Последними укатили на автомашине человек с флагом и человек с пистолетом.

Площадь опустела. Остался один мотоциклист. Он стоял посреди пустой площади и держал в руке белый шлем.

Я подошёл к нему.

— Здравствуйте! — сказал я. — Меня зовут Николай. Вы от Марлена?

— Привет! — сказал он. — От Марлена. Вы когда-нибудь на заднем сиденье ездили? Не упадёте?

— Не упаду, — ответил я.

Я никогда не ездил на заднем сиденье. И вообще никогда не ездил на мотоцикле.

ПО-МОЕМУ, ВСЕ ОНИ СЛИШКОМ НЕУСТОЙЧИВЫ.

120 КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

Я нацепил на плечи рюкзак, поставил на сиденье ящик с красками, уселся и положил руки на плечи мотоциклисту.

— Меня зовут Лёсик, — сказал он. — В детстве меня так звала мама.

Он пнул ногой свой мотоцикл, и тот затрясся. Машина редела и подпрыгивала, как ракета перед стартом. И ещё она напоминала необъезженную лошадь.

ОНА ХОЧЕТ СБРОСИТЬ НАС.

Не успел я так подумать — мотоцикл рывком выскочил из-под меня, я шлёпнулся в пыль.

Стреляя синим дымом, Лёсик сделал по площади круг.

— Что же вы не держались? — удивился он.

Я снова уселся и вцепился Лёсику в бока.

— Не щекотите! — закричал он. — Я боюсь щекотки. Сидите спокойно. Держитесь свободно и в то же время крепко. Понятно?

Понять этого я не мог.

Я нашёл около сиденья металлическое кольцо

и впился в него пальцами. Мотоцикл опять затрясся, рванулся вперед, и мы помчались по симферопольским улицам.

НЕ СЛИШКОМ ЛИ БЫСТРО?

Я заглянул Лёсику через плечо. Стрелка спидометра дрожала около надписи «60 километров в час».

Я крикнул Лёсику.

— Да? да? — не дослушав, закричал он. — Это пока. Потом газанём!

Нас вынесло на шоссе. Мимо мелькнули последние городские дома, мотор выл ликующе и беспощадно. Стрелка дрогнула и покатилась: 100 километров в час... 120...

Я припал лицом к Лёсиковой спине. Встречный воздух стал твёрдым и упругим. Он раздувал брючины и тащил ноги назад, хлестал по лицу и растёгивал на груди рубашку.

Я так тянул вверх кольцо, что оно должно было вот-вот вырваться. Руки онемели. Из-под ногтей сейчас выступит кровь...

ЧТО ТАМ ПОСЛЕ 120?

ВНИЗУ — ГОРЫ

Мы мчались по крымской степи. Узкие и глубокие овраги пересекали степь.

Мотоцикл затрясся мелкой дрожью: мы съехали с асфальта и затрусили по неровной каменистой тропе. Тропа повернула к оврагу, сбежала на его дно и помчалась дальше.

Стало холодно. Мотоцикл завыл и пополз еле-еле. Я высунул нос из-за Лёсикиного плеча. Овраг превратился в самое настоящее ущелье. Вверху громоздились каменные глыбы, между ними вились узкие тропинки, лилась вниз зелень кустов. Оранжевые верхушки скал горели в лучах утреннего солнца.

Станный Крым! Там, наверху, ведь степь. Ров-

ные, как стол, распаханые тракторами поля, жёлтая, пересохшая трава, суслиций пересвист.

А У НАС, ВНИЗУ,— ГОРЫ!

ПЕЩЕРЫ

Мы проехали час, и от нашего мотоцикла пошёл пар.

— Слезает! — сказал Лёсик и повалил машину набок.

Я едва успел спрыгнуть.

Лёсик расстегнул шлем, положил его на землю и лёг.

Сколько я ни встречал мотоциклистов, они все или сидят на машинах или лежат на земле.

НАВЕРНОЕ, ОНИ РАЗУЧИЛИСЬ СТОЯТЬ.

Лёсик вставил в зубы травинку и начал её жевать.

Я поднял голову. Прямо передо мной возвышалась удивительная скала. Это была даже не скала, а останец — остаток очень древней горы. Ветры и время сгладили её вершину, и она стала плоской. Тропа, по которой мы приехали, раздваиваясь, обтекала гору.

Верхний край был изрыт пещерами. Они опоясывали гору кольцом и смотрели во все стороны, как пустые глазницы. Некоторые дыры были правильной четырёхугольной формы. Я потянул Лёсика за штанину.

— Что это? — спросил я. — Что за пещеры?

— А? — Лёсик даже не поднял головы. — Это Эски. Я посплю пятнадцать минут. Хорошо?

ЧТО ЗНАЧИТ ЭСКИ!

Я подошёл к подножию горы.

Серые, шершавые, источенные водой и ветром камни поднялись надо мной. Они тянулись вверх и заканчивались причудливой вязью ходов.

Скала возвышалась метров на сорок. Подняться на неё было невозможно. «Что значит Эски?»

Но он спал.

Ровно через пятнадцать минут он вскочил, поднял за рога машину, пнул её, мотор заработал — трах, тах! — я едва успел вскочить на сиденье, и мы уже мчались по тряской дороге.

Свернув шею на сторону, я смотрел, как удаляется источенная дырками, как сыр, каменная громада.

Мотоцикл дёрнул. Мы пронеслись мимо огромного валуна. Он, видно, скатился с вершины останца. В боку его было пробито отверстие, похожее на дверь.

И КАМЕНЬ СТРАННЫЙ...

— Держитесь! — крикнул мне через плечо Лёсик. — Сейчас я вас тряхану!

ОХ, УЖ ЭТА ДОРОГА!

МОРЕ

Мотор выл легко и радостно. Дорога шла вниз, ветер свистел в ушах. Я уже приловчился сидеть и не так тянул на себя кольцо.

Мы объехали высокую зелёную гору, вылетели на асфальт, промчались по нему и, сделав поворот, очутились на краю обрыва.

Лёсик едва успел затормозить.

Под колесом мотоцикла ослепительно и спокойно голубело море. Ровный ветер гнал по его поверхности едва заметные чёрные морщинки. Зелёный и оранжевый берег петлял внизу.

— Голубая бухта! — сказал Лёсик.

Я узнал её. Вот те скалы, около которых «Тригла» стояла на якоре. Где-то там грот «Машина». Там мы подняли камень с отпечатками древних животных...

На берегу бухты зеленели палатки. Около них бродили белые и красные букашки — люди.

Когда мы подъехали к палаткам, навстречу нам вышли здоровенные парни — все в трусах.

— Это вы художник? — спросил самый громадный из парней. — Я Павлов. А вашего Марлена нет.

— Как нет?

— Уехал в Севастополь за аппаратурой. Магнитофоны для записи рыб.

— Чего?

— Голосов рыб.

— Что же делать? — растерянно спросил я.

— Присматривайтесь... Давайте познакомимся. Я начальник экспедиции. Это мои помощники.

Рядом с ним стояли три парня. Один в очках и с портфелем, второй с водолазной маской в руке. Третий стоял просто так. Стоял и жевал колосок.

— Мой заместитель — Джус.

Парень в очках вежливо наклонил голову.

— Инженеры-подводники Немцев и Игнатьев. Эти тоже закивали.

— Устраивайтесь. Ваше место в шестой палатке, третья раскладушка с краю. Миска тоже третья, за вторым столом. За питание рубль в сутки.

Между палатками желтели длинные столы из неструганых досок.

Я достал из кармана три рубля.

— А вдруг Марлен не приедет? — сказал я.

Все захохотали.

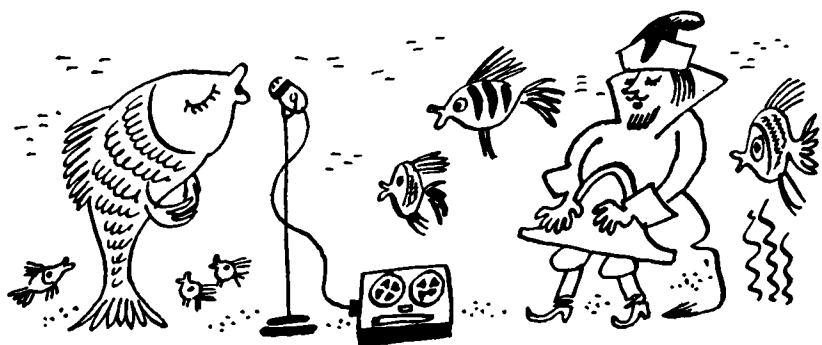
— Приедет ваш Марлен. Давайте больше.

ЕГО ЗОВУТ «САДКО»

Я отнёс вещи в палатку и вернулся к Павлову. Я хотел понять, что тут происходит.

— Что мы собираемся делать? — переспросил Павлов. — Ставить «Садко».

— Как «Садко»?

— Подводный дом. У нас экспедиция. Ваш Марлен, например, будет изучать звуки, издаваемые морскими животными.

— Ага...

К нам подошёл Лёсик.

— Мне теперь в Севастополь?

— Да, к Марлену. Не забудь заодно узнать про матрасы.

— Сделаю.

Он завёл свой мотоцикл и пулей вылетел из лагеря.

Синий хвост дыма потянулся за ним на гору.

**ВСЕ ПРАВИЛЬНО. САДКО БЫЛ ГОСТЕМ
МОРСКОГО ЦАРЯ...**

— Мы должны научиться жить под водой,— сказал Павлов.

БЕЗ НЕГО НЕ ОБОЙТИСЬ

Вечером мы сидели на берегу, швыряли в море камни и смотрели, как они прыгают по воде.

— Если бы я был художником,— сказал Павлов,— я бы писал жизнь на больших глубинах. Помню, как-то опускался на Шикотане — остров такой в Курильской гряде. Скала — обрыв метров сорок. Опустился — ничего не видно. Включил фонарь. Поверите, даже вздрогнул! Скала, а на ней

крабы. Да не простые, лиловые, а глубоководные, колючие, красного цвета. Как цветы. Зелёная вода, чёрный камень и красные крабы... Такого нигде больше не увидишь.

Он вздохнул.

— Расскажите, зачем нужен дом,— попросил я.

— «Садко»?

Но вместо «Садко» он рассказал про то, как работал один английский водолаз.

...Дело было в Северном море. Во время войны там был торпедирован английский транспорт с грузом никеля. Судно затонуло на глубине сто восемьдесят метров.

После войны эти никелевые пакеты решили поднять.

Сперва нужно было обследовать судно. Опустили водолаза. Это был отличный водолаз, который полжизни провёл, опускаясь на самые большие глубины.

Однако сто восемьдесят метров и для него было пределом.

Опускали водолаза медленно, с выдержками, всё время спрашивая, как он себя чувствует.

Водолаз достиг дна и, волоча за собой шланги, обошёл корабль кругом.

Шланги были не очень длинные — баллоны со сжатой воздушной смесью были тоже опущены на дно. Но всё равно на такой глубине, под таким страшным давлением, человек двигался очень осторожно.

Водолаз увидел, что судно развалилось на части, и никелевые пакеты разбросаны по дну.

— Самое интересное началось потом,— сказал Павлов.— Знаете, сколько времени пробыл на дне водолаз? Пятнадцать минут. А поднимали его? Никогда не угадаете. Двенадцать часов! Нужно было медленно снизить давление в лёгких и крови до нормального. Иначе кессонная болезнь или смерть.

— Знаю,— сказал я.— Если водолаза резко под-

нять, кровь вскипает, как газированная вода в откупоренной бутылке.

— Вот-вот. Пятнадцать минут — и двенадцать часов. Это не работа! Нужны дома. Подводные дома, давление в которых равно забортному. Водолаз должен работать и отдыхать без смены давления. Вышел из дома, вернулся, снова вышел. Ходи сколько хочешь.

Я сказал: «А-а!» Я действительно понял, зачем нужен «Садко».

— Где сейчас дом?

— Скоро будет здесь. Его буксируют по морю. В бухте кто-то вздохнул.

— Должно быть, дельфин! — сказал Павлов. — Их тут много.

Мы помолчали.

— Для нас самое главное этим летом — наблюдения над человеком. Сколько времени он может прожить в подводном доме? Как будут работать сердце, лёгкие?.. И дельфина вы скоро увидите, его вот-вот привезут. Будем обучать, себе в помощь.

ДЕЛЬФИНА?

Это мне понравилось.

ГОЛУБАЯ БУХТА

Я брёл к скалам. К тем самым, на которых вмятины от пушечных ядер и где шумит грот «Машина».

Мои кеды тонули в чёрной гальке. Я вспомнил, как нашёл на тихоокеанском берегу раковину с жемчужиной, нагнулся и стал смотреть под ноги.

Среди чёрных, обкатанных водой голышей лежали обломки маленьких розовых раковин. Мелкие, тонкие, которыми продавцы в Севастополе обклеивают рамочки для фотографий.

Не тот берег! И вода здесь не та. И животные. В Чёрном море нет осьминогов, морских звёзд. Тут

никто не ловит трепангов и не собирает колючих длинноиглых ежей.

Очень благополучное море. Ласковое и тихое...

Скалы, к которым я шёл, подступали всё ближе и ближе. Пляж сузился и превратился в тонкую полосу.

Ещё десяток шагов — и галька исчезла. Высокая скала преградила путь.

Я разделся и, придерживаясь руками за выступы, вошёл в воду. Вдоль каменной стены добрёл до поворота. Здесь каменная тропинка оборвалась, и я погрузился по шею. Оттолкнувшись от скалы, поплыл. Стена повернула, открылся входной мыс — ровный, отполированный волнами и брызгами каменный обрыв. Где-то тут должна быть «Машина».

Я прислушался. Тяжёлых вздохов, которые издавал когда-то грот, не было слышно. Оспин в каменной стене я тоже не разглядел. Должно быть, море разрушило скалу.

Я задрал голову и стал высматривать наверху, среди оползневых жёлтых пятен, то место, где когда-то сорвались и обрушились в воду плиты с отпечатками древних животных.

Я не нашёл и его.

ЗДЕСЬ ВСЁ ТАК ИЗМЕНИЛОСЬ!

Я дёрнул по-лягушачьи ногами и поплыл назад, к тому месту, где светлой горкой лежала моя одежда.

«САДКО»

Не успел я надеть штаны и майку, как из-за скалы показался чёрный обрубленный нос буксирного парохода. Потом — решётчатая стрела и, наконец, кран. Плавающий кран на четырёхугольном, похожем на ящик, основании.

Затем показался ещё один буксир. Он тащил за собой что-то белое, полупогруженное в воду, похожее на цистерну. Буксир пошёл шибче. Перед цистерной запенился и зашумел бурун.

Сперва я не понял, что тащат, но потом меня осенило:

ВЕДЬ ЭТО ДОМ!

Прыгая на одной ноге, я вылил из кед воду и побежал в лагерь.

В бухте грохотали цепи. Это становились на якоря суда. Буксир... Второй буксир... Кран.

Только дом остался свободно качаться на воде.

НЕ ДО МЕНЯ

До прихода дома мной все интересовались. Павлов, тот заговаривал по нескольку раз в день

Теперь всё изменилось. Мимо меня пробегали, не обращая внимания. Все были заняты делом. Дом! Пришёл дом!

Между буксирами и берегом сновали шлюпки. Около плавающего дома их всё время толпилось штук пять.

Готовилось что-то серьёзное.

Всем было не до меня.

КАК ЯКОРЬ!

Все повторяли слово «якорь».

— Как с якорем?

— Якорь обещали к обеду.

— Не видно якоря?

— Ещё нет.

— А блины для якоря?

КАКИЕ ЕЩЕ БЛИНЫ?

— Якорь... Якорь... Якорь...

Я не выдержал.

— Ну, как там с якорем? — небрежно спросил я одного водолаза; тот сидел на корточках и тряпкой с вазелином протирал пружинки от акваланга.

— А?

— Я говорю: как якорь, ничего?

— Не видел,— сказал аквалангист.— Его никто ещё не видел. Сегодня должны привезти.

В это время из-за скалы выполз ещё один буксирный катер. Он вёл за собой понтон. На понтоне один на другом лежали рыжие чугунные блины. Каждый толщиной в четверть метра. Целый столб.

Под их тяжестью понтон едва не тонул.

Катер подтащил понтон к крану...

И вдруг я увидел, что из-за палатки вышел Марлен. Он был с кудрявым человеком в шортах.

— Марлен! — закричал я и кинулся к ним.— Наконец-то!

Марлен остановился и задумчиво посмотрел на меня.

— А, это ты? — сказал он.— Как якорь?

Я разозлился. Мы не виделись два года. Нашёл о чём спрашивать!

— Утонул твой якорь.

Марлен посмотрел на бухту.

— Нет, вижу, он здесь... Знакомься, это дрессировщик дельфина. Будет готовить животное.

Человек в шортах протянул мне руку:

— Рощин-второй!

Я сунул ему в ладонь два пальца.

РОЩИН-ВТОРОЙ... А ГДЕ ЖЕ ПЕРВЫЙ?

ЯКОРЬ ГОТОВ

Буксиры сгрудились в центре бухты.

Кран опустил крюк и подцепил им чугунные блины.

— Придумали же якорь! — сказал Марлен. — Тонн двадцать в нём.

Он принёс бинокль.

Кран начал медленно опускать якорь в воду. Марлен передал бинокль мне.

Якорь был в воде уже до половины. Вот он скрылся...

С понтона поползла в воду цепь. Она ползла медленно, как змея, поблёскивая и извиваясь.

Шевельнулся дом. Он качнулся, отошёл от буксира и, вращаясь, поплыл к тому месту, где утонул якорь. Там он покругил, выпрямился и стал.

Теперь он стоял, как скрытая до половины в воде сторожевая башня. Круговой поручень опоясывал её верхушку. Над башней развевался красный флажок.

— Дом стоит. Магнитофоны для записи рыб прибыли, — сказал вечером Павлов. — Всё есть, нет только дельфина.

ДЕЛЬФИН САША

На следующий день появился и дельфин.

Его тоже доставил буксирный катер. Теперь вся Голубая бухта была забита судами.

Дельфина привезли в клетке. Вернее, притащили. Клетка плавала, привязанная к четырём резиновым, надутым до блеска баллонам. Дно её было под водой, крыша чуть поднималась и была в воздухе.

Когда катер подошёл к берегу, Марлен сразу же начал шуметь.

— Эй, на катере! — крикнул он старшине. — Как привязали клетку? Вы что, не понимаете? Зверя утопите. Ему дышать надо.

ДЕЛЬФИН — ЭТО МАЛЕНЬКИЙ КИТ. ЕМУ НУЖЕН ВОЗДУХ.

— Где сопровождающее лицо?

— Лицо укачалось. Спит, — мрачно ответил старшина. — Разбудить?

— Будите!

На палубу вышел, покачиваясь, жёлто-зелёный человек в дамской кофте.

— Вы из дельфинария? — спросил Марлен. — Сопровождающий?

Человек кивнул.

— Вы знаете, что ваш дельфин чуть не утонул?

Человек заморгал глазами и положил руку на живот. Видно, его здорово укачало.

— Н-нет.

Марлен посмотрел на него свирепым взглядом.

— Почему вы в дамской кофте? — спросил он. — Как зовут вашего дельфина? Чем вы думаете его кормить?

— Саша.

Это было всё, что мог сказать человек. Он положил на живот вторую руку и полез назад в каюту.

— Где он ухитрился укачаться? — возмутился Марлен. — На море ведь штиль.

— Почему дамская кофта? — сказал, подумав, старшина. — Его жена провожала. Она была в мужском пиджаке. Перепутали, видно. Не шумите. Дельфина звать Саша. Кормить его надо рыбой. Он мороженую ест.

Старшина объяснил это и пошёл на корму — проследить, чтобы клетку побыстрее вели к берегу.

Тогда из каюты снова высунулся жёлто-зелёный. В руке он держал бумажку.

— Распишитесь в получении, — хмуро сказал он. — А то мне не отчитаться. Зверь — он знаете сколько стоит! Вот тут и тут... Два раза.

Он глотнул слюну и, взяв у Марлена бумажку, исчез.

МОРСКИЕ КАНАРЕЙКИ И БОЛТУНЫ

Как-то я спросил Марлена:

— Что же ты собираешься записывать?

Он не ответил, отвёл меня в палатку и достал из

чемодана кассету с тонкой магнитофонной лентой.

— Вот. Один человек привёз,— сказал Марлен.— Из полярной экспедиции.

Он включил магнитофон.

Под низкими сводами палатки слышались удивительные звуки.

Сначала звенели колокольчики. Они звенели тихо и мелодично: тень-тень!..

Потом слышался шорох и скрип, как будто волокут по полу мешок с битым стеклом. Потом опять: тень-тень!..

Затем магнитофон замолчал. Началась новая запись. Кто-то чирикал и посвистывал. Весело так: «Свись-свись!» Помолчит, послушает себя и опять: «Свись-свись!» Похоже на канарейку, только резче и солиднее. Сперва один голос, потом второй. Первый: «Свись!» А второй ему отвечает: «Свись-свись!»

МОЖЕТ БЫТЬ, ПИНГВИНЫ?

Третья запись была совсем непонятная.

Кто-то скрипел.

Сначала он молчал, потом как заскрипит: «Згrrr-rrrr-rrrr... рrr... р...» Поскрипел и снова замолчал. И вдруг как забормочет: «Бла-бла-бла!..» Сперва один голос, потом несколько. Галдят, как на базаре.

— Что это? — спросил я, когда запись кончилась.

— Отгадай.

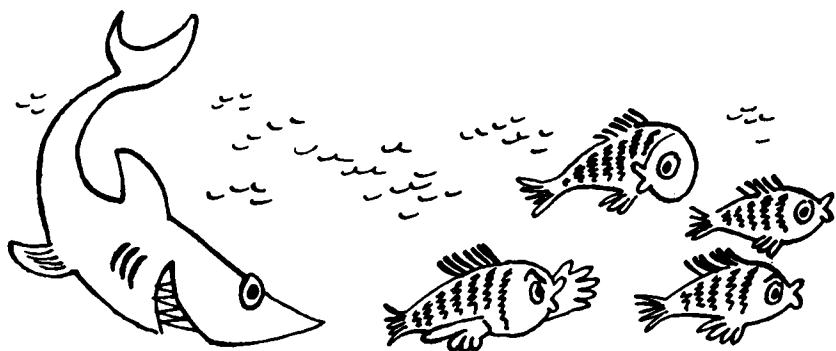
— Первая запись — битое стекло,— сказал я.— Вторая — пингвины. Третья — восточный базар. Угадал?

Марлен заулыбался:

— И не гадай. Все записи сделаны под водой. Первая — торошение льда. Лыдина наползает на лыдину. Звенит лёд. Вторая — запись голосов белух, полярных китов. После этой записи их прозвали морскими канарейками. А третья — сам не знаю кто. Охотится кто-то из подводных хищников. Может быть, кашалот, может быть, дельфин. Скрип — это сигнал, с помощью которого он обнаруживает добычу. Поскрипел и замолчал: слушает, с какой

стороны придёт эхо. А вот кто там бормотал — и вовсе тайна. Эти существа называли морскими болтунами. Звуки записывают, а кто их издаёт, не знают. Вот почему мы будем записывать рыб в вольере. Там, по крайней мере, видно.

— Морские болтуны! — сказал я. — Не киты?
Марлен пожал плечами.

— Думаю проверить ещё одно интересное сообщение, — сказал он. — Утверждают, что испуганная или гибнущая рыба в момент опасности издаёт крик. Конечно, не слышный для нашего уха. Этот крик слышат её товарки. Для них это сигнал: берегись — хищник!

— Да, вот тебе и мир безмолвия!

Марлен кивнул.

— А наш дельфин? — спросил я.

— Что дельфин?

— Его ты записывать будешь?

— Если хватит времени... Думаю на будущий год устроить акустический полигон. Два гидрофона и телевизионная камера. Сажу на берегу, записываю звуки и вижу, кто их издаёт. Мечта!.. Ты к дельфину ходишь?

— Ещё бы!

В ЗАГОРОДКЕ

Каждое утро я ходил к дельфину.

Около берега был отгорожен сетью кусок бухты. Туда поставили клетку.

Я приходил, усаживался на берегу и смотрел, что делает Саша.

Обычно он неторопливо плавал взад-вперёд. Доплывёт до стенки, повернётся и, не всплывая, поплыл обратно. По пути вынырнет, раскроет дыхало — пых! — вырвался вверх белый фонтанчик брызг. Дыхало захлопнулось, дельфин — дальше.

Иногда Саша начинал плавать кругами. Тогда он набирал скорость и, как серая молния, мчался вдоль загородки. Он доплывал до угла, делал еле заметное движение хвостом и, описав дугу, опять летел вдоль сети. При этом он кренился, как самолёт.

Когда ему надоедало носиться, он подплывал к берегу и внимательно смотрел из-под воды на меня, на палатки, на горы. Поперёк Сашиной морды тянулся белый шрам.

Дельфин смотрел на меня и усмехался.

В руках у меня был альбом. Толстым угольным карандашом я пытался нарисовать его усмешку.

РОЩИН-ВТОРОЙ

Приходил дрессировщик.

— Рощин-второй! — каждый раз называл он себя и протягивал мне руку.

— Почему второй? — не выдержал наконец я.

— Рощин-первый был мой отец. Он работал с морскими свинками. От отца я унаследовал страсть к морским животным.

...В детстве мы с сестрой Зиной держали дома двух свинок. Они были чуть побольше крыс, пятнистые и прожорливые, всё время ели, шевеля ро-

зовыми плюшевыми носами и едва слышно похрюкивая.

ИНТЕРЕСНО, ЧТО МОГУТ ДЕЛАТЬ МОРСКИЕ СВИНКИ В ЦИРКЕ?

НЕ МОГУТ ЖЕ ОНИ ПРЫГАТЬ ЧЕРЕЗ ОБРУЧ!

— Какая у вас программа дрессировки?

— Большая. В задании, которое я получил от Павлова, написано: научить дельфина доставлять в подводный дом письма и газеты, научить приносить работающему под водой человеку инструменты, научить отыскивать заблудившихся под водой аквалангистов.

— Ого!

Я с уважением посмотрел на Рощина.
ВОТ ТЕБЕ И ВТОРОЙ!

ПОПРОБУЙ ЕЩЕ РАЗ

Каждый день Рошин с дельфином начинали с разучивания прыжка.

— С азов! С азов! — говорил Рошин, надевал резиновые сапоги, вешал через плечо сумку с мороженой рыбой и, войдя в загородку, стучал ладонью по воде.

Саша подплывал к нему и, высунув из воды голубую морду, ждал.

Рошин хлопал его по макушке, доставал из сумки рыбёшку и протягивал её Саше. Дельфин глотал рыбу и начинал щёлкать челюстями.

— Ещё? Нет, нет. Сначала работать.

Рошин доставал из кармана милицейский свисток. Услышав трель, Саша от восторга переворачивался и начинал носиться вдоль загородки.

Тогда Рошин брал палку и, подняв её над водой, ждал. Он ждал, когда Саша наконец подплывёт и прыгнет через неё.

Я никогда не видел, как дрессируют животных. Я сидел на берегу, смотрел на Рощина и удивлялся.

Рощин стоит по колено в воде. В одной руке у него палка, в другой — рыба. Свисток!

Саша подныривает под палку и выхватывает из рук Рощина рыбу.

— Ну что ты делаешь? — говорит Рощин и достаёт из сумки новую рыбёшку. — Ещё раз. Попробуй ещё раз.

Дельфин подплывает и снова крадёт рыбу.

— Что за животное! — жалуется Рощин. — Не понимает русского языка!

Он снова лезет в сумку.

— Саша, сюда!

Саша вертится по одну сторону палки, Рощин размахивает рыбой по другую.

Рощин замёрз и чихает: «Ап-чхи!» Чихая, он закрывает глаза.

Саша делает короткий бросок, и третья рыба исчезает в его пасти.

— Негодяй! — кричит Рощин. — Ты будешь прыгать или нет?

Я по-прежнему сижу на песке и смотрю, как Саша отнимает у Рощина рыбу.

ДА! ДРЕССИРОВЩИКУ НАДО ИМЕТЬ ЖЕЛЕЗНЫЕ НЕРВЫ...

ДОЖДЬ

С севера из-за гор наплзли тучи. Погода испортилась. Пошёл дождь. Сперва мелкий, робкий. Дождинки, упав на тёплую землю, тотчас высыхали.

Потом облака стали плотными, серыми и опустились к самой воде. По палаткам забарабанили крупные капли.

Дождь шёл час... два... сутки. Тоскливо стало в палаточном городке.

Мы собрались в палатке номер один — на командном пункте; сидели кто на чём и рассказывали друг другу разные морские истории.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ — ПРО ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ

— Где-то в бухте,— рассказал Немцев,— здесь лежит затонувший корабль...

Корабль лежал ещё с Крымской войны. Тогда английские, французские и турецкие войска окружили Севастополь. Около чёрных балаклавских скал и оранжевых берегов Херсонеса дымили их пароходы.

Чтобы не пустить врага в Севастопольскую бухту, русские моряки собрали свой парусный флот, открыли кингстоны у кораблей, и парусники один за другим легли на дно между входными равелинами порта.

Частокол мачт вознёсся над стылой, холодной водой.

В эти зимние дни 1854 года на обнажённые скалы Крыма то и дело налетали штормы. Однажды в Голубой бухте укрылся английский пароход. Он спрятался в бухте от западного ветра и стал на якорь. Ночью ветер переменялся. Он подул с юга и обрушил на мелкую, открытую с моря бухту неистовство воды и воздуха. От рёва волн колебались и дрожали скалы. Тонкая водяная пыль поднялась в воздух, смешалась с темнотой и скрыла от моряков берег.

Якорь пополз. Корабль отдал второй. Этот лёг неудачно и тоже не смог удержать пароход на месте. Грохот волн становился всё сильнее.

Капитан-англичанин приказал расклепать обе якорь-цепи и пустить машину на полный ход. Корабль сделал поворот и пошёл вдоль берега. Но выйти в море он не сумел. Длинная, увенчанная белым гребнем гороподобная волна возникла из темноты и швырнула пароход на скалу. Грохот железа смешался с воплями людей.

Из команды английского парохода спасся лишь один человек. Он долго лежал в госпитале, не приходя в себя. Когда разум вернулся к нему, он рассказал печальную историю этой стоянки. Воспо-

минания этого человека вошли в книгу о войне, изданную в Лондоне...

Когда Немцев рассказал эту историю, я спросил:

— Где же этот корабль лежит?

Немцев пожал плечами.

— Где-то тут.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ — ПРО ОСЬМИНОГА

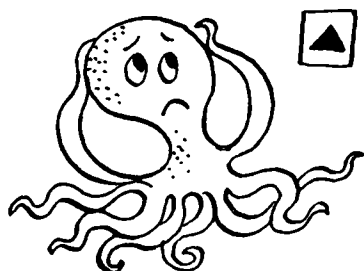
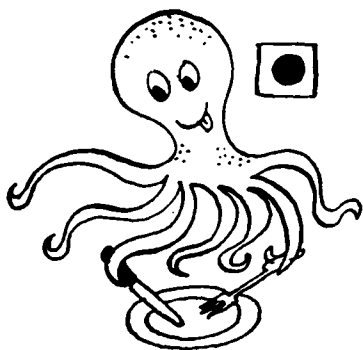
Потом в разговор вмешался Рошин.

Он сказал, что, как ему кажется, разговоры о способностях дельфинов преувеличены.

— Саша не оправдывает моих надежд, — сказал он. — За это время даже кошка научилась бы гораздо большему.

Тогда не выдержал Джус. Он сказал, что способности дельфинов вне сомнений. Он сам, работая во Владивостоке, видел пример удивительной сообразительности такого, казалось бы, простого морского существа, как осьминог.

Однажды учёные поставили опыт. Они посадили в аквариум осьминога и несколько дней морили его голодом. Потом осьминога стали кормить: ему бросали в аквариум по небольшому крабу. Но прежде чем бросить, осьминогу показывали железную табличку с нарисованной фигурой. Если показывали круг, то краба бросали, а если треугольник, то

осьминог не только оставался без пищи, но получал ещё и удар электрическим током.

Опыт продолжался долго, и мало-помалу осьминог стал понимать: когда он видел круг, то выползал из-под камня и нетерпеливо распускал и свивал щупальца — ждал краба, а когда видел треугольник, забивался под камень ещё глубже.

Потом осьминога поместили обратно в большой аквариум к рыбам и актиниям.

Следующий день был выходным, и в лабораторию, где стоял аквариум, двое суток никто не заглядывал.

Когда в понедельник люди пришли на работу, они всплеснули руками...

Весь коридор был залит водой. Под дверью стояли лужи. Открыли дверь. Аквариум пуст, пробка в дне вытащена. На дне лежали мёртвые рыбы. Рядом валялись почерневшие, сморщенные актинии.

Погиб и осьминог.

Ему удалось выбраться из аквариума, он дотаскился до стола, на котором стоял второй аквариум, но забраться на стол у него не хватило сил.

Учёные стали ломать себе головы: зачем понадобилось осьминогу открывать пробку?

— Знаете,— сказал неожиданно один из них,— кажется, догадался. Ведь пробка, если смотреть на неё сверху, похожа на круг. Осьминог, вероятно, смотрел на неё и всё ждал, когда появится краб. А потом решил поискать его за пробкой...

— Да что говорить,— закончил Джуэ,— морские лвы выступали десятки лет в цирках, и никто не удивлялся, а теперь, как узнаем что-нибудь новое о морских животных, так ахаем! Ваш Саша не глупей самой умной собаки, только к нему надо иметь подход.

— Какой ещё подход? — пробормотал Роцин.

Когда дождь кончился, Марлен сказал, что он хочет посмотреть, чему научил Рошин дельфина.

— Пожалуйста! — согласился дрессировщик. Обучение несколько затянулось, но я считаю — в целом оно успешно.

Вместе с Марленом и Павловым к загородке пришёл и я.

Рошин опять надел сапоги и полез в воду. В одной руке у него была палка, в другой — свисток.

Он свистнул. По свистку Саша должен подплыть к человеку.

Дельфин и не думал это сделать. Он отплыл в дальний угол и стал шумно дышать: пых! пых!

— Почему он не плывёт к вам? — спросил Марлен.

Рошин свистнул ещё раз.

— Упрямое животное, — сказал он.

Пых! Пых!

Тогда Рошин полез ещё глубже. Он хотел выгнать Сашу палкой из угла, но не рассчитал, вода хлынула ему в сапоги.

Рошин уронил палку и вышел на берег. Тогда Саша двинулся с места, разогнался и перепрыгнул через палку.

— Та-ак... Что он умеет делать ещё? — спросил Марлен.

Рошин сел. Потоки воды вылились из его сапог.

— Снимите сапоги. Может быть, они мешают вам работать с дельфином?

Рошин застонал.

— Попробуйте так.

Рошин послушно вошёл в воду босиком. Он стоял по пояс в воде и свистел. Саша плавал вокруг.

— Негодяй! — кричал Рошин. — Ты будешь прыгать или нет?

Он побросал дельфину всю рыбу. Саша рыбу съел, но делать ничего не стал.

— Вы устали свистеть,— сказал Марлен.— Даю вам ещё неделю. Если через неделю дельфин не будет вас слушаться, дрессировку прекратим, а вы уедете.

Он повернулся и пошёл прочь.

Мы с Павловым побрели следом.

— Странно,— сказал Павлов.— Я видел в кино океанариум: дельфины прыгают через обруч, играют в кегли, бросают баскетбольный мяч в кольцо.

— При чём тут океанариум? — сказал, оборачиваясь, Марлен.— Каждый дельфин-афалина легко поддаётся дрессировке. Это факт.

— В книжках всё просто,— примирительно сказал я.— Попробуй повозись... Скажи лучше мне, что такое Эски? Я давно хотел тебя спросить, да забывал.

Марлен остановился.

— Ага,— сказал он,— и ты узнал, что на свете существует Эски? Эски Кермен — это удивительное место. Как только выпадет свободный день, пойдём туда.

Нас догнал Рощин-второй. На плече он нёс палку. На ней висели резиновые сапоги. Синие капли, как слёзы, падали с них на песок.

— Я думаю, за неделю вы всё-таки кое-что успеете сделать,— сказал Марлен.— Не может быть, чтобы не успели. Говорят, вы выступали в цирке с морскими львами?

Рощин неопределённо кивнул.

Он раскланялся с нами и пошёл к себе в палатку.

— С морскими свинками, вот с кем,— сказал я.— И то не он сам, а его отец, Рощин-первый.

ЭТО ЕЩЕ ЧТО ТАКОЕ!

Из Севастополя приехал Немцев и привёз матрасы. Замечательные матрасы для подводного дома, из поролона, с приборчиками для поглощения влаги. На таких матрасах акванавты будут не отдыхать, а блаженствовать.

Так сказал Немцев.

Посмотреть, как их будут распаковывать, собрались все.

Каждый матрас был запечатан в пакет.

Три пёстрых пакета лежали у ног начальника экспедиции. Павлов достал перочинный нож и с хрустом вскрыл первый. Из пакета послышался писк.

Павлов вздрогнул.

— По-моему, там кто-то сидит, — сказал Марлен. Он с любопытством смотрел, как Павлов осторожно сдирает с матраса разноцветную бумагу.

Матрас развернулся, как удав, и лёг на песок.

Посреди матраса сидел и ошарашенно смотрел на нас котёнок.

— Это ещё что такое? — спросил Павлов.

— Может быть, его положили против мышей? В каждый матрас по коту.

Это сказал я.

Павлов удивлённо посмотрел на меня. Он вспорол оставшиеся два пакета, и гибкие блестящие матрасы выползли из них на свет.

Котов в них не было.

— Как же ты сюда попала, киса? — пробормотал Немцев и взял котёнка на руки.

— Случайно завернули, — сказал Павлов. — Улёгся, дурак, на матрас, и всё. Лёсик, поедешь в Севастополь — отвези.

— Кот пригодится, — неожиданно сказал Марлен. — Я включаю его в программу биологических исследований.

Павлов пожал плечами.

— Дело ваше.

Он нагнулся над матрасами и стал щупать их. Он искал приборчики для поглощения влаги.

Немцев сказал:

— Есть предложение — придумать котёнку имя. Что, если... Садко?

— Громко.

— Машка?

— Это же кот.
— Черномор,— сказал Джус.
— Мрачно.
— Мальчик.
— Ерундой занимаетесь,— сказал Павлов. Он наконец нащупал приборчики.

Немцев вздохнул:

— Ни одной свежей мысли. Приходится оставить «кис-кис».

ПОРТФЕЛЬ

Я уже давно заметил, что Джус повсюду таскает с собой портфель.

Как-то я не выдержал и спросил:

— Можно задать вам глупый вопрос? Почему вы всюду ходите с портфелем?

Он не обиделся:

— Да, понимаете, привык. Потом, все бумаги с собой. Как придёт что-нибудь в голову, сразу на карандаш. Я ведь конструктор, проектировал дом. А что? Очень смешно?

— Да нет.

Мы сидели у палатки. Над вершинами гор тянулись серые облачные нити.

— Ночью я видел вокруг луны светлое кольцо,— сказал Джус.— Погода испортится. Замечаете, уж не так печёт?

Он присел на корточки, раскрыл портфель и вытаскивал из него пачку бумаг.

— Вот наш следующий дом. Он, вероятно, больше не будет называться «Садко». Видите, совершенно другой: большой, похожий на тарелку. Его легко можно будет переводить с места на место. И глубину он сможет менять сам. Это черновые наброски.

Я взял в руки листки. На них были не успевшие ещё родиться чертежи. Они словно проклёвывались

из листов. В каждом только угадывалось — будет то-то...

— Дом будет плавать, а палаточный городок? — спросил я.

— Будет подвижная береговая база. На автомашинах. Это идея Павлова.

Джус стал собирать листки.

Из-за скал показались серые ватные облачка. Они стремительно двигались.

Над вершиной хребта стало расти облако, похожее на наковальню. Оно клубилось, наливалось чернью и не предвещало ничего хорошего.

ЧТО ДЕЛАТЬ

В бухте плясали острые волны. Они выскакивали то тут, то там. На вершине каждой вспыхивал белый хохол, и волна падала.

— Толчея! — сказал Марлен.

Мы стояли с ним на берегу и смотрели на бухту. Катера, буксиры, кран сгрудились посредине. В стороне виднелась из воды макушка «Садко».

Ветер дул порывами. Наши плащи трещали и разрывались.

Раскачивалась сеть, за которой стояла клетка дельфина.

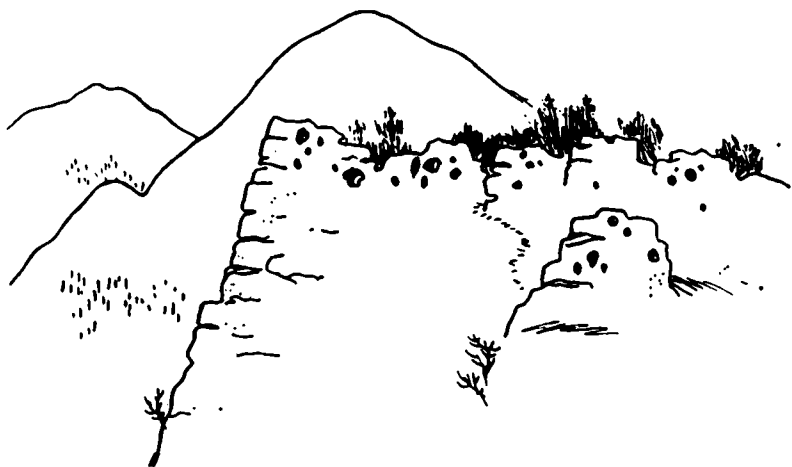
— Ну и погодка! — сказал Марлен. — А что, если узнать, на сколько дней обещают ветер?

Он сходил в первую палатку, вернулся и, улыбаясь, сказал:

— Двое суток, самое меньшее. Работ не будет. Тебе повезло: мы сейчас же идём на Эски Кермен. У меня есть одноместная палатка. Захвати еду!

ЛЕГКИЙ ПОДЪЕМ

Мы шли по дороге. Впереди Марлен, за ним я. Когда вышли из лагеря, Марлен сказал:

— Тут недалеко. Сначала долиной, а потом лёгкий подъём.

Мы шли долиной уже третий час. Покатые склоны, засаженные кукурузой. В ней домики. Пыльные собаки, привязанные у ворот. Они провожали нас добрыми взглядами.

— Что же такое Эски Кермен? — спросил я.

— Кермен — это крепость, а Эски — это Эски.

Больше Марлен ничего не сказал. Он тащил большой тук с палаткой.

Дождь то моросил, то переставал.

Мало-помалу дома и кукуруза исчезли. Долина сузилась. По сторонам её поднялись белые, обточенные дождём и ветром скалы.

Марлен сошёл с дороги на тропу. Она повела нас вверх, взобралась по склону и начала виться едва приметной ниточкой около скал. Потом исчезла в расселине.

С меня градом катил пот.

— Может, посидим? — предложил я.

Марлен упрямо шагал вперёд. Огромный рюкзак подпрыгивал на его спине.

— Сейчас выйдем на плоскогорье.— Марлен ос-

тановился. Он стоял, широко расставив ноги, и отдувался. — Спустимся, и будет Эски. Мы сократили путь ровно в два раза. По дороге идти — день.

Холодный ветер подхватил нас и потащил с тропы. Сухие колючки с лёту ударяли в лицо. Редкие капли, кувыркаясь, летели у самой земли.

Сгибаясь в три погибели, мы шли вперёд. Тропинка, пробитая в жёсткой траве, вывела нас к обрыву. Внизу было дно ущелья, белая дорога, впереди — вытянутая в длину, вся в дырках причудливая скала, похожая на корабль.

ЭСКИ!

ГОРОД НА СКАЛАХ

Выпуклые лобастые камни Эски нависли над нами. Они были выдолблены изнутри и светились, пустые, как черепа.

Окна-глазницы смотрели вниз.

— Эти казематы защищали вход в город, — сказал Марлен. — Будь мы врагами, получили бы уже по сотне стрел.

Мы пошли по гладкой известковой плите. Деревянные колёса арб выбили в ней две колени. Посредине, где ступали копыта лошадей, вилась щербатая тропка.

Дорога сделала крутой поворот, мы очутились в узком проходе между двух скал.

— Городские ворота. Справа — часовня, слева — комната стражи.

Я заглянул в помещения. Они тоже были высечены в скале. Хрупкие, тонкие стены местами были пробиты насквозь. Розовый свет наполнял их. Над полом курилась белая пыль.

Пройдя ворота, мы очутились на вершине горы. Она была плоской, поросла редкими деревьями и кустами кизила. Багряные ягоды светились в траве. Среди кустов зияли чёрные провалы подземных ходов.

Испуганные цикады, оборвав пение, замолкали при звуке наших шагов.

Нигде ни следа домов.

— Значит, жители обитали в пещерах? — спросил я.

Марлен покачал головой.

— Нет. Здесь было много домов, но шесть столетий назад татары во время нашествия сожгли их. Когда-то здесь был настоящий город.

На поляне, продуваемой ветром, у края обрыва, мы поставили палатку. Внизу под нами белел валун с чёрным отверстием в боку. Тот самый, мимо которого промчал меня Лёсик.

Я показал на него Марлену.

— Это часовня, — сказал он. — Люди Эски так привыкли резать камни, что, когда им понадобилась часовня, они выдолбили её внутри упавшего с горы валуна. Между прочим, первыми русскими, которые увидели Эски, были солдаты Суворова. Они пришли сюда во время русско-турецкой войны.

Я принёс воды, разложил костёр и вскипятил чай.

Облака разошлись. Тусклое солнце двигалось к закату. Прозрачные тени ползли по скалам Эски.

Я лежал на куске брезента, закинув руки за голову, слушал звон цикад и думал о погибшем городе. Мне слышался топот коней и мерный скрип возков. Перекликались на каменных башнях часовые, и безмолвные женщины с кувшинами на головах, как тени, проходили мимо, звеня медными украшениями.

Ещё я представил себе колонну усталых солдат на отдыхе. Прижимая к груди ружья, солдаты удивлённо смотрели вверх. Причудливая плоская гора поднималась над биваком. Серые известковые скалы были усеяны бойницами, узкие ходы вели внутрь.

Скалы просвечивали насквозь.

«Пещерный город!» — сказал старый солдат...

— Ты здорово устал, — донесся до меня голос Марлена. — Полежи, я пойду снимаю.

Он взял фотоаппарат и ушёл, я закрыл глаза. Когда Марлен разбудил меня, была уже ночь. Мы забрались в тесную, узкую палатку и легли бок о бок.

Звон цикад, от которого сотрясалась скала, было последнее, что я услышал в тот день.

КТО ВИНОВАТ!

Мы вернулись в Голубую бухту.

На берегу у дельфиньей загородки стояли водолазы и что-то горячо обсуждали.

Мы подошли к ним.

— Что случилось? — спросил Марлен.

— Как что? — возмутился Павлов. — Уж вам-то надобно знать. Вы отвечаете за биологию. Дельфин — по вашей части. Саша пропал — вот что!

— К-как?

Мы уставились на загородку. Вода в ней была совершенно спокойна. Мы смотрели минуты три. Чёрная спина ни разу не показалась.

«Как же он мог уйти?»

— Волны сдвинули с места сеть. Её надо было проверять каждый день.

Около воды стоял Рошин-второй. Он стоял вытаращив глаза и смотрел на море, словно ждал: вот-вот появится Саша.

— Дельфин — инвентарное имущество, переданное этому человеку, — холодно сказал Марлен. — Этот человек отвечает за пропажу и срыв опыта.

Рошин продолжал смотреть на море.

— Обидно, — сказал Павлов. — Но что сделаешь? Будем работать без дельфина. Ладно. Всё равно у вас ничего не получалось.

Рошин скорбно посмотрел на него:

— Почему? Он уже узнавал меня.

— А вы — его, — сказал Марлен. — Больше вы не нужны. Завтра можете уезжать.

Рощин чуть не заплакал. Он хотел возразить, но только издал горлом непонятный звук: кх-кх-хх...

МАРЛЕН НЕ ПРАВ: НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ТАКИМ ЖЕСТОКИМ.

— Хватит о дельфине, — сказал Павлов. — Завтра приезжают корреспонденты, а через два дня начинаем погружение. Может быть, наш художник возьмёт на себя общение с прессой? Как-никак вы родственные души, служители искусств.

Он посмотрел на меня.

Я смутился и сказал:

— Я что... Я с удовольствием.

НЕ ТЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ!

Они приехали на следующий день.

Ждали не только из газет — из кинохроники тоже, но приехали одни газетчики. Двое мужчин и женщина.

Один мужчина был маленький и лысый. Он представлял молодёжную газету и всё время прятался в тень, закрывал голову от солнца. Второй был весёлый и толстый. Его прислала областная газета. Этот всё время бродил по лагерю и рассказывал смешные случаи, которые бывают с работниками печати.

Женщина носила огромную шляпу и чёрные очки. Она ходила следом за толстым мужчиной, ждала, что он расскажет, и говорила:

— А вы злой! — и легонько ударяла его по руке.

— Не те корреспонденты! — сказал Павлов. Он отвёл меня за палатку и стал чесать подбородок. Я уже заметил: он всегда чешет подбородок, когда чем-нибудь озадачен. — Нам бы кино. Как же так: ставим подводный дом, а кино нет? Надо найти оператора. Придётся самому ехать... Вы тут общайтесь с ними, общайтесь.

И он уехал.

Я разговорился с корреспондентом. С тем, толстым, что рассказывал смешные случаи.

— Хотите, — сказал он, — расскажу, как я не написал свою лучшую статью?

— Давайте.

— Дело было в Ленинграде. Я тогда ещё учился на журналиста. Раз меня вызывают и говорят: «Вот первое задание. В университете есть студент, который написал очень ценную работу про слонов. Найдите его и напишите о нём статью». Иду, узнаю — есть такой. Получаю адрес, вечером являюсь. Он дома. Маленькая комнатка, в углу что-то прикрытое простынёй. Разговорились.

Действительно, студент написал работу: «Особенности скелета слона».

«Вот, — говорит, — в углу кости. Слон».

«Откуда вы его взяли?» — спрашиваю.

«Выкопал».

«Где?»

«Тут, в Ленинграде».

Я решил, что парень врёт или сумасшедший. Обиделся и ушёл. Так статьи и не написал. А потом узнал: чистая правда. Только послушайте, какая история.

До войны в Ленинграде был слон. Очень знаменитый слон, вернее слониха — Бетти. А этот парень был юннатом и часто ходил в зоопарк. Можно сказать, они с Бетти были знакомы. Когда настала война, парня забрали на фронт. А Бетти убило шальной бомбой. Её тело разделили на части и закопали на территории зоопарка. Война кончилась, парень стал учиться. На старшем курсе он стал писать работу о слонах. А о судьбе Бетти он знал. Получил разрешение директора зоопарка, достал лопату и давай копать. Перекопал весь зоопарк. Два месяца искал. И что вы думаете? Собрал весь скелет. Описал его, получилась блестящая работа. Недавно

встретил его фамилию в журнале — Вадим Евгеньевич Гарутт. Крупнейший специалист по слонам. Вот так. А я о нём не написал. Смешно?

Я покачал головой.

— Не очень. Даже наоборот — печальная история. Человек и слон... Как вам вообще пишется?

— Так себе. Плохо начинаю. Иной раз интереснейший факт, замечательные люди, а начну писать — скукота. Для меня самое трудное — начало придумать, зацепку. А для вас?

Я вздохнул:

— Конечно, зацепку. Поверить в свои силы ещё нужно. Обязательно...

РИСУНКИ

Я мало рисовал. Мне казалось: ну что рисовать?

Дельфин удрал. Осьминоги и трепанги в Чёрном море не водятся. Рыб в бухте?

Я взял альбом, сел под скалой и нарисовал по памяти всё, что случилось в эти дни.

Я нарисовал, как буксиры тащат огромный кран с наклонной стрелой. Как плавает посреди бухты на боку «Садко». Нарисовал похожие на пчелиные соты известковые стены Эски Кермена, выдолбленные изнутри скалы, и чёрные входы в подземелья среди зелёных кустов кизила.

Ещё я нарисовал Рощина-второго. Он стоял на берегу моря и тоскливо всматривался из-под руки в даль. Он ждал, не вернётся ли дельфин.

ДАВНЕНЬКО Я НЕ РИСОВАЛ ЧЕЛОВЕКА!

Когда я кончил рисовать Рощина, около скалы появилась женщина-корреспондент. На руках у неё была кошка.

— Вот, нашла на берегу, — сказала она. — Это ваш кот? Лагерный? Чуть не утонул.

— Наш, — ответил я. — Только кошки не тонут, они боятся воды. Отнесите Немцеву, это его кот.

И женщина ушла.

Всё было готово к постановке дома. Не было только Павлова.

— Везёт! Везёт! — раздалось однажды около нашей палатки.

Мы с Марленом выскочили наружу. Мимо нас пробежали полуголые водолазы.

— Кто везёт? — спросил Марлен.

— Павлов! Оператора! Бежим!

Мы побежали.

По дороге спускался к бухте грузовой «газик». За ним тянулось жёлтое облако пыли. «Газик» доехал до палаток и остановился. Из кабины вылез Павлов.

— Пожалуйста. Прошу вас! — сказал он.

Показался человек. Он лез спиной вперёд и тащил за собой жёлтые кожаные сумки.

— Знакомьтесь, — сказал, обращаясь ко всем, Павлов, — кинооператор Центральной студии. Будет работать у нас.

Человек повернулся, и я ахнул. Тот самый киношник, который снимал Телеева с осьминогом! Мой Главный киношник.

Я толкнул Марлена в бок.

— Помнишь? — спросил я его шёпотом. — Шхуна. Взрыв мины. Рыбы под водой... Это ведь тот самый!

— Ага.

МАРЛЕНА НИЧЕМ НЕ УДИВИШЬ!

— Где мне располагаться? — спросил Главный киношник.

— В палатке, вместе с художником.

Павлов подтолкнул меня:

— Вот он.

— А мы знакомы, — сказал Главный киношник. — Я очень хорошо помню вас по Тихому океану. Вы ещё советовали мне изменить сценарий.

— Да, это я.

Я помог ему перенести сумки в палатку.

— И я вас тоже знаю,— сказал Главному киношнику Марлен.— Помните, вы снимали фильм — взрыв мины под водой? Тут, на Чёрном море.

— Я много что снимал,— устало сказал киношник, и я вдруг увидел, что он здорово постарел.— Может быть, и был взрыв мины.

— Вы всё ещё снимаете морских животных? И бываете часто за границей?

— Как вам сказать... В общем, нет. Бросили на «Фитиль». Знаете, такие сатирические фильмы. Бичую недостатки.

— А-а-а...

ВОТ ОН УЖЕ И НЕ ГЛАВНЫЙ!

Я решил называть его для себя теперь просто Киношником.

— А почему вы тогда здесь? Тут нет никаких недостатков.

— Попробую потрянуть стариной: снять документальную ленту. У вас тут надолго затянется?

— Экспедиция рассчитана на месяц. Но дом поставят завтра-послезавтра.

Киношник сел на раскладушку и стал расшнуровывать ботинки. Ботинки у него были отличные — прессованная подошва с шипами и медные блямбы вместо пистонов.

И носки хорошие. И костюм.

ТОЛЬКО САМ ОН ПОПЛОШАЛ.

ДЕСЯТЬ МЕТРОВ И ВОЛЬЕР

Прежде чем погрузить дом, опустили вольер.

Это было громадное круглое сооружение вроде циркового шатра. Большой сетчатый цилиндр. Его поддерживали на воде пустые бочки. Бочки затопили, и вольер погрузился.

Можно было начинать постановку дома.

Мы собрались у лебёдки. Она стояла под навесом

на берегу и была похожа на горбатого рыжего медведя. Наступил торжественный момент.

Павлов подумал и сказал:

— Пошёл!

Мне казалось, что он должен сказать по случаю первого погружения дома речь. Или разбить о лебёдку бутылку, как это делают при спуске корабля.

Но он просто сказал: «Пошёл!»

Завыли электромоторы, скрипнули шестерни. Лебёдка ожила. Скрипнул и двинулся с места канат.

Я стоял метрах в десяти от него и смотрел, как он натягивается, ползёт, исчезает внутри лебёдки. Она поглощала его. Большой барабан, вращаясь, наматывал канат виток за витком.

Дом посреди бухты подрагивал, оседал. Вода уже лизала площадку с поручнем.

«Садко» тонул.

Наконец исчезли выпуклая верхушка дома, площадка...

Когда «Садко» скрылся, на поверхность выскочило много пузырей. Вода закипела. Белое пенное пятно постояло несколько минут и растаяло.

Лебёдка застучала быстрее.

Канат, который выходил из воды и полз к лебёдке, нёс по воздуху красный лоскут. Это была метка. Когда она подойдёт к лебёдке, будет «Стоп!». Глубина, которой достигнет дом, будет ровно десять метров.

— Стоп!

Красный лоскут остановился.

— Готово! — сказал Павлов.

С одного из буксиров спустили шлюпку. Она подошла к месту, где погрузился дом, повертелась и направилась к берегу. В шлюпке сидел Игнатьев.

— Пузырей нет! — сказал он. — Всё в порядке.

Мы провожали в дом первых акванавтов — Джу-са и Марлена.

Я очень удивился, когда Марлен стал готовить акваланг.

— Ты чего? — спросил я.

— В дом.

— Жить?

— Жить.

Я обиделся:

— Почему ты мне раньше не сказал?

— Ты ведь читал план испытаний.

— Нет.

Как-то Марлен дал мне тоненькую книжечку в розовом картонном переплёте. Она так и называлась: «Эксперимент «Садко». Но я, вместо того чтобы прочесть, сунул её под подушку.

Мы уходили тогда на Эски Кермен.

— Между прочим, — сказал Марлен, проверяя замок у своего акваланга, — там есть и твоя фамилия. Вернее, ты без фамилии. Там сказано — деятели искусств.

Я сунул руку под подушку и достал книжечку.

И верно: «Первый этап. Глубина 10 метров. Экипаж — Марлен, Джус... Последний этап — всплытие. Посещение дома корреспондентами и деятелями искусств».

— М-да! Только после всплытия.

В плане было много интересного, даже монтаж на дне буровой вышки.

— Это ещё зачем? — спросил я Марлена. — Тут же нефти нет?

— Нет. Просто опыт — заработает или нет. А искать нефть будут потом на Каспии. Сперва научиться надо, доказать всем...

Я стал смотреть, что написано про моего Ки-ношника. Вот звёздочка и примечание: «Съёмки кино на всех этапах эксперимента, по плану студии».

Мы вышли с Марленом на берег. Там уже стояли Павлов и около него Джус с портфелем.

НЕУЖЕЛИ ОН ВОЗЬМЕТ ЕГО С СОБОЙ?

Вещи акванавтов положили в контейнер. Сверху впихнули портфель.

ВСЕ-ТАКИ ВЗЯЛ!

Подошла шлюпка, контейнер отнесли в неё. Туда же сели Павлов, Марлен, Джус.

На том месте, где недавно стоял дом, качался буёк с флажком. Шлюпка ушла к нему.

МНЕ ВЕЗЁТ

Вечером я вышел посмотреть на этот флажок.
ГДЕ-ТО В ГЛУБИНЕ ПОД НИМ — ЖИВУТ ЛЮДИ.

Я стоял, скрестив на груди руки.

— Не рисуете? — раздался позади меня голос Павлова. Он незаметно подошёл и стал рядом.— Я думал, художники — чуть свободная минута — рисуют. Вон корреспонденты так и строчат. И то им объясни, и это. Еле сбежал.

Я понял, что не оправдываю его надежд.

— Понимаете,— сказал я,— мы, художники, такой народ... Как бы сказать проще... Мы смотрим, смотрим, а что получится, сами не знаем. Хотите, я нарисую ваш портрет?

Теперь покраснел он.

— Бросьте валять дурака,— сказал он.— Я ведь так. Конечно, смотрите. Между прочим, у меня дома есть несколько книг с вашими рисунками. Морских животных вы рисовали?

Я очень обрадовался:

— Я. Конечно, я! Это где осьминог, трепанги, кальмары?

— Ага. Очень хорошо нарисованы. Как живые. Вы в доме хотите пожить?

Я задохнулся от неожиданности. **ВОТ ТАК РАЗ!**

— Хотелось бы.

— Проверьтесь у врача. Будете жить со вторым экипажем.

— Я проверялся.

— Ещё раз. Беда — корреспонденты просят! Вы, я знаю, водолаз, а они-то нет!

БУДУ ЖИТЬ В ДОМЕ!

КОМАНДНЫЙ ПОСТ

В первой палатке, где расположился командный пост, было много проводов, много приборов, стояли телевизор и телефон. Правда, телевизор так и не сумели наладить. Когда его включали, мелькали одни полосы.

— В доме не хватает света. И ещё — много помех,— объяснили телевизионщики.— А так у нас всё в порядке.

Я пришёл на командный пункт — дежурил Игнатъев — и попросил, чтобы мне дали поговорить с Марленом.

Мне казалось, что получится очень интересный разговор: человек первый раз в подводном доме.

— Минутку,— сказал Игнатъев.— Запишу показания приборов и соединю.

Он раскрыл толстую тетрадь и начал писать: температура воздуха в доме... давление... влажность...

— А знаете,— сказал я,— может быть, мне скоро доведётся там жить. Павлов обещал.

Игнатъев кивнул.

— Как у вас уши?

Я вспомнил погружение на Дальнем Востоке:

— Так себе.

— Продувать надо.

Он придвинул телефон.

— Марлена вызывает берег.

РАЗГОВОР

— Привет, Марлен, это я — Николай. Ну как там у тебя?

В трубке шумело. Так шумит воздух в морских раковинах.

— Ничего,— сказал Марлен.

И замолчал. Я тоже ничего не придумал. О чём говорить? На этом наш разговор и кончился.

РАЗРЕШИТЕ, Я ВАМ ПОМОГУ

Всё-таки Павлов разрешил корреспондентам побывать в доме.

Мы сели на буксир.

— Не больше десяти минут,— сказал Павлов.— Если пробудете в доме дольше, придётся потом сидеть в декомпрессорной камере.

— Сидеть? Сколько времени? — поинтересовался корреспондент с лысиной.

Павлов посмотрел в книжечку.

— Два часа... Значит, так,— он сурово посмотрел на нас,— опускаться будут только мужчины. По очереди. С каждым идут трое обеспечивающих. Двое держат за руки, третий — сзади...

Я вспомнил, как страховал когда-то Марлена, когда тот опускался на сорок метров.

— Внутри дома, повторяю, находиться десять минут. Ответственный за все погружения Немцев.

На лысого нацепили акваланг. Он посопел и сказал, что готов.

— Тогда пошли.

Немцев первый прыгнул в воду. Потом свалился корреспондент.

Прыгая, он не придержал рукой маску. Её сбило, он захлебнулся. Немцев подхватил его под мышки.

Корреспондент долго плевался и икал.

— Может, не надо? — спросил, перегнувшись через борт, Павлов.— Ну что там интересного?

Корреспондент замотал головой. Он снова вставил себе в рот загубник и показал рукой вниз.

Они нырнули. Четыре пузырчатые дорожки свились в клубок. Вода зарябила. Потом пузыри исчезли.

— Вошли в дом! — сказал Павлов. — Я думал, не войдут.

Через десять минут вода забурлила и показались четыре головы. Пловцы работали ластами и отдувались.

Их втащили на буксир. Корреспондент стянул со лба маску. Тусклое солнце вспыхнуло на его лысине.

— Ух как интересно! — сказал он. — Вот это дом!

Опустили второго. Этот плавал, как морж, вода вокруг него кипела и расходилась кругами. Он никак не мог погрузиться.

— Навесьте на него грузы! — сказал Павлов.

Толстяку повесили на пояс несколько свинцовых плиток. Когда, побывав в доме, пловцы вынырнули, толстяк перевернулся на спину и захохотал.

— Что с ним? — встревожился я. — Может, нервное потрясение? Говорят, есть опьянение глубиной.

— Ему просто весело, — сказал Павлов.

Толстяк влез по трапу на буксир.

— Шикарный дом, — сказал он. — Только я в нём чуть не остался. Туда влез легко — был мокрый и скользкий. А там высох и застрял в люке.

Он снова захохотал.

Тогда вперёд выступила женщина.

— Мне этот надеть? — спросила она и тронула рукой акваланг.

— Пойдут только мужчины, — неуверенно сказал Павлов. Он сказал это, не глядя на неё.

Женщина подняла баллоны.

— Разрешите, я вам помогу, — сказал Немцев. Павлов отвернулся.

Немцев почесал в затылке, продул загубник и в третий раз пошёл к трапу.

— Туфли снимите,— сказал Павлов женщине.

— Ах да...

— Шут его знает! У неё есть все бумажки,— сказал наш начальник, когда женщина и Немцев скрылись под водой.— Все разрешения. Прошла курсы лёгких водолазов.

Эта пара возвратилась ровно через десять минут. Я помог женщине взобраться на буксир. Она сняла плавательную шапочку и отжала волосы. Светлые струйки побежали по немолодому лицу. Она даже не запыхалась.

— Дом как дом,— сказала она.

Корреспонденты попросили шлюпку и ушли на берег передавать по телефону свои сообщения в редакции.

Немцев сказал:

— А что? Ничего ребята. Первый и второй немало дрыгались, а эта — совсем спокойно. Всё-таки десять метров. Не в ванне!

Я спросил Павлова:

— А я?

Он пожал плечами.

— Стоит ли? Заселим дом вторым экипажем — и пойдёте. Не стоит портить впечатление. Насмотритесь.

Последним опускался в дом сам Павлов. Я сидел на корме и смотрел, как он плывёт, поблёскивая ластами. Когда он приблизился к дому, навстречу ему выплыла ещё одна человеческая фигура. Их было еле видно. Они были как два пятна — дрожащие и неверные.

Мне показалось, что они пожали друг другу руки.

Я посмотрел на берег. Из палатки, где стоял у дежурного телефон, вышел маленький корреспондент. Он, как видно, передал своё сообщение, прикрыл голову газетой и побрёл к себе в палатку отдыхать.

ЭТИ ТРОЕ-ТО МОЛОДЦЫ!

НЕ ПОВРЕДИТ

Когда мы вернулись на берег, я встретил Игнатьева. Он поманил меня.

— Соберите себе пакет,— сказал он.— Книжки, бумагу для писем. А то после дома вам ещё сидеть в камере — вот где будет скучища.

Я так и сделал. Завернул в газету карандаши, бумагу. Положил книжку.

Я долго думал, что лучше всего читать от скуки? И решил — про шпионов.

Конечно, шпионские книжки — это не литература, но ничего.

ОДНА ШПИОНСКАЯ КНИЖКА НА ТРОИХ НЕ ПОВРЕДИТ.

ПРОБКА

Марлен и Джус прожили в доме три дня. Затем их сменили Игнатьев и Немцев.

— Пусть и эти проживут два денька,— сказал Павлов,— а уж потом мы вас...

Когда два дня прошли, я напомнил ему.

— Да, да!

Он стоял передо мной и смотрел на меня сверху вниз.

БЫВАЮТ ЖЕ ТАКИЕ ГРОМАДНЫЕ ЛЮДИ!

— Зубную щётку возьмите,— сказал он,— бельё, мыло.

Я уложил всё, и Павлов повёл меня к врачу.

— Нуте-с,— сказал врач.

Он послушал моё сердце, измерил давление крови, а потом вложил в рот мундштук. На столе стоял прибор для измерения объёма лёгких.

— Дуйте!

Я напыжился и дунул изо всех сил. Прибор забулькал. Его крышка медленно поползла вверх. Она доползла до числа 1500 и остановилась.

— Ого! — сказал Павлов.

Он сидел тут же рядом и смотрел, как я тужусь.

— Н-да! — удивился врач.

Я почувствовал что-то неладное.

— Что такое? — спросил я. — Плохо дул?

— Дули хорошо, — сказал врач. — Но такой объём лёгких бывает только у детей. Полторы тысячи кубиков — это ребёнок лет десяти.

— Как же я вас пушу под воду? — сказал Павлов. — У водолаза лёгкие должны быть за четыре тысячи.

— Я знал одного водолаза, — сказал врач, — у того в лёгких помещалось семь литров воздуха!

— Вот как надо! — сказал Павлов и взял у меня из рук мундштук. Он пополоскал его в баночке с розовой водой и, набрав полную грудь воздуха, стал дуть.

Крышка поднялась чуть выше моей отметки.

— Две тысячи! — удивился врач.

— Ага! — сказал я. — Две тысячи — это ребёнок лет двенадцати.

Врач задумался. Потом он вытащил резиновую пробку — ею был заткнут прибор, чтобы не выходил воздух, — повертел её в руках, поднёс к глазам и сказал:

— Всё ясно! Пробка подсохла.

Он достал откуда-то новую пробку.

Павлов насупился, сделал несколько вдохов и дунул изо всех сил. Крышка чуть не подскочила до потолка.

— Шесть пятьсот! — весело сказал врач. — Не лёгкие, а кузнечные мехи. Теперь, пожалуйста, вы.

Я выдул ровно четыре тысячи кубиков.

— Вот это другое дело! — сказал Павлов. — Как, доктор, противопоказаний нет?

— Нет.

И он написал в моей водолазной карточке: «РАЗРЕШАЮ».

Когда я вернулся в палатку, Марлен сказал, что, кроме меня, в доме будет жить немецкий кот.

Это тоже будет эксперимент.

— Ты знаешь,— сказал я,— что-то ноги болят. Уже несколько дней. Я врачу, конечно, не жаловался.

— И правильно сделал. Это после Эски. В подводном доме отдохнёшь!

ЕЩЕ О ДЫХАНИИ

Когда Павлов выдувал свои шесть тысяч, я вспомнил, как мы с ним сидели однажды на буксире.

От дома к судну плыли два водолаза. Людей не было видно; две дорожки пузырей тянулись от «Садко» к нам.

— Справа Игнатьев плывёт,— сказал Павлов.— А слева... Не знаю, может быть, Джус.

— Как это? — удивился я.— Человека не видно. Как же вы можете знать?

— По пузырям. Какой у человека характер, такие и пузыри. Игнатьев — скала. Его расшевелить — надо гору взорвать. Он и дышит соответственно. Выдох от выдоха через минуту. А Джус у нас быстрый, всё торопится. Раз-раз! — сообразил и сделал. Пожалуй, это он дышит!

Аквалангисты доплыли до борта и, шлёпая ластами по стальной лесенке, стали выходить.

Они сняли маски, первым шёл Игнатьев. Вторым — Джус.

Помню, я тогда сказал:

— О-о-о-о!

В «САДКО»

Провожать меня пошли на шлюпке Павлов и Марлен.

Мы выгребли на середину бухты, привязали шлюпку к буйку и стали надевать акваланги.

— Всё взяли? — спросил Павлов.— А щётку?

— Взял.

— Послушай...— сказал Марлен.— Я Немцеву говорил уже: будете плавать, присмотрите хорошее дно для акустического полигона. Чтобы чистое было, много рыб и укрытия — камни, что ли.

— Угу!

Я бросил в воду полиэтиленовый мешок, слез сам, нырнул. Под водой мешок надулся и как маленький аэростат, потащил меня вверх. Я ухватился за него. Мешок вырвался и ракетой взвился к шлюпке.

Я всплыл, поднял маску на лоб и пожаловался:

— Не хочет тонуть!

— И не захочет,— сказал Павлов.

Он достал из-под скамейки сумочку с грузиками, положил внутрь моего мешка грузик и бросил в воду.

Мешок плавно пошёл на глубину. Я еле успел схватить его. Рядом прошумело — это прыгнули из шлюпки Павлов и Марлен.

Подо мной колыхалось огромное белое пятно. Оно покачивалось и двоилось. Это был «Садко».

В стороне смутно виднелся вольер.

Я опустил на верхнюю площадку дома, цепляясь за выпуклую стену, подобрался к иллюминатору.

Прямо на меня через толстое стекло смотрел Немцев. Он смотрел на меня изнутри очень серьёзно и беззвучно шевелил губами. Должно быть, разговаривал с Игнатьевым.

Сзади кто-то проплыл. Я обернулся. Павлов делал знаки: «Пошли!»

Мы нырнули под дом. Вот и вход.

Павлов подтолкнул меня, и я очутился внутри широкой стальной трубы — тамбура.

В глаза ударил электрический свет, по стеклу маски покатались струйки воды.

Кто-то подхватил меня под руки.

Ноги нащупали ступеньку.

Стоя в воде по пояс — голова и грудь в воздухе, — я снял маску, увидел Игнатьева и сказал: — Привет!

Голос у меня оказался глухой, ватный.

Снизу меня толкали.

Я вылез из воды и, сев на лавочку, стал стаскивать с себя снаряжение. Мешок положил на пол. Через белую плёнку огоньком светилась зубная щётка.

ВОТ Я И В ПОДВОДНОМ ДОМЕ!

У ног колыхалась жидкая прозрачная дверь. Никакой двери в тамбуре не было. Была вода. Сжатый внутри дома воздух не давал ей подняться и залить дом.

Водяное зеркало расколосось. Показалась голова Павлова. Он спросил:

— Всё в порядке? Располагайтесь!

И скрылся.

ДОМ

Первым делом Немцев показал мне помещения.

— Осторожно, — говорил он, — тут можно удариться коленом, тут — головой.

Мы карабкались по железным лесенкам, как белки. В доме было три комнаты — три отсека.

Нижний, через который я вошёл, жилой и лаборатория.

В нижнем стояла скамеечка, висели на крючках гидрокостюмы и акваланги.

Ещё тут было много кранов.

— Ох, сколько их! — сказал я. — И каждый небось нужен.

— Конечно, воздух, вода.

— А если не тот повернёшь?

Немцев даже удивился. Он потрогал свои — щёткой — усы и сказал:

— Скорее всего, утонете. Или взорвётесь... Не шутите. Идёмте в жилой отсек.

В жилом отсеке было всё: и столовая, и спальня, и кают-компания. Стояли в два яруса койки, обеденный стол, висело радио.

Через люк мы поднялись в лабораторию. В ней было много приборов, и она походила на кабину космического корабля.

Я облазил весь дом и почувствовал, что в нём чего-то не хватает.

Чего? И вдруг понял: кухни!

— Где же вы готовите пищу? — спросил я.

— Как, разве вы не видели? У нас есть шикарная плита с необыкновенной вентиляцией.

Меня повели снова в лабораторию. У стены стоял никелированный, с пластмассовыми ручками, массой циферблатов прибор.

ВОТ ТАК ПЛИТА!

— Электрическая! — с гордостью сказал Немцев. — Сюда ставите сковородку. Здесь устанавливаете температуру, здесь время. Закрываете дверцу. И через несколько минут — гудок! Пожалуйста, обед готов... Вы сколько дней пробудете с нами?

— Десять.

Он показал мне мою койку.

— Между прочим, — сказал Немцев, — деликатный вопрос. Вы не храпите?

— А что?

— Должен предупредить. Здесь и без того повышенная нагрузка на нервы. Говорят, у американских гидронавтов был случай: один водолаз храпел, так другой чуть не выбросил его из дома.

— Что вы, я сплю, как ангел!

Мы оба засмеялись.

Смех в доме звучал странно, тоже глухо и как-то невесело. Вдруг неподалёку от койки я заметил портфель Джуса.

НЕУЖЕЛИ ЗАБЫЛ?

— Не поместился в контейнер, — объяснил Немцев. — Бумажки Джус взял, а портфель оставил. Сказал — потом.

КАК ЖЕ ТЕПЕРЬ ДЖУС БЕЗ ПОРТФЕЛЯ?

ВОЛЬЕР

С берега позвонили: в вольер будут сажать рыб.

— Надо проверить сеть, — сказал Немцев. — Пойдёте со мной?

Мы вышли из дома.

Вольер висел неподалёку от «Садко». Он парил, как воздушный шар, невесомый, раздутый. Снизу его держали якоря, вверх тянули поплавки. Их было много — целая гирлянда поплавков.

Мы подплыли к вольеру, нашли дверь. Отведя засов, проплыли внутрь.

Никаких повреждений сети не было.

Только мы вышли из вольера, как над нами появились два тёмных пятна. Это опускались люди и тянули на верёвочках за собой мешки. В них за прозрачной плёнкой беспокойно металась рыба.

Водолазы подплыли ближе. Немцев открыл дверь вольера. Мешки затолкали внутрь и открыли. Пёстрая стайка заklubилась внутри вольера: вилохвостые ласточки-монашки, серебристые лобаны, зеленеватые, с чёрными копеечками на хвостах ласкири...

Дверь закрыли, и один из водолазов похлопал меня по плечу. Через овальное стекло маски на меня смотрели внимательные глаза Марлена.

Я показал ему большой палец.

ВСЁ В ПОРЯДКЕ!

Мы с Немцевым вернулись в дом.

Там опять звонил телефон.

— Волнуются наверху,— мрачно сказал Игнатьев,— как вы переносите пребывание на глубине. Приказали надеть на вас комплект датчиков. Никогда не летали на космическом корабле? Сейчас получите представление.

ДА-А... ТУТ Я, КАЖЕТСЯ, ОТДОХНУ!

ВИТОК ВОКРУГ ЗЕМЛИ

Меня усадили посреди лаборатории и стали обвешивать датчиками.

Они все были со шнурами и присосками. Очень смешно: электрический шнур, на конце присоска, внутри присоски пластинка. Одну присоску мне прилепили напротив сердца, вторую — у самого горла, две или три на спину, ещё одну — к рёбрам.

Я вспомнил Лёсика и нервно засмеялся.

— Боюсь щекотки...— сказал я.— У вас холодные руки.

— Всё, можете ходить,— сказал Немцев.

Я встал и сделал несколько шагов. Шнуры, извиваясь, как змеи, потянулись за мной.

— Это космические датчики. Такие надевают космонавтам,— объяснил Немцев.— Сейчас можно позвонить на берег и узнать, какая у вас температура.— Он снял трубку.— Сообщите показания... Температура тридцать шесть и девять. Пульс семьдесят четыре... Дыхание нормальное... Всё в порядке... А знаете, бывают датчики, которые прикрепляют к голове. Для этого надо обрить макушку.

— Нет уж, увольте,— сказал я.— С меня доволь-

но температуры. Тридцать шесть и девять? Обычно у меня тридцать шесть и шесть. И пульс — шестьдесят.

— Это от высокого давления. Ничего, привыкнете.

Я хотел подойти к столу, запутался в шнурах и остановился.

— Ходите только взад и вперёд, по радиусам,— сказал Игнатъев.— Не вальсируйте. И не прыгайте.

Я обиделся, сел на стул, и просидел на нём неподвижно целый час.

— С берега передают — можно снять,— сказал наконец Игнатъев.— Они говорят, вы идеальный пациент. Ни одной помехи за счёт движений. Немцев — тот оборвал два шнура.

Я отлепил от груди датчик. На том месте, где только что была присоска, розовело маленькое круглое пятнышко.

ПЕРВАЯ ПОДВОДНАЯ НОЧЬ

Вечером после чая я залез на свою койку, лёг на знаменитый бело-голубой матрас и попытался уснуть.

С непривычки и от давления отчаянно колотилось сердце. Шумело в голове. Простыня сразу сделалась мокрой. Приборчики не помогали.

Над койкой к стене была приделана маленькая лампочка-ночник. Она была очень слабая, и волосок в ней горел не белым, а красным.

Я попробовал смотреть не мигая на лампочку и считать. Говорят, это лучший способ уснуть.

— Вам неудобно лежать наверху? — спросил Немцев.— Поменяемся?

— Нет, почему...

Я вертелся до полуночи. Внизу на столике стоял будильник. Когда я засыпал, на нём было десять минут первого.

Мне приснилось, что какие-то люди в чёрных

водолазных костюмах тащат под водой металлическую клетку. Они хотят поймать меня. Я плыву, судорожно перебирая ногами, но люди не отстают. Вот они подняли клетку, опустили. Удушливая темнота окружила меня. В чёрной воде белыми полосами светились прутья. Я дёргаю загубник, и в рот мне льётся вязкая, как смола, вода...

Я вздрогнул и проснулся. Тускло горел ночник. Внизу на столе мерно тикали часы.

Ночь... Первая подводная ночь. Она тянулась бесконечно долго. Медленно, как стальной трос, который устало тащит из воды лебёдка.

КОРАБЛЬ

— Так что, поищем Марлену полигон? — спросил Немцев.— Поплывём, а?

— Поплывём! — обрадовался я.

Когда мы уже собрались выходить, Игнатьев сказал:

— Возьмите эту маску.

Он достал из ящичка стола и протянул мне маску с резиновым мешочком у носа — для пальцев, чтобы зажимать нос и продувать уши.

КАК ОН ЗАПОМНИЛ, ЧТО ОНИ У МЕНЯ СЛАБЫЕ? И МАСКУ ПРИБЕРЕГ...

Скоро мы с Немцевым уже удалялись от дома. На руке у каждого компас.

Мы плыли на юго-восток.

Дно было хорошее, ровное, но без укрытий. Белое, покрытое галькой дно.

Среди мелких камней торчали редкие рыжие водоросли. Лобастые барабульки, щупая дно усами, бродили от куста к кусту.

НЕТ, ЭТО ДНО МАРЛЕНУ НЕ ПОДОЙДЕТ!

Зелёная, как бутылочное стекло, вода стеной стояла перед нами.

Мы плыли вперёд, и стена отдалялась.

Впереди показалось смутное пятно.

Мы подплыли ближе. Пятно уплотнилось, изменило цвет и превратилось в груду железного лома. Бурые с красными и чёрными потёками листы.

Тлен, запустение...

Стаи мелких рыб бродили около железной горы; рыбы скрывались в проломах и появлялись вновь.

КОРАБЛЬ! ДА ВЕДЬ ЭТО ЗАТОНУВШИЙ ПАРОХОД!

Мы висели бок о бок и разглядывали остатки корабля.

Тихий зелёный свет лился на наши лица.

Наконец Немцев тронул меня и поплыл вперёд. В борту зияла пробоина. Он остановился, заглянул в пролом, сделал лёгкое движение ластами и скрылся внутри корабля.

Я заглянул в пролом.

Далеко впереди в темноте светилась похожая на звезду точка. У неё был спокойный зеленоватый цвет.

Осторожно, чтобы не задеть баллонами за железо, я пробрался внутрь. Я влез туда, помогая себе руками, то и дело цепляясь ластами за острые рваные края.

И вот я внутри.

Неподвижная тёплая вода. Темнота.

КАК В ПОДЗЕМЕЛЬЕ!

Кто-то схватил меня за руку. Я вздрогнул. Невидимка потянул, и я послушно поплыл следом.

Меня тянули к зелёной точке. Мы приближались к ней, точка росла, раздавалась вширь и, наконец, превратилась в круг. Корабельный иллюминатор!

Лицо Немцева выплыло из темноты и, блеснув маской, снова ушло в тень.

Я осмотрелся. Из полумрака выступали вертикальные стойки, изогнутые перекладины. Вероятно, это был трюм. Может быть, здесь висели солдатские койки. Это их покинули по тревоге люди в ненастную ночь, которая стала для парохода последней...

Лёгкие тени замелькали перед иллюминатором.

Я поднёс к нему руку и выставил её наружу. Вилохвостые ласточки-монашки весёлым клубком окружили ладонь. Рыбы тыкались твёрдыми губами в пальцы.

Вдруг ласточки бросились врассыпную. Я отдернул руку. Прямо на меня из иллюминатора смотрел выпученными глазами большой каменный окунь. Он жевал губами и тяжело дышал. Синие и коричневые полосы на его теле шевелились.

Окунь вильнул хвостом и неторопливо поплыл прочь. Он плыл, растопырив грудные плавники и раскачиваясь всем телом.

В освещённом пространстве около иллюминатора снова появилось лицо Немцева.

Мы повернули назад. Светлый треугольник пролома указывал нам путь. Мы выплыли через него, и поток лёгкого света подхватил нас.

Здесь бушевал солнечный ветер. Светлые пылинки вились перед лицом. Упругая прохладная вода обтекала мышцы.

МЫ ВЫШЛИ ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ.

Когда мы вернулись в дом и рассказали Игнатьеву о находке, тот сказал:

— А что? Спросите Марлена. Чем ему не полигон? Такое укрытие!

Мы с Немцевым тотчас кинулись звонить.

— Посмотрю сам,— ответил мой друг.

Особой радости он не проявил.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ПЛИТА

Я решил приготовить обед.

— А вы умеете? — удивился Немцев.— А то смотрите, обычно готовлю я. Ну, если вам так хочется...

Он пожал плечами.

Я принялся за дело.

Легче всего было приготовить суп. В термосе

хранился кипяток. Я налил его в три чашки, бросил туда бульонные кубики.

Салат — тоже не проблема. Я открыл банку горошка.

Котлеты! Оставалось поджарить котлеты. Они лежали в холодильнике. Рубленые и обсыпанные сухариками.

— Жарьте пятнадцать минут! — сказал Немцев и ушёл.

Я положил котлеты на сковородку, бросил туда кусок масла, закрыл крышкой и поставил в духовку.

ГДЕ ТУТ ТЕМПЕРАТУРА? ГДЕ ВРЕМЯ?..

Как только я включил плиту, она загудела, как самолёт. Все плиты, с которыми я имел дело раньше, спокойно стояли на месте. А эта гудела и подрагивала, как «ТУ-104» перед разбегом. Мне сразу это не понравилось.

Пока котлеты жарились, я ходил вокруг плиты и принюхивался. Чтобы котлеты хорошо прожарились, они должны чуть-чуть подгореть. Это не страшно: подгорает сухарная крошка, зато само мясо делается вкусным. Но запаха гари все не было. Я повернул ручку температуры раз, потом ещё раз... Через пятнадцать минут запищал гудочек: туу-у-у!

Я выключил плиту, достал из духовки сковородку и осторожно снял крышку. Клуб чёрного дыма вырвался из-под неё.

На дне лежали три уголька.

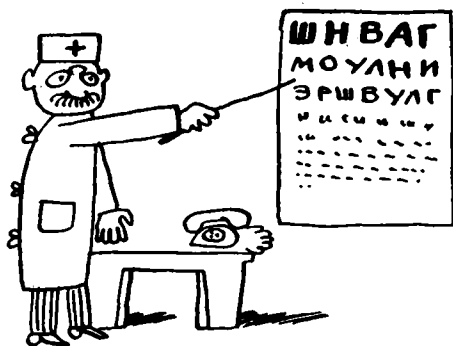
Обжигая пальцы, я завернул угольки в бумажку и выбросил в ведро. Потом начал скрести сковороду. Не успел я вычистить и повесить её на место, как в отсек спустился Немцев.

— Ну как? — спросил он, потирая руки и принюхиваясь. — Что на обед?

— Бульон, — ответил я, — и горошек.

— Лёгкий обед! — удивился он. — Разгрузочный день?

— Горошек улучшает зрение, — ответил я уклончиво.

После обеда я стал мыть посуду, а Немцев сказал:
— Знаете, ничего! Чувствуешь себя лёгким-лёгким. С вами не потолстеешь. А разве не морковь улучшает зрение?

— Морковь,— согласился я.— А котлеты у меня сгорели...

И вдруг я сообразил. Я сообразил, почему не было запаха гари. Дыма не было потому, что работала НЕОБЫКНОВЕННАЯ вентиляция.

Нет, всё-таки простые плиты лучше!

ВТОРАЯ ПОДВОДНАЯ НОЧЬ

Вторую ночь я спал тоже не очень спокойно. Мне несколько раз снился большой ржавый корабль. Он лежал на дне, и вокруг него хороводили рыбы.

Потом корабль исчез. Вместо него на дне стояла электрическая плита. Из неё шёл дым. Дым был такой сильный, что у меня засвербило в носу. Я чихнул и проснулся. Часы показывали пять утра.

ГОЛОСА РЫБ

— Сегодня будем записывать рыб,— сказал Игнатьев.— Придёт Марлен.

Тот появился сразу после завтрака. Не успели с берега позвонить, чтобы мы встречали, как около

входного тамбура слышалось царапанье, вода забурлила и появился человек.

Серебряные пузыри, как тарелочки, всплывали вместе с ним.

Человек пробил головой плёнку воды и сбил маску на лоб.

— Привет! — сказал Марлен отдуваясь. — Ну, как дела?

— Живём.

Он выбрался из воды и пошёл вместе с Игнатьевым готовить аппаратуру.

Ничего особенного в этой аппаратуре не было: обыкновенные магнитофоны. Только у некоторых приставки — запись звука пером на бумажную ленту.

Когда они всё приготовили, Марлен сказал:

— Сделаем так. Идите в вольер. Повесьте гидрофоны и ждите. По команде будете кормить рыб. Несколько раз придётся рыб испугать. Запишем испуг. Ясно?

— Ясно.

Мы с Немцевым отправились в вольер. Плыли, тащили два гидрофона и тянули за собой шнуры.

Вот и вольер — весь будто сотканный из паутины. Невесомый, прозрачный...

Мы заплыли в него, повесили гидрофоны. Немцев стал ждать команд.

Вот он снял с пояса мешочек с кормом. Вывернул. Коричневое облачко повисло в воде, весёлая рыба карусель закружилась вокруг него.

Немцев не двигался.

Но вот он бросился вперёд, рыбы, как одна, порскнули в стороны.

ЗНАЧИТ, БЫЛА КОМАНДА ПУГАТЬ!

И так несколько раз.

Плывая вдоль проводов, мы вернулись в дом.

В тамбуре я столкнулся с Марленом. Он что-то промышал в маску, похлопал меня по ноге и, оставляя за собой тучу пузырей, нырнул.

— Всё нормально,— сказал Игнатьев.

Он показал записи.

На бумажных лентах дрожали извилистые коричневые линии — запись звуков, которые издавали рыбы во время еды. В нескольких местах линии становились размашистыми и тревожными.

— А это вы пугали рыб?

Игнатьев включил магнитофон.

В лаборатории зашумело, забулькало. Послышалось чавканье и скрежет.

— Ничего себе уплетают! За обе щеки! — сказал Немцев.— А где же испуг?

Сколько мы ни прислушивались, криков испуга услышать не смогли.

— Видно, у нас с вами не рыбий слух,— сказал я.— Недаром говорят: тихо, как под водой. Оказывается, есть и неслышный шум!

КЕССОН

На другой день нам приказали встречать контейнер с каким-то особым грузом.

— Что в контейнере?

— Увидите.

Его приволокли два водолаза. Они всплыли в тамбуре, и вместе с ними всплыл круглый, похожий на высокую кастрюлю с крышкой, контейнер.

Мы с Немцевым подхватили его и вытащили из воды. Водолазы, хрипя и булькая, ждали.

Немцев открыл крышку.

«Мяу!»

На дне контейнера сидел котёнок.

Водолазы засмеялись:

— Всё в порядке, жив! — И они погрузились.

— Смотри-ка, и пакет с песком положили!

Котёнок тряс головой и тёр лапами уши.

— Что, давит? — спросил Немцев и потащил котёнка наверх, в жилой отсек.

— Я знаю, как его назвать,— сказал он Игнатьеву.— Нашёл водолазное имя. Кессон. Хорошо?
— Сойдёт.

УТРО, ДЕНЬ И ВЕЧЕР

Теперь каждый день мы записывали рыб.

Бумажные ленты с записями ползли из приборов на пол.

Я брал в руки ленту и, не глядя на часы, знал, что там наверху — утро, день или вечер.

Утром рыбы просыпались и начинали шуметь. Записи делались колючей и размашистей — рыбы ели. Игнатьев включал репродуктор, и наш дом наполнялся хрустом и скрежетом. Рыбы чавкали, урчали, пережёвывали еду.

Около полудня шум стихал. Коричневая дорожка на ленте делалась узкой.

К вечеру всё повторялось. Размахи пера, чертившего на ленте извилистую линию, снова становились большими, а сама линия — колючей.

Рыбий день шёл к концу.

Кессон слушал рыбий скрип и скрежет, склонив голову набок, подняв одно ухо. Когда репродуктор выключали, он вставал и шёл по столу, мягко переступая через провода, мимо белых циферблатов, на которых дрожали тонкие блестящие стрелки.

Немцев записывал показания приборов. Кессон садился около его руки и внимательно смотрел, как скользит по бумаге красный шарик автоматической ручки.

АКУЛА

— Акула, смотрите, акула!

Мы с Игнатьевым бросились к иллюминаторам. Немцев возбуждённо тыкал пальцем в стекло. Там, у вольера, стояла остроносая полутораметровая рыба. Я сразу узнал её: маленькая акула-катран.

За прозрачной сетью беспокойно метались рыбы-ласточки.

— Могли бы и не бояться,— сказал Немцев.— Катран предпочитает крабов.

— Это уж позволь ему лучше знать...

Игнатьев ушёл возиться со своими магнитофонами.

Вдруг акула насторожилась, медленно повернулась и поплыла к нам. Не доплыв до «Садко», она опустила нос и быстро пошла под дом.

— Смотри, увидела кого-то! — сказал Немцев.— Нет, плывёт назад!

Катран вёл себя непонятно. Он несколько раз возвращался к вольеру, останавливался, смотрел на рыб и вдруг срывался с места и стремительно бросался под дом.

— Что он там нашёл? — удивлялся Немцев.

Он поднялся наверх к Игнатьеву.

— Идите скорей сюда!

Я полез в люк.

Игнатьев сидел на корточках и копался в ящике с инструментами. Оба магнитофона работали. Коричневые ленты змейками перебегали с одной катушки на другую.

— Повтори, что у тебя тут записано,— сказал Немцев.

Игнатьев недовольно поднялся и посмотрел на ленты.

— Ты записан,— сказал он.— Пугаешь рыб и занимаешься прочей ерундой.

И тут меня осенило: катран подходит к дому, потому что слышит испуганные крики рыб! Наверно, звук передаётся через стальные стенки в воду, катран думает, что там кто-то охотится, и спешит, торопится к чужому столу.

Но скоро катран понял, что его дурачат.

Когда мы с Немцевым вернулись к иллюминатору, акулы не было. Она ушла.

СУМЕРКИ ДНЕМ

Позвонил Павлов и сказал:

— Опускаем буровую!

Шёл уже девятый день моего подводного сидения.

Я стоял у иллюминатора и смотрел, как опускаются одна за другой части буровой вышки. Мимо проплыли суставчатые ноги, пузатый, похожий на бочонок, мотор, разделённый на части вал, лебёдка с тросом.

Со дна навстречу им поднялось зелёное облако. Потрявоженный ил клубился. Облако росло, как перед грозой. Я посмотрел на часы — три часа дня.

Это там, наверху. А у нас всё те же сумерки.

КЕССОН И ОБЛАКА

Кессон не любил ходить по железу.

— Он же босиком! — объяснял Немцев.

Ел котёнок на столе, спал в коробке из-под печенья.

Больше всего его интересовала в доме прозрачная дверь. Когда ему удавалось пробраться в нижний отсек, он садился около люка, вытягивал шею и смотрел вниз.

Там тускло и таинственно светилась вода. Поверхность её была совершенно неподвижна, где-то у самого дна бродили тени. Я сначала думал, что это рыбы, но потом сообразил, что таких огромных рыб в Чёрном море нет.

И тогда я понял — это облака. Тени облаков, плывущих над морем.

Кессона они очень занимали. Несколько раз он пытался, опуская лапу, достать эти тени.

Неподвижность воды его пугала.

Приходил Немцев, говорил:

— Свалишься, дурак! — и уносил котёнка наверх.

По ночам мне снились
пустые рамы от
картин.

БОЛЬШЕ ЗВЕРЕЙ НЕТ!

Наконец настал десятый день. Последний день нашего пребывания в доме.

С утра началась суматоха. Звонил телефон. Несколько раз приплывали аквалангисты — проверяли лифт.

Пришёл доктор и внимательно осмотрел нас. Он выслушивал Игнатьева, когда с пола на стол прыгнул Кессон.

— И тебя послушаем,— сказал доктор и стал слушать, как бьётся у кота сердце.

— Значит, так: в декомпрессионной камере будете трое суток,— сказал он.— И этот зверь с вами. Насколько я помню, случаев декомпрессии кошек мировая наука не знает. Так что ты — первооткрыватель!

Он щёлкнул Кессона по лбу.

Котёнок пищал и вырывался. Доктор посчитал у него пульс и что-то записал в блокнот.

— Здоровый организм! — сказал доктор.— Больше зверей у вас нет?

Мы пошли провожать доктора.

Вместе с ним должен выйти Немцев. Он будет снимать гидрофоны.

Мы стояли в нижней кабине и смотрели, как одеваются Немцев и доктор.

Кессону не приходилось ещё видеть, как одевается водолаз.

Ему не понравилось, что его друг неожиданно стал весь резиновый и блестящий.

Котёнок мяукнул.

Доктор опустился по лесенке в люк, помахал нам рукой и скрылся.

За ним полез Немцев.

Кессон завертелся и потянулся за ним.

Стоя по пояс в воде, Немцев говорил с Игнатьевым.

Он просил осторожно тащить шнуры гидрофонов.

Котёнок тревожно смотрел на него. Немцев отпустил руки и без всплеска ушёл под воду. Его силуэт хорошо был виден на фоне светлого дна.

И тогда произошло неожиданное. Кессон пискнул, перелетел через кольцевой порог и шлёпнулся в воду. Мы с Игнатьевым бухнулись на колени и вытащили котёнка.

Кессон шипел, дрожал всем телом и озибался.

— Вот видите,— сказал я,— а ещё говорят — кошки боятся воды.

— Так то нормальные кошки, а это — подводная.

Игнатьев завернул Кессона в полотенце и положил на стол. Котёнок распутался, сел на лабораторный журнал и оставил на нем мокрое пятно.

— Так он весь перемажется,— сказал я,— и всё испачкает!

Тогда Игнатьев полез в ящик с водолазной одеждой, достал шерстяной носок, засунул в него Кессона и повесил носок на лампу.

Носок был толстый, плотный, котёнок не мог вытащить лапы. Из носка торчала одна его голова.

От лампы струилось тепло. Кессон сначала ворочался в носке, потом согрелся и уснул.

Когда до нашего выхода оставалось совсем немного, позвонил Павлов.

— Направляю к вам кинооператора,— сказал он.— Будет снимать эвакуацию дома. Если надо, задержитесь на часок.

Мы с Немцевым тут же поспорили: сам приплывёт Киношник или его опустят в лифте?

— Конечно, в лифте,— говорил Немцев.— Всё-таки известный человек. Снял несколько картин.

Я покачал головой.

— Киношники — отчаянный народ. Они для искусства идут на всё. Помню, этому режиссёру надо было на Дальнем Востоке снять битву с осьминогом, так что вы думаете — построили аквариум кубов на тридцать...

— И хорошо получилось?

— Битва? Не очень,— уклончиво ответил я.— Но грандиозное было дело! А ещё он корову с парашютом однажды сбросил. Тоже надо было. Для искусства.

Услыхав про корову, Немцев и Игнатьев сказали:

— Ну орёл!

Опять позвонили с берега и приказали: «Встречать!» Приплыли трое. Из люка появились один за другим Павлов, Марлен и Киношник. Павлов и Марлен поддерживали его под мышки.

— Быстро мы вас? — сказал, отдуваясь, Марлен.

Киношник снял маску, потряс головой и показал на уши: «Не слышу!»

Все трое разделись и поднялись в лабораторию.

Киношник сел на стул и поморщился. Видно, ему здорово давило на уши. Потом он потрогал сердце.

— У нас всего пятнадцать минут,— сказал тусклым голосом Павлов.

Киношник кивнул.

— Я предлагаю снимать так,— сказал Марлен.—

Люди складывают постели, вынимают ленты из приборов, просматривают вахтенный и приборные журналы. Затем выход через люк, мы закрываем лифт, лифт уходит наверх. А?

— Что? — спросил Киношник. Он вдруг позеленел и икнул.

— Начинайте снимать.

— Дайте мне пить.

Ему дали стакан воды.

— Где-то должен быть экспонометр, — сказал Киношник. Он вяло похлопал себя по карманам. — Где мой экспонометр?

— Мы не брали его.

— Осталось десять минут, — сказал Павлов. — Вам помочь?

— Понимаете, положил в палатке на стол экспонометр. Японский экспонометр. Я купил его в Токио на фестивале...

— Время уходит! — чуть не плача сказал Марлен.

— Семь минут. — Павлов нервничал. — Если быстро снимать...

— Как же я буду снимать без экспонометра?

Тут наш гость совсем оглох. Минут пять он просидел, хватая воздух ртом.

— Четыре минуты, — сердито сказал Павлов. — Три... Две. Времени осталось, только чтобы надеть акваланги.

Мы проводили их. Павлов и Марлен шли злые и молчали.

— А вы знаете, мне лучше! — сказал Киношник, когда на него надели баллоны. — Может быть, попытаться снять на глазок, без экспонометра?

— Осторожно, не упадите в люк! — мрачно сказал Павлов. — Разрешите, я вас поддержу...

Они скрылись под водой.

С берега позвонили, что лифт у дома.

Мы стали укладывать вещи в контейнер. Поверх вещей посадили Кессона.

— Стойте! — сказал Немцев.— Звонил Джус, просил захватить портфель.

— Ну куда же его? — сказал Игнатьев.— Задавим кота.

Мы оставили портфель и стали по одному выходить. Рядом с «Садко» неподвижно висел в воде белый цилиндр. В нём снизу был открыт люк. Мы забрались внутрь лифта и уселись на кольцевой скамеечке, тесно прижавшись друг к другу. Контейнер мы держали на руках.

Игнатьев прикрыл люк. Цилиндр качнулся. За выпуклым стеклом маленького иллюминатора побежали пузырьки, начался подъём. Потом цилиндр лёг на бок, и за стеклом вспыхнул дневной свет.

В стекло струями била вода. Нас буксировали к берегу. Наконец тряска прекратилась, и раздался скрип. Цилиндр везли на тележке по рельсам. Удар!.. Маталлический лязг. Что-то скрипело и позвякивало. Лифт состыковали с камерой.

— Можно открывать люк? — спросил Игнатьев. Он так и не снимал наушников.— Есть открывать!

Мы осторожно отодвинули крышку. Раздалось лёгкое: пшш-шш! Это уравнилось давление.

Через люк по одному мы вышли в камеру.

— Вот тут другое дело! — сказал я.— Какой простор! Ноги вытянуть можно.

Игнатьев уже завинчивал крышку камеры. Сейчас отсоединят лифт, и мы начнём отсчитывать три дня.

КАКОЕ ЯРКОЕ, ВЕСЕЛОЕ НЕБО ВИДНО В ИЛЛЮМИНАТОРЕ!

Небо было затянуто облаками.

КУСОК КОРАБЛЯ

Первым делом открыли контейнер и вытащили Кессона. Кот потянулся.

— С этим всё в порядке!

Немцев доставал свёртки.

— Чьё бельё? Мыло и полотенце... Краски, кисти... Журналы с записями...

Он положил на стол длинную щепку, чёрную и влажную.

— Это ещё что такое? — удивился Игнатьев.

— Кусок палубы английского корабля. Понимаете, я подумал: дерево в воде пролежало сто лет, по нему пробегали матросы, топали солдаты. Всё-таки историческая щепка. Решил взять. Дома положу на стол. Буду работать и смотреть.

В плоском стекле иллюминатора показалось озабоченное лицо Джуса.

Немцев развёл руками и показал на котёнка:

— Оставили! Или его, или портфель.

Джус ничего не услышал.

— Скажи ему по телефону.

Немцев взял трубку:

— Не беспокойтесь, пожалуйста, портфель на месте. Он в доме.

Джус недовольно покачал головой.

Начались первые сутки нашего заключения.

ТРИ ДНЯ СО ШПИОНАМИ

Я читал.

Я лежал на узенькой жёсткой койке и читал. Когда мне надоедало читать, я думал.

Я думал, как можно использовать записи — звуки голосов рыб? Можно отпугивать рыб от плотин электростанций, от работающих земснарядов... Можно привлекать их к сетям и местам лова...

Время от времени я поглядывал на манометр. Большой медный манометр висел на торцовой стене камеры.

Мы все смотрели на него. Тонкая стрелка изнурительно медленно ползла влево. Давление падало. Оно снижалось так неторопливо, что казалось, стрелка никогда не дойдёт до нуля.

КОГДА ОНА ДОСТИГНЕТ НУЛЯ, ОТКРОЮТ ЛЮК.

Я потянулся и швырнул книжку на пол. Все книжки, которые мы взяли с собой, оказались про шпионов. Немцев взял про шпионов, Игнатьев — про шпионов. И я.

Из-за этих книжек у меня пропал аппетит. Стоило закрыть глаза, как из всех углов начинали вылезать шпионы. Они были с черными накладными бородами, подходили ко мне и шёпотом называли пароль.

Однажды, когда я задремал, шпион наклонился надо мной, вытащил из кармана пистолет и выстрелил мне в живот.

С диким криком я вскочил и ударился лбом о потолок.

С живота на ноги ко мне скатился Кессон.

— Ты что? — спросил Немцев.

С перепугу он сказал мне «ты».

Я тяжело дышал и мотал головой.

— Вам на живот прыгнул котёнок — только и всего!

Я перевёл дыхание.

— Давайте поговорим о литературе, — сказал Игнатьев. — Всё-таки просидеть три дня в камере с художником и ничего не услышать от него о книгах — обидно. Какие книги вы любите?

— Без выстрелов! — ответил я.

Серебряная стрелка упёрлась в нуль и остановилась.

Сейчас нас выпустят.

— Всё в порядке! — сказал в телефон Игнатьев. — Ждём.

Снаружи послышался скрип винтов. Мы сели каждый на свою койку и приготовились. Только Кессон, услышав скрип, побежал к двери. Он, наверное, думал, что это скребётся мышь.

Наконец скрип кончился. Что-то звякнуло, и круглая крышка люка шевельнулась. Она медленно приоткрылась. Жёлтый изогнутый луч солнца упал нам под ноги.

Люк был открыт.

Мы по одному выбрались из камеры.

СКОЛЬКО ЗВУКОВ И КАКОЙ ВЕТЕР!

Звучало всё: море, толпа, которая собралась вокруг камеры, воздух, который струился над бухтой, корабли, даже горы. Лёгкий звенящий звук слетал с их вершин и, долетев до нас, повисал в воздухе.

А какой был в этот день ветер! Воздух так и ходил. Он был и жгуч, и прохладен, то и дело менял направление и обдавал нас то запахом морской воды и соли, то густым ароматом трав.

НАВЕРНОЕ, ЧЕРЕЗ ЧАС МЫ НЕ БУДЕМ ЗАМЕЧАТЬ НИЧЕГО.

Я осмотрелся.

В первом ряду стояли корреспонденты. Киношник стоял позади всех.

— Товарищи! — сказал Павлов. На этот раз он решил всё-таки сказать речь. — Разрешите от вашего имени поздравить экипаж подводного дома...

За моей спиной раздалось мяуканье.

Павлов замолчал.

— Что это?

— Это Кессон! — сказал Игнатьев.

— Какой Кессон? — удивился Павлов.

Немцев забрался в камеру и появился с котёнком.

Кессон шурил глаза, шипел и вырывался. Он не хотел выходить из камеры.

— Это кошка,— сказал доктор,— первая подводная кошка в мире. Она прожила под водой неделю. Как видите, она хорошо перенесла декомпрессию и теперь не рвётся на воздух.

Павлов махнул рукой. Как видно, он решил не говорить речь.

— Можно расходиться,— сказал он.

— Ура! — сказал толстый корреспондент.— Ура и ещё раз ура! Я знаю, с чего начать корреспонденцию. Я начну её с этой удивительной кошки. Кошка-акванавт!

И он побежал писать статью.

Ко мне подошёл Марлен.

Мы отправились побродить. Дошли до загородки с дельфином и остановились. Я смотрел на пустую загородку и вспоминал Сашу.

Вдруг вода в загородке шевельнулась. Она раздалась, и из неё показалась блестящая чёрная спина дельфина.

ЧУДЕСА

Я ахнул.

— Это что — новый?

Марлен засмеялся:

— Угадай.

— Новый. Вместо Саши.

— Нет.

— Тогда не знаю.

— Посмотри лучше.

Мы подошли ближе.

В загородке по пояс в воде стояла женщина. Она была в чёрном купальном костюме. На воде дрожало и изгибалось её отражение: чёрно-розовое пятно. В руке у женщины была щётка.

Женщина похлопала ладонью по воде, и около

её ног вынырнула узкая дельфинья морда. Попёрёк лба у дельфина тянулся белый шрам.

САША!

Дельфин повернулся на бок, и женщина начала тереть его щёткой.

— Саша... Саша...— приговаривала она.— Ну, повернись ещё, повернись.

Почесав дельфина, женщина вышла на берег, взяла с коврика гаечный ключ и, размахнувшись, бросила его в воду.

Саша перевернулся и без всплеска скрылся. Прошло не больше минуты, он вынырнул и стал медленно приближаться к берегу. Он плыл к тому месту, где стояла женщина. В зубах он держал что-то чёрное. Я удивился: это был гаечный ключ.

Женщина взяла ключ, потрепала Сашу по голубой птичьей челюсти и повернулась к нам. У неё было усталое лицо и волосы, стянутые сзади узлом.

— Видите, принёс,— сказала она.— Ещё неделя, и, думаю, этот номер мы закрепим.

Я подошёл и стал рядом с ней.

— Что же ты, Саша? — сказал я.— Сколько времени дурачил нас.

Дельфин пытливо смотрел на меня удлинённым глазом. Он медленно тонул, погружался. Зелёная вода скрыла его рот, лоб с характерным уступом, макушку с дыхалом.

Когда мы отошли от загородки, я сказал:

— Чудеса! Откуда он взялся?

И тогда Марлен рассказал историю возвращения дельфина.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕЛЬФИНА

...На второй или на третий день моего сидения под водой в лагерь привезли газету. На последней полосе была напечатана заметка.

РУЧНОЙ ДЕЛЬФИН В ЕВПАТОРИИ

Вот уже несколько дней, как около евпаторийского пляжа каждое утро появляется дельфин-афалина. Животное позволяет подплывать к себе, трогать руками, охотно берёт из рук рыбу.

Работникам спасательной станции дано указание оберегать доверчивое животное.

Сперва заметке удивились, потом у Джуса мелькнула мысль.

— Стойте! — сказал он. — Подозрительный дельфин. Уж не Саша ли это?

Решили отправить в Евпаторию человека.

Поехал на мотоцикле Лёсик.

В Евпаторию он примчался в полдень. Поставив мотоцикл около спасательной станции, разделся и в трусах — они у него были ярко-жёлтые — пошёл по берегу.

На пляже люди лежали, как шпроты в банке: они все были коричневые и лежали бок о бок. Потом Лёсик увидел толпу. Купальщики стояли кто на берегу, кто по колено в воде и смотрели на море.

В море дрейфовала лодка. Люди в ней свесились за борт. Один, опустив руки, трогал что-то чёрное и блестящее.

Лёсик прыгнул в воду и поплыл. Он доплыл до лодки и увидел дельфина. Это был Саша. Он описывал вокруг лодки круги, подплывал и тёрся спиной о борт.

В лодке стоял ящик с рыбой.

Время от времени люди бросали в воду рыбёшку. Дельфин коротким броском настигал её — ап! — и рыба исчезала в его пасти.

— Саша! — позвал Лёсик. — Саша!

— Зачем вы называете его Сашей? — сказали из лодки. — Это Разбойник. Наш пляжный дельфин Разбойник.

И тут Лёсик совершил ошибку.

— Это наш дельфин! — сказал он.

— Смотрите,— возмутились в лодке,— стоило нам завести дельфина, как появляются нахалы и предъявляют на него права! Плывите назад и помните, что среди нас есть боксёр — чемпион области.

Лёсик выбрался из воды и помчался в Голубую бухту.

Он нёсся так быстро, что на одной горной тропе перепрыгнул на мотоцикле через маленькое ущелье.

— Плохо дело! — сказал Павлов, когда Лёсик рассказал о результатах поездки.— Теперь пляжники настороже, будет трудно...

Стали думать, что делать дальше.

— Надо обратиться в исполком и потребовать дельфина обратно.

— Дельфины не относятся к исполкому. Исполком — это то, что на берегу, а тут море.

— Надо попросить рыбаков, чтобы они поймали дельфина сетью.

— Около пляжа лов сетями запрещён.

— А что, если просто приехать на машине? Одна группа будет сдерживать толпу, а вторая поймает Сашу.

— Среди них боксёр. Его сдержишь!

— Пойдём катером и посмотрим,— сказал Павлов.— Я возьму документ с печатью.

Катер пришёл в Евпаторию под вечер. Народу на пляже было тьма.

Сашу заметили сразу. Он плавал взад и вперёд у буйков. На буйках гроздьями висели люди. Они смотрели, как резвится дельфин.

Катер подошел к буйку. Заглушили мотор. Катер сейчас же окружили человеческие головы. Они торчали из воды и отдувались.

— Зачем пришли? — спросила одна голова.

— Это они. Вон тот приезжал! В жёлтых трусах! — закричала вторая.— Не давайте им дельфина!

— Боксёра надо позвать, боксёра... Петя! Петя-а-а!..

С берега приплыл Петя. Он был большой и гладкий.

— Кто тут хочет дельфина? — спросил Петя. На спине у него буграми играли мускулы.

— Да, добром тут не выйдет! — сказал Павлов. — Пошли на станцию.

Катер завёл мотор и ушёл к спасательной станции. Там Павлов показал бумагу с печатью.

В бумаге говорилось, что дельфин Саша является государственным имуществом и входит в состав экспедиции «Садко».

— Против бумаги не попрёшь! — вздохнув, сказал начальник станции. — Жаль: мы сами привыкли к дельфину. Очень ласковое животное. Любит, когда его гладят. Ну ладно, делать нечего. Как будете забирать?

Разработали план. Несколько спасательных лодок стали у буйков и оттеснили купальщиков. Потом подошёл катер, и Павлов стал бросать в воду рыбу.

Саша тотчас же подплыл. Катер дал малый ход и стал удаляться от берега. В воду с него то и дело летели серебристые рыбёшки.

— Караул! — кричали купальщики. — Дельфина уводят!

Они попытались заплывать за буйки, но работники станции были неумолимы.

— Назад, назад!.. — кричали они.

Двух самых нахальных пляжников, которые заплыли за буйки, втащили в лодки и стали им выписывать квитанции — штраф.

— Дельфина уводят!.. Петя!..

Петя плавал около последнего буйка и, высунув из воды большой, как арбуз, кулак, грозил катеру.

Джус и доктор слезли с катера в воду, погладили Сашу, а потом, схватив его крепко за плавники, стали держать. Он не вырывался.

Под них подвели сеть и всех троих подтащили к борту.

— Осторожнее, черти! — просил Джус. — Кости поломаете.

Они с доктором выбрались из сети. Сашу перевалили через борт, положили в длинный узкий ящик. В ящик налили воды. Саша сразу запыхтел: пых! пых!..

— Вот как было дело! — закончил Марлен.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Дом переставили на новую глубину. На двадцать пять метров. Его притопили, как притапливают непокорные, набитые воздухом понтоны, подтащили ко дну, как подтаскивают к земле слишком высоко поставленные азростаты.

Скрипела лебёдка.

Толстый маслянистый трос, дрожа и звеня, медленно выползал на берег и наворачивался на барабан. Натужно выли моторы.

— Есть двадцать пять! — сказал Павлов.

Он стоял около лебёдки и смотрел, как движется новый красный лоскут.

С катера, стоявшего посреди бухты, бросили лот и сообщили флажками:

— Двадцать пять!

Новый экипаж — три водолаза — ушёл в палатку врача. Сегодня они будут спать отдельно. За ними

будет всё время следить доктор. Всё будет строже. Их дублёры тоже ушли готовиться.

Это как полёт в космос.

Новый экипаж будет жить в доме месяц. Когда до конца срока останется пять дней, одного водолаза сменит Марлен.

ОПЯТЬ ПОРТФЕЛЬ

Я сидел на берегу и писал письмо. Я писал, что вот-вот буду дома.

В бухте всплывали пузыри. Они всплывали всё ближе и ближе. Вода шевельнулась, и показался человек. Заблестели баллоны.

Шлёпая ластами по воде, к берегу шёл водолаз.

В руке у него был портфель.

Я даже вздрогнул.

Водолаз вытащил изо рта загубник, поднял маску и сказал:

— Здравствуйте!

Мне стало так весело, что я смог сказать только:

— Здра...

Джус перевернул портфель, из него полилась вода.

— Так вы всё-таки сплавали за ним? — сказал я. — Вы герой.

— Понимаете, привык. Трудно без него. Как без рук.

Я лёг на песок и стал хохотать: я единственный в мире, кто видел, как из моря выходит человек с портфелем.

Джус не понял, отчего я смеюсь. Он потряс ещё раз портфель. Чёрные капли упали на песок.

— Я думаю, он быстро высохнет, — задумчиво сказал Джус. — Привычка — большое дело. Вчера мне пришла в голову мысль, как сделать в следующем доме воздух ещё более сухим. Надо использовать плиту, а трубы от неё провести во все отсеки.

«ФИТИЛЬ»

Корреспонденты ходили по лагерю весёлые — их сообщения о ходе экспедиции брали нарасхват.

— Ну как, теперь ясно, с чего начинать? — спрашивал Марлен толстого газетчика.

Тот хохотал и похлопывал Марлена по плечу.

— Молодой человек! — говорил он.

МАРЛЕНУ УЖЕ ЗА СОРОК.

Однажды его отвёл в сторону Киношник.

— Понимаете...— сказал он и начал крутить у Марлена на куртке пуговицу.

— Я слушаю вас.

— Понимаете, неуспех моей миссии под водой ставит меня в неловкое положение,— сказал Киношник.

— Осторожнее, оборвёте.

— Нет, я аккуратно. Так вот, я говорю, моё пребывание здесь не может не иметь какого-то результата. Улавливаете?

— Смутно.

Сейчас объясню. За эту поездку я должен отчитаться плёнкой. Снятыми метрами. Сюжетом.

— Что вы хотите от меня?

— Я предлагаю: давайте придумаем. «Фитиль» имеет специфику. Разыграем сюжет.

— Я должен надеть акваланг, и вы снимете меня под водой? Или выходящим из воды?

— Нет, нет, сделаем проще. Вы бросите окурок

в траву. Она загорится. Я сниму. Это будет: «Берегите крымский лес от пожара».

— Я не курю.

— Тогда сядьте. Ешьте рыбу, а кости бросайте на пляж. «Природу надо беречь».

Марлен посмотрел на него зелёными глазами.

— Я занят,— сказал он.— У меня много работы. Возьмите другого. Вон двое отдыхают.

Киношник вздохнул и побрёл прочь.

— Чёрт его знает что! — сказал Марлен.— Ты слышал?

Я кивнул.

Он спохватился:

— Где моя пуговица?

Вместо пуговицы висела нитка.

ТРЕТИЙ ЭКИПАЖ

Водолазы ушли под воду. Мы провожали их, стоя на палубах катеров.

Потом мы сошли на берег и из командного пункта снова увидели их. Техники наладили телевизор. На голубом экране были видны спины ребят. Они возились с магнитофоном. Потом один повернулся. Он не знал, что мы видим его. Он смотрел на нас серьёзно и не улыбался. Даже морщился. На лбу у него были капли.

— Двадцать пять метров — это уже не шутки! — сказал Марлен.

Он догадался, о чём я думаю.

Через неделю придёт из Азовского моря танкерок. В цистерне он привезёт для вольера рыб: осетров, кефалей, камбал. Обещают достать и катранов. На дне смонтируют и пустят буровую вышку.

НАЧНЁТСЯ САМАЯ ГЛАВНАЯ РАБОТА.

А я уеду. О том, что пора уезжать, я думаю каждый день.

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Только я собрался ехать, как пришло штормовое предупреждение.

— В течение ближайших часов ожидается юго-западный ветер до десяти баллов. Дождь. Я не могу отпустить вас на мотоцикле. Вас смоем,— сказал Павлов.

— Ладно,— сказал я.— А как же ребята там, в доме? Конечно, я останусь — вдруг понадобится помощь. Всё-таки лишняя пара рук. А не поднять ли дом?

Павлов задумался. Потом он поскрёб подбородок и сказал:

— Попробуем оставить... Всё-таки двадцать пять метров.

На всякий случай он пригласил в палатку Марлена и ещё нескольких человек.

Все выслушали его и тоже сказали:

— Оставить!

Небо на юге начало темнеть. Над морем появились низкие, рваные облака. Они неслись над самой водой и светились розовым светом.

Горы притихли. Дышать стало трудно.

— Надо всё закрепить по-штормовому,— сказал Павлов.— Лодки вытащить на берег. Передайте буксирам: перейти под защиту скал.

Вершины гор озарились первой вспышкой молнии. Сухой треск прокатился над бухтой. Море почернело. Над палатками тонко запел ветер.

Около Сашиной загородки суетились водолазы. Ими командовала женщина. Сашу вытащили на берег, положили в ящик с водой. Шесть парней поволокли ящик в глубь берега.

— Осторожнее, осторожнее! — говорила женщина. Она шла следом. Саша послушно пыхтел.

БУДЕТ ШТОРМ!

Ветер усилился. Волны, до сих пор беспорядочно плясавшие у входа в бухту, выстроились рядами. Они шли теперь, как солдаты на приступ, вал за валом. Белые одиночные шапки пены слились в длинные гребни.

Плеск воды превратился в угрожающий гул. По брезентовому пологу палатки застучали первые капли дождя.

Мы сидели на командном пункте и смотрели, как на экране телевизора неторопливо перемещаются силуэты наших товарищей.

— Надо им сказать,— пробормотал Павлов.

Он взял телефонную трубку, нажал кнопку вызова и, когда человек на экране тоже поднёс к уху трубку, сказал:

— У нас ветер южный, семь баллов. Ожидаем дальнейшего ухудшения погоды. Как себя чувствуете?

Силуэт на экране закивал головой и громко, через динамик, ответил:

— У нас всё в порядке.

Павлов кивнул.

— Будьте внимательнее!

Палатку рвануло. Дождь зашумел ровно и сильно. Через минуту он хлестал, как из пожарного рукава.

Грохот волн на берегу превратился в сплошной рёв.

Стемнело.

— Надо пойти посмотреть, как лагерь,— сказал Павлов.

— Я с вами.

Мы закутались в плащи и вышли из палатки в темноту.

Ветер подхватил нас. Потоки воды били по лицу, мелкие холодные струи бежали за воротник.

Прикрывая глаза рукой, я посмотрел, где Павлов.

Его чёрная фигура маячила впереди. Павлов размахивал руками и что-то кричал.

Увязая в песке, я направился к нему.

Впереди метались и шумели люди: опрокинуло палатку. Трое парней собирали и прятали под упавший брезент вещи, заново крепили углы. Верёвки в их руках извивались, как змеи.

Мы вышли на берег. Море слабо светилось. Было видно, как возникают в темноте волны. Они появлялись, росли и опрокидывались, заливая пляж сияющими потоками.

Под ногами шевелился песок, перемешанный с водой. Он двигался, тёк.

В разрыве между тучами показалась луна. Призрачный зелёный свет упал на скалы. Позади нас гудели и надувались парусами палатки. Пробиваясь сквозь рёв ветра, откуда-то из-за палаток доносился неясный шум.

— Бежим туда! — крикнул Павлов.

Спотыкаясь и увязая в мокром песке, мы выбежали из городка. Огибая наш лагерь, к морю стремился поток. Неизвестно откуда взявшаяся река рвалась к бухте. С водой мчались ветки, охапки травы, стволы деревьев.

Край берега, на котором я стоял, зашатался. Я отпрыгнул. Подмытый водой берег обрушился, распался на куски и исчез, унесённый течением.

— Может смыть лагерь! — крикнул мне в ухо Павлов.

Мы побрели назад.

Откинув полог, протиснулись внутрь первой палатки.

Голубой экран на пульте управления не горел.

Люди, тесным кружком стоявшие около него, молчали.

— Нет связи с домом, — сказал дежурный. — Оборвало все кабели!

В эту ночь в лагере никто не спал. Мы сидели на командном пункте и ждали.

Ждали рассвета. Ждали, когда утихнет шторм.

В голову лезли нехорошие мысли. Дом может дёрнуть или наклонить. От этого выйдут из строя электрические батареи, и люди будут сидеть в крошечной тьме.

От удара может дать трещину корпус, часть воздуха выйдет, и люди окажутся в тесном воздушном пузыре, под самой крышей...

К утру ветер переменился и сбил волну. Ливень прекратился. В воздухе повисла мелкая морось.

Мы вышли из палатки. Поток, бушевавший за лагерем ночью, иссяк. Угасли белые гребни в бухте. Тяжёлая, идущая против ветра зыбь лениво катила на берег ровные жёлтые валы. От глины и песка, принесённых с гор, вода в бухте стала непрозрачной.

Буёк с флажком, который стоял над домом, исчез.

— Если бы их сорвало с якоря, дом был бы уже на берегу, — сказал Немцев.

— Не каркай!

Павлов сказал это и стал раздеваться. Он натянул на себя гидрокостюм и нацепил баллоны.

— Я тоже, — сказал Игнатъев.

Ступая пятками вперёд, они вошли в воду. Первая же волна отбросила их назад.

Отдуваясь и отплёвываясь, они встали, проверили автоматы дыхания — не попал ли песок? — и пошли снова. Их опять опрокинуло.

— Надо не так, — сказал Марлен. — Сейчас вдоль берега идёт отбойное течение. Надо найти место, где оно поворачивает в море.

Он набрал кучу палок и стал бросать их в воду.

— Вроде бы тут! — сказал он: палкиплыли от берега.

Павлов и Игнатъев, работая изо всех сил ластами, ушли под воду.

Мы уселись на мокрый песок и стали ждать. Дождь сеял, как из сита. Сквозь его пелену казались призрачными громады входных мысов. Окружающие бухту горы исчезли в серой мгле. Наши плечи медленно, капля за каплей, покрывались плёнкой воды.

Прошло полчаса.

— Вижу! — закричал Немцев.

Он вскочил и показал рукой на середину бухты. Там, то скрываясь, то выходя на гребень волны, маячила чёрная точка. Рядом с ней появилась вторая.

— Плывут! Оба плывут!

Точки росли. Наконец среди жёлтых гребней заблестели костюмы и баллоны.

Люди, видно, выбились из сил и не стали искать место, где им лучше выходить. Они плыли прямо на нас.

Огромная волна выросла над их головами, поднялась, понесла их, опрокинула. Пена и песок покрыли тела, уходящая вода потащила обратно.

Несколько человек без команды бросились в воду. До одного аквалангиста удалось добраться. Его ухватили за руки. Следующая волна поднесла второго.

Их вытащили на берег, сняли маски и баллоны.

Павлов и Игнатьев лежали на песке, тяжело дыша. Потом нехотя сели.

— Ну как там? Что в доме? — спросил Марлен. Мы настороженно ждали.

Павлов поскрёб подбородок.

— Пьют растворимый кофе, вот что.

Он выплюнул изо рта песок.

— Кейфуют. Их даже не качнуло. Всё-таки двадцать пять метров! А вот видимость под водой — ноль. Муть с берега идёт — кругом облака.

— Сейчас они выпустят аварийный буёк с антенной, — сказал Игнатьев.

Он сказал это и замолчал. На жёлтой взгорб-

ленной поверхности бухты уже плясал красный буёк. Он торчал из воды, как стручок перца, качался, скрываясь в ложбинах волн, и появлялся вновь.

Со стороны палаток что-то кричал дежурный. Он стоял около палатки № 1 и махал руками.

— Что там случилось? — спросил Павлов.

— Он кричит, что есть связь, — сказал Немцев.

ГОВОРЮ С КИНОШНИКОМ

На следующий день погода наладилась. Я ходил между палатками и прощался с водолазами.

Около первой палатки я встретил Киношника.

— До свидания, — сказал я. — Уезжаю.

Он мне очень обрадовался. Выглядел он неважно и был весь какой-то помятый.

— Очень жаль, — сказал он. — Всё-таки ещё один человек искусства. Мы так с вами и не поговорили. Как ваши дела?

— Так себе. Не рисовалось.

— И у меня хоть плачь. Я не могу уехать отсюда, не сняв какой-нибудь сюжет. Придётся снять о недостатках. Должны тут быть какие-нибудь недостатки?

— Почему должны?

Я разозлился и не попрощавшись ушёл.

ПРОЩАЮСЬ С МАРЛЕНОМ

С Марленом мы говорили долго.

— Понимаешь, — сказал он, — звуки животных под водой — это, очевидно, то, к чему я шёл всю жизнь. Всё остальное, оказывается, было только подготовкой. Разведкой. Ты в разведку ходил?

— Нет.

— Так вот, когда идёшь в разведку, всегда знаешь, зачем идёшь. Сказано: засечь огневые точки.

За ними и охотишься. Или: взять «языка». А в науке, чтобы найти дело, которому стоит посвятить всю жизнь, нужно всё время искать. Что я за эти годы не изучил! И стаями рыб занимался, и органами чувств... И вот оно: новое, интересное, настоящее моё дело!

— Счастливый ты!

Марлен промолчал.

— После обеда двину.

— Пешком через горы не хочешь?

— Поеду на мотоцикле до Симферополя, — сказал я. — Хотел было заехать в Севастополь — не получается. Нет времени.

— Знаешь, — сказал Марлен, — когда я был в Севастополе, я пошёл на Биологическую станцию, гляжу: у причала шхуна... «Тригла»! Представляешь, она. Списывают. Новый получили катер: мотор двести лошадиных сил, пять кают. Даже радиолокатор есть. В тумане будет ходить, как днём. Кончился век нашей шхуны.

— Она не была шхуной, — сказал я. — Мне пришлось как-то смотреть справочник. У шхуны должно быть не менее двух мачт. Это просто моторный бот.

— Какая разница... Это наша «Тригла».

Марлен помог мне собрать вещи.

После обеда около палатки затарахтел мотоцикл.

С заднего сиденья слез Павлов.

— Как вы на нём ездите? — сказал он. Ногами за землю цепляешь. На грузовике надо ездить.

Я навьючил на себя рюкзак. Пачку листов с рисунками положил на грудь под рубашку.

— Ну пока! — сказал я.

— Пока! — сказали Павлов и Марлен.

Мотоцикл выстрелил длинной синей струёй и вынес нас с Лёсиком на тропу.

— С ветерком прокатить? — крикнул через плечо Лёсик.

— Дава-а-ай!..

Мы мчались по ухабистым крутым подъёмам, ныряли в ущелья, неслись мимо выветренных, угрюмых скал.

Наконец прямо передо мной выросла серая громада Эски Кермена. Гора лежала, как погибший броненосец с плоской палубой, жухлая зелень водой стекала с его бортов, чёрные дыры пещер зияли, как разбитые иллюминаторы.

Не останавливаясь, мы пронеслись под отвесными скалами, обогнули северную, тупую, как корма, оконечность горы и помчались дальше, в глубь ущелья.

Я не утерпел и оглянулся.

Эски Кермен серым уступом высился позади. Он был всё ещё похож на корабль. Кроны одиноких деревьев на его вершине развевались, как флаги.

ЭТО ОЧЕНЬ ЗДОРОВО: ТАМ ПОД ВОДОЙ БЕЛЫЙ ДОМ, А ТУТ МЕРТВЫЙ ГОРОД НА СКАЛЕ. ЧТОБЫ ВСЕ ЭТО УВИДЕТЬ, СТОИТ ЖИТЬ!

Мы выехали на шоссе, и Симферополь стал приближаться к нам со скоростью 120 километров в час.

НЕ СКОРОСТЬ, А ПУСТЯКИ!

Я даже не держался за кольцо.

В СИМФЕРОПОЛЕ

В городе я распрощался с Лёсиком и пошёл на вокзал покупать билет.

Около закрытой кассы стояли Рошин-второй и человек в зелёной кофте. Рядом с ним сидела на чемодане женщина в мужском пиджаке.

— А, художник! — сказал Рошин-второй. — Как ваши дела? Вы оттуда?

Я кивнул.

— Домой?

— Да.

— А мы в Батуми. Там, говорят, есть бассейн с

морскими животными. Хочу устроиться. Этот товарищ со мной. Вы его помните!

Жёлто-зелёный человек с отвращением посмотрел на меня.

— Нет.

— Кассу скоро откроют?

— Билетов на сегодня не будет.

Я ушёл с вокзала, снял комнату в гостинице, купил в магазине пачку картона и коробку красок.

Я заперся и стал писать.

На первом листе я написал густо-зелёную воду. Сквозь неё угадывалась скала. На скале сидели крабы. Красные, как кровь, глубоководные крабы, про которых рассказывал Павлов.

Из глубины, спиной к нам всплывал водолаз.

Он засмотрелся на крабов и висел в воде, раскинув руки. Ноги его касались скалы, потревоженные животные сплелись около ног в красный бесформенный клубок.

На картине был плохо виден водолаз, плохо скала, и только крабы выступали из чёрно-зелёной воды, как капли крови.

В этой картине было что-то интересное. Мне она сразу понравилась, хотя это был всего-навсего эскиз, жалкий кусок картона, с которого ещё придётся

писать на холсте настоящую картину. Тут всё было написано сумбурно. Я волновался. Я никогда так не волновался, разложил на полу картонки и стал набрасывать сюжеты будущих картин.

На одной я нарисовал тонущий мяч и креветок, нападающих на него. «Креветки, играющие в мяч» — так я решил назвать этот рисунок. Ещё был дом. Серый, как облако, плохо различимый из-за мутной воды дом, и парящие в воде, танцующие около него люди.

Я писал эти эскизы неделю. Только когда кончились листы и краски, я купил на последние деньги билет и в жёстком, переполненном вагоне уехал на север.

Я лежал на верхней полке под тусклой лампочкой и, закрывая глаза, представлял себе будущие картины.

Поезд ревел и мчал душный вагон навстречу северной непогоде.

МАРЛЕН ОБЕЩАЛ МНЕ ПИСАТЬ.

ПИСЬМО

Письма от Марлена не было месяца.
Наконец оно пришло.

Коля, привет!

Пишу тебе с опозданием, потому что работы было невпроворот и не то что сесть написать другу, ложку ко рту поднести было некогда. Пять дней своих под водой я отбарабанил, записал кучу рыб. Теперь на всю зиму работы хватит — обрабатывать записи. Посмотрел площадку около корабля, что нашли вы с Немцевым. Площадка, что надо. Гидрофоны я устанавливаю перед кораблём, а телекамеру спрячу внутри. И ещё там же устрою себе место, чтобы можно было забираться понаблюдать, пофотографировать. Помнишь иллюминатор? Вот там.

Считай, что полигон у меня есть. Правда всё это на будущий год.

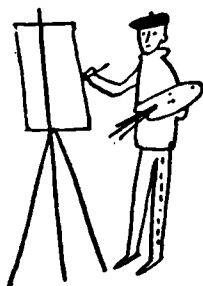
Удивляет Саша. Прошёл ускоренный курс наук. Если бы не позднее время, быть бы ему уже в этот раз в составе экипажа, плавать в дом. Конечно, во всём виноват был Роцин.

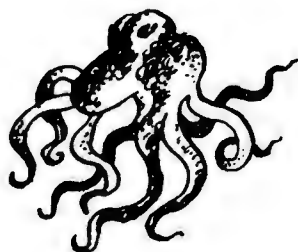
У нас уже осень. «Садко» подняли и увезли из Голубой бухты. Ребята уехали кто куда. Вот и всё. Как твои рисунки? По-прежнему царапаешь ракообразных?

Марлен

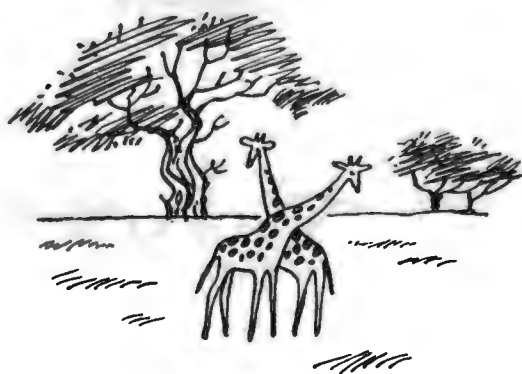
Я сложил письмо, спрятал его в конверт и тихонько засмеялся.

На столе у меня лежала толстенная пачка летних эскизов. Теперь всё пойдёт по-другому. Что я делал до сих пор? Учился. Искал. Пробовал силы, раз-уверился было в себе. Теперь я начинаю работать по-настоящему. Буду писать картины. И это будут картины о море.

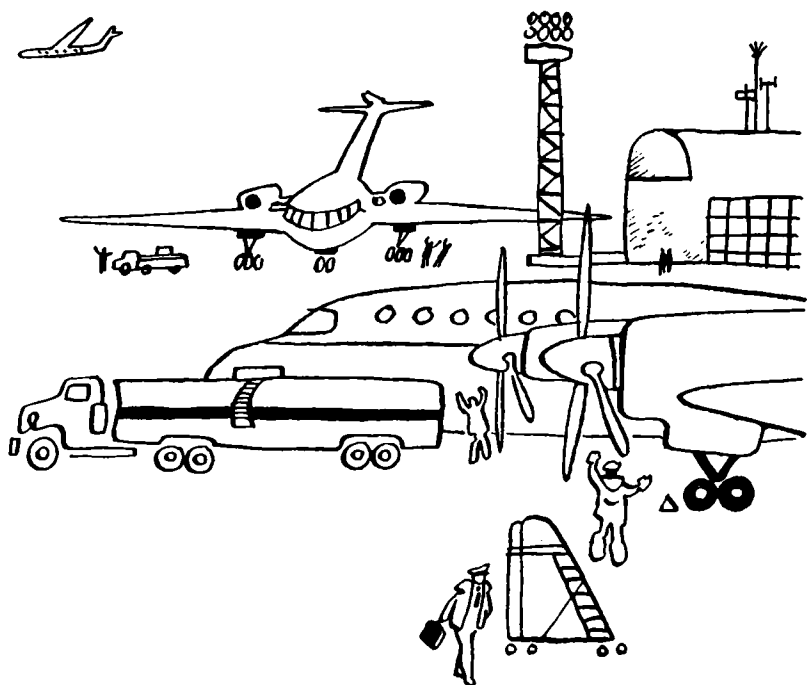

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

ЛИМОН ДЛЯ ЧУГУНКОВА

В ЯКУТСКЕ

Лимон я купил в Якутске, когда самолёт делал там остановку. В буфете было много народу. Встал в очередь за бутербродами, а когда очередь подошла, увидел на стойке в надбитой стеклянной вазе лимон.

— Один остался? — спросил я весёлую краснощёкую продавщицу.

— Один.

— Давайте его сюда... Это для Чугункова, — объяснил я и положил лимон в карман.

НА ТЕПЛОХОДЕ

От Камчатки до острова Беринга мы шли на теплоходе. Судно было новенькое: все углы в каюте пахли краской, а пружины койки весело звенели. На теплоходе было много туристов. Они не спали, бродили по коридорам, стучали огромными ботинками или собирались на палубе в кружок и пели под гитару.

Особенно мне запомнился один турист — у него на голове была детская велосипедная шапочка. Он подходил ко всем, спрашивал: «Ну как, на вулкан полезем?» — и сам смеялся. Он первый раз плыл на теплоходе, первый раз был на Камчатке — словом, всё для него было впервые.

Ночью я проснулся оттого, что пружины звенели особенно громко. Постель двигалась. Она наклонялась то назад, то вперёд, я то сползал с подушки, то снова влезал на неё.

Радио повторяло:

«Пассажиры, идущие в Жупаново! Высадки по условиям шторма не будет!»

Я поднялся на палубу.

Вокруг было черным-черно. Сильно качало. Внизу у борта, куда падал свет от иллюминатора, то появлялась горбатая белая пена, то, шурша и пузырясь, исчезала.

По палубе, спотыкаясь, бегали туристы.

— Говорят, всё-таки высадят! — утешали они друг друга.

ВЫГРУЗКА

Когда рассвело, я увидел, что наш теплоход стоит неподвижно посреди залива.

По океану шли горбатые зелёные волны.

От берега к нам уже спешил буксир. Он тянул низкую плоскую баржу. Они подошли и остановились

под самым бортом. Волны то и дело с грохотом и скрипом бросали их на теплоход.

«Сходящим на берег собраться на корме!» — вдруг объявило радио.

Неужели туристов будут высаживать?

Я подумал, что в такую погоду самое опасное — перейти на баржу. А ну как прыгнешь — да попадёшь между бортами!

Но прыгать никому не пришлось. На корме, куда сбежались туристы, около мачты лежала сетка с дощатым поддоном. Туристы стали на поддон, заработала лебёдка, и канат, побежав вверх, поднял борт сетки.

— Проща-айте, братцы! — крикнул, дурачась, турист в детской шапочке.

Он не успел помахать нам рукой, как сетка взмыла вверх и матросы вывели её за борт. Теперь туристы висели между небом и водой.

Лебёдка заработала в обратную сторону, сетка стала снижаться. Матрос, который управлял лебёдкой, поймал момент — баржа остановилась — и ловко посадил сетку на палубу.

Я свесил голову через поручни. Внизу на барже выпутывались из сетки и расползались, как раки, маленькие людишки.

«Ну, а если и меня так будут выгружать?.. Вот так плавание! Скорей бы уж остров!»

ОСТРОВ

Мы доплыли только на второй день. Был туман, и сперва я никакого острова не увидел. Просто между туманом и водой показалась синяя полоска. Но теплоход подошёл ближе, стали видны белые зубчики — прибой на берегу, потом чёрный квадратик — причал и, наконец, разноцветные пятнышки — дома. С берега пришёл катер, забрал нас, пассажиров, описал вокруг теплохода прощальный круг и побежал к берегу.

Неторопливо стучит мотор, катер дрожит и покачивается. Причал поднимается из воды. На причале — толпа. Теплоход тут редкость, люди вышли как на праздник.

— Чугунков кто? — спросил я, когда катер подошёл близко.

— Нет его! — ответили с причала.

Когда я выбрался вместе с остальными пассажирами на берег, мне объяснили:

— На лежище ваш Чугунков. Третий месяц там. Вездеход сегодня к нему пойдёт.

Потом я стоял около столовой, откуда, мне сказали, пойдёт машина, и от нечего делать разглядывал посёлок. Он был в две улицы: одна — из старых домов, вторая — из новых. Новые дома были розовые, зелёные, яркие, как цветы. «Видно, на острове редко бывает солнце, и люди решили покрасить свои дома повеселее», — подумал я.

Вспомнив про лимон, сунул руку в карман. Но лимон куда-то исчез. Нашёл я его в рюкзаке.

— Ишь ты, куда спрятался! — сказал я и, погладив пальцем пупырчатую маслянистую шкурку, положил его в карман.

Палец сразу же сладко запах югом.

Подошёл вездеход, принесли груз — ящики с консервами, муку, — мы сели, и машина тронулась. Она сбежала с пригорка, перешла вброд речку и, погромыхивая гусеницами, покатила по песчаному длинному пляжу. На нём лежали разбитые суда. Они погибли, видно, давно и далеко от этих мест: корабельные доски были добела отмыты солёной водой, а мачты у судов сорваны...

Пляж кончился, вездеход стал карабкаться на сопку.

Из-под гусениц теперь летел торф, они врезались в землю, и из нее выступала вода. Вездеход шёл, а за ним бежали два ручейка.

На каждом ухабе ящики подпрыгивали, консервные банки стучали. Мешки лежали тихо.

Наконец трянуло так, что мы все чуть не вылетели из кузова.

— Ух ты!

Я сунул руку в карман — лимон на месте.

Вездеход остановился, и в кузов заглянул водитель.

— Приехали. Лежбище! — сказал он.

В ДОМИКЕ

Машина стояла у подножия зелёной сопки. Справа и слева — высокая, почти в рост человека, трава. В ней — два домика, похожие на железнодорожные вагончики. Над одним — дымок.

Дверь была без замка. Я толкнул её. В домике — две кровати, железная печь. На плите подпрыгивает и плюётся паром чайник.

На кровати сидел мальчишка и спокойно смотрел на меня.

— А где Чугунков? — спросил я.

— Я Чугунков! — ответил мальчишка.

— Значит, я к твоему отцу! — Я сел на краешек кровати. — Папа скоро придёт?

— Он на Северном лежбище. За батарейками пошёл — у нас рация не работает.

— Так ты один?

— Нет. Ещё Володя-инспектор.

За дверью загромыхал, разворачиваясь, вездеход.

— А вы свои вещи вносите, — сказал мне мальчишка. — Пока отца нет, можете на его кровати спать.

Мы вышли на крыльцо. Ящики и мешки уже были сгружены в траву.

Водитель высунулся из окошка, крикнул что-то, и вездеход, разбрызгивая грязь, покати́л по тундре.

Из соседнего домика вышел высоченный парень в огромных, с отворотами, резиновых сапогах.

— Юра,— строго спросил парень,— это кто?

Я понял, что это Володя-инспектор.

— К отцу.

— Разрешение жить на лежбище есть?

— Есть.— Я помахал в воздухе бумажкой.—
Давайте я вам ящики помогу таскать,— сказал я,
чтобы задобрить строгого инспектора.

Мы перетащили ящики под навес.

— Сейчас обедать будем,— сказал Юра.— Хлеба не привезли? А то у меня чёрствый.

Мы сварили из пачки концентрата рисовый суп и открыли банку маслянистой рыбы хек. Потом я лёг на кровать Чугункова, укрылся его одеялом и сразу уснул.

ОТЛИВ

Проснулся я оттого, что кто-то тихонько вытаскивал из-под кровати что-то тяжёлое.

Около меня сидел на корточках Юра и тащил резиновый сапог. Второй уже стоял посреди комнаты.

— Ты куда?

— Рыбу ловить.

— Подожди.

Я умылся до пояса холодной водой, достал из рюкзака сапоги, и мы спустились к морю.

Был отлив. Вода ушла, обнажилось дно — коричневые и зелёные водоросли. Среди них — такие же коричневые и зелёные лужи.

Юра пошарил в траве, достал припрятанный деревянный ящик и зашагал с ним по воде. Я пошёл следом.

В лужах сидели маленькие колючие ежи и красные с тонкими лучами морские звёзды. Ежи шевелили иглами, а звёзды, когда их переворачивали, начинали медленно, как берёста на огне, изгибаться.

Юра вышел на самую середину большой лужи, посмотрел в воду, поднял ногу и быстро наступил на

что-то сапогом. Потом сунул под сапог руку и вытащил большую шишковатую камбалу. Сделал шаг и достал вторую.

«Ну и рыбалка! Просто удивительно!»

Набрав целый ящик рыб, мы пошли домой.

Я спросил по пути:

— Юра, ты в каком сейчас классе?

— В девятом.

— Кончишь, кем будешь?

— Охотоведом.

— Как отец?..

— Вы поговорите с Володей, чтобы он вас взял на лежбище. Без него не ходите — рассердится...

ЛЕЖБИЩЕ

Тропинка, пробитая в высокой траве, карабкалась вверх на сопку. Володя шёл молча, нельзя было понять — то ли он недоволен моим приездом, то ли вообще не любит разговоров.

Дул встречный сырой ветер. Он приносил слабый шум — блеяние, будто впереди кричат овцы, — и стойкий запах хлева.

— Ветер. С моря! — сказал Володя, и я опять не понял: хорошо это или плохо?

Последние шаги — и мы на перевале. И сразу же в глаза ударило — открылся, вспыхнул на солнце океан. В уши ворвался рёв.

Вот оно какое — лежбище! Внизу под нами волновались два моря: одно настоящее, серое, стальное — вода, волны; другое живое — звери, тысячи звериных тел на песчаном пляже.

Котики, котики, котики... Громадины-самцы; хрупкие, тонкие самочки; совсем маленькие, рассыпью, как семечки, — котята.

Среди коричневых, чёрных зверей вспыхивали тут и там белые искры — бродили, перелетали с места на место чайки.

Огромный, чужой, непонятный мир!

Целый час я пролежал в траве, с удивлением присматриваясь и прислушиваясь к нему. Наконец Володя показал рукой — надо уходить!

— Ветер меняется! — шёпотом сказал он.— Учуют, как шарахнутся, подавят чёрненьких. Пошли, пошли!

— Каких чёрненьких?

— Малышей.

— А-а...

Мы осторожно, стараясь не шуметь, поползли назад.

ЛАЙДА

Весь следующий день я ждал Чугункова, но он не пришёл. Не вернулся он и ещё через день.

— А вы походите по острову,— сказал Юра.— Котиков посмотрите. Сейчас у нас тут и сивучей много. По лайде так и идите.

Лайдой он называл пляж, который тянулся от мыса в обе стороны вдоль берега.

— Непропуски поверху перейдёте. Тут далеко-о уйти можно! У вас палатка есть?

— Обойдусь... А верно, пойду: может, твоего отца встречу?

Я положил в рюкзак пачку пресных галет, привязал к нему спальный мешок, взял фотоаппарат. Уходя, сунул руку на полку и нащупал лимон. Он лежал там в самом углу. Понюхал пальцы — они по-прежнему пахли терпко, по-южному.

Не дожидаясь обеда, вышел из домика и, перевалив через сопку, побрёл на север.

Я шёл, стараясь не пугать животных, прижимаясь к крутому зелёному боку горы.

Котики лежали семьями. В середине — огромный самец — секач, колечком вокруг него — самочки, тут же сбоку — чёрной стайкой — малыши.

На песке, в воде на камнях желтели туши гостей котикового пляжа — сивучей.

Я шёл медленно, то и дело останавливаясь, стараясь ничего не пропустить.

ДРАКА

Вот два молодых самца стоят друг против друга. Расставили лапы и вертят шеями.

«Хр-р-р! Хр-рр-р!»

Что не поделили? Должно быть, место. Вот один изловчился, цапнул зубами противника за плечо. По золотистой шкуре клюквенными брызгами — кровь.

Раненый — обидчика за лоб. Теперь у них обеих шкуры в крови. Не выдержал тот, что поменьше: повернул — и прочь. Бежит, вскидывает тело, выбрасывает вперёд лапы, подтаскивает зад. Песок — в стороны!

Бежал, бежал — на пути великан-сивуч. Котик с разбегу — под него. Повернулся между лапами-брёвнами и замер: «Куда это меня занесло?»

А сивуч даже не заметил. Спросонок хрюкнул, накрыл ластом беглеца. Торчит теперь из-под сивуча одна котикова голова.

Подбежал и второй. «Стоп! Куда делся обидчик?» Понюхал: где-то здесь! Присмотрелся: «Ах, вот он где!»

Рычит котик, грозит, а подойти боится. Страшно: экая громадина — сивуч. Клыки что ножи!

Порычал, порычал и побрёл прочь.

Я лежу в траве, перекручиваю плёнку в фотоаппарате. Интересно, чем кончится дело?

Дремал сивуч, дремал, чувствует — поворачиваться неловко стало: возится что-то между лап.

Сонную морду опустил, котика за загривок зубами взял, не глядя башкой мотнул.

Полетел вверх тормашками двухметровый кот.

Плюх в воду! А сивуч, глаз не открывая, снова голову опустил. Тепло, хорошо ему на ладе!

ЧЕРНЕНЬКИЕ

Около кучки чёрненьких я снова залёг в траву. Чем занимаются малыши?

А у этих дела важнее важного: время учиться плавать пришло. Бродят у воды, мордочками вертят. То на океан посмотрят, то на песок. Страшно в воду идти... а что-то внутри так и толкает, так и толкает! Жмутся чёрненькие к воде, отскакивают: волна на песок набежит — того и гляди, окатит!

Один чёрненький зазевался. Выкатила на берег волна, накрыла его, назад с собой поволокла. Очутился малыш в воде. Барахтается, лапами, как птица крыльями, трепещет. Не удержала его вода — скрылся с головой. Вынырнул — воздух глотнул, задними лапами на манер хвоста шевельнул и... поплыл.

Плывёт к берегу, торопится, головёшкой вертит: успеет ли до следующей волны?

Успел.

Стал я искать глазами котиковых мамаш. Нет их. Отец на песке лежит, а мам нет — в море уплыли. Должно быть, кормятся. Впрочем, вот одна. Из воды вылезла, напрямик к своему. По голосу нашла. Легла на песок, на бок повернулась. Малыш тут же носом в живот ей уткнулся, задёргал головёшкой — сосёт. Да, вкуснее мамкиного молока ничего нет.

ЧАЙКИ

Между коричневыми телами котиков там и сям — чайки. Выклёвывают червяков, подбирают гниль, всякую всячину.

Заметила одна чайка: надо мной трава шевелится.

Взлетела и — ко мне. Крылья растопырила, повисла в воздухе.

Кричит без умолку: «Ив-ив!»

За ней — вторая. Вопят истошными голосами, пикируют на меня, вот-вот клонут.

Забеспокоились и котики. Кто спал — глаза открыл, кто бодрствовал — нос кверху поднял. Принохиваются, озираются. Кое-кто на всякий случай к воде поближе переполз.

Я — рюкзак за спину и через траву, пригибаясь, на сопку — подальше от зверей, от тревоги.

Выходит, чайки здесь не только санитары — они ещё и сторожа!

СИВУЧ

Шёл я поверху и снова увидел внизу, среди огромных, упавших на лайду валунов, жёлтые неподвижные тела сивучей.

«Дай-ка подкрадусь к ним поближе!»

Подумал и начал спускаться.

Склон кончился. Трава уже выше головы. Под ногами песок.

Вдруг прямо перед моим носом из травы — серая круглая громадина — валун. Подобрался я к нему, спрятался, стал потихоньку спину разгибать. Поднял голову и... очутился лицом к лицу с огромным сивучом. Стоим мы с ним по обе стороны камня и смотрим друг на друга.

Сивуч то и дело поводил шеей, и от этого у него под шкурой переливался жир. Видел он плохо, но чуял опасность, принохивался и старался понять: откуда этот незнакомый тревожный запах?

А я стоял не шевелясь. Зверь смотрел на меня мутными глазами, недоумевая: камень я или что-то живое?

Не выдержав, я мигнул. Сивуч заметил это и, издав хриплый рёв, круто повалился на бок. Качнулся и задрожал жёлтый бок, вылетел из-под ластов песок. Раскачиваясь из стороны в сторону, зверь вскачь помчался к воде. По пути врезался в груды других сивучей. Те, как по команде, вскочили и,

тревожно трубя, обрушились в воду. Пенная волна выхлестнула на берег!

То ныряя, то показываясь, великаны поплыли прочь.

КАЛАН

Иду дальше. В маленькой бухточке, отгороженной от моря высокой скалой, вода спокойная, гладкая. Со дна поднимаются, плавают коричневыми шишковатыми блинами водоросли — морская капуста. Подул ветерок, листья зашевелились, стали вытягиваться по ветру.

И вдруг я заметил, что между ними медленно плывёт какой-то зверёк. Плывёт удивительным образом — на спине.

Он плыл, сложив передние лапки на груди и прижав задние к животу. Плыл, работая одним телом. Зверёк выбрался на середину бухточки, запрокинув круглую усатую мордочку, и нырнул. Когда он вынырнул, то снова лёг на спину, а в лапах у него оказались два каких-то тёмных предмета. Он стал постукивать ими друг о друга, то и дело наклоняя усатую мордочку и разглядывая — ладно ли получается. И тут я вспомнил, что каланы достают со дна морских ежей, а порой ещё и прихватывают с ними камни. Лежит такой зверь пузом кверху и постукивает ежом о камень. Сломает ему иголки, обомнёт колючий шар и — в рот. Только мне не повезло досмотреть это удивительное зрелище до конца: в бухточку с берега сполз туман. Исчезла скала, вода из чёрной, маслянистой сделалась серой, покрытой острыми гвоздиками дождя, а потом исчез и калан.

Я понял, что передо мною морская выдра — калан. Зверь, который водится на втором из Командорских островов — на Медном, но изредка заплывает и сюда, к этому берегу.

НОЧЬ

Стало смеркаться. Надо было искать место для ночлега.

В одном месте над лайдой нависала скала. На плоскую её вершину ветер нанёс земли, на земле выросла трава. К скале то и дело с криками подлетали маленькие чёрные птицы с красными широкими носами — топорики.

Я положил под скалой рюкзак, достал спальный мешок, забрался в него с головой и долго лежал согреваясь. Ветер дул не переставая. Острые песчинки, пролетая, царапали мешок.

Потом я заснул и даже не слышал, как ночью шёл дождь.

Проснулся рано, стряхнул с мешка воду, подумал: «В вагончике-то тепло!» Сразу захотелось назад, к Юре, к чайнику, весело поющему на плите.

СТАРЫЙ КОТИК

Теперь я знал дорогу и обратно шёл быстро. Перевалив через скалу-непропуск, снова вышел на лежбище.

В стороне от стада, в неглубокой воронке, лежал котик. Он был стар, шкура на боках облезла. Рой мух кружился над ним. Котик лежал прямо на моём пути, но я устал и решил не сворачивать.

Старик забеспокоился только тогда, когда я оказался совсем рядом. Ветер относил мой запах в сторону, и поэтому котик не понял, кто приближается. Он вытянул навстречу мне узкую, с повисшими усами морду и глухо рывкнул. Потом завозился, пытаясь выбраться из воронки. Слепые глаза тщетно старались разглядеть: кто перед ним? Мне стало жалко его, и я остановился. Моя неподвижность обманула животное. Котик, шумно вздохнув, улёгся снова.

Прошумели крылья. На песок села чайка. Она покосилась на меня красным нахальным глазом, соскочила в воронку и, сунув клюв под зверя, вырвала из его живота клочок шерсти. Поклевав, птица лениво взмахнула крыльями и полетела прочь.

Я сделал осторожно шаг назад. Котик вздрогнул во сне.

«Это его последнее лето»,— подумалось мне.

ЧУГУНКОВ

Подойдя к домику, я увидел около двери ружьё.

В комнате весело гудела печь, на кровати сидел большой человек. Сапоги он снял и сидел в толстых шерстяных носках.

— Вы Чугунков? А я к вам приехал из Ленинграда. Помните, мы уславливались? Мне для журнала нужно статью написать.

— Помню,— сказал Чугунков и кивнул.— А я вот на Северное пошёл, да и застрял. Котиков там метили. Ну, как вас мой Юра принял?

— Юра? Он у вас молодец, мы с ним тут камбал ногами ловили. Где он?

— За водой на ручей пошёл... Долго у нас пробудете?

— Как получится. Я ведь, между прочим, магнитофон привёз — записывать котиков.

— Попробуйте.

Чугунков улыбнулся и вдруг заревел секачом. Потом залаял самочкой. Заблеял малышом.

Это получилось очень смешно: сидит на кровати взрослый, большой человек в носках и кричит по-звериному на разные голоса. Но я не засмеялся, а, наклонив голову набок, серьёзно слушал. Потом достал из чемодана магнитофон, и мы стали проверять, всё ли в нём работает хорошо.

Пришёл Юра с водой, вскипятили чайник, сели за стол.

Я достал с полки лимон, ножом разрезал его на три части. Стали пить чай. Чугунков пил вприкуску. Он долго дул в чашку, отгоняя лимон, а потом клал на язык белый сахарный кубик и, причмокивая, тянул коричневую сладкую жидкость.

— Завтра чистим пляж,— сказал он,— а уж потом я вами займусь. Потерпите?

— Ничего,— сказал я,— мне не к спеху. Вы давно тут, на лежбище?

— Десятый год. С мая по октябрь. Семья на Камчатке, а я в вагончике. Хорошо, Юрка теперь со мной,— подрос. Вы лимон один привезли?

— Один.

— Жаль. Тёплым морем от него пахнет. Пальмы там... Музыка...

КОТИКИ И АВТОМОБИЛЬ

Когда мы с Юрой назавтра пришли на лайду, прилив уже начался, вода закрыла верхушки камней. Сивучи, которые любили сидеть на них, перебрались на берег.

Из-за сопки послышалось урчание мотора.

Над высокой голубой травой показалась кабина тяжёлого автомобиля. Тотчас беспокойно завозились, заворчали самцы. Чайки поднялись в воздух, помчались выяснять: что там? Самки тревожно принюхивались: не беда ли?

Одни только чёрненькие продолжали дремать. Из-за края сопки на лайду выкатился автомобиль. В кузове сидели трое рабочих-алеутов. Пробуксовывая колёсами, автомобиль подъехал к самой воде. Рабочие соскочили на песок и стали подбирать вилами мусор и падаль, швыряя их в кузов.

Я был поражён. Я думал — начнётся паника. Произойдёт то, о чём говорил Володя: животные, сметая всё на пути, лавиной кинутся к воде, будут раздавлены чёрненькие... Но котики скоро перестали

волноваться. Только самочки, гоня перед собой малышей, немного отползли в сторону.

К автомобилю, видно, здесь привыкли. Рабочие, подобрав мусор, перешли на новое место.

Мы сидели с Юрой на сопке. Внизу под нами следом за машиной шёл Чугунков. У него в руке была записная книжка. Он подходил к котикам, считал их и что-то записывал. Он смотрел на них внимательно, изучая, как врач смотрит на больных. Ему было трудно идти по вязкому песку.

Вот он стоит, широко расставив ноги и сбив на затылок кепку. В резиновых сапогах отражается серое, затянутое тучами небо.

ГОЛОСА

Мы записывали голоса котиков.

Чугунков с магнитофоном остался на сопке, а я полз по пляжу. За мной как змея извивался чёрный резиновый шнур.

Я старался не спугнуть зверей.

Но вот встревожилась ближайшая ко мне самочка, привстала и, подняв острую, рыжую мордочку, зашевелила усами.

Оторвали от песка головы и её соседки. Завозился огромный самец. И вдруг всё семейство, как по команде, двинулось к воде.

Зашевелились другие звери. Закачались, заныряли усатые чёрные головы. Пляж начал приходить в движение.

Резиновый шнур натянулся и рывком остановил меня. Из травы Чугунков свирепо делал знаки: назад, назад!

Мы ушли и, чтобы дать зверям время успокоиться, вернулись только через час.

Теперь Чугунков решил попробовать сам. Он сходил в домик и принёс оттуда бамбуковое удилище. Привязал к нему микрофон. Поплевал на ладонь,

повертел ею в воздухе — поймал ветер. Прикинул, где лучше выходить из травы.

Я остался около магнитофона. Под локтями — трава. Перед носом — петлей, с бобины на бобину, — коричневая лента. Я посмотрел — что делает Чугунков?

Он полз не поднимая головы. Когда до ближайшего зверя — это тоже была самочка — осталось шагов шесть, остановился и долго лежал. Котики, встревоженные приближением непонятного тёмного пятна, понюхали воздух, успокоились. Ветер был от них. Тогда Чугунков, не поднимаясь, подвинул палку с микрофоном к самому зверю. Я нажал клавишу, закрутились бобины...

Потом Чугунков пополз к воде. Там стайкой лежали чёрненькие. Этим он совал микрофон прямо в мордочки. Котята отворачивались, отступали. Одного заинтересовала блестящая белая штука на палке, он подковылял к ней, ткнулся носом, попробовал на зуб...

Последним записывали большого секача. Тот уже покинул свой гарем и лежал в стороне от стада.

Это было далеко от меня. Чугунков подполз к зверю со спины, положил микрофон рядом с ним. Великан не обратил на это внимания. Он, видно, молчал, потому что Чугунков вдруг привстал. Секач уставился на него. Человек и зверь некоторое время смотрели друг другу в глаза, потом кот качнулся и, тяжело перебрасывая с места на место лапы, стал отступать. Короткий рёв — одинокий, низкий, недовольный — пронёсся над берегом...

Вечером в домике мы слушали записи. Сперва шелестела, перематываясь с бобины на бобину, лента. Потом послышался плеск волн и беспокойное мычание — шумело лежище. Затем кто-то задышал, захрюкал — сонно, лениво. Самочка! Опять молчание... Жалобно заблеяли малыши. Заскрипело — котёнок куснул микрофон...

Наконец, из шелеста волн и шуршания песка

возник, перекрывая их, и заполнил весь домик могучий рёв потревоженного самца.

— Ну вот, получилось! — весело сказал Чугунков. — Не зря ползали. Вам это для чего?

— Вдруг радиопередачу сделаю...

Растопили печь. Юра поставил воду.

Я вспомнил, как мы пили вчера чай: за окошком тундра, низкое серое небо, вот-вот пойдёт дождь. А на столе у нас круглый, жёлтый, как маленькое солнце лимон. Лежит, пахнет югом и далёким ласковым морем.

УТРО

Ночь на Командорах короткая и светлая. Не успеет солнце погрузиться в воду у северного мыса, как снова светлеет, и от далёких Алеутских островов идёт новый день.

Эти час-два голубых сумерек прекрасны. Если нет тумана и воздух прозрачен, то всю ночь дрожит над водой жёлтая цепочка огней села Никольского — единственного поселения на островах. Там кто ещё не успел лечь, кто уже встал. Вот над бухтой вспыхнул зелёный огонёк — отошёл от причала катер: рабочие-алеуты едут на лежбище. Вот огонёк исчез — катер зашёл за остров Топорков. Вот появился снова, уменьшился и пропал...

Над горизонтом выкатилось солнце. Стылая стальная вода неподвижна. В Никольском закурчавился один дымок, другой...

ЧЕЛОВЕК И КОТИК

На прощание Чугунков рассказал мне про лежбище — какое оно зимой.

Как-то остался он тут до декабря. Зима была недружная: снег то шёл, то таял. В вагончике сыро.

Пляж голый. Котики уплыли. Остался только один самец. Здоровенный секач! Лежит на песке отощавший, ни жира, ни мышц. Все котики уже давно в тёплых краях, а этот — словно жалко ему уплывать! — то спустится в воду, то вылезет обратно на берег...

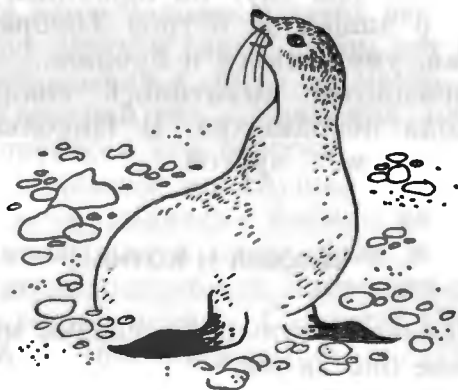
— Прихожу я как-то утром,— говорит Чугунков,— а его нет, уплыл. И снег в этот день такой пошёл! Всё занесло. И мороз ударил ..

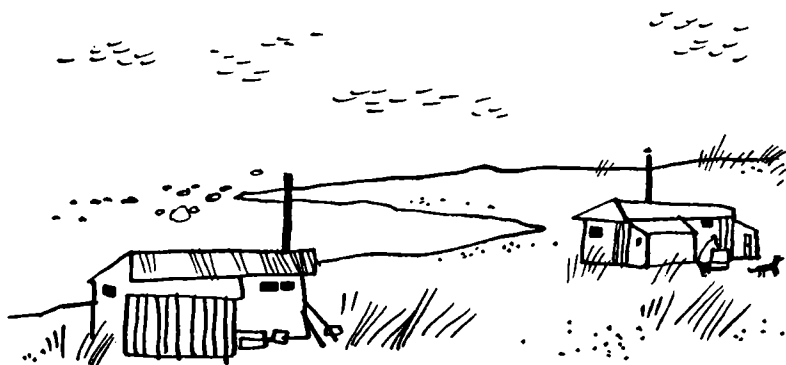
На следующий год Чугунков приехал на остров очень рано — только лёд сошёл. Стоит на лайде, смотрит в бинокль. Вдруг видит — чёрная голова! Плывёт какой-то зверь, отфыркивается. А это — котик. Доплыл, шумно вздохнул, вылез на берег и в самой середине пляжа самое лучшее место занял. Застолбил его! Для себя и для своей будущей семьи.

Лежит. Такой красавец, такой здоровяк! Откормился за зиму на южных харчах.

— Тут я и подумал: «Уж не ты ли это, мой друг, первым вернулся? Видно, крепко тебя назад тянуло...»

Так они вдвоём на берегу и просидели до вечера. Сидят и на море смотрят — кто приплывёт ещё?

АРИЙ КАМЕНЬ

СНИМАТЬ СО СКАЛЫ

Настало время мне возвращаться с острова Беринга на материк. Я пришёл на причал узнать про теплоход.

На причале суетились матросы.

— Идёмте с нами! — крикнул старшина.

— Куда?

На катере тарахтел движок.

— Человека со скалы снимать.

Я сразу представил себе: кораблекрушение, один пассажир спасся, доплыл до скалы и теперь сидит там...

Раздумывать нечего!

Скоро я стоял, закутанный в плащ, на корме катера и смотрел, как уходит назад засыпанный углем и цементной пылью причал.

Катер описал по бухте полукруг, прибавил оборотов и побежал по свинцовой океанской воде наискосок от берега, туда, где на самом горизонте смутно чернел зубчик — скала Арий камень.

Арами алеуты называют морских птиц — кайр.

Катер шёл ходко, взбираясь с одной волны на другую. Берег, низкий, с заснеженными сопками, понемногу двигался, голубел, валился за корму.

Появились киты. Они неторопливо выдували вверх прозрачные белые фонтаны, неторопливо погружались и всплывали.

Стук мотора китам не понравился, и они ушли.

КАМЕННАЯ СЕНА

Чёрный зубчик на горизонте поднимался, желтел и мало-помалу превратился в островок.

Когда мы подошли ближе, от него отделилась струя серого дыма. Она изогнулась, взмыла вверх и рассыпалась на тысячи белых и чёрных искр. Птичий гомон обрушился на катер. То, что я принял за струю дыма, было огромной стаей птиц.

Под их гвалт старшина повёл катер к берегу. Обрыв — метров сто. На узких каменных карнизах рядами тысячи птиц: белогрудые кайры, чёрные, как смоль, бакланы, серые чайки. Птицы сидели, прижимаясь к отвесной скале. Я сразу подумал: как это не падают в дождь и ветер с узких карнизов их яйца?

Отгрохотав цепью, ушёл в воду якорь. Новый взрыв беспокойства на скале. Несколько самых отважных чаек бросились к нам, с криком повисли над катером, загребая изо всех сил крыльями воздух.

«Людей на палубе мало, ружей нет». Чайки успокоились и унеслись прочь.

Но где же потерпевший кораблекрушение?

Два матроса спустили шлюпку, прыгнули в неё, наладили уключины. Следом прыгнул и я.

ЗЕЛЕНАЯ ПАЛАТКА

Ворочая тяжёлое весло, я посматривал через плечо на каменную стену и думал: «Как к ней подойти? Отвесная скала, у воды — острые, как собачьи зубы, раковины. Невозможно!..»

Но матросы ловко направили нос шлюпки в расщелину, он ткнулся туда, матрос выскочил на камень и отчаянно завопил:

— Конец!

Его товарищ швырнул свёрнутый в кольцо канат...

Вбив в трещину в скале обломок прихваченной с катера доски и привязав к ней шлюпку, мы отправились в путь по острову.

Сперва ползли на четвереньках, цепляясь руками за камни, потом выбрались на карниз, обогнули скалу. Карниз стал шире, появилась тропинка.

Наконец я увидел сорванный каблуком мох и отпечаток резинового сапога — след человека!

Мы вышли на другую сторону острова. Тут скала была не такая крутая, на ней — площадки, лужи, густая сочная трава.

И вдруг на одной из площадок я заметил грязное озерцо, а рядом с ним вылинявшую зелёную палатку.

От палатки к нам шла женщина. Она была в синем спортивном костюме и коротких резиновых сапогах. Копна чёрных волос развевалась по ветру.

— Долго же вы добирались! — крикнула она. — А я вас жду, жду.

Матросы кивнули ей как старой знакомой.

Женщина протянула мне руку.

— Эля Михтарьянц!

Никакого кораблекрушения.

«Вот так раз! — подумал я. — Она, как видно, жила тут и работала. Учёная».

ЖЕНЩИНА НА СКАЛЕ

Михтарьянц и верно оказалась ученым-орнитологом. На острове она прожила четыре месяца. Теперь настал срок уезжать.

Мы стали помогать ей собирать вещи.

Набежал дождь. Он посыпался из ясного неба мелкой водяной крупой и кончился так же неожиданно, как начался.

Когда постель и одежда были увязаны, Эля принялась складывать приборы и журналы с записями — их она не доверяла никому. А мы с матросами отправились бродить по острову.

С камня на камень, с камня на камень — камни мокрые, загаженные птицами, скользкие.

КАЙРЫ И БАКЛАНЫ

Вот и вершина острова, самая макушка скалы.

Здесь на крошечной, с ладонь шириной, площадке сидела кайра. Увидев меня, она по-змеиному зашипела, нехотя снялась и, распластав крылья, уплыла вниз, где лучилась и сверкала солнечными искрами вода.

На площадке осталось яйцо — зелёное в коричневую крапинку, один конец тупой, другой острый. Я положил его на наклонный камень, яйцо не покатилося, а покачалось, повернулось тупым концом вниз и замерло.

Яйцо-неваляшка, яйцо — ванька-встанька! Так вот почему не падают вниз с обрыва ни в дождь, ни в ветер арьи яйца!

Постояв на вершине, я начал спуск. С камня на камень, как по лестнице.

Справа и слева из-под камней, поблёскивая белыми грудками, шипят кайры. Тоже сторожат яйца.

Лез, лез, снова попал на край обрыва. Снова под ногами море. Сбоку — на фоне воды — две чёрные змеи. Поднялись на хвосты, вертятся, раскачиваются, пугают.

Никакие это не змеи. Два баклана устроили на выступе скалы себе дом. Сидят бок о бок, оба, как сажа, чёрные, вокруг глаз — оранжевые ободки. Ворчат, успокаивают друг друга: «Не посмеет тронуть, не посмеет, уйдёт!»

И верно — уйду. Можете не волноваться!

Я отполз в сторону, и тотчас один из бакланов метнулся вниз. словно чёрная стрела полетела с обрыва, вонзилась в воздух, прочертила прямую линию.

Развернулись крылья — баклан уже на воде. Качается чёрной лодочкой — сейчас начнёт ловить рыбу.

А подруга его осталась на камне. Косит на меня оранжевым глазом. Если присмотреться, под ней между лапами — яйцо.

«Когда ты уйдёшь?»

Ушёл я, ушёл. Дальше пополз. Вниз.

Скатился со скалы, а там — Михтарьянц.

— Идёмте,— говорит,— я вам сейчас топориков покажу.

ТОПОРИКИ

Здесь, внизу, где каменные уступы пошире, травы побольше, и гнездятся топорики.

Сели мы с Элей в траву, стали наблюдать.

Ара — взрослому человеку по колено. Топорик меньше раза в два. Сам бурый, на голове — два лимонных хохолка. Нос красный, лопаточкой. Лапки тоже красные.

Гнёзд топорик не вьёт, на карнизах, как бакланы, не сидит — роет норы. Вот один старается: тюк, тюк! — красной лопаточкой. Носом долбит землю, лапками из-под себя выбрасывает.

Взлетает топорик так: часто-часто замашет короткими крыльями, толкнётся — и пошёл. Пока набирает скорость, лапки опущены, пальцы перепончатые растопырены, точь-в-точь самолёт на взлёте. Но вот набрана скорость — можно убирать шасси, — и топорик лапки подобрал, к пузечку прижал, стриждёт воздух крыльями. Только свист идёт!

И садится топорик, как самолёт. Подлетел, выпустил лапки, затормозил крыльями — фррр! — и приземлился около своего дома.

Мы с Михтарьянц идём, стараясь не шуметь, мимо россыпи валунов, мимо нор, пробитых в зелёной траве. Смотрят на нас умные птицы, поворачивают вслед пёстрые хохлатые головы.

— Наш северный попугай! — сказала про топорика Эля.

У неё для всякой птицы здесь — прозвище, про всякую — сто историй. Недаром она на острове то одна, то с товарищами уже второе лето.

«ОНИ БЕССТРАШНЫЕ!»

Родилась Эля далеко от Командорских островов — в Армении.

Раскалённые красные камни, синие горы, маленькое селение посреди сухой безводной долины. Воду девочка видела всегда помалу: в ладошках — когда умывалась, в кружке — когда пила, на дне колодца — когда отец открывал крышку, чтобы опустить ведро.

Выросла, окончила институт, попала во Владивосток. А тут — море! Вода до самого горизонта. Поражённая, решила: тут и останусь.

Как все горянки, была она молчалива и не

боялась одиночества. Поэтому, когда ей предложили поехать на остров изучать птиц, сказала:

— Ладно! — и очутилась на Арьем камне.

При сборах опытные люди советовали:

— Сапоги обязательно возьмите резиновые — в них нога не скользит. И конечно, примус: деревьев на острове нет, костерок не разведёшь. Одеяло потеплее, свитер — даром что лето, может и снег пойти...

— Это в июне-то?

— В июне.

Самой страшной была первая ночь. Катер, который привёз её, ушёл. Набежали тучи, солнце село — темнота! Ни зги. Висит где-то между чёрной водой и чёрным небом крошечная палатка, в ней — на железной койке — маленькая женщина.

Где-то внизу ворочается океан. Ветерок шевелит траву, а женщине кажется: кто-то подкрадывается. Идёт кто-то по скале, всё ближе, ближе... Камень упал. Крикнула морская птица...

Достала Эля из ящика примус, чиркнула спичку — разожгла. Вспыхнул над примусом голубой огонёк, зажурчал. Набрал силу, стал жёлтым, красным, по палатке побежало, заструилось тепло. Шумит примус. Будто появился собеседник: торопится что-то рассказать, шумит взхлёб, а Эля сидит, слушает его и кивает...

Потом привыкла. И к темноте, и к ветру. Бывает, задует он, белой пеной покроется океан. Волны — с размаху — о камень. Гудит скала!.. Посыплет дождь, тонкой водяной плёнкой покроет скалы, траву, тропинки.

И только птицы, верные соседи, по-прежнему галдят, хлопочут.

— Я их тогда и полюбила, — говорит Михтарьянц. — Они бесстрашные! Хотите, расскажу, как они ведут себя в ненастье?

На островок обрушивается шторм, а колония не прерывает дел. Во время самых диких ветров можно

видеть в воздухе птиц. Только когда сидят, они поворачиваются носами к ветру да потеснее прижимаются к скале...

И ещё рассказала Михтарьянц: когда на Арий камень первый раз упал туман, она тоже оробела.

Было безветрие. Туман напoлз с океана плотной стеной. Стало трудно дышать. На лице, на плечах — мелкие водяные капли. Всё — как в молоке, вытянешь руку — не видно пальцев.

— Туман застал меня на берегу озера. До палатки — шагов десять, а не дойти. Вдруг упадёшь со скалы? Или подвернёшь ногу... Села я на камень и стала ждать. В тумане, вы знаете, слышен даже самый слабый звук. И вдруг отовсюду понеслись крики, зашуршали крылья. Это взлетали и садились ары, бакланы, ссорились чайки, свистели крыльями топорики. Представляете: в такой туман не выпускают самолёты, бывает, становятся на якорь корабли, а птицы летают!

Молодцы!

Я заметил, как по-особенному научилась здесь Эля ходить. Тихо. Движения плавные, как в замедленном кино. Птицы её не пугаются. Идёт она прямо на чайку, та взмахнёт крылом, отскочит на шаг и продолжает свои дела — рвёт что-то на кусочки, ворчит.

— Будто собака! — сказала Михтарьянц про одну злую чайку.

Мы ходили по острову, и Эля рассказывала про птиц.

ИЗ РАССКАЗОВ МИХТАРЬЯНЦ

На Арий камень птицы прилетают весной. Надо снести яйца, вывести птенцов, поставить их на крыло, спустить на воду. Всё это у каждой птицы по-своему.

У чайки-моевки птенец появляется на свет слабым, первую неделю лежит в гнезде и только к концу шестой недели крепнет, поднимается на ножки,

пробует выходить на край обрыва. Станет здесь, развернёт крылья, с опаской посмотрит вниз — страшно! А справа и слева такие же, как он, — серые, голенастые, бедовые. Кричат, подбадривают. Вьются над ними с криками отцы, мамы. Но вот настает час — словно что-то толкнуло его, кувыркнулся птенец с обрыва, отчаянно замахал крыльями. Принял его воздух, поддержал. Описал смельчак петлю и снова вернулся к гнезду. А за ним — как купальщики холодной осенью, зажмурив глаза, в ледяную воду — братья, сёстры, соседи по скале — прыг, прыг!

Эти первые полёты продолжаются примерно месяц. Держится теперь молодёжь выводком. Постепенно смелеет — всё позднее возвращаются молодые на скалу. Всё дальше и дальше их полёты. Значит, скоро на юг!..

У маленького топорика детство совсем не такое. Первые дни проводит малыш не под открытым небом, как чайка, а в глубине норы, на подстилке из сухой травы и перьев. Подрастёт, всё чаще начнёт выбираться на свет, расхаживать у входа в нору. И вот, подбадриваемый родителями, устремляется пешком через гальку, через обломки камней — к воде! Добежал до неё, упал, заработал лапками — поплыл. Прочь от берега! Больше не вернётся сюда в этом году маленькая красноносая птица. Уплывёт в открытое море. Будет там расти, откармливаться, взростеть среди кочующих рыбьих стай и холодных свинцовых волн.

Такое же детство и у птенца кайры. Этот, правда, растёт на свету, на ветру, быстро оперяется, набирается сил. Но тоже придёт день — станет малыш на краю обрыва. А под ногами-то пропасть! Еле видны мелкие, как чешуйки, волны. И вдруг — замерло сердце, отчаянно затрепетали крылья. Вытянул вперёд шею, растопырил ноги — полетел! Вниз, вниз. По пути задел скалу, отскочил от неё, как мячик. Всё ниже и ниже. Держат крылышки, как парашюты, работают перепончатые лапки. Вот и вода. Уф!

Заработал ножками — поплыл! Как и топорик, прочь от берега. А неподалёку уже отец и мать. Радуются, торопятся плыть следом. Им всем троим долго жить в море...

И уж совсем удивительно прощаются с берегом птенцы кайры на острове Тюленьем — ещё на одном острове, где побывала Михтарьянц.

Тюлений — небольшая плоская скала. У подножия её — котиковый пляж, на ровной, как стол, вершине — тысячи птиц. Отсюда совершают они полёты в море, чтобы накормить горластых больше-ротых птенцов.

Но вот птенцы подросли. В жизни колонии наступает великий день. Небывалое волнение охватывает и без того шумный птичий базар. Тысячные толпы кайр совершают не осмысленные на первый взгляд перемещения: они то сбиваются в стаи, то рассыпаются вновь. Но постепенно вся эта чёрно-белая масса сдвигается в сторону моря. И тогда происходит самое важное: какой-то сигнал, общее по наитию решение, случайный шаг вперёд одной птицы — и птичья толпа упорядочивается. Взрослые птицы спускаются со скалы и выстраиваются шеренгами, образуя проходы между котиками. И никогда не выдавшие воды птенцы ручейками устремляются к морю. Они скатываются с обрыва и бегут по этим коридорам между коричневых рыкающих зверей, пока не достигнут камней, покрытых пеной. Бегут, бросаются в волны, а огромные звери, шумно дыша и вытягивая шеи, удивлённо смотрят им вслед.

КРАБЫ

На острове были ещё жильцы: кроме птиц, его населяли крабы. Мелкие, плоские, с паучьими ножками и острыми клешонками, они сновали у самой воды или сидели на камнях и аккуратно состригали с них жёлтые нитевидные водоросли.

Я спустился к самой воде, примостился на обломке скалы.

Сидит краб, перебирает клешонками, отправляет в рот ниточку за ниточкой. Клешнями ест, а глаза-бусинки смотрят вверх. Мелькнула над скалой светлая тень, зашелестели крылья — краб боком-боком к самому краю камня. Присел на краю, посмотрел ещё раз вверх и в воду — шлёп!

Я не ухожу, продолжаю наблюдать. Справа и слева от меня на облитых водой, солёных, поросших водорослями скалах — тысячи крабов. Расселось, расположилось тонконогое, закованное в панцири воинство. Блестят тёмными спинками, размахивают клешнями. Вдруг, как по команде, бросили еду, двинулись к воде. Я уже знаю, в чём дело. В небе — чайки.

Но вот чайки улетели, и крабы полезли из воды. Выскочит крабишка, встряхнётся, замрёт.

«Почему они так проворно из моря выскакивают?» — подумал я.

Осторожно (как бы не сорваться!) сполз к самой воде. Видно хорошо, до самого дна. Впрочем, какое тут дно — уступ скалы. На уступе — глаза. Смотрят на меня квадратные зрачки — не мигают. Вокруг глаз голубоватое облачко колышется, снуют белые колечки-присоски.

«Да это, никак, сам осьминожек к нам в гости пожаловал!» — догадался я.

В стороне от него из расселины ещё пара глаз смотрит.

Краб для осьминога — главная добыча. Вот отчего так странно ведут себя крабы. Не сладкая у них жизнь: только от чайки в воду спрятался, надо на берег от осьминожка бежать!

ЕЩЕ ИЗ РАССКАЗОВ МИХТАРЬЯНЦ

Над скалой всегда дикий гвалт: кричат во всё горло птенцы, торопят родителей маленькие кайры, бакланы, топорики, напоминают о себе, зовут, уп-

рашивают. Все хотят есть. Мечется взад-вперёд от скалы к скале легион чёрных, белых, коричневых птиц. Каждая пара кормит детей.

Но охотятся птицы каждая по-своему.

Чайка ловит добычу на лету. Нырять она не любит. Высмотрит у самой поверхности рыбёшку, пронесётся над ней, клювом, как крючком, подхватит — цоп! — и готово.

Кайра — та может нырнуть. Но долго под водой не сидит. Догоняя рыбу, гребёт чаще одними лапами. Схватила добычу — и тоже наверх.

Совсем другое дело — топорик. Этот под волной чувствует себя как дома. Плоский нос вперёд вытянул, лапами и крыльями как заработал... Мчится стрелой, никакой рыбине не уйти!

У огромной олуши и у маленькой вилохвостой крачки — своя манера охотиться. Эти пикируют, входят в воду, падая, как камни. Поднимется олуша метров на тридцать, крылья сложит и — вниз. Берегись! Бывали случаи, находили в воде: олуша — сама мертва и на шее — пробитый клювом баклан или топорик. Это она его невзначай, как копьём, пронзила...

— Но самый ловкий подводный пловец, — утверждает Эля, — баклан. Этот, когда плывёт, и лапами гребёт, и всем телом, как бобр или выдра, извивается. Баклану нырнуть на десять метров ничего не стоит. Несколько минут пробыть под водой — для него пустяк... И ещё о чайках, — говорит Михтарьянц. — Не удивляйтесь — самые странные и самые ленивые птицы. Недаром их морскими воронами да побирушками называют. Никакой падалью не брезгают. Видели, что делается у рыбоконсервных заводов? Их там туча! Крик, гвалт, из-за каждого кусочка драка. Чайкам что чешуя, что кусочек кожи, что кишки — всё равно. Недаром многие чайки переселились в города. Я их называю помоечными чайками.

— Ну, за что вы их так! — говорю я. — Чайка — птица красивая, не глупая.

— Умная,— соглашается Эля.— Не видели, как она с морскими ежами расправляется? Ёж колючий, в известковой броне. Чайка приметит одного — скажем, в море отлив и он в луже, обсох,— на лету клювом за колючку подцепит — и вверх. Поднимется, пролетая над берегом, разожмёт клюв, ёж с высоты об камень — бряк! Иглы вдребезги. А чайка уже тут как тут.

Умная птица, но злая и хищная!

ЧАЙКА

Надо мной с диким криком парила серая чайка. Она то взмывала вверх, то пикировала, едва не ударя крыльями. С ней то и дело случалась медвежья болезнь — все плечи и спина у меня были забрызганы белой зловонной жидкостью. От такого крика мог переполошиться весь птичий базар. Но птицы не обращали на неё никакого внимания.

В чём дело?

Я сделал шаг — и из-под ноги с хриплым писком вывалился огромный, с курицу, птенец. Он был серый, покрыт пухом, не умел летать, скользил по камням, проваливался и истошно орал.

Так вот отчего беспокоилась чайка — это была его мать! И вот почему не обращали на нас внимания остальные птицы — разберётесь, мол, сами!

ПРИМУС

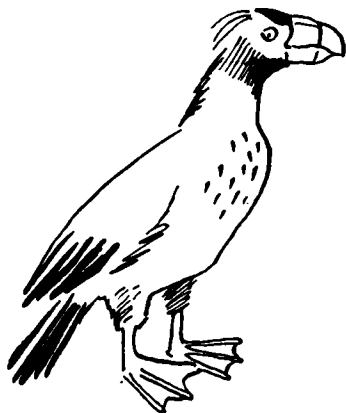
Вещи Михтарьянц мы перенесли к шлюпке. Только не сумели снять палатку — она была намертво прикреплена к стальным штырям, вбитым в камень. Таковую не сорвёт даже зимний шторм!

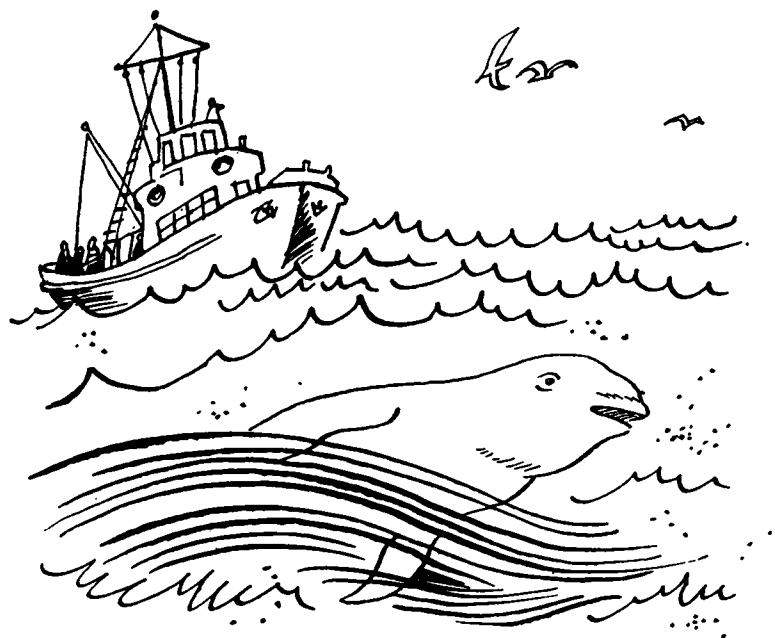
Мы волокли, переставляли с камня на камень ящики, пустые баки из-под воды, спустили тюк, перебросали из рук в руки разную мелочь. И вдруг со звоном упал и покатился примус. Эля за ним — да куда там! С камня на камень — и в океан. Бульк!

Мы уложили всё в шлюпку, отвязали конец и, торопливо гребя, отошли от берега.

— Жаль мне его,— сказала вдруг Михтарьянц. Я понял, что это она про примус.— В городах мы отвыкли от него. Газ да электричество. А ведь он был у меня как товарищ. Разговорчивый такой!

Я представил себе: май, по океану носит сахарные ломкие льдины. То и дело находит туман. А в крошечной палатке около тёплого подрагивающего примуса — женщина. Одна на скале посредине океана. Сидит и слушает, как шум огня мешается с криком улетающих в туман ар.

БЕЛУШОНОК

Летом я жил на полуострове Канин за Полярным кругом в артели охотников за морским зверем. Погода нас не баловала, а к концу месяца испортилась вконец. Ударил тёплый ветер шелоник, в избе, где мы жили, тонко задребезжали стёкла, запело в трубе. Тучи, которые до того распространялись по небу лениво, заторопились, над сопкой (на склоне её стояла наша изба) промчался облачный клочок, внизу по воде покатались чёрные шквальные полосы.

К вечеру ветер превратился в настоящий шторм. Зелёные валы пошли в наступление на берег. Подходя к мелководью, они меняли цвет, становились жёлтыми с белыми пенными гривами, с грохотом рушились, вымётывая перед собой плоские языки пены.

На жёлтых водяных горбах плясали поплавки — раскачивалась, содрогаясь, тоня — ловушка для белух, — то обнажались, то скрывались под водой подборы, на которых были навешены сети.

Скоро свист ветра превратился в низкий гул. От тех мест, где скалы подступали к самой воде, нёсся неумолчный, тяжёлый для ушей грохот.

Шторм бушевал всю ночь, а к утру неожиданно стих.

Шум волн стал потише, в нём появились ровные, как удары часов, промежутки. Похолодало: уходя, циклон уводил на восток сухой тёплый, пришедший с юга воздух, а на смену ему уже затекал с Баренцева моря сырой и прохладный.

Выйдя из избы, я спустился по крутой тропинке на берег. Здесь от подножия сопки до самой воды громоздился намытый за ночь вал из мокрой гальки. Около воды стоял один из охотников, Ардеев, и, недоумевая, всматривался во что-то мелькающее среди волн.

В жёлтой, перемешанной с пеной воде, в круговерти подходящих и отступающих валов блестела белая крутая спина — большой дельфин кружил у каменной гряды, через которую опрокидывались волны и за которой была мель. В отлив эта гряда всегда обнажалась, и тогда пространство между камнями и берегом превращалось в озерцо.

И вот теперь белуха как замороженная вертелась взад-вперёд около камней.

— Из винтовки её, что ли, ударить? — сказал Гриша. — Чего это она? Сама, дура, пришла... Ты посторожи!

Он повернулся, чтобы идти в избу за патронами — стрелять белух было его работой, — но вдруг остановился, и его выгоревшие редкие брови сошлись у переносицы. Теперь он пристально всматривался в другое пятно — небольшое коричневое, — которое раскачивалось среди пологих, потерявших силу волн, медленно ползущих от камней по мелководью к бе-

регу. Оно не стояло на месте, а с каждой волной смещалось.

— Ишь куда их занесло! — сказал Гриша, и я понял, что случилось: небольшой полярный дельфин — белушонка в непрозрачной мутной воде потерял мать, перескочил через каменную гряду и теперь, оказавшись на мели, гибнет...

— Ишь куда занесло! — сказал Гриша. — Детна!¹

Белуха беспокойно металась, пытаясь отыскать проход между камнями; вода с каждой минутой убывала: шёл отлив.

Высокая волна перекатила через гряду, подхватила белушонка, понесла, и вдруг он остановился. Пятно больше не двигалось — маленькое животное оказалось на мели.

Азарт охотника боролся в Грише с жалостью.

— Перевернёт ведь, — пробормотал он, и я понял, что он говорит про нас. — Авось не перевернёт. Попробуем?

Мы столкнули на воду карбас (узкую и низкобортную лодку), торопливо загребая короткими вёслами, отошли от берега. Завели мотор. Описав дугу, оказались рядом с камнями. За спиной у меня кто-то шумно выдохнул, я обернулся и успел заметить в серой, покрытой грязными пенными шапками воде молочную погружающуюся спину.

Второй раз белуха вынырнула у самого борта. Из воды показались белый крутой лоб, похожая на шар голова, короткий, безгубый, длинный, как птичий клюв, рот. Зверь выбросил из дыхала с тонким свистом струю брызг, перевернулся и, не погружаясь, поплыл. Он плыл прямо на камни, где ещё недавно был проход и откуда теперь стремительным потоком уходила вода.

— Вот шальная, сохнет ведь! — сказал Гриша и, круто положив руль на борт, пересек зверю путь.

¹ Детна (поморское) — белуха с детёнышем.

Лодка и белуха разошлись, едва не задев друг друга, карбас проскочил вперёд, Гриша заглушил мотор. Тут же пронзительно заскрипел о камни окованный железом киль. Пришедшая следом волна приподняла нас, и карбас, перемахнув через камни, закачался на тихой воде.

Мы подгрести к белушонку. Здесь было совсем мелко, Гриша перевалился через борт, по пояс в воде, подошёл к животному. Белушонок лежал обессиленный, на боку, изредка ударяя хвостом.

— Верёвку давай! — крикнул мне Гриша.

Он накинул петлю на хвост белушонку, вдвоём мы подтащили коричневое обмякшее тело к борту, привязали. Вторую петлю пропустили под плавники. Дождавшись волны, столкнули карбас с мели и, часто работая вёслами, погнали его назад к камням.

Белуха была тут. Она вертелась у самых бурунов, то и дело выставляя из воды голову. Нижнюю челюсть она ободрала о камни — тонкие красные струйки бежали к горлу.

Нам повезло: лодка попала между двумя большими камнями, мы проскочили в щель между ними и очутились на открытой воде. Прежде чем очередной пенный вал успел швырнуть нас назад, мотор взвыл и карбас понёсся от камней.

Белуха плыла следом, не погружаясь.

Я увидел, что верёвки, которыми был привязан белушонок, натянулись втугую.

— Стой! — закричал я. — Стой, Гриша! Мы задушим его.

Ардеев сбросил обороты и вырубил винт. Мотор работал теперь вхолостую. Блеснул нож — Ардеев перерезал верёвки, дельфинёнок очутился на свободе.

— Мы задушили его.

Гриша пожал плечами. Невдалеке от нас всплыло огромное белое тело — мать спешила к сыну. Он стал тонуть, она поддела его лбом, удерживая у поверхности воды.

Ветер относил нас. Привстав, мы смотрели во все глаза — что будет? Наконец мне показалось, что белушонок шевельнулся. Мать ещё раз подтолкнула его, затем они погрузились и всплыли уже в стороне.

— Будет жить,— сказал Ардеев.

Когда они показались в следующий раз, белуха выставила из воды голову, и до нас донёлся неторопливый, низкий, похожий на гудок паровоза свист.

Потом они поплыли — мать впереди, детёныш чуть поотстав. Плыли и становились всё незаметнее.

— Пошли домой?

— Пошли.

Карбас повернул и небыстро, вместе со слабыми волнами побежал к берегу.

В избе наше отсутствие не прошло незамеченным.

— Чего это тебя в море носило? Бензин лишний? — спросил бригадир.

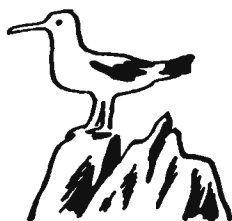
— Да так... — нехотя ответил Гриша.

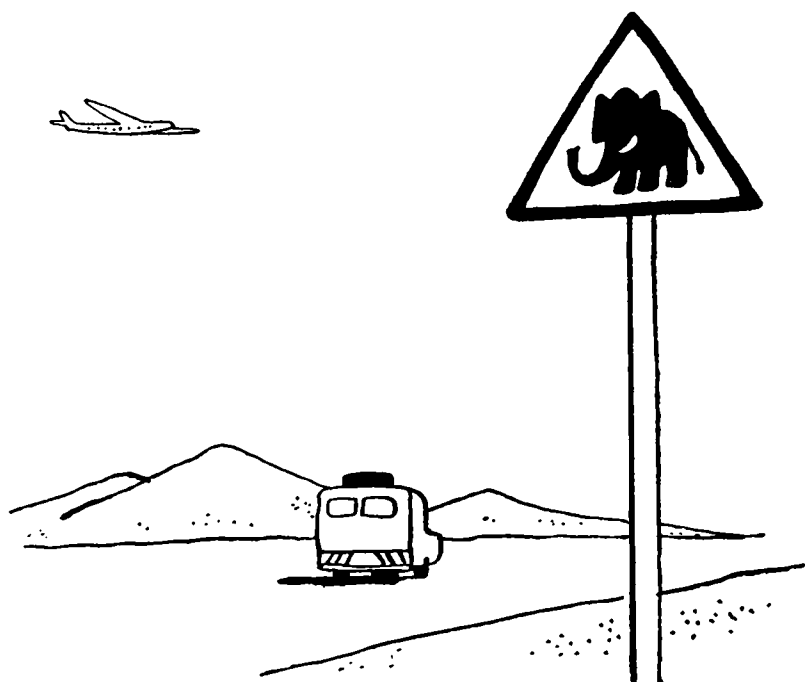
Из окна, около которого лежал на нарах бригадир, были хорошо видны и берег и море. Бригадир недобро посмотрел на Ардеева, хотел что-то добавить, но не сказал ни слова.

Я тоже молчал: я знал, что охотники не одобряют нашего плавания — такая огромная белуха была хорошей добычей...

Осенью я вернулся на Большую землю, а ещё через год охота на дельфинов была запрещена.

Но сперва ей изменили такие люди, как Гриша Ардеев. И я рад, что был свидетелем его измены.

ЗВЕРИ МИКЎМИ

ГОСТИНИЦА

Изогнутое в виде подковы здание гостиницы на вершине холма. Внизу, прямо под окнами, небольшое озеро.

Здание обнесено оградой. Столбы, проволока. На проволоке — металлические пластинки. Ветер шевелит их, пластинки ударяются о проволоку и звенят.

Я подошёл и тронул пальцем пластинку. Сторож, подметавший асфальт, крикнул:

— Осторожно, бвана!

Я отдернул руку.

— Нельзя! — сказал сторож и обвёл рукой пространство вокруг дома. — Звери — там, мы, люди, — здесь!

Он был стар, этот служащий африканского заповедника, и весь блестел. Блестела узкая бритая голова. Сверкали чистые крепкие зубы. Мигали медные пуговицы на форменной куртке. Морщинистое чёрное лицо светилось весельем. Он стоял, опираясь на метлу, у его ног тихонько наигрывал перевязанный верёвочкой транзисторный приёмник, который он то и дело переносил на новое место. Он шёл, размахивая метлой, — музыка брела следом.

Перед гостиницей на бетонной площадке стоял укреплённый на тумбе большой бинокль. Рядом табличка: «Три минуты — шиллинг». В тумбе щель. Я бросил туда монету. В тумбе что-то щёлкнуло, открылись стёкла бинокля. Строгий часовой механизм начал отстукивать секунды.

Я припал к окулярам. На поверхности жёлтого озера чернели две точки. Коряги? Берег был пуст. Я повернул бинокль — ни в лесу, ни на равнине никого не было. Никого.

НОЧЬ

Наступил вечер, мой первый вечер в Микуми. Солнце упало за горизонт. Небо как-то вмиг потемнело, в нём вспыхнули огромные, как фонари, звёзды. Они залили землю голубым светом. Снова стала видна белая, словно облитая молоком, дорога, чёрные холмы с редкими, похожими на зонтики деревьями, стеклянное блестящее озеро.

С озера грянул лягушачий хор.

В ответ ему в кустах заскрипели цикады, пронзительно вскрикнула птица.

Звёзды светили вниз и скользили к закату — небо, неторопливо поворачиваясь, сваливало их за горизонт.

На востоке разгоралось жёлтое зарево — восходила луна. Я стоял на дороге.

Кто-то невидимый, маленький прошлёпал по асфальту. Должно быть, лягушка. А вот ещё одна...

И вдруг я услышал, что неподалёку от меня кто-то дышит. Громко и неторопливо: «Пф-фф-фф! Пф-фф-фф!»

Дышало какое-то крупное животное. Может быть, корова или бык?

Мне даже показалось, что дышат не за оградой, а в ограде.

На всякий случай — кто их знает, этих африканских животных? — я ушёл в гостиницу, в номер. Мало ли что...

ДЖОН ПАНТАЛЕОН

Когда я поднялся, раннее утро гасило в лиловом небе последние звёзды. У небольшого, открытого, выложенного кафелем бассейна перед гостиницей стоял сторож. В руках у него вместо метлы теперь был сачок.

Сторож опускал сачок в воду и доставал оттуда лягушек.

— Доброе утро, — сказал я. — Как работа?

Сторож кивнул. Оранжевые лягушки шлёпались на асфальт и уползали в траву.

Из травы грянула музыка — приёмник стоял теперь там. Я присел на борт бассейна.

— Джон Панталеон, — сказал старик и постучал себя пальцем по груди. — Меня зовут Джон Панталеон. Я работаю здесь уже семь лет.

— Долго. А из каких вы мест?

— С севера.

Старик улыбнулся.

Ещё одна лягушка сорвалась с сачка, ударилась об асфальт и заковыляла прочь. Я понял: когда проснутся люди и придут купаться — бассейн должен быть чист.

У дороги росло дерево, на нём висел зелёный, похожий на зелёную дыню плод.

— Папáйя! — сказал Джон Панталеон. — Осталась всего одна папáйя. Её показывают приезжим. Будет большой скандал, если дыню сорвут. Джон не допустит этого!

Кончив ловить лягушек, сторож перенёс приёмник под дынное дерево и, примостившись под ним, задремал. Он сидел, привалясь к тонкому стволу, а из маленькой пластмассовой коробочки у его ног неслись барабанная дробь и выкрики певца.

Приехала машина — она привезла на кухню мешки с мороженым мясом. Джон Панталеон приоткрыл один глаз.

— Будет большой скандал, если дыню сорвут, — повторил он и снова заснул.

СТРАННАЯ МАШИНА

В дверь постучали.

— Начинается посадка!

Около дома стояла машина странного вида. Она была похожа на большую серую коробку, в крыше — люки. Тихо, с перебоями работал мотор. Шофёр — полный африканец, — приподняв капот, с недовольным видом слушал, как захлёбывается двигатель.

Рядом стоял Джон Панталеон.

— Ну, как, — спросил я старика, — дыню ещё не украли?

Он засмеялся.

— Нет, бвана, нет. Джона не проведёшь!

Я вспомнил, что ночью кто-то дышал у ограды, и вдруг увидел в канаве, рядом с дорогой, большой, круглый, похожий на отпечаток кастрюли, след.

— Что это?

Джон Панталеон смутился. Он побледнел. Лицо его из чёрного сделалось серым. Он быстро-быстро проговорил:

— Ничего, ничего!

Около машины уже собрались пассажиры.

Садясь в неё, я заметил, что сторож, сойдя в канаву, торопливо замечает след.

«Подозрительно!»

Мы уселись. Толстый шофёр запер нас снаружи (наверное, чтобы мы не вздумали выскакать и попадать в когти диким зверям), со скрипом включилась передача, машина затряслась, загрохотала люками и двинулась в путь.

СТАДА

Огромная равнина. На ней — стада. Мы катим среди них по мягкой грунтовой дороге. В густой высокой траве разгуливают светло-коричневые антилопы-импала.

Вместе с импала пасутся иссиня-чёрные горбатые гну.

В канавах у дороги лежат голубые буйволы. Завидя нас, они нехотя поднимаются и, уставясь на машину выпуклыми, налитыми кровью глазами, ждут. Огромные, тяжёлые рога оттягивают головы. Буйволы смотрят исподлобья. Дождавшись, когда мы проедем, они снова валяются в грязь.

Тысячи диких животных.

Так вот какой он — заповедник. Заповедник в центре Африки!

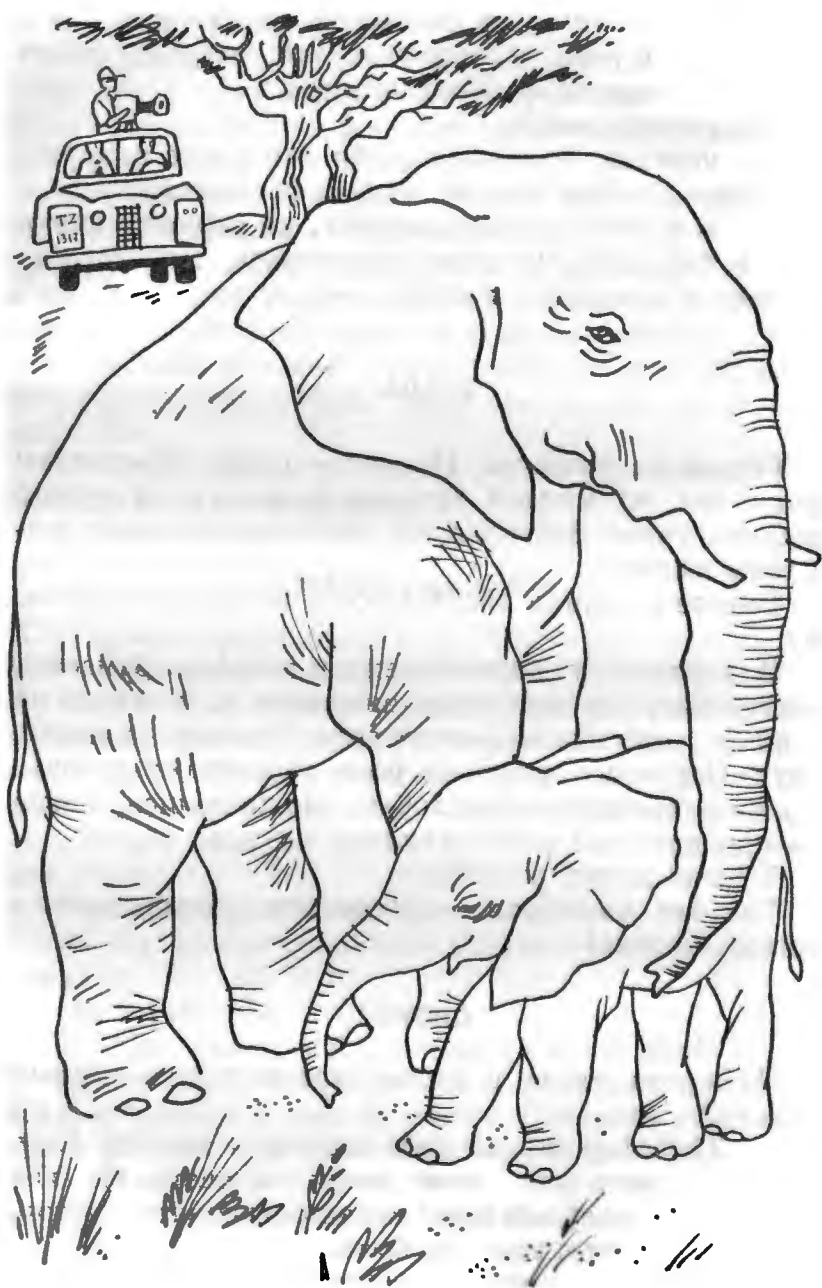
СЛОНЫ

У дороги знак: в белом треугольнике чёрный ушастый слон.

— Тёмбо! — сказал наш шофёр и зевнул. Ему, видно, надоели все дикие звери на свете. Он вёл машину и прислушивался: когда остановится мотор.

«Тёмбо — это, должно быть, слон!»

Только я так подумал — шофёр затормозил.

Дорогу переходил слон. Он был очень большой, неторопливо ступал по асфальту и помахивал мягкими, как одеяло, ушами.

Поодаль, в густой зелёной траве, справа и слева бродили его товарищи.

Слон сошёл с асфальта, а мы тихо-тихо поползли вперёд.

Слоны обрывали с кустов ветки и щипали траву. Нащиплет, подвернёт хобот — и в рот!

В стаде были малыши. Около одной слонихи вертелся чёрный слонёнок. Он всё норовил залезть маме под брюхо, а та тихонько отталкивала его. Когда мы подъехали совсем близко, слониха помотала хоботом, хрюкнула и пошла прочь. Она шла через густую высокую траву и толкала впереди себя слонёнка.

САВАННА

Машина то неторопливо катит по дороге, таща за собой хвост тяжёлой пыли, то карабкается с бугра на бугор, пересекая саванну, то стоит, спрятанная в кустах. Люки откинута, мы наблюдаем.

Вот невдалеке, касаясь головой верхушки зонтичной акации, стоит жираф. Он неторопливо обкусывает листья. Рот приоткрыт, виден тонкий вёрткий язык. Жираф трогает языком ветку, делает трубочкой губы, втягивает веточку в рот. Обглодал все ветки, перешёл к другому дереву.

Поодаль парочка — два жирафа прижались друг к другу, шеи перекрестились, получилась буква «Х».

Автомобиль заурчал, колёса дёрнули, вверх полетели комья земли. Парочка повернула головы в нашу сторону. Жираф, что стоял под акацией, вышел из тени, сделал шаг, второй. Затрусил прочь.

Бежит жираф, выбрасывает попеременно то правые, то левые ноги. Раскачивается, как мачта корабля, длинная пятнистая шея.

Мы катим следом. А справа и слева уже пришли в движение стада. Как стрекозы, запорхали над травой антилопы-импала: бегут, потряхивая короткими рожками самки, несётся, высоко подняв длинные тонкие рога, самец.

Следом мчится тройка гну. Горбатые лошадки, с уродливыми большими головами, скачут, ударяя себя тонкими, с коровьими кисточками на концах хвостами.

Отбежав, все начинают оглядываться. Автомобиль — здесь дело привычное. И останавливаются гну, шагом направляется к новой акации жираф. Импала сбиваются в кучку и начинают щипать траву. Самец взбирается на бугор и замирает там, гордо подняв маленькую головку с длинными рогами. Он вожак стада, и он — сторож.

Мы ныряем в канаву, выбираемся из неё и по дороге — следом жёлтый шлейф пыли — катим дальше.

Дорогу переходит стая собакоголовых бабуинов. Обезьяны идут походным строем: впереди — огромный самец с львиной гривой, за ним самки с детёнышами. По сторонам — охрана — молодые самцы.

Детёныши постарше едут верхом. Самые маленькие висят на груди у мам.

Шерсть у бабуинов зеленовато-бурого цвета. Сошло стадо с дороги и исчезло, словно растворилось в зелёном, жёлтом, буром разливе трав.

СИМБА

Мы долго искали львов. Наконец наш шофёр, попетляв по мягким пыльным дорогам, решил: перевалил через канаву и повёл машину напрямик степью к группе деревьев, едва видных на горизонте.

«Лендровер» шёл, поскрипывая, раскачиваясь, бросая нас из стороны в сторону.

Деревья поднимались, росли.

Мало-помалу я начал различать под ними какие-то точки. Подъехали ближе — точки превратились в больших бурых кошек.

Львы! Шесть львиц и трое львят лежали в тени. При нашем приближении львицы подняли головы и стали рассматривать машину. Львята, не обращая на нас внимания, играли. Они кусали и норовили опрокинуть один другого.

Машина остановилась шагах в двадцати. Мы стали фотографировать.

Одна из львиц, увидев направленные на неё блестящие трубы, зевнула.

— Ближе! Пожалуйста, ближе! — умоляли мы шофёра.

— Нет!..

Когда мы вернулись в гостиницу, я спросил его:

— Скажите, были случаи: львы нападали на людей?

— Никогда.

— А вы давно работаете?

— Восемь лет. Симба умный, — добавил шофёр, — зачем ему нападать на человека? Человек сильнее.

— Почему же вы не подъехали ближе?

И он рассказал такую историю.

Это было два года назад. В машине, из которой туристы смотрели на львов, сидел корреспондент одной богатой газеты. А шофёр был молодой парень, который только начал работать в заповеднике.

Корреспондент стал уговаривать шофёра подъехать поближе. Уговорил. Потом ещё поближе... Потом ещё.

Один из львов удивлённо понюхал воздух, не уловил в запахе автомобиля ничего нового, встал, сделал несколько шагов и очутился рядом с машиной. Корреспондент захлопнул люк.

В машине стояла мёртвая тишина.

Лев обнюхал замки, тронул лапой дверь и вдруг вскочил на капот. Передние рессоры, охнув, просели.

Пассажиры с ужасом видели через переднее стекло, как перед самым их носом переминаются огромные жёлтые лапы.

Льва заинтересовали люки. Он лизнул один, поскрёб когтями другой. Брезент с хрустом лопнул.

И тогда — изучать так изучать! — лев вспрыгнул на люк. Старая деревянная крыша рухнула. Люди завопили, лев, как оранжевый метеор, метнулся в сторону, автомобильный мотор включился сам собой. Полуразрушенный «лендровер», прыгая по кочкам, понёсся прочь...

— Нет, нет, подъезжать нельзя! — закончил свой рассказ шофёр.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Шли дни.

Как-то утром я увидел на дороге Джона с ведром. Сторож тщательно замывал чьи-то следы.

«Вот так раз! Снова?»

Увидев меня, он смутился.

И я решил подсмотреть: в чём дело?

Лёг пораньше, проснулся чуть забрезжило и вышел из гостиницы.

Около кухни что-то постукивало и позвякивало.

Обогнул угол дома и ахнул: за проволокой около кухни стоял огромный коричневый слон. Он стоял, пригнув голову, и катал хоботом пустые консервные банки.

Напротив слона, по эту сторону ограды, сидел на камне Джон Панталеон и, размахивая руками, что-то говорил слону.

Я подошёл к ним.

Площадка у кухни была вся в СВЕЖИХ слоновьих следах. Значит, недавно слон был по ЭТУ СТОРОНУ ограды!

Увидев меня, Джон вскочил и быстро-быстро заговорил. Он говорил и всё время вскидывал руки вверх, словно призывал небо в свидетели.

— Друг тембо, уходи! Прошу тебя! — повторял он и махал рукой, чтобы слон поторапливался прочь.

ТАК ВОТ В ЧЕМ ДЕЛО...

Мало-помалу я понял всё.

В гостиницу повадился ходить слон. Сперва он просто подходил к ограде и шарил среди кухонных отбросов: доедал очистки бананов, хлеб, капустные листья. Потом однажды, открыв хоботом ворота, проник внутрь. Около кухни, как назло, в ту ночь поставили бочонок с остатками сладкого. И торты, и компот слону очень понравились.

Тембо стал приходить каждую ночь.

Тогда Джон решил поговорить с ним. Он подстерёг слона и целый час втолковывал ему, что дикие звери не должны ходить в гостиницу, где живут люди.

Тембо кивнул головой и на следующий день пришёл снова...

— В гостинице много приезжих. Если они узнают, что по ночам сюда ходит слон, они могут испугаться и уехать! А меня тогда уволят,— сказал сторож и тяжело вздохнул.— Разве мне поверят, что ты добрый?.. Тембо, я не виноват, что ты любишь вкусные вещи... Уже солнце встало, поди прочь! Кыш, кыш!

Мы с Джоном замахали руками. Тембо перестал греметь банками, зевнул и, помахивая из стороны в сторону хоботом, двинулся в лес.

Он уходил, и жёлтые пятна света вспыхивали на его боках.

Джон умоляюще посмотрел на меня.

— Не бойся! — сказал я старику.— Я никому не расскажу про слона... Пусть тембо приходит сюда. В гостинице встают поздно.

Теперь Джон часто рассказывал мне о слонах. Я приходил, садился на траву, старик ставил рядом свой приёмник и неторопливо, мешая английские слова с непонятными мне гортанными и резкими на суахили, начинал рассказывать.

Он совершенно серьёзно утверждал, что всё живое в саванне и в миомбо (редком, или, как говорят охотники, «светлом» лесу) обязано своим существованием тембо.

Тембо протаптывают дороги, и люди начинают пользоваться ими.

В засуху, когда всё живое в мёртвой пыльной саванне в ужасе сбивается около последних луж, только слоны сохраняют спокойствие. Они ждут своего часа и, когда этот час настаёт — дно последней лужи превращается в каменную чашу, — отправляются на поиски. Они идут к руслам пересохших рек, и стада антилоп, гиеновые собаки и даже носороги молча следуют за ними.

Первыми спускаются в русло реки старые, опытные слоны. Они вытягивают хоботы и, жадно принюхиваясь, шарят ими по сухому песку. Они втягивают в себя воздух, и все звери, стоя поодаль, терпеливо ждут. Но вот слон вместе с запахом пыли и раскалённой на солнце гальки чувствует ещё что-то — прохладное и сладкое. Он дышит всё чаще и, наконец поверив, начинает хоботом вычерпывать песок. Горсть за горстью. Выдувает осыпающуюся в яму пыль, черпает до тех пор, пока песок не становится прохладным, а затем влажным. Добравшись до слоя, где он уже перемешан с водой, слон медленно втягивает в хобот воду и осторожно, порциями отправляет её в рот. Он пьёт, и все звери стоят неподвижно, чтобы не мешать великану. Гну стоят рядом с гиенами, а собаки и шакалы бок о бок с маленькими импала.

И только тогда, когда каждый слон выроет себе ямку, напьётся и уйдёт, с высокого берега спускаются

в пересохшее русло остальные звери. Жадно высасывая из мокрого песка капли воды, пьют носороги, затем собаки и, наконец, антилопы.

А слоны, отойдя в сторону, дремлют в тени потерявших листья деревьев. Они дремлют, подёргивая толстой кожей и почёсываясь о стволы и друг о друга, потому что в засуху страдают не только от жажды, но и от болезней кожи.

Вот почему, ещё рассказывал Джон, когда слону удаётся найти лужу, он ложится в неё и катается, как собака, а после купания сыплет влажную кожу пылью, чтобы она не высыхала так скоро...

— Джон, значит, слоны копают землю хоботом, а не бивнями?

— Они всё делают хоботом. Хобот очень нужен слону.

Однажды Джон видел, как тембо дерутся. Прежде чем напасть на противника, слон свернул хобот и спрятал его под бивни...

Из разбитого приёмника доносились звуки непонятной речи. Пёстрые, как осколки цветного стекла, бабочки лежали в траве. Мы молчали. Джон Панталеон задумался и, покачивая головой, начал беззвучно шевелить губами. Он продолжал разговор, но говорил уже сам с собой.

СНОВА ПАПАЙЯ

Это был несчастный для Джона день.

Выйдя в полдень из гостиницы, я заметил в кустах за оградой какое-то движение. Кусты шевелились. Вот качнулась ветка, вот двинулось с места и понеслось вприпрыжку чёрное пятно. За ним — второе.

Обезьяны! Зелёные мартышки.

Чёрные пятна были их физиономиями, а самих обезьян на фоне листвы и веток не было видно.

Я стал наблюдать. Обезьяны были чем-то увлечены. Они то и дело подбегали к ограде, просовывали

лапы между проволокой. Хотели что-то достать.

Они увидели папайю! Последнюю дыню!

Я не успел сообразить, — отгонять мне животных или звать сторожа? — а обезьяны уже решили.

Одна из них взобралась на дерево — ветки его нависали над дорогой — и побежала по суку. Под тяжестью обезьяны он прогнулся. К ней присоединилась вторая. Третья. Сук сгибался всё ниже. Тогда крайняя обезьяна свесилась с ветки и протянула лапу...

Плод сорван! Повизгивая от восторга, мартышка кинулась назад. Но тут на нее набросились подруги. Визг — и новый владелец папайи уже стремительно удирает через кусты.

Послышались испуганные звуки музыки. Размахивая транзистором, ко мне бежал Джон. Он причитал. На покривившихся серых губах застыл ужас.

Сторож — он прозевал свою папайю.

ПОЧЕМУ ПОДНИМАЕТСЯ ВОДА В УКЕРЕВЕ

Мы сидели у кухни на камнях, около груды разноцветных банок.

Джон Панталеон стонал. Он раскачивался и призывал на голову обезьян тысячу бед. Чтоб их съели блохи! Чтоб высохли деревья, с которых они крадут плоды! Чтоб их всех переловил леопард!..

— Так, значит, ты приехал сюда с севера, Джон? — спросил я, чтобы отвлечь мысли старика от пропажи.

— Из Мусома... Проклятые зелёные воры!

Он ещё покачался, постонал и, немного успокоившись, начал рассказывать:

— Наш дом — на берегу озера. Виктория — так называе́те его вы, приезжие. А мы, люди с севера, говорим: «Мы с Укерё́ве». Укереве — так говорит мой отец. Он старый человек. Я не видел его уже тридцать лет.

— Сколько же лет тебе, Джон?

— Сорок пять.

Я даже присвистнул. Он вовсе не был стариком, этот худой, горбящийся африканец с лицом, изборозждённым морщинами.

Мы помолчали.

Птичья тень проползла у моих ног. Медлительный марабу сделал круг над домом и опустился на верхушку акации. Ветки затрещали. Втянув шею, марабу застыл. Лысая голова его блестела, как чайник.

— Его кто-то испугал, — сказал Джон. — Гиппо. Наверное, гиппо зашевелился в озере. Когда гиппо шевелятся в озере, вода выходит из берегов.

Я улыбнулся.

Сторож заметил моё недоверие.

— У нас на Укереве всегда бывает так. Дождя нет, ветра нет, а вода поднимается. Она поднимается и затапливает острова. Против нашего дома есть остров Лукуба. Он скрывается под водой. Это значит: в озеро вошло много гиппо.

— А может быть, просто где-то шли дожди?

— Нет, нет, это делают гиппо.

Марабу грузно слетел с дерева и стал у самых наших ног с грохотом клевать банки.

— Это не бегемот испугал марабу, — сказал я. — Марабу просто захотел есть. А вот и он — твой гиппо!

На дальнем берегу озера в высокой траве передвигалось что-то большое, коричневое и неуклюжее.

«ОСТОРОЖНО — ДИКИЕ ЗВЕРИ!»

Лет сорок назад в Ленинграде показывали кинокартину «Чанг». Это был фильм о слоне.

Рассердившись за что-то на людей, слоны в этой картине разрушают деревню. Под напором серых туш качаются и падают дома, тонкие стены валят-

ся, как игральные карты, летят соломенные крыши.

«Осторожно — дикие звери!» — говорит в конце фильма белому человеку смуглый охотник, показывая на лес, окружающий деревню...

Мы покидали Микуми.

К гостинице подъехала машина. Совсем новенький блестящий автомобиль. За рулём сидел толстый шофёр и улыбался. Мотор работал тихо-тихо.

— Поздравляю! — сказал я шофёру. — Дали новую? У старой испортился мотор?

— Нет, — ответил шофёр. — Я сказал начальнику, что пассажиров чуть не съел лев. Что он долго бежал за нами, а машина еле ехала. Начальник очень испугался.

Мы покидали Микуми.

Наша машина промчалась между холмов, миновала поросшую редкими деревьями саванну и затормозила около щита с надписью: «Осторожно! Пятьдесят километров — дикие звери!»

Это надо было понимать так: «Водители машин, соблюдайте осторожность — пятьдесят километров шоссе проходит по заповеднику. Не убейте случайно дикое животное!»

Не надо бояться диких зверей, их надо оберегать.

Я обернулся. Позади нас шоссе переходили слоны. Они шли гуськом, бесшумно ступая по асфальту.

Огромные, величественные животные не торопились.

На дороге показался грузовик. Заметив слонов, водитель сбавил скорость, а потом остановился.

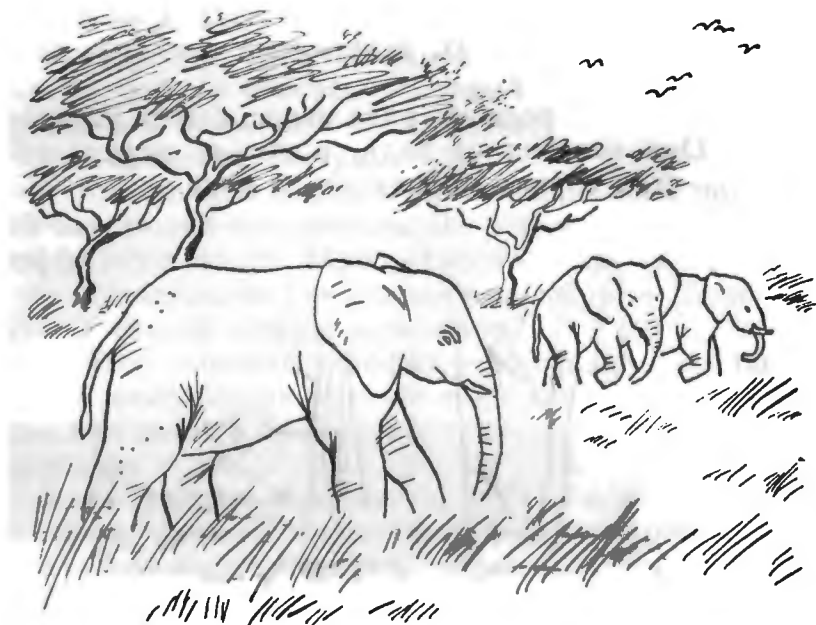
Слоны шли по асфальту. Они шли, опустив хоботы, пофыркивая и подталкивая малышей. Когда последний слон сошёл с дороги, грузовик включил скорость и с урчанием прополз мимо нас.

Дорогу перелетела стая чёрных сорок. Птицы торопились, они догоняли слонов. Настигнув животных, они расселись у них на спинах. Слоны вошли в траву. Чёрные гирлянды птиц качались на сло-

новых боках. Сороки то и дело взлетали: они охотились. Тучи насекомых, испугнутых слонами, поднялись в воздух.

Дальше от дороги — трава выше, слоны утонули в ней. Они исчезли из вида, и только чёрное облачко — стая сорок — отмечало их путь.

ИЗ АФРИКАНСКИХ РАССКАЗОВ

ВЕЛИКИЙ ИСХОД

Над равниной висел зной. Каждое слабое движение воздуха поднимало жёлтые фонтаны пыли. Они вытягивались по ветру и, медленно оседая, гасли.

Неподвижный розовый воздух лежал над выгоревшей саванной. Он лежал тяжёлой раскалённой плитой. Травы пожухли и полегли. Дно пересохших рек покрылось, как паутиной, трещинами.

Одинокие грифы чёрными кляксами висели в побелевшем от жары небе. Они парили над равниной, высматривая трупы павших животных.

На пыльных коричневых дорогах, которые вытянулись вдоль долины, стояли автомобили с туристами. Осоловевшие от зноя, до пояса раздетые, с зелёными от защитных козырьков лицами, обвешанные фотоаппаратами и кинокамерами, люди ждали.

На востоке медленно поднималось коричневое облако. Послышался неясный, похожий на шум прибое ракот. Люди в автомашинах зашевелились. Заурчали моторы. Автомобили выкатывались вперёд, занимая места получше.

Показались первые стада антилоп, и скоро по долине уже катился живой вал. Ручейками текли огненно-рыжие импала. Плотными табунами шли иссиня-чёрные гну. Полосатые запылённые зебры маршировали рядами, как кавалерия. Показались массивные канны. Остро пахнувший, глухо ревуший живой поток нёсся мимо. Животных было столько, что когда первые уже скрылись, в долину всё продолжали подходить новые.

Люди в автомобилях притихли. Они даже перестали щёлкать аппаратами и стрекотать кинокамерами. Они стояли в раскалённых машинах навывтяжку, поражённые этим зрелищем.

Засуха гнала обитателей саванны на запад, к воде, к устьям непересыхающих рек Нгуаби и Мбаланкета.

Прошло несколько часов. Наконец ток животных стал иссякать. Сквозь коричневое облако, висевшее над равниной, пробилося радужное солнце. Окружённое зелёными и оранжевыми кольцами, оно осветило выбитую, перемешанную с соломой и испражнениями землю.

И тогда туристы снова заволновались, зажужжали кинокамеры, все объективы были вновь направлены вниз: в долине показались хищники. Львы, шакалы, гиены брели следом за стадами. Они шли медленно, с трудом неся отвисшие животы.

Первые хищники смешались с больными и отставшими антилопами. Обессиленная, хромая зебра,

подломив ноги, рухнула в пыль. Около неё прилегло семейство львов. Звери были сыты и не торопились. Они знали: ещё несколько дней пищи будет у них вдоволь.

БЕГЕМОТОВЫ ЛУЖИ

В заповеднике Микуми бегемоты живут в маленьких озерцах, почти лужах.

Как-то мы решили их объехать. Подъезжали к луже и останавливались около самой воды. В каждой луже сидела семья: папа-бегемот, мама-бегемотиха и детёныш.

При нашем приближении папа-бегемот в первой луже зевнул и отвернулся, а мама-бегемотиха, тронув детёныша ртом, опустила голову под воду и подхватила сына лбом, как лопатой. Теперь он сидел у неё на голове, подвернув ножки и полуприкрыв глаза. Мама медленно поплыла от нас прочь.

В следующем озерце тоже трое. Но здесь сын сидел у мамы не на лбу, а на загривке.

Пассажиры в машине откровенно скучали. «Лендровер» проехал мимо третьей лужи, тут юный бегемотик сидел у мамы на спине.

В машине со мной были три шведа и итальянка. Шведы демонстративно спрятали фотоаппараты, итальянка что-то недовольно пробурчала. И тут я захохотал, я заливался радостным смехом, на меня смотрели как на сумасшедшего. А я понял! Я понял, чем отличались семьи, — маленькие гиппопотамы были все разного возраста. Ну конечно! В первой луже жил самый маленький, он лёгкий, и матери ничего не стоит носить его на голове. Во второй — постарше, этот, чтобы маме было легче, перебрался ей на загривок. И наконец, в последней луже — самый взрослый и тяжёлый, мать позволяет ему сидеть только на спине. Все семьи в мире разные, и жизнь каждой бегемотовой семьи тоже течёт по-своему.

Эх, жаль, нельзя построить на берегу у лужи засидку, посидеть, понаблюдать. Какие ещё загадки скрывают мутные бегемотовы лужи?

СЛОНЫ И БАБУИНЫ

Самое интересное в Микуми — это слоны. Когда попадались покладистые спутники, я просил шофёра: — Давайте поедем к тембо!

Мы находили стадо, съезжали с дороги и, остановив машину, начинали наблюдать. Скоро слоны переставали обращать на нас внимание, и мы, кто в бинокль, кто через сильный объектив фотоаппарата, смотрели на них.

Незатейливые истории из слоновьей жизни проходили перед нашими глазами...

Маленькое стадо — три слонихи и два слонёнка — прячутся от солнца под баобабом. Листва баобаба даёт мало тени, и слоны всегда стараются стать так, чтобы от солнечных лучей их защищал толстый, похожий на бутылку ствол дерева. Слонихи стоят, положив хоботы друг на дружку и пытаясь дремать; слонята, которых ещё не свалила жара, носятся кругами. Время от времени то одна, то другая слониха даёт сыну тумака и, обхватив хоботом, заталкивает под себя.

Слонята кого-то преследовали. Кого? Наконец я заметил — в траве шныряли серо-зелёные с собачьими мордами павианы-бабуины. Они копались в земле, переворачивали камни, что-то собирали.

Заметив обезьяну, слонёнок подкрадывался к ней и, вытянув шпагой тоненький хоботок, угрожающе хрипя, кидался на неё. Обезьяна с воплем взлетала на дерево и начинала швырять оттуда ветки.

Наконец одной из слоних эта возня и крики надоели. Она повернулась, упёрлась в ствол бивнем. Дерево хрустнуло. Слониха поднажала. Бабуины на дереве притихли. Треск — отвалилась целая до-

ска. Обезьяны в панике взлетели на макушку баобаба.

Отвалив ещё несколько щеп, слониха расковыряла бивнем светлую мякоть и принялась хоботом извлекать её, засовывая кусками в рот и неторопливо жуя. Бабуины, склонив головы, внимательно наблюдали. Насытившись, слониха вернулась к подругам, втиснулась между ними и замерла.

Дерево стояло одиноко посреди саванны, и его хорошо было видно из нашей машины. Время шло. Угомонились и слонята, забрались к мамам под животы, улеглись, вытянув короткие ножки и вздрагивая во сне.

На верхушке дерева задремали обезьяны.

Саванну сморил полуденный сон.

О БИВНЯХ

Про слоновий хобот известно всем: это и рука, и водопроводный шланг, и кран, и пылесос, и лопата.

Африканцы рассказали, что и бивни пригодны на многое.

Бивнями мать подталкивает непослушного детёныша. Желая полакомиться сердцевиной баобаба, слон откалывает ими от ствола твёрдые наружные слои. Разъярённый самец пускает бивни в ход как последнее и самое страшное оружие.

Но самое интересное, что именно по бивням легче всего различать животных.

Бивни бывают белые, жёлтые, почти коричневые. Бывают чистые, бывают с отметинами и щербинками. Есть бивни короткие, а есть до двух метров длиной.

Бывают слоны без бивней. Попадают такие, что потеряли один клык или откололи большую его часть. Есть бивни прямые и есть загнутые. И наконец, два одинаковых по длине и одинакового цвета клыка никогда не растут на один лад. Они идут или вместе, или врозь, или перекрещиваясь. Есть слоны, у ко-

торых один бивень смотрит вперёд, а другой вбок или даже вниз...

Африканцы так и говорят: «беззубый», «с расколотым клыком», «тот, что волочит клыки по земле».

Бивни для слона всё равно что масть для коня.

КАКОГО ЦВЕТА СЛОНЫ

Все ли слоны серы?

Оказалось, не все.

Большинство слонов в заповеднике были коричневые. Я долго не мог понять — почему? — пока не увидел, как после купания слон набирает полный хобот песку и пыли и посыпает себя с головы до ног.

Однажды навстречу нашей машине вышли из-за поворота два красных слона. Они важно прошествовали мимо и скрылись в рощице. Машина проехала метров двести и мы увидели поляну, посреди которой краснело огромное земляное пятно — старый термитник из красной глины был растоптан, посреди виднелись отпечатки слоновьих ног и торчали рыжие волоски. Вот где ухитрились измазаться красной краской наши тембо!

И ещё: когда слон выкупается, он чёрный, как школьная доска, чёрный и блестящий.

А однажды мне довелось увидеть и зелёного слона. Дело было солнечным полднем, у самой гостиницы, я бродил в тени между деревьями, у ограды, и вдруг столкнулся нос к носу с большим слоном. Он прятался от жары в кустах, при моём приближении пошевелился и этим выдал себя. Он был зелёный как копна свежего сена. Два столба и три тонкие проволоочки разделяли нас. Я смотрел восхищённый: слон стоял среди яркой, залитой солнцем листвы, и та светила на него отражённым светом.

Так какого же слоны цвета?

Самого разного.

ПТИЧИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ МАДРАСА

МАНГУСТА И КОБРЫ

Над низкими грязноватыми домами плавал бензиновый дым. Над этим сиреневым облаком, как вершины ледяных гор, вздымались стеклянные башни небоскрёбов. Пёстрые рекламы кричали о товарах, которые необходимо продать. Вдоль тротуаров рядами сидели нищие.

Бомбей гремел и стучал, визжал автомобильными тормозами, стонал сиренами электропоездов.

По улице неслись поток автомобилей, текла разноязычная пёстрая толпа.

Спасаясь от бензина и жары, мы зашли в маленький скверик. Здесь была тишина и была тень. Под развесистым, многоствольным баньяном стояла толпа. Люди стояли молча, кольцом и чего-то ждали. В центре сидел, поджав ноги, смуглый человек в серой чалме. В руке он держал длинную дудку с медным наконечником. Перед музыкантом стояли две плоские, плетёные, закрытые круглыми крышками корзины. Рядом смуглый мальчишка держал на поводке зверька величиной с кошку, с острой хищной мордочкой и подвижными жёлтыми глазами — мангусту.

Не отпуская её с поводка, мальчик обошёл толпу. В руке он держал деревянную чашечку. Застучали монеты. Я бросил синюю хрустящую бумажку. Мальчишка радостно заулыбался.

Началось представление. Мужчина резким движением сбросил крышку с одной из корзин. Оттуда взвилась как пружина, закачалась на хвосте большая коричневая змея.

Мужчина направил на неё дудку, змея отпрянула, на шее раздулась плоская, украшенная тёмным иероглифом кожная складка — капюшон. Секунда — и очковая змея выскользнула из корзинки. Она очутилась на заранее расстеленном грязном коврике, свернулась ещё для одного броска, но в этот момент мужчина заиграл.

Он свистел, наклоняясь к самой змее. Жёлтый наконечник раскачивался над головой у кобры, и огромная гадина, глядя в упор на сверкающую медь, тоже стала раскачиваться. Кобра поднималась, когда поднималась дудка, и сворачивалась, опускалась, когда дудка шла вниз.

Мужчина описал дудкой круг, и змея послушно повторила его движение.

У меня вспотели руки. Что же я делаю? Почему стою неподвижно? Немедленно снимать! Я пробился в первый ряд — люди вежливо уступили место, — поднёс аппарат к глазам, поймал в окошечко ви-

доискателя извивающееся тело змеи и нажал спуск. Снимок... ещё... ещё...

Внезапно факир опустил дудку. Быстрым движением он схватил змею поперёк тела, швырнул её в корзинку и захлопнул крышку.

Теперь вперёд вышел мальчик с мангустой. Мужчина снял крышку со второй корзинки. Оттуда ещё более стремительно вылетела вторая кобра. Извиваясь, она ползла к толпе. Но к ней уже спешил мальчик. Мангуста тянула его, едва не обрывая поводок. Она налетела на кобру, сбила её в пыль, перевернула и мёртвой хваткой вцепилась в горло.

Всё было кончено. Мальчик пошёл по кругу, таща за собой упирающегося зверька. Возбуждённая мангуста скалила зубы и смотрела на нас безумными глазами.

Толпа радостно гудела, в чашечку снова посыпались монеты.

В той же руке, которой мальчишка держал поводок, он нёс змею (голова её была в крови).

Он показывал её всем — убедитесь, как чисто сделано!

Ошеломлённый, я выбрался из толпы.

Тишина лопнула с тихим звоном. Шум большого города снова обрушился на нас.

«КНИГА ДЖУНГЛЕЙ»

Индия приходит в нашу жизнь «Книгой джунглей». На первой её странице — портрет автора. Небольшого роста, сумрачный, с коротко подстриженными усиками офицер английской колониальной армии. Редьярд Киплинг. Он первый рассказал мне о громадной, покрытой непроходимыми лесами стране у экватора. Населил эту страну животными, которые, как люди, умели разговаривать, любить и ненавидеть. Поведал о мальчике, которого вскормили волки.

Маугли...

Машина мчит по равнине, по красноватой земле, нарезанной на одинаковые крошечные дольки. Никаких лесов вокруг — их давно уже нет. Полуголые крестьяне понукают белых быков с тонкими рогами, выкрашенными в красный и голубой цвет. Быки волочат крошечные плуги.

Ослепительное солнце плавит асфальт шоссе. Курится красным дымком борозда под лемехом. Жаром несёт от крыши и дверей автомобиля. Встречный ветер, врываясь в кабину, обжигает лицо.

Красная пыль ложится на газетные листы. Я перебираю вырезки. Их я сделал ещё в Ленинграде. Это свидетельства очевидцев: встречи с новыми Маугли. Звери до сих пор воспитывают человеческих детей. Журналист видел в индийской деревне двух девочек 8 и 12 лет. Их нашли в джунглях. Обе не умели говорить и ходили на четвереньках. Младшая умерла, осталась старшая. С фотографии смотрит детское испуганное лицо. Всклобоченные, никогда не знавшие гребня волосы. Снимок сделан сверху — девочка стоит на полу по-звериному, на четвереньках.

Автомобиль летит мимо бесконечных полей и селений. Одна деревня, не кончаясь, переходит в другую.

Проезжаем небольшой городок. Густая толпа медленно течёт по улице. Она течёт мимо лавок, набитых дешёвыми тканями, овощами, медной и глиняной посудой. Мимо лотков с жареными зёрнами риса и кукурузы. Гремит музыка, над жаровнями вьётся дым. Кончается какой-то религиозный праздник, а на смену ему уже идут выборы. На стенах развешаны плакаты с эмблемами партий — корова, серп... На дорогу выкатывают пустые металлические бочки. Они ярко раскрашены — белые, зелёные, красные полосы. На полосах причудливые надписи — призывы голосовать. Бочки, смеясь, катят молодые ребята — работа им нравится.

Улица, запруженная народом, бежит мимо нас.

От порта Мадрас на север и на юг — пляжи золотого песка. Ровный зюйд-ост гонит на них океанские молочно-голубые волны. Вода тут невероятной солёности, она обжигает рот и слепит глаза.

Несколько дней я пытался, плавая и ныряя, найти на дне раковины — я собираю их — и отчаялся. Вода была непрозрачной: прибор перемешал её с песком.

Так я пришёл к самой простой мысли: купить раковины — и отправился вечером на пляж.

Длинная цепочка торговцев тянулась от городских домов до самой воды. Заходило солнце. Оно опускалось на плоские крыши домов. Жёлтые несильные его лучи вяло светились на деревянных статуэтках, резных роговых гребнях, медных бусах, стеклянных браслетах. Тут же в жаровнях разогревали приправленный красным перцем рис, жарили кусочки бананов, кипятили чай.

Красные блики огня играли на выпуклых боках раковин. Раковины были уложены рядами: белые ногастые «пауки», вывороченные алые «бычьи губы», пятнистые чёрные и коричневые каури.

Я уже начал было копаться в них, когда увидел в сторонке, на самом краю подстилки, несколько конусов.

Конус — скромная раковина. Она никогда не бывает большой, похожа на фунтик, который сворачивают из газет продавцы семечек. Окраска её тоже не броская: на белом фарфоровом бочке коричневые или жёлтые пятнышки. Но эта скромность кажущаяся. Именно к конусам принадлежит играющая всеми цветами радуги самая редкая на земле раковина «слава моря». (Рассказывают, что когда таких раковин было известно всего пять, безумец, в коллекции которого оказалось две, разбил одну, чтобы сделать оставшуюся ещё более редкой.)

Раковины, которые я заметил, были матерчатыми, или, как их ещё называют, текстильными конусами.

Пёстрая их поверхность покрыта тонкой сеткой, мелкие, словно нанесённые гравёром, желобки, пересекаясь, создают впечатление, что раковина одета в матерчатый чехол. Они шершавы на ощупь, просты на вид, но рисунки их никогда не повторяются.

— Сколько просишь? — обратился я к темнолицему продавцу.

Тот назвал цену.

Я полез было в карман, как вдруг от толпы отделился человек в европейском костюме, в тёмных очках и, подойдя, сказал:

— Вы, очевидно, давно собираете раковины?

— Да. Но... Как вы это узнали?

— Вы не обратили внимания на самые пёстрые и дорогие.

Действительно, в центре подстилки лежали два великолепных, с человеческую голову величиной, перламутровых, зеленовато-голубых «тюбана».

— И ещё — вы приехали с сезера?

— Да.

— Этот продавец спекулянт. Утром с моря возвращаются рыбаки. Они ловят у Тутикорина, на юге. У них вы купите действительно хорошие раковины. Приходите к семи тридцати. В восемь начнётся отлив.

Я был удивлён и, пытаясь поддержать разговор, спросил (далеко не каждый знает время начала прилива):

— Вы моряк?

— Почтовый чиновник. Всего хорошего!

Он церемонно поклонился. На нём, повторяю, были чёрные очки (они удивили меня — ведь темно, вечер!), белый европейский костюм и, несмотря на жару, галстук.

ИХ НАДО ИСКАТЬ НЕ ТАМ

Через несколько дней мы должны были ехать в заповедник Ведантангál, где, если верить книгам, на озёрах и болотах живут тысячи птиц. Но ехать

одному, без сопровождающего, не хотелось: можно пройти в двух километрах от гнездовья розовых фламинго, не найти мест, где охотятся пеликаны,— словом, ничего не увидеть.

— Короче говоря, вам нужен птичий человек,— сказали мои собеседники-индийцы.

Они сказали так, чтобы не составлять по-английски длинное выражение: «Человек, который хорошо знает повадки и места обитания здешних птиц».

— Именно, птичий.

— Постараемся найти.

Вечером радостный голос сообщил по телефону, что птичий человек найден.

Однако в ответ на просьбу поехать со мной в Ведантангал этот человек рассмеялся и сказал, что там нет сейчас никаких пеликанов и фламинго, нет вообще никаких птиц, потому что сейчас лето и все местные птицы давно уже улетели на север, в страну, откуда я приехал, в Сибирь и Казахстан, строить гнёзда и выводить птенцов. Он сказал, что лучшее, что он может предложить,— это сопровождать меня в маленький заповедник под городом, где, по крайней мере, есть попугаи.

Я мысленно выругал себя:

«Ведь надо же: плавал на Каспии, видел летом, как тянутся на север через море стаи, прилетевшие из Индии и Африки, видел гнездовья в бухтах, на островах и не сообразил...»

Мистер Буч просил заехать за ним в шесть часов.

Птичий человек стал реальностью — у него появилось имя.

МИСТЕР БУЧ

Пустыми, не проснувшимися ещё улицами автомобиль выехал на набережную, свернул к посёлку на самом берегу океана и остановился около маленького двухэтажного домика. На звук мотора

открылась одна из дверей, оттуда вышел человек. Он был в белом костюме, при галстукe, в чёрных очках.

Мой знакомый с пляжа!

— Входите! — сказал он, не подав вида, что тоже удивлён. — Мне нужно переодеться.

В низенькой пустоватой комнате меня встретили настороженным молчанием двое курчавых, шоколадного цвета детей. На стене висело рулевое колесо.

Вошёл хозяин. На нём теперь были обтрёпанные, но хорошо защищающие ногу туфли, залатанные, из плотной материи брюки, такая же куртка. На голове — выцветшая от дождей и солнца панама. В руках фотоаппарат и бинокль.

— Я готов, — сказал почтовый чиновник мистер Буч.

«И всё-таки он был когда-то моряком».

— А знаете, — сказал я, — раковины я тогда купил именно утром.

В ЛЕСУ

Казуарины с длинной, тусклой, словно пыльной, хвоей, пальмы с высоко поднятыми к небу метёлками листьев, дикие низкорослые тамаринды, колючий непроходимый кустарник, редкая жёсткая низкая трава — таким оказался заповедный мадрасский лес.

Мы углубились в его заросли.

Странное зрелище: лес, зажатый между городом и океаном, на узкой полосе прибрежных песков, ограждённый проволокой и шлагбаумами, с дикими животными, которые с трёх сторон видят крыши городских домов.

Что-то хрустнуло впереди, за кустами мелькнула коричневая спина. Кто-то, сбивая на бегу сухие ветки, метнулся прочь. Что-то прошуршало в траве...

Ноги вязли в песке. Запела и испуганно замолчала птица.

Что-то снова прошелестело в кустах. Метровая ящерица выскочила на открытое место, оглянулась

и, вместо того чтобы скрыться, бросилась к дереву.

Вскарабкавшись на него, ящерица замерла. Она позволила подойти почти вплотную и с трёх шагов сделать снимок. У неё была великолепная, украшенная зубчатым гребнем голова и могучие, с острыми когтями лапы. Она была похожа на сказочного дракона.

Когда щёлкнул аппарат, ящерица сделала ещё несколько шагов вверх по стволу и вдруг осторожно, волоча по ветке хвост, стала к кому-то подкрадываться.

Из листьев, пискнув, выпала пёстрая, с красным надхвостьем пичужка. Падая, она расправила крылья и улетела, испуганно крича.

Утомлённый жарой (солнце всходило стремительно, и также стремительно накапливался в воздухе зной), я присел под деревом, притаился и стал ждать.

А что, если даже в этом, полупустом, легко доступном для людей, лесу повезёт?

СЛОМАННАЯ ПАЛЬМА

Прямо передо мной торчал мёртвый ствол. Тропический ураган сломал пальму, и ствол её теперь заканчивался обрубком. Кора на стволе была серого, бетонного цвета, ровная, без единой морщинки. По ней, вероятно, не сможет взобраться на верхушку дерева ни одно животное.

Я сидел, нет-нет да поглядывая на ствол, как вдруг на самой вершине его что-то шевельнулось. Мелькнуло зелёное перо. Показался кончик хвоста. Какая-то птица возилась на сломанной пальме. Наконец вспыхнуло яркое зелёное пятно, развернулись два крыла, завертелась крутолобая, с толстым крючковатым клювом голова — на вершине сидел зелёный красавец попугай.

Он посмотрел вниз, прикинул, что блестящая

штука со стеклянным глазом в руках у меня не опасна, потом посмотрел так же внимательно направо и налево, расправил крылья и не торопясь перелетел на соседнее дерево.

Над моей головой слышался шорох. Сверху спускалась ящерица. Она задела хвостом моё плечо — я сидел совершенно неподвижно, — прошла по песку, прошуршала в траве и исчезла.

Попугай уже летел обратно. В клюве он нёс тонкую, гибкую веточку. Птица мастерила гнездо! Верхушка сломанной пальмы была её квартирой.

Зелёный красавец приладил ветку, снова посмотрел на меня, затем направо, налево. Он смотрел так пристально, что я понял: я тут не один.

Осторожно привстал. Слева от меня в кустах стоял коричневый, с россыпью белых пятнышек на спине олень. Наши глаза встретились, олень подпрыгнул, повернулся в воздухе и умчался, с треском ломая кусты.

Лёгкий стук копыт погас.

И тогда справа от меня из кустов поднялась выцветшая панама. Блеснул выпуклый стеклянный глаз бинокля. Мистер Буч сделал знак рукой: «Идёмте!»

— На этом дереве попугаи гнездятся уже шестой год подряд, — сказал он. — Я каждую неделю прихожу сюда и наблюдаю... Сейчас вы увидите оленей.

МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Мы шли лесом. Я спрашивал. Буч отвечал, и для меня умирали мифы. Великолепные мифы об Индии.

Буч сказал, что, кроме предгорий, в ней не осталось места для лесов и вообще для дикой природы. Всё заняли поля и селения.

— Нас шестьсот пятьдесят миллионов, — говорил он. — Это океан, под волнами которого исчезли джунгли и пустыни. А ведь мы ещё не промышленная

страна, наши реки ещё не отравлены, на наших реках ещё мало плотин, на земле — заводов, а земля не заражена. Нельзя сказать, что мы не любим и не ценим живое. Наоборот. Вы могли видеть на дорогах людей, рты которых закрыты повязками из марли. Это джайны. Они верят, что ничто живое не должно быть убито. Они закрывают рты, чтобы не вдохнуть мошку или комара. Мы всегда гордились своими дрессированными слонами, а тигров убивали лишь тогда, когда они становились людоедами.

— Зато звери и сейчас платят добром за добро народу Индии. Только в вашей стране есть до сих пор случаи, когда звери воспитывают детей.

Мистер Буч рассмеялся.

— Редьярд Киплинг великий писатель, — сказал он. — Мои дети любят его. Но Маугли не существовал никогда. Я почтовый работник, но всю жизнь посвятил изучению птиц и зверей. Все заблудившиеся в джунглях были съедены. Никогда волки не вскормили ни одного потерянного матерью оленёнка или детёныша обезьяны. Что говорить о человеке? Маугли — это прекрасная сказка.

— Но я видел в газете фотографии...

— Я видел их тоже. Мало того, видел, как журналист сфотографировал в деревне мальчика. Мальчик не умел говорить и ходил на четвереньках. В наших деревнях раньше рождалось много больных детей. Для Индии время перемен только наступило.

— Значит, Маугли нет... — Новая мысль неожиданно пришла мне в голову. Я вспомнил Бомбей. — А укротители змей? И это миф?

— И это... — мой собеседник говорил почти печально. — Индия полна чудес, но факиры к ним не относятся. У змей, которых вы видите на улицах, вырваны ядовитые зубы. И даже сражение, которое факиры показывают, не настоящее. Это не битва мангусты с коброй.

— Вот это вы уже напрасно! Я видел такое сражение сам.

— Да, но в суматохе вы не рассмотрели хорошенько вторую змею. Её выпустили из другой корзины?

— Да...

— Во второй корзинке обычно сидит рат-снейк, крысиная змея. Она меньше кобры, хотя похожа на неё по цвету. Только она не ядовита, и у неё нет капюшона. Крысиных змей много, и они дешёвы. Впрочем, за хорошие деньги мангусте дадут расправиться и с коброй. Особенно если змея стара и её уже пора менять. Это очень эффектное зрелище. Ведь мангуста не знает, что кобра без зубов, и поэтому дерётся очень осторожно, по всем правилам.

— Не знаю, что и сказать... Вы меня ошеломили.

— Что делать?..

Мы стояли на плоском невысоком холме. Осторожно раздвинув кусты, Буч знаком пригласил меня посмотреть вниз. В неглубоком распадке, около запруды, разлился ручей. У коричневой лужи стояли на скользкой глине два хрупких оленя и, опустив головы, жадно пили. Время от времени то один, то другой пугливо осматривались.

— Не спугните. Олени боятся людей. Они не боятся автомашин.

Послышалось лёгкое урчание мотора. В распадок по грунтовой дороге въехала наша машина. Шофёр осторожно провёл её мимо лужи, олени внимательно посмотрели на неё, но от воды не ушли.

— Мне пора ехать. Ведь я всего лишь почтовый чиновник! Извините,— сказал мистер Буч.— Довезите, пожалуйста, меня до конторы.

РАТ-СНЕЙК

В тридцати милях южнее Мадраса, на берегу океана, в местечке Махалибапурам стоят вырубленные из целого камня низкие, почерневшие храмы. Причудливые каменные фигуры слонов и многорукие

боги украшают их стены. Внутри храмов полумрак, курятся тусклые свечи, едва слышно шелестят шаги. Богомольцы, молитвенно сложив руки, что-то шепчут, обращаясь к каменным изваяниям.

В храмах прохладно, и, когда выходишь наружу, раскалённый, стекающий с обожжённых полуденным солнцем крыш воздух обрушивается на тебя, как кипяток.

Я торопился к машине, как вдруг увидел в тени около стены две знакомые плоские корзины.

Укротитель с дудкой сидел рядом. Поодаль отдыхал, привалившись спиной к каменной стене, мальчишка со зверьком на потёртом пеньковом шнурке.

Словно кто-то перенёс и корзины, и мужчину с дудкой, и мальчика с мангустой сюда, за тысячи километров от Бомбея, и вновь поставил их на моём пути.

Первым заметил меня мальчик, он крикнул что-то отцу, тот наклонился к корзине и, делая широкие жесты, пригласил подойти поближе.

— Драка мангусты с коброй! — нараспев объявил он.

Я подошёл. Палящее солнце делало всё окружающее неправдоподобным: слишком яркие краски, слишком чёрные тени. Ослепительный песок, которым посыпана площадь перед храмом. Звон крови в ушах и щёлканье пальмовых листьев над головой...

Мужчина взял у меня деньги — больше желающих посмотреть представление не нашлось — и снял с первой корзины крышку. И снова оттуда поднялась и стала на хвост огромная коричневая змея. Снова раздула капюшон с очками и, раскачиваясь, стала следить за движениями дудки.

Когда кобра, как решил мужчина, потанцевала вполне достаточно, он опустил дудку и, схватив змею, небрежно сунул её в корзину. Он сделал это недостаточно проворно и плохо закрыл крышку. Крышка слетела, и змея устремилась прямо ко мне. Она ползла, не замышляя ничего плохого, а я, помня

о вырванных зубах, стоял на одном колене и продолжал снимать. В окошке видоискателя то показывалась, то исчезала голова с раздутым капюшоном. Потом змея исчезла — факир, схватив кобру за хвост, вновь водворил её в корзинку. Забыв о том, что надо изображать осторожность, он просто взял её в руки и, затолкав в корзину, прижал крышкой.

Тогда вперёд вышел мальчик. И снова была сброшена крышка со второй корзины, снова оттуда пулей вылетела серо-коричневая змея. Мангуста бросилась на неё. Я подошёл слишком близко, они покатались мне под ноги. Мангуста с первого же удара прокусила змее затылок, и всё было кончено.

Мальчик поднял змею и протянул её мне.

Это действительно была не кобра, а рат-снейк. Мангуста царапала коготками песок и рвалась к удушенной змее. Та висела плетью.

— Хорошая работа! — сказал я мальчику.

Я сказал это совершенно серьёзно. И он, и его острозубый зверёк сделали то, что нужно было сделать. Быстро и точно.

От зноя кружилась голова. Каменные божества слепыми глазами смотрели на пыльную раскалённую землю.

Я вспомнил слова Буча: «Маугли — это прекрасная сказка».

«И змеи. Змеи Индии — тоже», — подумал я.

АКУЛЫ

Свою первую акулу я увидел не в море, а в городе. Мы с Родольфо — моим спутником по кубинской поездке — поехали в Гавану, чтобы достать немного фотоплёнки, муки и консервов. Там-то он и отвёл меня в бассейн.

Мы пришли неудачно — бассейн чистили. Трое рабочих спустили из него почти всю воду и теперь бродили по дну, шаркая по бетону щётками на длинных палках. Они тёрли позеленевшее дно, и на бетоне оставались светлые полосы.

На дне лежали какие-то розовые туши. Люди деловито перешагивали через длинные, как торпеды, тела и продолжали уборку.

— Мадре миа, матушка, да это же акулы! — сказал я.

Родольфо охотно подтвердил:

— Тибурóнес!

Акулам было не до людей — они жадно разевали кривые рты, глотая мутную воду, которая даже не покрывала им спины.

— И как они не боятся? — сказал я про уборщиков.

Родольфо пожал плечами:

— Трабáхо. Работа.

Мы не дождались, когда уборка кончится и бассейн снова нальют водой до краёв.

На обратном пути, трясясь в машине, я всё время вспоминал огромных красноватых рыб, их жадно раскрытые пасти и людей, спокойно расхаживающих по скользкому дну.

Ещё я вспоминал всё, что читал про нападения акул.

ВОПРОС НОМЕР ОДИН

Когда я собирался в путешествие, друзья в Ленинграде наперебой спрашивали:

— Что ты думаешь делать с акулами? Акул ты учёл?

Акулы превратились для меня в вопрос номер один.

— В общем-то, они на людей не нападают,— утверждали одни.— Вон в Калифорнии есть даже клуб «Верхом на акуле». Членом его может быть всякий, кто хоть раз проедет на хищнике.

— И много таких наездников?

— Несколько сот!

— Зато в Австралии, чтобы спастись от акул, пришлось сетями огородить все пляжи,— напоминали другие.— Создана комиссия по акулам. Ею собрано полторы тысячи карточек — все случаи на-

падения акул на человека. Белая акула перекусывает человека пополам, как редиску.

Я не знал, что и подумать.

Кончилось тем, что я составил себе таблицу — опасные и неопасные акулы. Против названия каждой был нарисован квадратик. Квадратики я закрасил в красный или жёлтый цвет.

Красный — акула нападает, жёлтый — нет.

Нарисовав таблицу, я почувствовал себя спокойнее. В конце концов, встретив акулу, всегда можно вспомнить: как она относится к человеку?

— Интересная табличка, — сказали в один голос мои знакомые. — Что-то у тебя мало красных квадратиков.

— А это составлено для подводного пловца. Нам — подводным — легче. Акула видит большое существо с лапами, думает: уж не новый ли это хищник? — и чаще всего нападать воздерживается.

— Ну-ну...

Эту таблицу я привёз с собой.

АКУЛА НА ПЕСКЕ

С утра стояла отличная погода. Штиль. Даже у внешней кромки рифа, где всегда толклись волны, на этот раз вода словно остекленела.

Мы с Родольфо плавали у внутренней кромки, где кораллы погибли и где песок чередовался с зарослями черепаховой травы.

В траве сидели коротконогие ежи. Кончики их иголок были выставлены, и поэтому казалось, что ежи посидели. На макушках у них шевелились осколки раковин, листочки горгонарий, плоские камешки. Тонкими, нитевидными ножами ежи поддерживали свои украшения.

Резкие движения воды достигли меня. Я оглянулся. Ко мне плыл Родольфо. Подплыв, он повернулся и вытянул руку по направлению к большой

песчаной осыпке. Там, почти касаясь брюхом песка, медленно плыла тупоголовая, с человека величиной, рыбина. Красноватая, с бесцветными глазами хищница неторопливо двигалась к нам.

Это была песчаная акула, точно такая, каких я видел в бассейне. Я начал судорожно вспоминать свою таблицу. Святое небо, что за квадратик стоит против неё? Кажется, жёлтый... Ну конечно, жёлтый! Я облегчённо вздохнул и жестом показал: «Ерунда».

Акула плыла, то и дело тыча мордой в песок, что-то искала и не обращала внимания на то, что делается наверху.

Мохноногий краб не успел удрать, и акула, сделав едва заметное движение головой, сглотнула его.

Обогнув бугристый зелёный коралл, она очутилась под нами. Я ещё раз жестом успокоил приятеля. Колебания воды, вызванные моей рукой, достигли акулы, она остановилась и, изогнув шершавое, складчатое тело, посмотрела на нас пороссячим глазом. Что-то шевельнулось у меня в желудке.

«Пустяки! Раз пишут — не нападает, значит, не нападает».

Акула продолжила свой путь. Когда она достигла песчаной поляны, со дна, подбросив облако песка, подскочила и пустилась наутёк камбала. Акула заметила её и стремительно кинулась вдогонку.

Они исчезли за нагромождением каменных глыб, а мы поспешили к берегу. Там я тотчас побежал в дом, торопливо достал таблицу из чемодана.

Против песчаной акулы стоял красный квадрат.

ХИТРЕЦЫ

Больших акул я видел на рифе всего раза два. Зато маленьких там было предостаточно.

Чаще всего встречались акулы-няньки. За что их так прозвали, я не понял. Разве что за привычку

лежать парами на солнышке: большая и маленькая — как нянька с ребёнком...

Однажды я разглядывал скользкую, лиловую, похожую на огурец голотурию, которую нашёл на дне, когда заметил, что на меня из-под кораллового уступа смотрит, вытаращив большие глаза, рыба-белка.

Она выплыла было совсем из укрытия, как вдруг испуганно повернула и скрылась.

Я оглянулся — к нам приближалась небольшая песчаная акула. Она плыла, уставив глазки на пещеру, где скрылась рыба.

Пещерка была узкой, последовать за рыбой акулёнок не решился и отплыл в сторону.

Рыба вновь показалась на пороге своего дома. Акулёнок — к ней, рыба — в нору. Так повторилось несколько раз. Маленький хищник понял: надо хитрить. Отплывёт подальше и тотчас со всех плавников мчится к пещерке. Подлетит, а рыбы уже нет — спряталась.

Тогда акулёнок решил изобразить, будто он совсем покинул место охоты. Быстро работая хвостом, исчез из виду.

Но красная рыбка оказалась не проста: стоило акулёнку скрыться, как она стрелой вылетела из норы и бросилась к груде камней. Мгновение — она исчезла.

Не успел её раздвоенный хвост пропасть в камнях, как снова появился акулёнок. Стараясь застать рыбу врасплох, он мчался изо всех сил.

Вот и пещерка... А где же рыба?

Он остановился как вкопанный.

«Взять добычу измором? Ну конечно!» И всё время, пока мы с Родольфо бродили по рифу, он стоял перед пустой норой, алчно поблёскивая круглыми стеклянными глазами.

АКУЛЯ ОХОТА

Я всё ждал, когда акулы удивят меня своей охотничьей сноровкой.

Всякий раз плыву, присматриваюсь.

Вот на песчаной полянке греется стайка — шесть штук, коричневые, с пёстрыми спинами. Небольшие акулы-няньки. Лежат бок о бок. Одна шевельнётся, столкнёт с места соседку, та — следующую... Повернутся и опять замрут. Дреmlют голова к голове, только у каждой около рта шевелится песок — дышат.

Надоело одной акуле лодыря гонять, привсплыла, пошла прямо на меня. Свернула, идёт по краю рифа — слева кораллы, справа песок.

На охоту. Куда же ещё!

Вижу, выплывает из-под скалы стайка щетинозубов.

«Сейчас,— думаю,— акула им задаст. Только брызги полетят!»

Нет. Плывёт акула дальше, щетинозубов словно не замечает.

«Ага, значит, они для неё мелочь! Ей подавай что крупнее».

Вот и покрупнее: три рыбы-ангела, чёрные, в золотую крапинку. Каждый с тарелку. Эти — пожива.

Но и на них акула ноль внимания.

«Неужели ищет с себя ростом?»

Дёрнула акула хвостом, изменила путь. Плывёт теперь над песком. Мордой у самого дна водит. С нижней челюсти усики свешиваются. Эти усики она по песку и волочит.

Вдруг — раз! — копнула мордой песок. Вылетела из него раковина. Акула её на лету раскусила — хрусь! Глотнула — нет раковины!

Плывёт дальше.

На песке два бугорка — два ежа с короткими иглами. Прошла над ними акула — ежи исчезли.

Долго я за ней наблюдал. В песок, в траву, в камни — повсюду свой нос сунула.

Моллюски, крабы, ежи, креветки — всё ей сошло, всё в пищу сгодилось...

Так и не удалось мне увидеть акульей охоты — настоящей, с кровью, с отчаянными схватками, какую описывают в книгах и показывают в кино.

Оказывается, и акулы бывают разные.

АКУЛА НА КРЮЧКЕ

Отца Родольфо звали Франциско. Когда-то он ловил акул.

Всё началось с перчатки. Он нашёл её в порту, куда ездил за новым движком для электростанции.

Перчатка была на правую руку, ладонь — из кожи толщиной в палец.

— Эта перчатка — ловить акул, — объяснили ему.

Франциско был молод, и глаза его загорелись. Он смастерил снасть и стал выходить в свободные часы в море. Ловил он по одной-две акулы и привык, что это дело нехитрое, требует только сноровки и осторожности.

В тот день он выехал с вечера, после захода солнца заглушил мотор и положил лодку в дрейф.

На корме у него валялась задняя нога овцы, а на крючки — Франциско ловил на нейлоновый трос с цепочкой и двумя крючками — была насажена овечья печень.

Не успел он забросить снасть, как лодку тряхнуло, и он очутился на досках. В нескольких метрах за кормой кто-то шумно бился о воду.

Франциско встал на четвереньки и подобрался к мотору. Овечья нога с кормы исчезла, а за кормой что-то большое и чёрное колотилось о воду.

«Эге! Вот куда делась нога, — подумал Франциско, разглядев белый бурун и плавник, который то

показывался над водой, то скрывался.— Ну, берегись!»

Он подумал так и забросил приманку поближе к акуле.

Та уже покончила с овечьей ногой и кружила около лодки. Франциско водил приманку около акулы, но акула плавала взад-вперёд и не торопилась хватать крючки.

Наконец она решилась. Короткий бросок — проглочены и наживка и половина цепочки. Акула совершила прыжок и рухнула в воду, окатив Франциско с головы до ног. Он придержал снасть, и крючки намертво впились в акулюю глотку.

«Теперь не плошать!» Правой, одетой в перчатку рукой Франциско половчее перехватил нейлоновый шнур и стал потихоньку стравливать его.

Леса, натянутая как струна, поползла по коже, всё глубже врезаясь в перчатку. Франциско упёрся ногой в борт лодки и, держа шнур двумя руками, сдавал акуле с боя каждый сантиметр.

Почувствовав, что леса ослабела, он начал понемногу подбирать её.

Вода у борта качнулась, и при слабом свете звёзд Франциско увидел около лодки длинную чёрную тень. Акула казалась неподвижной. Франциско вздохнул и на мгновение ослабил лесу. И тотчас же тень исчезла, шнур врезался в ладонь. Рассекая кожу перчатки, он стремительно скользил — акула уходила на глубину.

Франциско вцепился в него обеими руками. На ладони горячей картофелиной вздулся и лопнул пузырь, перчатка наполнилась кровью. Ногу свела судорога. От напряжения мышц спина и шея стали деревянными.

Наконец леса стала дрожать, и Франциско понял: акула устала.

Зачерпнув левой рукой воды, он смочил лицо и принялся сматывать лесу. Теперь он вёл акулу, и та покорно уступала его воле. Вот знакомая тень

снова появилась под лодкой. Из воды показался косой плавник. Франциско нащупал рукой стальной болт — один из четырёх, которыми мотор был прикреплён к днищу. Свернув шнур петлей, он набросил его на болт.

Когда из воды показался плавник, Франциско нагнулся, чтобы вытащить из-под скамейки верёвку. Он решил привязать акулу к лодке за хвост. И тогда из воды вырвалось чёрно-белое тело, акула перевернулась в воздухе и стремительно пошла головой вниз...

Франциско не успел сбросить петлю с болта, слышался звук, похожий на выстрел, — шнур лопнул. Освобождённая от тяжести, лодка свободно закачалась на воде.

Когда Франциско пришёл в себя и смотал снасть, он недосчитался сорока метров — их унесла акула вместе с крючками и цепочкой. Замотав тряпкой кровоточащую ладонь, присел около мотора и поднял лицо. Небо над ним было уже серовато-розовым: он возился с рыбой около пяти часов. Потом он утверждал, что акула была не велика — метра три с половиной, не больше, — но у неё был характер, а это, говорил он, кое-что значит...

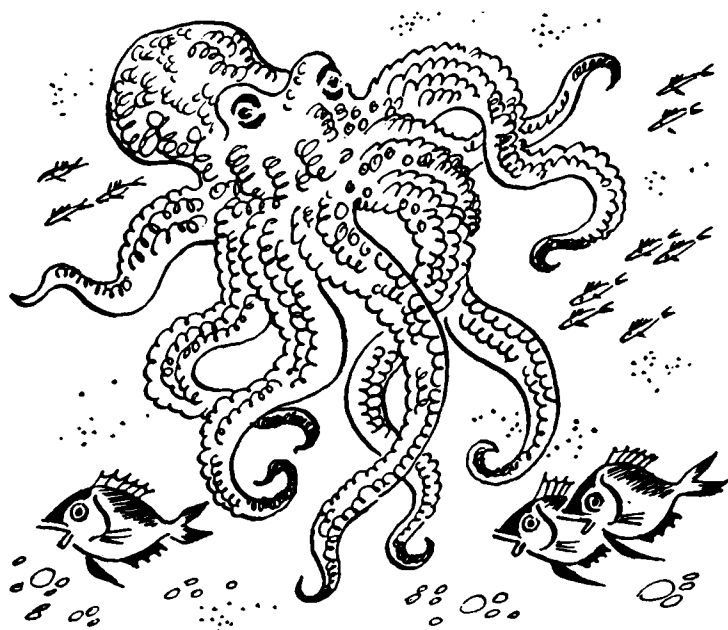
ИХ ВРЕМЯ

— С тех пор отец не выходил в море... — сказал Родольфо.

Над островом дул пассат. Он дул всё время с востока на запад. Когда солнце поднималось в зенит и горячие струи воздуха сливались в один могучий поток, ветер усиливался. На воде появлялись мелкие, едва заметные глазом чешуйки. Ветер дул всё сильнее, и полосы превращались в волны, волны — в медлительные тяжёлые валы. На рифе вспыхивали белые буруны, возникал угрожающий низкий гул.

Наступало время акул. Среди пенных гребней появлялись чёрные плавники — рыбы шли к Матáн-сасу, там был порт, и из него течение выносило в океан отбросы с мясных фабрик и городской мусор.

ХОЗЯИН КАМЕННОЙ НОРЫ

Плавая на рифе, я однажды сложил в кучку пять раковин. Даже не помню — зачем. Сложил и поплыл работать — фотографировать рыб.

Проплываю немного погодя — четыре. Одна пропала.

Каменная плита ровная, раковина не могла упасть. Не могла её и утащить какая-нибудь рыбина, ни одной большой рыбы поблизости. А своим ходом моллюск далеко уйти не мог.

Странно!

Плыву мимо кучки опять — а в ней уже три раковины!

Тогда я стал караулить. Раковины лежали около щели в камне. Вижу — оттуда высунулась чёрная ниточка, вертится, тянется к раковине. Высунулась

побольше, превратилась в верёвочку, верёвочка — в жгут, коричневый, с нижней стороны белые колечки — присоски.

Осьминожья нога. Вот кто **вор!**

И глаза-бугорки показались. Поднялась голова над краем каменной норы, зырк вправо, зырк влево. Второе щупальце выпросталось, протянулось к раковинам — хватить ещё одну! Потекли щупальца назад, волокут раковину, до норы доволокли и пропали.

Остались в куче две раковины.

Вечером я рассказал об этом происшествии Родольфо.

— Их теперь на рифе стало меньше. — Он понимающе кивнул. — Это как у многих животных: то они кишат, лезут из каждой щели, то вдруг пропали, словно вымерли. А ещё бывает — уходят. Это я сам видел...

И он рассказал об одной удивительной встрече.

НАШЕСТВИЕ ОСЬМИНОВ

Это случилось июньским днём, когда Родольфо погрузился с лапами и маской в холодные воды у восточного берега острова.

В руках у него был новый бокс для подводных фотосъёмок, и ему не терпелось испытать его.

У скал, где он нырнул, в камнях всегда можно было встретить чёрную ангел-рыбу, или пятнистого морского окуня, или, на худой конец, безобразного губастого ерша.

Держа бокс перед собой и неторопливо работая лапами, Родольфо плыл вдоль берега.

Дно было странно пустынным. Даже крабы, которые всегда водились здесь в изобилии, в этот раз не сидели на поросших редкими водорослями песчаных полянках.

И ни одной рыбы!

Ничего не понимая, он повернул в море, отплыл

метров двадцать и, когда на фоне сине-зелёного дна перестали различаться отдельные камни и дно превратилось в тёмную равнину, набрал в лёгкие воздуха и нырнул.

Дно стремительно приблизилось. Но что это? Родольфо вздрогнул, опрометью бросился наверх и вылетел на поверхность. Там он вырвал изо рта загубник, судорожно глотнул воздуху и, колотя изо всех сил лапами по воде, помчался к берегу.

Он готов был поклясться под присягой, что камни смотрели на него тысячами глаз и... шевелились!

Только достигнув берега, Родольфо пришёл в себя. Но он был и тогда не робкого десятка. Кликнув на помощь какого-то купальщика, осторожно поплыл к тому месту, где видел живое дно.

То, что он разглядел на этот раз, было поразительным: все камни, все промежутки между камнями покрывали осьминоги. Животные ползали взад-вперед, свивали и развивали щупальца. Увидев приближающегося человека, они беспокойно завоились, но ни один не бросился наутёк.

Плавая над этим живым ковром, Родольфо заметил, что в хаотическом, на первый взгляд, движении животных была какая-то цель. Вся шевелящаяся масса медленно смещалась вдоль берега.

Замёрзнув, Родольфо вернулся на камни, где его ждал купальщик.

— Понимаете, — сказал ему Родольфо, — самое удивительное, что они все одного размера. Вот такие, с футбольный мяч. Видно, чуть-чуть подросли и пришли сюда. Но откуда? И что им надо?

Купальщик равнодушно пожал плечами. Он видел осьминогов только на блюде, разрезанных на аккуратные дольки, и рассказ не взволновал его.

Домой Родольфо отправился не обычной дорогой, а вдоль берега. Он шёл, обгоняя скрытое водой полчище головоногих. Его догадка оказалась правильной. Скоро он достиг мест, где осьминогов ещё не было, но на дне уже царило беспокойство. Сотни

крабов, пощёлкивая и царапая крючковатыми ногами скользкую поверхность камней, отступали вдоль берега. Они бежали, предупреждённые неслышным, недоступным человеку голосом. «Бегите!» — говорил он им.

В море послышался шумный плеск.

Стаи крупных рыб шли навстречу отступающим крабам. Они торопились: огромные голубоватые тела то там, то здесь выбрасывались из воды — голос, который предупредил крабов об опасности, звал их на пир.

ПОЛ-ОСЬМИНОГА

Над ровной поверхностью дна возвышался какой-то холмик. Он не отличался по цвету от окружающего песка, но чем-то привлёк моё внимание.

Я долго не мог понять — чем. И наконец понял: холмик шевелился! Он едва заметно поднимался и опускался. словно внутри него кто-то дышал.

Оставив на большом коралле-мозговике бокс с фотоаппаратом, я поплыл к холмику.

Подо мной песок — вперемешку чёрные и жёлтые точки. Вот и холмик, на нём — два бугорка.

Неожиданно один бугорок дрогнул, и посреди него блеснуло чёрное пятнышко, раздвинулось веко — показался глаз.

«Э-э, да это мой старый знакомый — осьминожек. Ишь, куда его занесло! И как он угадал своим цветом под цвет песка!»

Блеснул второй глаз, дрогнули и выпростались из-под тела щупальца, осьминожек приподнялся и покатился в сторону рифа. Блеснули створки большой разгрызенной раковины. Вот что он тут делал!

Катится по песку, как клуб серого дыма, словно ветер гонит по пустыне песчаный вихрь.

Впереди — риф, коричневый камень, припорошённый тёмным илом.

Интересно, что осьминог будет там делать? Его, светлого, на камне он как хорошо будет видно!

Но, докатившись до основания рифа, осьминожек перестал торопиться. Поглядывая вверх на меня, он брёл по границе песка и камня, что-то выжидая.

Что?

И вдруг я заметил, что половины осьминога нет. Четыре щупальца есть, четырёх нет. Один глазной бугорок тут, второго след простыл. Половина живота есть, вторая пропала.

Пол-осьминога!

Куда же девалась вторая половина?

Присмотрелся и ахнул: тут она, никуда не делась. Просто пока осьминог по кромке рифа шёл, половина его успела в другой цвет перекраситься: стала коричневой с чёрными пятнышками.

Пока я ахал, осьминожек весь покоричневел и подался на камень. Снова пропал: коричневый на коричневом — его и не видно. Торопится, щупальца-змеи то вперёд выпускает, то подбирает.

Течёт, к своей норе тянется.

ЛИСТ ЖЕЛЕЗА

Я решил сфотографировать, как осьминог меняет цвет.

Для этого пришлось попросить у Родольфо катушку цветной плёнки.

Давать её Родольфо страшно не хотелось.

— Фин, конец, больше нет.— Он вертел в пальцах баночку с плёнкой.— Цветы хотел снять. И ещё — очень рыбачки просили.

— Ничего! — уговаривал я.— Не пропадут ваши цветы и рыбачки. Ещё их снимете. Вы ведь сюда приедете?

— Приеду.

— Ну вот!

Родольфо вздохнул и расстался с баночкой.

Я зарядил аппарат, засунул его в бокс, и мы отправились в лодке на риф к осьминогу.

Наш маленький знакомый был на месте. В каменной щели виднелась его бугорчатая зыбкая кожа.

В лодке у нас лежал лист железа, выкрашенный в три цвета. Один край я покрыл зелёной эмалью, второй — чернью, а третий разрисовал пятнами. Очень получился весёлый край — как ситчик: жёлтое и красное.

Отодрав от скалы раковину и раздавив, мы бросили её неподалёку от норы.

Жёлтое нежное мясо моллюска курилось, и животное сразу же почуяло его запах. В глубине щели замелькали тёмные точки — кожа осьминога пришла в движение, появились маленькие гибкие щупальца, за ними бугорки-глаза, осьминожек выбрался на поверхность камня и устремился к добыче. Дальнейшее мы разыграли как по нотам. Родольфо нырнул, занял место у покинутой животным щели, а я кинулся на осьминога сверху. Тот метнулся было назад — Родольфо накрыл его ладонью. Заплетая щупальца вокруг пальцев и тараща на нас глаза, животное затихло.

Я бросил на дно лист и приготовился снимать. Родольфо бережно посадил осьминога на зелёный край.

Однако вместо того, чтобы принять зелёную окраску, наш осьминожек покрылся бурыми пятнами. Потом съёжился, прикидывая: куда бы удрать?

«Видно, ему трудно быть зелёным. Не его цвет!» — решил я и перетащил животное на чёрное.

Этот край листа ему понравился ещё меньше. Число бурых пятен увеличилось, и осьминожек стал похож на шапку-ушанку из рыжего каракуля.

«Попробуем ещё раз».

На третьем месте у осьминожка голова совсем пошла кругом. Он ничего не понял в мелькании ярких пятен и весь налился красным. Он сидел, раздувая

и опуская бока, тарашил глаза и пытался понять: что от него хотят?

«Пусть будет красный осьминог на пёстром фоне. И вообще, пускай перекрашивается как вздумает!» — решил я и стал, плавая вокруг листа, снимать.

Это, наверно, были очень хорошие снимки. Животное ярко выделялось на пёстром фоне, и я потратил на него всю плёнку. Потом осьминог перекатился через лист и, не спуская с меня глаз, поспешил домой, к своей щели.

Он двигался, принимая каждую секунду другую форму и ловко управляясь сразу со всеми ногами.

«Ладно получилось!» — подумал я и поплыл к лодке.

МУРЕНА И ОСЬМИНОГ

Но коралловый риф тут же отомстил нам за вторжение в жизнь его обитателей.

Не успел я всплыть, как Родольфо закричал, что на дне появилась мурена.

Я снова нырнул. Осьминог ещё торопливо полз, клубясь и переливаясь, по неровной поверхности камня, а рядом из другой расселины уже поднималась зелёная голова рыбы-змеи. Потом в каменной щели завертелись, замелькали чёрные пятнышки, и, как брошенная ловкой рукой лента, рыба вылетела из своего убежища.

Она плыла, совершая быстрые колебания всем телом, вытянув вперёд голову с открытой зубастой пастью.

Осьминог поздно заметил опасность.

Он заметался, привсплыл, но, поняв, что уйти не удастся, снова сел на риф.

Увы! Здесь укрытия не было. Маленькое зыбкое животное покрылось от страха бурыми пятнами, прижалось всем телом к камню и почти исчезло, стало частью рифа.

Но обмануть мурену не удалось: не останавливаясь, она промчалась над осьминогом, сделала поворот и бросилась в атаку.

Вспомнив, как мурена расправляется с головоногими — она рвёт их на части, вцепляясь тонкими зубами в слабые студенистые тела и начиная вращаться как штопор, — я выпустил из рук фотоаппарат и нырнул. Место оказалось глубоким, резкая боль вошла в уши. Отчаянно болтая ногами, я продолжал погружаться.

Но хитрая тварь уже заметила меня. Нехотя, словно раздумывая, она повернулась и поплыла прочь.

Внизу, кувыряясь, падала камера. Она ударилась о край коралловой плиты, соскользнула с неё, очутилась на крутом рифовом склоне, и, подпрыгивая, понеслась в лиловую темноту, в пропасть, унося — кто знает? — быть может, мои самые лучшие подводные снимки...

Когда я всплыл и отдышался, то снова посмотрел вниз. Осьминога не было, он удрал к себе в щель.

Через два дня Родольфо застрелил мурену.

ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО

Мне нужно было посмотреть, как плавают осьминоги.

Улучив момент, когда наш знакомец вылез из норы, мы с Родольфо подкрались к нему. Рассерженный, он обвинил щупальцами наши руки. Втроём мы поднялись на поверхность.

Здесь мы стали бережно избавляться от нашего спутника. Поняв, наконец, что его не держат, он отпустил наши пальцы, оттолкнулся и... Коричневое облако вспыхнуло в воде, скрыв от нас животное.

Осьминог кинулся куда-то в сторону.

На том месте, где он выстрелил в нас чернильной бомбой, ещё долго висело причудливое пятно, чем-то похожее на своего хозяина.

И всё-таки плывущего осьминога увидеть мне довелось.

Шли последние дни нашего пребывания на побережье, мурена погибла, и наш осьминогий друг всё чаще появлялся днём из своего убежища.

Я плавал около его норы, собирая асцидий — странные пустотелые существа, похожие на бутылки. Сетка, куда я их складывал, была уже наполовину набита, когда я заметил, что около норы происходит какое-то движение.

По коралловой плите ползал взад-вперёд осьминог, но значительно крупнее и темнее нашего, а из норы за ним внимательно следил хозяин. Он смотрел на пришельца, выставив глазные бугорки и поворачивая их, как перископы.

Потом над краем расселины засновали кольчатые присоски, приподнялась пятнистая спина, и вот уже оба осьминога сидят друг против друга, возбуждённо свивая и развивая щупальца.

«Быть драке! Драке за самое главное, самое святое для каждого обитателя морского дна — за охотничий участок, за свой дом».

Противники медленно покрывались бурыми пятнами. Что-то похожее на зелень вспыхнуло в коже пришельца и погасло. Потом начал бледнеть наш знакомый. Они так и сидели — глаз в глаз, нога в ногу, поочерёдно то наливаясь краской, то приобретая пепельно-серый цвет.

Но драки не произошло. Пришелец, видимо, понял, что насиженное место хозяин дёшево не отдаст, вздрогнул, потемнел, приподнялся над камнем и поплыл прочь.

Он плыл, раздувая и сокращая тело, набирая в себя воду и с силой выталкивая её. Два щупальца он держал на отлёте, как крылья, а шестью остальными, сложенными в плеть, размахивал, как хвостом.

Проплывая подо мной, он уменьшил частоту и силу толчков, ещё шире развернул щупальца-крылья и, планируя, как птица, которая садится на землю, опустился на дно.

Он угадал прямо на кучу камней, не мешкая, направил в щели между ними щупальца и исчез, растаял, словно его увлёк туда ток воды.

— Упрямая голова! — сказал я, обращаясь к его противнику. — Видел, как надо плавать? А ты?

Маленький осьминог не удостоил меня даже взглядом. Раскинув щупальца по плите, он сгребал камешки, собирал обломки раковин, подтаскивал их к норе — был занят сооружением оборонительного вала на случай новой опасности.

По коже его волнами пробегали розовые и зелёные искры — он с трудом успокаивался: ведь это очень страшно — потерять свой дом, уступить место, которое ты однажды занял на рифе.

ИЗ РАССКАЗОВ О КОРАЛЛОВОМ РИФЕ

ПРИМЕЧАЙ!

Под водой есть всё, что есть на земле.

Есть равнины — однообразные и унылые, есть горы — нагромождение скал и отвесных стен.

Есть пустыни — песок, песок, докуда хватает глаз.

Есть болота — вязкий, полужидкий ил, в котором утопает нога.

Наконец, есть леса — непроходимые заросли густых водорослей, обнажённые, как после пожара, стволы кораллов, медленное раскачивание похожих на веера горгонарий.

И как в пустыне, как на болоте, как в лесу — всюду следы.

Вот на верхушке голой, побелевшей от времени коралловой глыбы круглое ровное колечко.

Кто-то тщательно вырезал его и ушёл.

Здесь сидела раковина-блюдечко, с одной створкой, похожая на формочку, какими дети лепят из песка куличики. Плотнo притёрся, присосался к известковой поверхности хозяин раковины, вертелся-вертелся, царапал острыми краями раковины камень — получилось колечко. Но чем-то не понравилось ему место — ушёл. А может, сглотнул его кто? Отковырял от камня, перевернул мягкой ногой кверху — и нет хозяина раковины.

На боку зеленоватого коралла — белые рубцы: кто-то обглодал бок. Ещё курится голубоватый дымок — только что передо мной тут проплывали две рыбы-попугая. Один клюнул на ходу, второй — и уплыли. Остались на коралловом боку отметины.

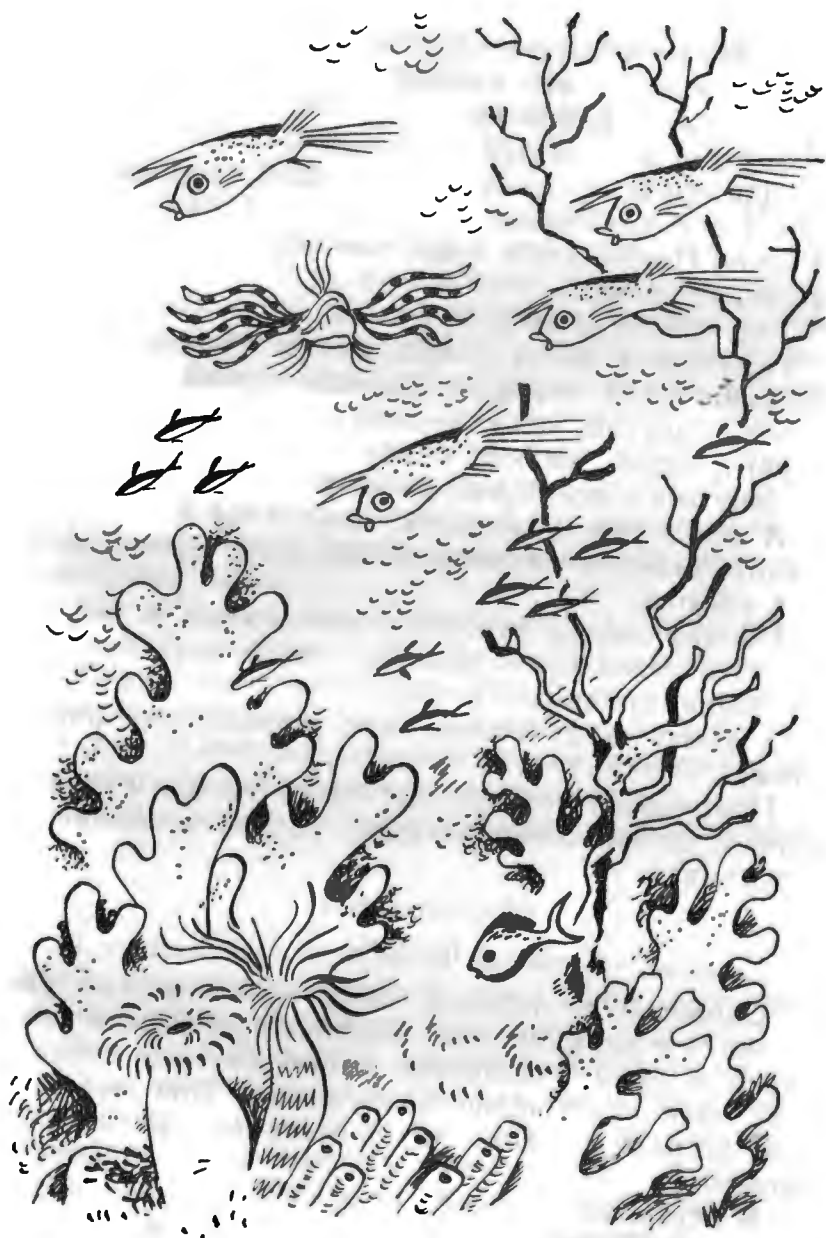
На белом песке у подножия камня — тоже след. Будто прошёл трактор. Только странный — с одной гусеницей и маленький — весь след шириной в два пальца. Никакой не трактор — был тут ещё один обитатель песчаного дна. Проползал хозяин ещё одной раковины — пёстрой, свёрнутой в кулёчек. Повертелся около каменной стены — не взобраться! Дай, думает, зарюсь! Забрался в песок, утонул, от всех врагов спрятался. Ползёт вместе с раковиной под землёй, ищет в песке добычу, чмокает, а над ним горбится песок, ломается на кирпичики. Укладываются кирпичики в ряд.

А вот ещё след: яма в песке, посреди ямы крабья клешня.

Здесь подстерёг раззяву скат. Зарылся хищник в песок, забросал себя по самые глаза, хвост-кнутик спрятал, притаился.

Ждал, ждал и дождался.

Бежал мимо краб, суставчатые ноги переставлял, не заметил, как взбежал на песчаный бугор. А бу-

гор как лопнет! Фонтаном взметнулся песок — конец крабу.

Тут же на песчаной полянке ещё один след. Ямка. Рядом — блестящая, словно вылизанная изнутри, двусторчатая раковина.

Видел я уже не раз такие ямки.

Шла здесь морская звезда. Шла, упиралась в податливое дно оранжевыми ножками.

Стоп! Почуяла под собой поживу. Остановилась, потрогала песок.

Так и есть, закопался кто-то.

Припала к песку всеми пятью лучами, давай ножками песок убирать. Хватают ножки песчинки одну за другой, друг дружке передают. Летят в сторону песок, мелкие камешки. Всё глубже под звездой ямка, всё ближе добыча.

А вот и она — моллюск. Спрятался в свою раковину, створки захлопнул. Зарылся, думает — от всех убежал.

Обняла звезда раковину, присосалась к ней, на все пять лучей приподнялась — вытащила беглеца. Раскрыла, принялась есть.

...Плыву над песком, над коралловой рощей плыву.

Повсюду на морском дне следы. Каждый след — случай, приключение, загадка. Только примечай да разгадывай.

У ПЕЩЕРЫ

Однажды в полдень, когда большинство рыб прячется в укрытия, мне довелось проплывать мимо одной пещеры. Маленькие рыбки, которые сновали тут, были необычайно возбуждены. Они метались взад-вперёд у входа в пещеру, словно ожидая чего-то.

Я остановился.

В глубине чёрного входа шевельнулась тень и показалась губастая рыба морда. Огромный ка-

менный окунь высунулся до половины из пещеры и замер.

Рыбёшки совсем посходили с ума. Они то отплывали от окуня, то бросались к нему. Самые неосторожные ухитрялись прошмыгнуть у самых губ.

«Сейчас распахнёт пасть, и всё: провалитесь в глотку!» — подумал я.

Великан действительно разомкнул губы. Но сделал он это так осторожно и медленно, что ни одна рыбёшка не была проглочена. Огромная рыба стоит распахнув рот и топорща жабры, словно удивляясь! И тогда произошло невероятное: ближайшая рыбка сама отправилась окуню в пасть.

Не успел я подумать: «Одна есть!» — как она выплыла и тотчас юркнула туда вновь. За ней в пасть к великану отправилась вторая. Рыбёшки отважно заплывали в огромный рот, копошились там, расталкивая друг друга, и выскакивали, неся в зубах белые крошки...

Так вот оно что! У толстяка — полуденный туалет. Добровольные дантисты и санитары чистят его.

Окунь терпеливо ждал. Только когда последняя рыбёшка покинула пасть, он осторожно свёл губы, опустил жаберные крышки и, не поворачиваясь, задним ходом забрался назад в пещеру.

Рыбья мелочь, не сговариваясь, поплыла прочь.

РЫБЬЕ ОБЛАКО

Я люблю наблюдать за рыбьими стаями: стая живёт по своим законам и даже ведёт себя порой как одно большое живое существо.

Вот из-за большого плоского, похожего на стол коралла wypлывают два серебристо-лиловых хирурга. Плоские, похожие на блюдечки, с жёлтыми кинжальчиками на хвостах рыбы плывут, строго выдерживая курс. За первой парой показывается вторая. Хирургов уже стайка. Все следуют в направлении, указанном первой парой. Стайка растёт, из-за

оранжевой коралловой глыбы показываются всё новые и новые рыбы. Их уже десятки, сотни. Огромная стая тянется, как шлейф дыма, рыбы плывут, никуда не сворачивая, они приближаются ко мне всё ближе...

Моё неосторожное движение — и по стае распространяется волна тревоги. Почти незаметная, она достигает противоположного конца стаи, и вдруг рыбы, плывущие здесь — хотя они и не видят меня! — поворачивают, ускоряют ход. Словно листья, подхваченные ветром, несутся они прочь, возникает струя быстро плывущих рыб. Увлекаемые невидимым потоком, все хирурги изменили направление. Нет стаи...

А вот ещё одно удивительное умение.

Прямо на меня плыла стая рыб. У каждой — жёлтые галунчики плавники. Кубинцы называют этих рыб «кахи».

Кахи плыли не торопясь, каждая соизмеряя своё движение с движением стаи. Они тянулись нескончаемой процессией.

И вдруг среди ближайших ко мне рыб произошло движение — к стае приближалась большая зеленоватая морская щука-барракуда. Нижняя челюсть опущена, жёлтые торчащие вверх зубы обнажены... «Ну, конец, — подумал я, — сейчас полетит брызгами чешуя!»

И барракуда бросилась в атаку.

Но тут произошло неожиданное — щука промакнулась! Когда она врезалась в стаю, рыбы расступились. Хищница сделала бросок вправо, щёлкнули зубы — промах. Жертв было слишком много, они суетились перед глазами, появлялись перед самым носом, сбивали прицел.

Барракуда выскочила из стаи, описала дугу и кинулась в повторную атаку. И снова промах!

Огромная стая, не торопясь, стала отступать, а обескураженная хищница, приподняв жаберные крышки и часто раскрывая рот, смотрела ей вслед. Кахи исчезали, поблёскивая жёлтым и белым. И

только тогда барракуда заметила меня, изогнулась, посмотрела бесцветными холодными глазами и пошла прочь. Она плыла, едва заметно двигая хвостом, постепенно приходя в себя и набирая скорость.

В море — у кого зубы больше, тот и прав. На этот раз зубы не помогли. Всё случилось, как в лесу у того охотника, который погнался за двумя зайцами.

БЕСКОНЕЧНАЯ ЦЕПЬ

Через стекло маски видны беловатые точки. Они снуют взад-вперёд, неподвижно парят, уносятся течением. Эти прозрачные существа — рачки. Некоторые из них подрастут, превратятся в ногастых, пучеглазых, с тяжёлыми каменными клешнями крабов.

Снуют рачки, охотятся за чем-то невидимым. И вдруг — рыбка, маленькая, жёлто-синяя, как язычок пламени, метнулась, клюнула белую точку, пожевала губками, поплыла дальше. Нет одного рачка.

А из-за коралловой зелёной глыбы уже выплывает рыба-свинья. Морда пяточком, длинные кривые плавники загнуты назад. У каждого глаза — паутинки из оранжевых тонких линий. Подплыла, распахнула рот — провалилась в него рыбка.

Неподалёку от меня охотится подводный пловец. Вот блеснул его гарпун, ударила стрела рыбы-свинью, не пробила, отбросила на дно. Человек не увидел этого, подобрал шнур с гарпуном, уплыл.

А около раненой рыбы уже колышатся тени. Два колючих краба выползли из-под камней, размахивают клешнями, торопятся урвать по кусочку.

Я неподвижно сижу на плоской вершине коралла. Трубка над водой, лицо в маске опущено под воду. Тянется перед моими глазами цепь жизни: сильный поедает слабого, быстрый догоняет неторопливого, каждый на коралловом рифе — ловец и каждый — добыча.

Куруется рыба кровь, вытекает из ранки, ещё сильнее раздражает крабов. Только в ней и опасность.

Вот и новый участник драмы: почуяв рыбу кровь, мчит издали скат, торопится, машет чёрными плавниками-крыльями. Летит над самым дном. Тенью прошёл над рыбой, на лету схватил одного краба.

Только мелькнули белые крабы ноги, только завертелась в воде, упала на дно откушенная скатом клешня.

Мчится скат, бьёт из всех сил крыльями. Глаза выпучил. Да и как тут не лететь, как не бежать сломя голову? Чуть дрогнула вода, а уж он слышит — беда! Круто вниз опускается на него тупоносая акула. Не уйти скату...

Акула небольшая. Акулёнок. Поэтому я не кричу подводному пловцу, не предупреждаю его об опасности. Моя маска по-прежнему под водой.

Вот и ещё одно звено в цепи жизни — всё крупнее и крупнее хищник, — скоро ей оборваться.

А впрочем, нет. Не оборвётся цепь. Вырастет акула, умрёт, опустится на дно, столпятся около неё крабы, приползут морские звёзды. Растащат, растерзают большое обмякшее тело. Растреплют. Жёлтым дымом рассеется акулья плоть, смешается с водой, с песком. Маленькие, не видимые глазом существа поглотят то, что останется от хищника. За ними снова начнут гоняться похожие на белые точки рачки, вновь завертится колесо...

В бесконечную цепь связал всё живое риф.

УБИВАЕТ И ДАЕТ ЖИЗНЬ...

Риф и сам похож на живое существо. Медленно, год за годом растёт он, поднимается к поверхности моря, умирает, рушится. То вспыхивает яркими красками, то превращается в безжизненный, серый камень.

Риф всегда в движении. Между изогнутыми разноцветными телами его кораллов хороводят рыбы, ползают по дну ежи и звёзды, копошатся крабы.

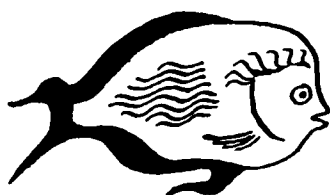
Он полон звуков. Стоит опуститься под воду — и сразу в ушах тихий, неназойливый шум. Плещут на выступающих из моря камнях волны, ровно стрекочут крабы, пощёлкивают клешнями неугомымые рачки-алфеусы. Вот послышался еле слышный хруст — это принялись за еду клювастые рыбы-попугаи. Чу! — барабанная дробь. Плывут мимо горбыли. Развешаются чёрные хвосты, движется мимо рыбий полк, играет полковой оркестр.

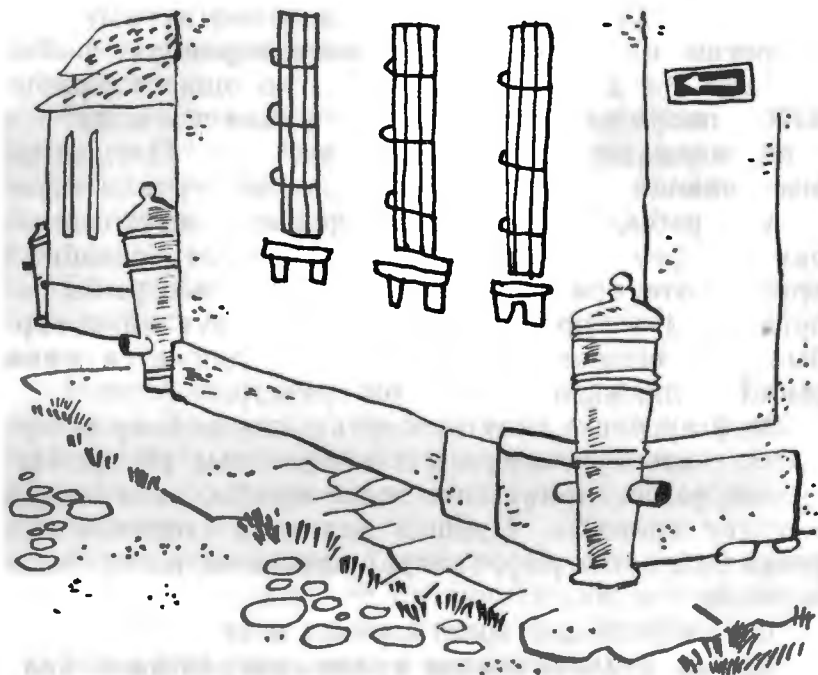
Риф пуглив. Стоит потянуть шквалистому ветерку, нагнать туч, мрачнеют коралловые рощи. Исчезают рыбы, прячутся в щели крабы, забиваются в траву креветки. Прошла непогода стороной — и снова заблестал риф, заиграл красками, наполнился звуками.

Он умеет бодрствовать, умеет и отдыхать.

Вот закатилось солнце, синие сумерки наполнили его гроты и ущелья. Уплыли дневные рыбы, замерли в чёрной траве стаи рачков. Но это затишье обманчиво. Риф только задремал. Пройдёт час — и на смену пёстрым дневным обитателям выползут бесцветные и тёмные жители ночи. Покинут свои щели осьминоги, выберутся из пещер мурены. Из океана приплывут стаи кальмаров. Длинные и прозрачные, станут они носиться над коралловыми притихшими рощами, часто работая плавниками и устремив вперёд сложенные щепотью, похожие на стрелы щупальца. Молча и угрюмо будут носиться до рассвета.

Днём и ночью бурлит риф. Изменяется и остаётся всё таким же прекрасным.

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛОВ

ОХОТНИКИ ЗА КРОКОДИЛАМИ

В детстве я много читал про охотников за крокодилами.

В Бразилии крокодилов-жакаре ловят сетью. Охотники окружают животное в воде, захватывают его неводом и волокут на сушу

В Африке на крокодилов ставят петли. Находят тропу, по которой они ходят через болото, вбивают колышки, привязывают к ним ловушку из веревок. Стоит крокодилу попасть в петлю хотя бы одной ногой — песня его спета.

На островах Индонезии ещё недавно на поимку крокодила выходили всей деревней. Строили в воде из кольев загородку и туда загоняли животное.

А во Флориде жил и такой охотник (фотографии его были напечатаны во всех журналах мира): он ловил крокодилов с вертолёта. Заметит в болотной жиже зверя, прикажет пилоту снизиться и, когда до воды остаётся метра три, — прыг крокодилу на спину. Дальше — кто проворнее, кто раньше успеет: или человек сжать крокодилу челюсти, или крокодил цапнуть человека...

Я даже придумал вопрос, который задам охотнику, если когда-нибудь в жизни встречу такого:

«Правда ли, что ваша работа — самая опасная в мире?»

ОНИ — В ГУАМЕ

И вот я на Кубе, в маленьком городке Тринидаде, где на каждом углу стоят врытые в землю дулами вниз пушки с захваченных много веков назад пиратских кораблей.

Я шёл по узенькой кривой улочке, а навстречу мне шагал с длинным, только что срубленным стволом пальмы на плече молодой весёлый негр.

— Скажите, — обратился я к нему через переводчика (негр мне сразу понравился), — здесь водятся крокодилы?

— Кокодрилос? — переспросил негр по-испански и заулыбался ещё шире.

Переводчик повторил вопрос.

Негр, не опуская длинного бревна, начал ему что-то толковать.

— Он говорит, — сказал наконец переводчик, — что крокодилов здесь нет, но они есть в болотах Гуамы. Туда надо ехать несколько часов на машине, а потом плыть на лодке. Там есть деревня на сваях — Гуама. Там крокодилов много.

Поблагодарив весёлого негра, мы отправились в путь.

Свежий ветер с моря свистел над островом, врывался в открытые окна автомобиля и напевал: «Гуама!»

ГУАМА

Пересев из машины в лодку, мы к концу дня попали на место.

Гуама оказалась удивительной деревней.

Она не стояла на месте, а плыла по озеру: дома — на маленьких зелёных островках. Между ними — синие озёрные протоки.

Был вечер.

Оранжевое солнце садилось в воду.

По изогнутым, сплетённым из жердей мостикам нас отвели в одну из хижин.

Когда стемнело, я вышел на крыльцо. У самых ступенек журчала, плескала вода. Мимо проплыла, тараша на меня светящиеся зелёные глаза, огромная лягушка. Где-то вдалеке прокричало животное. Оно заревело, как бык, — натужно, низко.

Я вернулся в комнату, забрался под марлевый полог и уснул.

Ночь я спал беспокойно. Гудели за пологом москиты, под полом кто-то с уханьем плескался, неумолчно звенел лягушачий хор.

Рассвело, и я с удивлением обнаружил, что живу в хижине не один. Прямо против моей кровати прилепилась к стене, собранной из бамбуковых стволов, нежно-зелёная лягушка-квакша. Она сидела неподвижно и не моргая смотрела на меня. Потом покосилась вверх. Там, уцепившись тоненькими коготками за потолок, висела спиной вниз изумрудная ящерица. Она вертела головой и с любопытством смотрела на меня и на лягушку. Мы с лягушкой не шевелились.

Ящерица не выдержала. Она пробежала по толку, юркнула под крышу и, прошуршав сухими пальмовыми листьями, исчезла.

Вторым ушёл я — надо было торопиться к крокодилам.

Квакша осталась дома.

В БОЛОТНЫХ ПРОТОКАХ

Мы плыли в крокодилий заповедник, лодка скользила вдоль ровной стены тростников. Бурые кустистые водоросли проходили под днищем. Ломкая вода, уступая движению вёсел, дробилась.

В протоках огромного озера можно было заблудиться. Зелёное море тростника со всех сторон. Лишь кое-где на редких островках одинокие верхушки деревьев да шапки кустарников.

Болотные птицы, заунывно крича, предупреждали о нашем приближении птенцов. Голубые панцирные жуки, завидя лодку, стремглав исчезли в путанице коричневых корней.

ЗАПОВЕДНИК

Лодка ударилась о причал. На берегу какие-то домики, у воды проволочные загородки. Кое-где, от протоки к протоке, от озерца к озерцу, — мостки.

Я подошёл к одной загородке, перегнулся через неё и остолбенел... На берегу небольшого озера лежали, как брёвна, сотни крокодилов!

Их было так много, что, если бы кто вздумал пройти между ними, некуда поставить ногу.

Загородка вокруг озера низкая, мне по пояс. К ограде приставлены две лесенки. Одна с нашей стороны, другая со стороны крокодилов. Перебраться по ней сообразительному животному легче лёгкого.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Не успели мы подойти, как один крокодил поднялся, посмотрел на нас, трусцой побежал к загородке, в полуметре остановился и щёлкнул челюстями. По спине у меня побежали мурашки.

Ужасная тварь стояла за металлической сеткой и, выкатив стеклянные коричневые глаза, поскрипывала зубами.

— Как вы думаете... — осторожно спросил переводчик, — а может... такой... напасть на человека?

— Наверное, может.

Клыки у крокодила были жёлтые, каждый длиной с большой гвоздь.

НЕ ТЕ КРОКОДИЛЫ

Мы прожили в заповеднике трое суток. Бродили от загородки к загородке, от озера к озеру, часами просиживали у воды, пытаясь понять, как живут эти необычные существа.

Мы привыкли видеть в наших зоопарках крокодилов, которые похожи на причудливые немые камни.

Они сутками лежат без движения, прикрыв глаза и расставив лапы.

Электрические лампочки льют на них скудные струйки тепла.

Эти крокодилы в заповеднике были прогреты тропическим солнцем, подвижны и предприимчивы. Полежав на берегу, вскакивали и отправлялись на поиски добычи. Или плавали. Или гонялись друг за дружкой.

Если за маленьким крокодилом гнался большой, малыш то и дело оборачивался и огрызался.

И ещё — они оказались шумным народом. Крокодилы поменьше кричали, побольше — лаяли. Однажды огромный, похожий на плывущее бревно

крокодил причалил к берегу, вылез до половины, осмотрелся — что-то на берегу ему не понравилось — и, подняв высоко морду, заревел.

Я вспомнил ночь в Гуаме. Вот какой звук, возникнув в болоте, тогда долетел до нашей хижины: это ревел матёрый крокодил!

ХРАБРЕЦЫ, ТРУСЫ И ЛЕЖЕБОКИ...

У крокодилов оказались совершенно разные характеры.

Были крокодилы-лежебоки. Эти проводили время, греясь на низком, покрытом болотной грязью берегу. Они ленились сползти в воду, даже когда становилось очень жарко, — лишь открывали, как собаки, огромные пасти и шумно дышали.

Были шустрые. Они носились взад-вперёд среди лежащих как колоды собратьев, разыскивая обглоданные кости. Стоило на другом конце озера плеснуть рыбе или проквакать лягушке — такой неуёмный крокодил тотчас бросался в воду и устремлялся за добычей.

Были храбрецы, и были трусы. Однажды у меня упал за ограду фотоаппарат. Крокодилы это заметили. Штук шесть тотчас подбежало к нему. Мы принесли шест и стали их отгонять. Огрызаясь, они отступали. Но два крокодила оказались храбрыми. Эти дружно вцепились в палку.

Крак! — крепкий, в руку толщиной, шест переломился, как спичка...

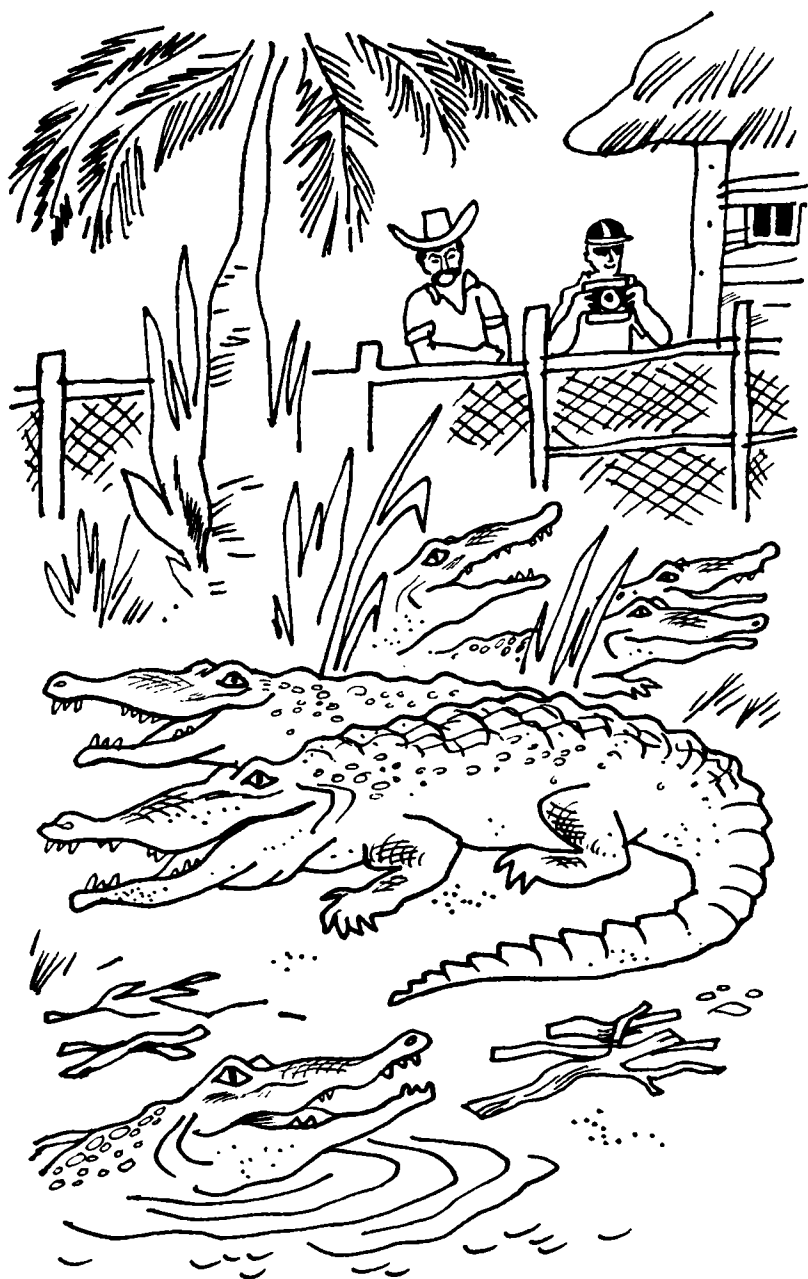
Аппарат надо было спасать.

Обломками шеста мы стали отталкивать крокодилов.

Они ворчали, скалили зубы, но не отступали.

Тогда переводчик сбегал на кухню и принёс оттуда ящик рыбьих хвостов.

Мы вынесли его за ограду. Хрипя и толкая друг друга, крокодилы бросились за рыбой.

Я, как пушинка, перемахнул через забор, схватил аппарат и снова взлетел на ограду.

Занятые рыбьими хвостами, два храбреца не обратили на мои манёвры никакого внимания. Зато под самой лестницей, уставясь на меня, уже сидел другой — один из тех, кого мы прогнали палкой.

Я замахнулся на него аппаратом. Крокодил испуганно отвернул голову и пополз назад.

ДРАЧУНЫ

Были среди них настоящие забияки.

Лежит по грудь в воде большое сильное животное. В пасти здоровенная кость с обрывками коричневого мяса. Крокодил её грызёт. Погрызёт, подбросит вверх — клац! — поймал на лету и снова грызёт.

Вдруг, откуда ни возьмись, — второй, поменьше. Он долго лежал в стороне и наблюдал, как уплетает добычу здоровяк. Наблюдал, наблюдал — и решился. Осторожно подкрался, высунулся из воды, устоялся на кость. Лежат крокодилы морда к морде, смотрят друг на друга.

Большой, вероятно, думает: «Ну, куда ты, пигалица, лезешь? Захочу, хвостом, как плетью, перешибу!»

А маленький устоялся на кость и прикидывает — как бы её стянуть половчее.

Выбрал момент, рванулся вперёд. И полетели во все стороны грязь, вода, куски тины! Хрипят крокодилы, ворчат, тянут кость каждый к себе. Большому бы отпустить её да тяпнуть обидчика зубами — кость жалко! Меньшему бы тоже отпустить да убираться восвояси, пока не попало, — характер не позволяет.

Пока дрались, сползли с мелководья на глубокое место. Поплыли, кость то у одного, то у другого. Рвут её каждый к себе, торопятся. До берега доплыли,

вылезли, улеглись в грязи. Опять морда к морде, один за один конец кость держит, второй — за другой.

Уж до того устали — лежат бок о бок, похрюкивают, грызут кость. Тот, что побольше, видно, смирился: кость большая, хватит на двоих. А забияка доволен: не уступил силачу!

МАНХУАРИ

Однажды, когда я сидел на перевёрнутом ящике около хижины, мимо меня к озеру пробежала ящерица. Сперва я принял её за кролика — коричневое проворное существо бежало на задних лапах. Не останавливаясь, ящерица влетела в озеро и помчалась, изо всех сил работая хвостом и колотя по воде задними лапами. Она добежала до маленького, поросшего тростником островка и скрылась.

Это была ящерица-василиск. Я сел в лодку и отправился за ней следом. Мне очень хотелось рассмотреть эту удивительную ящерицу. Однако сколько я ни искал — на островке её уже не оказалось. Тогда я вернулся в лодку, поручил её слабому течению и стал всматриваться в воду.

Терпение обычно вознаграждается. Я увидел панцирных щук-махуари. Голубая, одетая в кольчугу из костяной брони рыбина стояла около затопленного коричневого дерева. Когда тень от лодки упала на неё, она шевельнула хвостом и нехотя поплыла прочь. Она двигалась, как облако, — доисторическая рыба, чудом сохранившаяся до наших дней.

Не успела она скрыться, как я заметил вторую, третью. Щуки плавали у самой поверхности, прямые лучи солнца освещали их, костяная голубоватая броня с жёлтыми желобками светилась.

Щуки плыли, вытянув узкие плоские морды, слегка изгибая хвосты.

В стороне от болотных протоков, где жили крокодилы, был небольшой прудик, почти яма. Я бы ни за что не подумал, что в таком маленьком водоёме может кто-нибудь прятаться. Но однажды, проходя мимо, заметил на берегу кучу гнилых корней и тины.

«Видно, понадобилась зачем-то яма,— подумал я.— Сторожа чистят, хотят пустить туда рыб или черепах».

И вдруг куча шевельнулась. Она двигалась, кто-то невидимый толкал её.

Я осторожно обошёл яму кругом. Упираясь кривыми ногами в грязь, около кучи возился крокодил. Видно, это он выбросил мусор из воды и теперь старался отодвинуть его подальше.

Получалось это у него плохо. Раздосадованный, он ударил по куче хвостом. Куски корней и лепёшки грязи полетели во все стороны.

«Ага, приводит в порядок свой дом,— решил я.— Яма — не озеро, за ней следить надо».

Крокодил меня не заметил: он был занят делом.

СКРЮЧЕННЫЙ КРОКОДИЛ

Около лесенки, которая вела внутрь загородки, всё время лежал согнутый, как буква «С», крокодил. У него, как видно, болела спина, и ему трудно было двигаться. В воду он сходил редко и плавал там, тоже не разгибаясь. Мы долго не могли понять, откуда у этого крокодила такая привязанность к месту у лесенки?

Однажды, когда он был в воде, привезли еду. Её привезли на лошади, запряжённой в телегу. У телеги были дутые резиновые шины, и она смогла подъехать по грязи к самой загородке.

Еда — тухлое мясо с костями — была упакована в кое-как сбитые ящики. Возница брал ящик, отдирав

крышку и, поднявшись на лесенку, вываливал мясо через забор.

Едва на дороге появилась лошадь, среди крокодилов произошло движение. Все повернулись мордами к забору и стали прислушиваться. Даже самые сонные и вялые насторожились. Шины зашуршали по траве — поток крокодилов хлынул к забору. Когда первые куски мяса полетели через ограду, внизу всё смешалось. Крокодилы урчали, кричали, вырывали друг у друга куски. Самые проворные, схватив кость, выбирались из кучи, отбегали в сторону и там начинали глотать добычу.

Возница открывал ящик за ящиком и швырял мясо в разные стороны так, чтобы досталось всем.

В это время я заметил скрюченного крокодила. Он выбрался из воды и, волоча своё неуклюжее тело, спешил к месту свалки. Увидев его, возница швырнул кость. Она упала, не долетев шага два. Быстрый молодой крокодил схватил кость и рысью побежал прочь.

Опустошив положенное число ящиков, возница взобрался на телегу, дёрнул вожжи, и повозка бесшумно покатила. Лошадь шла вдоль самой ограды, не обращая внимания на дерущихся животных, осторожно ставя ноги в лужи и прядая ушами.

В этот день, наблюдая жестокую схватку возле лесенки, я понял, почему так упорно держался около неё больной крокодил — в борьбе за кусок он должен быть первым.

И ещё я подумал: может быть, тот крокодил, что бросился ко мне в первый день, был вовсе не самым хищным и вовсе не собирался нападать на меня? Может, он был просто голоден и решил, что я пришёл его покормить?

И вообще, подумал я, может быть, крокодилы не так уж и страшны?

КАК ЛОВЯТ КРОКОДИЛОВ

Я сидел около ограды и размышлял над этим, когда увидел, что ко мне бежит переводчик.

— Идите скорее! — закричал он. — Я такого человека встретил, такого!.. Да бросьте вы своих крокодилов, идёте, пока он не ушёл.

Мы побежали к причалу.

Там стоял смуглый молодой парень в сапогах, в огромной соломенной шляпе. За голенищем у него торчал здоровенный нож.

— Знакомьтесь, — сказал переводчик. — Эрнандо — охотник за крокодилами.

«Вот так раз!»

— Спросите, — выпалил я, — правда, что его профессия самая опасная в мире?

Переводчик спросил. Эрнандо так и вытаращил на меня глаза.

Он стоял, широко расставив ноги, и вертел в пальцах шнурок от ножа.

— Он не понимает вашего вопроса, — объяснил переводчик. — Он говорит, что самая опасная в мире профессия — это врач. Его брат работает в заразных бараках.

Я вздохнул.

— Ну, пускай тогда он расскажет, как ловят крокодилов.

Эрнандо быстро заговорил. Переводчик едва за ним поспевал.

— Их в заповеднике несколько человек. Он говорит, что они по очереди отправляются в болота и ищут места, где самки крокодилов кладут яйца. Прежде чем отложить яйца, крокодилиха роет ямку, а потом забрасывает её прелыми листьями и ветвями. От того, что листья гниют, в ямке всегда тепло. Найдя такую кучу, Эрнандо разрывает её, собирает яйца в сумку и приносит сюда, в заповедник. Здесь крокодилы яйца помещают в инкубатор, и из них вылупляются крокодилята. Крокодилят выращивают

и выпускают в загоны к большим животным. У крокодилов очень дорогая кожа. Ради неё их и разводят.

— А как же ловля сетями? Как же петли? Как вертолёт? — растерянно спросил я.

— Не нужны. Проще всего крокодилов ловить именно так.

— А нож? Зачем ему нож?

— Нож ему нужен, чтобы прорубать дорогу в тростнике. Эрнандо спрашивает, не хотим ли мы посмотреть, как живут маленькие крокодилията?

КРОКОДИЛЯТА

Длинные, закрытые частой сеткой вольеры.

Эрнандо подвёл нас к одному, снял замок и распахнул дверь. Внутри узкого, с проточной водой посередине вольера произошло какое-то движение. Сперва я даже не понял, что случилось. Просто шевельнулся и подвинулся в сторону воды чёрный волнистый пол.

Затем я присмотрелся и даже присвистнул от удивления. Пол был покрыт сплошной шевелящейся массой маленьких крокодилчиков. Каждый длиной чуть больше авторучки. При виде нас они дружно кинулись к воде. Самые проворные успели прыгнуть и притаиться на дне.

Один крокодилёнок отстал. Он замер, прижавшись пузечком к песку, подняв вверх острую мордочку и настороженно глядя на нас. Губы бантиком... Выпуклые бисерные глазки... Крокодилёнок с минуту смотрел на Эрнандо, который возился с дверью, потом перевёл взгляд на мои ботинки. Должно быть, он принял их за живые существа (я переминался с ноги на ногу). Крокодилёнок вздрогнул и стремглав бросился догонять товарищей. Не рассчитав, он промчался по их спинам и — шлёп! — плюхнулся в воду.

Мы вышли из вольера, Эрнандо запер его.

В соседних сидели крокодилята побольше.

— Здесь — двухмесячные... Здесь — четырёхмесячные... — объяснял он. — Больших нельзя держать вместе с маленькими — маленькие останутся голодными. И в озеро пускать нельзя — съедят.

Я вспомнил, как зубастые папаши этих крокодилят рвут на куски жилистое мясо.

Конечно, пускай подрастут, пускай сперва сами станут зубастыми.

ПРОЩАЙ, ЭРНАНДО!

В день отъезда мы в последний раз отправились побродить по заповеднику.

Около озера стояла знакомая повозка. Лошадь, опустив морду, шипала хрусткую траву. Возница перетаскивал к загородке ящики. В стороне над забором качалась шляпа Эрнандо.

Охотник сидел внутри загородки на стволе упавшего дерева. Это было когда-то большое, могучее дерево. Теперь оно лежало, подняв кверху короткие чёрные корни. Ствол измазан болотной грязью.

Я подошёл к Эрнандо. Он пел. В руке у него была палка, распевая, он то и дело ударял ею по стволу.

— А-ра-ра-раа!.. — пел Эрнандо.

Стук! Стук! Стук! — стучала палка.

И тут болотная жижа у ног Эрнандо шевельнулась, большой скрюченный крокодил неуклюже, боком вылез на берег и уставился на человека.

Эрнандо слез с дерева, подошёл к загородке, вытащил из травы припрятанную бычью кость. Он бросил её крокодилу, и тот стал жадно кусать, как собака, приподнимаясь на передних лапах и ударяя костью о землю.

— Эрнандо, не уходи, подожди минутку! — попросил я и бросился за переводчиком.

Вот какую историю рассказал нам охотник.

Это был самый быстрый и самый ловкий из всех крокодилов Гуамы. Ему ничего не стоило переплыть

четыре раза в день лагуну, если на другом берегу кричали цапли или плескалась рыба. Когда привозили кости, он успевал захватить самый большой кусок. В драке ему не было равных.

Но однажды крокодил заболел. Надо сказать, что крокодилы болеют так же, как люди. У них бывает воспаление лёгких, резь в желудке и даже больное сердце. У этого крокодила болезнь поразила позвоночник. Она изогнула его кости. Животное не могло теперь быстро плавать и драться. Маленькие крокодилы стали вырывать у него изо рта мясо. Он превратился в пожирателя слизняков и дохлых рыб.

И вот тогда-то Эрнандо впервые принёс ему еду. Чтобы другие крокодилы не могли отнять её, он приучил больного приплывать на стук.

— Бедный кокодрило! Порой ему кажется, что он по-прежнему ловок и силен, он вступает в драку и каждый раз получает затрещины. Если ему ещё сломают и челюсть, он погибнет,— закончил Эрнандо свой рассказ.

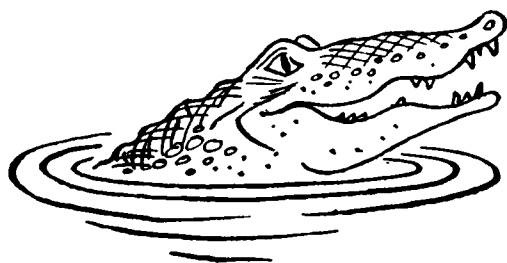
С дороги уже доносились гудки автомобиля.

— Прощай, Эрнандо! — сказал я.

Мы протянули друг другу руки. Эрнандо стоял по ту сторону загородки, я по эту. Около его ног замер, опустив морду и полузакрыв глаза, больной крокодил.

Рука охотника была жёсткая, с узловатыми пальцами.

— Про-чай-те! — сказал он и засмеялся. Он первый раз в жизни говорил не по-испански. У него были весёлые, добрые глаза — у этого охотника за крокодилами.

НОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Я прощался с Кубой.

Перед отъездом плохо спал.

Ночью кто-то ходил по дороге.

Сначала слышалось осторожное шуршание в кустах. Раздавался негромкий плеск, таинственный незнакомец вступал в воду — сотни маленьких лужиц сохранялись после дождя в лесу.

Затем еле слышно поскрипывал песок — гость преодолевал последние метры, которые оставались ему до дороги. И наконец, слышалось приглушённое царапанье и пощёлкивание — он крался по асфальту.

Вот покатился задетый им камешек. Вот чавкнуло в канаве. Ночной посетитель перешёл дорогу. Снова зашуршали сухие листья — шаги удалились в сторону моря...

Лёжа в постели, я слушал эти звуки и в конце концов однажды не выдержал: встал, оделся и крадучись вышел на дорогу.

Небо было затянуто облаками. Ни луны, ни звёзд. Чернильная тьма. Я сделал наугад несколько шагов, почувствовал босой ногой тёплый неровный асфальт, присел на корточки и стал слушать.

Ночь была полна звуков. Ровно, как метроном, отбивало удары о берег море. Звук медленно нарастал, превращался в рокот и обрывался.

В кронах деревьев мерно тенькали цикады. Они не заводили, как наши, долгой песни, а коротко притрагивались каждый к своему колокольчику — тень! Крикнул и замолчал. С другого дерева ответное — тень!

Подала голос птица. Она вскрикнула жалобно, отрывисто.

На дороге послышалось осторожное постукивание. Кто-то в деревянных башмачках торопливо перебежал её.

Я сделал несколько шагов, посмотрел, послушал... Никого.

Снова прислушался. Тихо.

Тогда я отправился по асфальту прочь из деревни, на ощупь находя ногой продолжение дороги, спотыкаясь и едва не срываясь в канаву.

То и дело я останавливался и слушал. Невидимые путешественники не дали себя перехитрить. Они тоже притаились в кустах.

Сбив ноги и поняв бесполезность своих попыток, я повернул обратно.

На повороте дороги лежал ствол сейбы. Я присел на него.

Облачная пелена редела. Пассат растягивал её и рвал на части.

В разрывах появлялись звёзды. Слабый, неверный свет упал на дорогу. Она возникла из темноты, как река, покрытая островами: чёрные провалы ям и светлое течение асфальта...

За моей спиной слышалось осторожное шуршание. Кто-то пробирался через кусты. Шорох дошёл до канавы, опустился в неё, превратился в поскрипывание и шум песчинок.

Я осторожно повернул голову.

На сером асфальтовом островке появилась тень. Покачиваясь и постукивая, тень пересекла дорогу и неслышно скрылась в лесу.

Я сидел неподвижно.

И тогда шорохи стали возникать со всех сторон. Они приближались, на дороге появлялись призрачные тени. С лёгким стуком они перебегали асфальтовую реку и скрывались всё в том же направлении — к морю.

Я видел тени, но не видел тел, которые отбрасывают их!

Чудеса!

У самых моих ног слышалось пощёлкивание и возникла очередная тень. В слабом звёздном свете я с трудом разглядел её хозяина. Зеленовато-серый, под цвет асфальта, большой краб крался, осторожно переставляя ноги. Приседая, он выбрасывал вперёд очередную пару, и при этом панцирь его задевал асфальт.

Ритмично постукивая, краб плыл по асфальтовой реке.

Я вскочил, в два прыжка догнал животное и накрыл его ладонью.

Дома я разглядел добычу. Краб был бледного молочно-жёлтого цвета. Серым или зелёным он казался только при свете звёзд. У него был массивный толстый панцирь и длинные, приспособленные для пешего хождения ноги.

Я перевернул животное на спину и присвистнул. Так вот оно что! На брюшке, прижатая подвёрнутым хвостом, чернела гроздь влажной икры. Это была самка, которая направлялась к морю, чтобы оставить там свою ношу — тысячи икринок, которые должны дать продолжение её роду.

Вот в чём разгадка упорного движения крабов через дорогу.

Я поднял крабиху, отнёс её к тому месту, где поймал, и, положив на асфальт, отнял руку.

Животное приподнялось на суставчатых ногах и, не останавливаясь, не пытаясь скрыться, продолжило путь, прерванный полчасом назад.

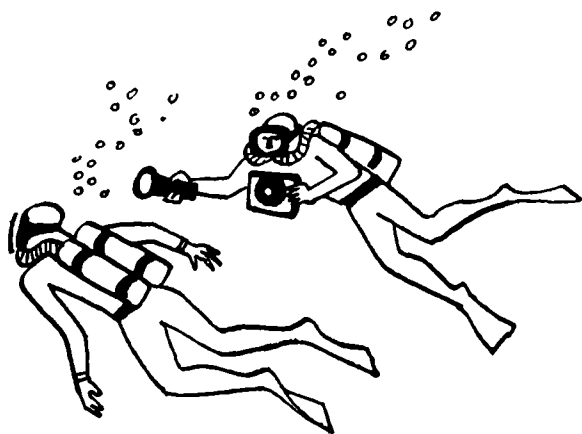
Один краб... второй... третий... Постукивая панцирями и волоча за собой тени, животные, которые когда-то покинули океан и стали жить в лесу, вновь, повинаясь могучему инстинкту продолжения рода, торопились к воде.

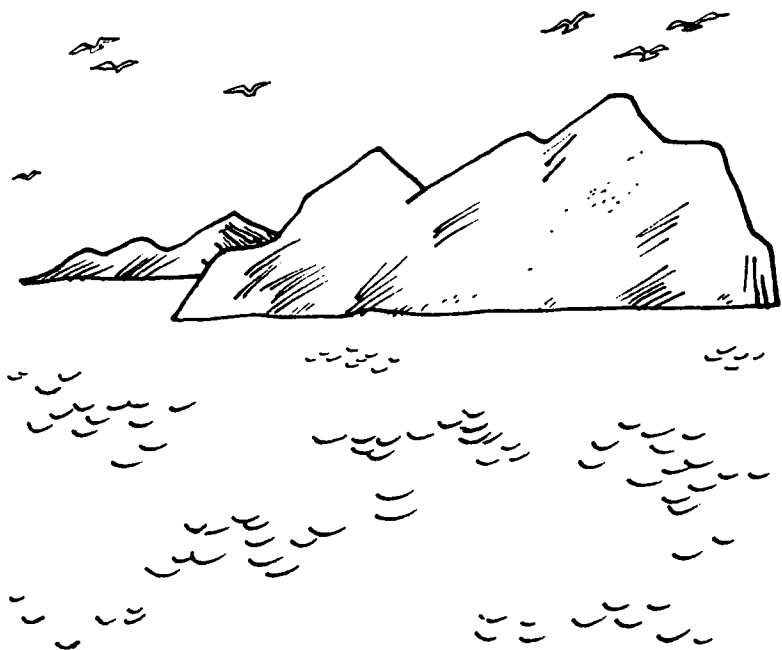

ОСТРОВ ВОДОЛАЗОВ

Повестъ

**ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой ещё ничего не происходит**

Сад был пуст. Сырой ленинградский полдень шелестел ветками, в мелких лужах плавали случайные листья, бронзовый памятник Екатерине поднимался как взрыв, плащ императрицы отсвечивал зеленью.

Аркадий с любопытством разглядывал меня — мы столкнулись нос к носу у садовой решётки, напротив входа в Публичную библиотеку.

— Здорово, Серёга,— произнёс наконец он.— Рад тебя видеть. Что здесь?

— Пришёл поработать.

— По-прежнему в газете?

— Тружусь. А ты — в институте? Не ушёл. Все крестьянские волнения, восемнадцатый век?

Аркадий рассмеялся.

— Нет, не получилось. Вернее, получилось, но ничего особенного, рядовая работа. Теперь занимаюсь историей географических открытий. В основном — Дальний Восток. В отпуск не собираешься?

— Есть такая мысль. А ты?

— Хочу в командировку. Надо бы махнуть во Владивосток или на Сахалин. Понимаешь, набрёл я на одну историю... Сперва показалось — пустяк, но попробовал разобраться — в ней что-то есть!.. Слушай, а что, если тебе прийти вечером ко мне? Посидим, потолкуем. Кое-что покажу. Придёшь?

Мне всегда было трудно ему отказывать. Я вздохнул:

— Ладно.

...Ах, Аркадий, Аркадий! Мы выросли в Харькове в трудные предвоенные годы. С вечера занимали у булочных очередь за хлебом. Тревожные ночи горели над нашими головами, они горели, роняя звёзды на тусклые крыши домов. Мы сидели с Аркадием на краю тротуара и при свете электрического фонарика перечитывали потрёпанную книгу «Путешествие вокруг Чукотки».

...Тусклым сентябрьским днём дежнёвские кочи прошли мыс. Коричневые, с белыми снежными языками каменные берега тянулись по правому борту.

Пал ветер, и казаки, свернув парус, достали вёсла. Мерный скрип уключин возник над морем. Семь кочей, как усталые воины, растягиваясь в цепь, шли вперёд. Они шли уже третий месяц, то прижимаясь к берегу, то ненадолго отдаляясь от него, от жёлтых светящихся из-под воды мелей.

— Этот, што ли, тот нос, Семейка? — крикнули с вёсел.

Дежнёв мотнул головой. Точно, он — Большой Каменный Нос. Никто ещё не обходил того носу.

Оглянулся Семён. На последнем коче Герасим Анкудинов с людьми. Воровские люди. Бил челом Семён перед походом — не пускать Герасима Анку-

динова с ним на далёкую Анадырь-реку. Всего от таких людей ожидать можно. Ушла челобитная в Якутск к воеводе Василию Николаевичу Пушкину. Да разве удержишь таких — у Герасима вор на воре, один другого бойчее...

Влево посмотрел Семён. Там из-за моря — горы. Белыми зубьями торчат против чукотской земли. А какие — никому неизвестно.

Нос остался позади. Синее облачко поползло вниз с каменной кручи, добежало до берега, упало на воду, понеслась по воде чёрная полоса — идёт буря.

Пройдёт семь лет, и напишет в Анадырском острожке — крепости служилый человек Дежнёв новую отписку воеводе. Вспомнит те страшные дни:

«А тот Большой Нос мы, Семейка с товарищами, знаем, потому что разбило у того носа судно служилого человека Ярасима Онкудинова с товарищами. И мы, Семейка с товарищами, тех разбойных людей имали на свои суды».

Выручил тогда Семён Дежнёв нелюбимого спутника. Да всё равно не судьба. Недели не прошло — ударила новая буря, разметала суда.

«...И носило меня, Семейку, по морю... всюду неволею и выбросило на берег в передний конец за Анадырь-реку. А было нас на коче всех двадцать пять человек. И пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шёл я, бедной Семейка с товарищами, до Анадыри-реки ровно десять недель и пали на Анадырь-реку вниз близко моря».

— Они дошли, Серёга,— шептал мне в ухо Аркадий. Он помнил всё написанное в книге наизусть.

Эти бессонные ночи сблизили нас.

Летом сорокового года я уехал в Ленинград. Помахивая облезлым чемоданчиком, шёл по Невскому, в чемоданчике лежали пачка учебников и тетрадь в липком зелёном переплёте. В тетради были стихи, я писал стихи и собирался в военно-морское училище. Я хотел стать флотоводцем.

Война перевернула всё. Я ушёл с флота сразу же после её окончания — два ранения, и потом я чересчур много думал о стихах. Зелёная тетрадь погибла в болотах под Лугой. Её место заняли другие тетради — тонкие и толстые, я писал ожесточённо — по одному стихотворению в день. Когда демобилизовали, унёс с корабля два чемодана тетрадей. Прямо из порта пошёл в редакцию журнала.

— Что вам? — спросил редактор.

— Я принёс стихи.

— Положите на стол и приходите через два дня.

— Они здесь.

Редактор с удивлением уставился на чемоданы. Я открыл замки. Разноцветный поток тетрадей вылился к редакторским ногам.

— Вы сошли с ума... — сказал редактор. — Этого не прочитать и в год.

Поэтом я не стал — стал журналистом. В том, как я теперь писал, была месть юношескому увлечению, я писал фразами, которые напоминали строки военного донесения.

Женился, но не очень удачно. Кроме меня, у жены было Искусство, она готова была днями обсуждать влияние Паладио на архитектуру загородных домов Петербурга или до хрипоты спорить о том, была или нет надета во время дуэли у Дантеса под сюртуком кольчуга. С работы она приходила в полночь.

С Аркадием мы встречались редко: часто приходилось уезжать в командировки. Однажды я неосторожно позволил ему увлечь меня с собой в поездку на Урал. Он просидел безвылазно в архиве небольшого городка неделю. Городок был скучный, пыльный, в рукописях, написанных славянской вязью, я не мог разобрать ни слова. Вернувшись, дал себе зарок — больше не связываться с Аркадием никогда.

И вот я снова иду к нему.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

где появляются имена монаха Германа
и сотника Кобелева

Узкая, крутая лестница. Шестой этаж. Коммунальная квартира.

Тёмным коридором, заставленным полуразвалившимися шкафами и остатками диванов, Аркадий повёл меня к себе.

Его комната была набита книгами, на самодельных стеллажах сверкали лакированными обложками описания путешествий, мерцали золотыми буквами потёртые томики стихов, пухлыми глыбами лежали журнальные подшивки. На полу, как маленький, готовый к атаке танк, стоял включённый в розетку пылесос. На столе горами высились продолговатые ящики собственной, изобретённой им картотеки.

Аркадий извлёк из-под стола два складных парусиновых стула.

— Садись.

Мой друг ничуть не изменился: страсть, с которой он изучал когда-то восстания холопов и судьбы их вожakov, была обращена теперь на те годы, когда ватаги казаков, выйдя через Колыму и Чукотку на берега Тихого океана, двинулись разрозненными отрядами на юг, исследуя Камчатку и Курилы.

— Так что же всё-таки ты нашёл? — спросил я.

— Сейчас расскажу. Всё началось с пустяка. Газетная статья, лет десять назад мне почему-то понадобились газеты первых лет Советской власти, и в одной из них я наткнулся на такой занятный рассказ...

Он вынул из папки несколько тонких газетных листов.

На первом жирными буквами стояли название «Дальневосточный моряк» и дата выпуска — 26 декабря 1922 года.

В начале статьи излагалась история эвакуации большой группы белоэмигрантов из Владивостока.

Эмигранты были погружены на пароходы «Аян» и «Минин». Почему-то пароходы направились вначале вдоль Курильской гряды на север. Здесь «Минин» сел на камни.

— Читай внимательно! — сказал Аркадий. — И не обращай внимания на стиль.

Отрывок из статьи Н. Сорокина «Жертвы волн», напечатанной в газете «Дальневосточный моряк» от 26.12.22 г.

«...Когда пароход очутился на камнях, с него начали спускать шлюпки.

— Грузить женщин и детей! — раздалась команда капитана.

Матросы, образовав цепочку, стали передавать из рук в руки ослабевших от страха пассажиров. После того как загруженные шлюпки отошли, команда принялась за сооружение плота

Под тяжестью людей, которые непрерывно прыгали на плот, шаткое сооружение оседало в воду. Ветер подхватил его. Перегруженный плот накренился, рассыпался и перевернулся. Волны умчали его остатки с несколькими несчастными, которые всё ещё продолжали держаться за доски.

На судне мастерили второй плот. Между тем вода, поднимаясь, подступила к палубе. То и дело раздавались глухие удары — пароход било о камни. Были сорваны и отброшены в сторону несколько шангоутов. Наконец плот готов. Все оставшиеся на судне во главе с капитаном перешли на него. И вдруг раздался крик. Капитан поднял опущенную голову. Несколько штатских волокли по палубе к плоту тяжёлый свинцовый пенал.

— Это ещё что за груз? — спросил капитан.

Штатские, которыми командовал высокий человек с рыжеватой, торчащей вперёд бородкой, стали кричать, что они офицеры и что их груз — чрезвычайной важности.

— На плоту пойдут только люди! — повторил капитан.

Возмущённые матросы поддержали его. Тогда одна часть людей бросила груз и стала прыгать на плот, а другая — меньшая, помогая рыжебородому, поволокла пенал обратно внутрь судна. Странное дело — спустя несколько минут оттуда раздался

выстрелы. Плот уже отходил, участники этого непонятого столкновения вновь выскочили на палубу и стали по одному бросаться в воду. Тщетно пытались они настичь плот, он, подгоняемый ветром и волнами, удалялся от судна...»

— Дальше можешь не читать,— сказал Аркадий.— Сорокин пишет, что после недолгого плавания люди со шлюпок и плотов оказались на твёрдой земле. Вот: «Холодный и причудливый остров с плоской вулканической горой и озером на её вершине стал для них убежищем». Ну так как?

— Что как?

— Ты ведь бывший моряк. Первое: насколько правдоподобно всё описанное в рассказе?

Я задумался.

— Отчего же. Могло быть так, как описано. Хотя вряд ли моряк скажет о судне, которое билось о камни, что у него «были сорваны и отброшены прочь несколько шпангоутов». Ведь шпангоуты внутри корабля. От «глухих» ударов они будут погнуты. Фраза надуманная.

— Ещё?

— В начале статьи говорится, что два парохода шли вместе. Значит, второй присутствовал при аварии. Так вот, если два парохода находятся в видимости друг друга, причём одно судно сидит на мели, а другое стоит на якоре или дрейфует, команда второго будет принимать все меры к оказанию помощи бедствующим, а команда первого, спустив шлюпки, направилась бы к этому судну. Отклонение от такого порядка — или драма или предмет судебного разбирательства.

— Значит, автор статьи не моряк?

— Я этого не сказал. Я сказал только, что в рассказе есть ошибки.

— Так, а что ещё?

— Вся история с плотами сильно драматизирована. Вообще мне не понятно, из чего можно на современном — ну, не современном, но построенном

уже в нашем веке — стальном пароходе соорудить плот... Я, может быть, ошибаюсь, но автор, видно, этого тоже себе не представляет, иначе он хоть как-то, но описал бы постройку плота.

— Ты придираешься!

— Может быть, но ты ведь знаешь — в рассказе убеждают только детали. Этим и отличается то, что пишет очевидец, от того, что написано с чужих слов... Хорошо, а что дальше? Ты сказал, рассказ тебя заинтересовал и ты занялся этой историей. Послал куда-нибудь запросы, письма?

— Послал. И даже получил ответы. Вот они. Ответы морского Регистра и дальневосточного пароходства. Прочитав статью Сорокина, я подумал: чем чёрт не шутит — вдруг описанное в газете — правда? На всякий случай запросил Регистр и пароходство.

Он достал из папки два письма.

Морской Регистр
исх. № 544/228-л
12.07.54 г.

Тов. Лещенко А. Г.

На Ваш запрос (наш вх. № 778—54 г.) сообщаем, что грузопассажирское судно «Минин» и грузопассажирское судно «Аян», принадлежавшие Добровольческому флоту и приписанные к порту Владивосток, погибли в 1922 году у Тридцать первого острова в Охотском море.

Инспектор Регистра...

Дальневосточное пароходство,
отдел учёта судового состава,
г. Владивосток
№ 564, 4.07. 1954 г.

Лещенко А. Г.
(исп. вх. № 977—54)

В ответ на Ваше письмо от 14 мая с. г. под-

тверждаем факт гибели судов «Минин» и «Аян» в ноябре 1922 года в районе Курильских островов. Одновременно сообщаем, что восстановить списки команд не представляется возможным.

За начальника отдела...

— Я хотел найти кого-нибудь из свидетелей катастрофы,— сказал Аркадий.— Представляешь, как бы всё упростилось? Тут написано — Тридцать первый остров... Но такого ни в одном море нет... Да-а, так и пролежали у меня десять лет в папке эти бумаги. Я не собирался заниматься больше этой историей, почти забыл про неё и вдруг — видишь, сколько в ней случайностей? — просматривая газеты — на этот раз японские, но тоже начала и середины двадцатых годов,— натываюсь на такую заметку.

Он раскрыл очередную папку и положил передо мной фотографию: заметка, мелкие, словно шевелящие лапками иероглифы, её перевод.

«Майнйити симбун», Токио, 1923 год.

«Хакодате. 1 августа. Как сообщили местные власти, на острове арестован русский эмигрант Соболевский, задержанный при попытке похитить кавасаки¹ у рыбаков. В полиции задержанный сообщил, что находится на Хоккайдо второй месяц. По его словам, он прибыл, чтобы разыскать своё имущество, погибшее осенью прошлого года при аварии пароходов «Минин» и «Аян». Оставшись без средств к существованию, он в отчаянии сделал попытку кражи катера. Задержанный отправлен в префектуру Хакодате и будет выслан за пределы страны. Его сообщникам удалось скрыться».

¹ К а в а с а к и — моторный рыболовецкий катер.

— Н-да,— протянул я.— Это уже действительно что-то интересное. Твоё дело приобретает неожиданную окраску: имущество, оставленное на пароходе, столь ценно, что эмигрант в чужой стране, рискуя попасть в тюрьму, идёт на преступление.

— Вот-вот. Так подумал и я. Но в руках у меня появилась теперь фамилия — Соболевский! Что, сказал я себе, если снова попытаться счастья? До революции, как ты знаешь, публиковались различные списки должностных лиц, их перемещения и даже знаменательные события в жизни. Так вот, я запросил Государственный архив и получил список — сорок четыре фамилии, сорок четыре чиновника, носивших фамилию Соболевский и занимавших достаточно высокие посты. Один из них — Соболевский Вениамин Павлович — оказался...

Он протянул мне узкую полоску бумаги со штампом архива.

«Соболевский Вениамин Павлович, 1871 года рождения, закончил историческое отделение Петербургского университета, исполняющий обязанности директора частного музея истории и естествознания, основанного на добровольные пожертвования владивостокского купечества».

— Ну и что?

Он поморщился.

— Ты только подумай: свинцовый пенал. Из-за него во время катастрофы судна какие-то люди готовы применить, чтобы спасти этот пенал, оружие! Пенал, из-за содержимого которого директор музея, бежавший из Владивостока, несколько месяцев бродит по японскому острову и наконец идёт на преступление, крадёт судно. Зачем оно ему? Естественно, чтобы плыть к тому месту, где в каюте «Минина» лежит пенал... Ну как?

— Похоже... Дай посмотреть ещё раз!

Я перечитал документы.

— Знаешь, что это за пенал? — сказал я. — На флоте, я имею в виду царский флот, в таких хранили секретные карты и шифр-документы. В случае угрозы попасть в плен, пенал бросали за борт.

— Ага! Так вот, внимательно следи за ходом моих рассуждений, я решил узнать, чем занимался историк Соболевский. Стал искать его труды. Оказалось — писал он мало. Я нашёл только две заметки, подписанные его именем, и обе, как мне показалось сперва, были опубликованы по случайному поводу. Первая рекомендовала широкому кругу читателей «Очерки из истории православной американской духовной миссии» издания Валаамского монастыря, напечатанные в Санкт-Петербурге в 1894 году. Вторая — описывала целебные источники в долине реки Уссури близ села Лиственничного.

— Действительно, ничего общего.

— Тогда я решил посмотреть исторические журналы нашего времени, чтобы найти в них сведения о судьбе частного музея во Владивостоке. Просмотрел около пятисот номеров, и наконец в пятом номере «Исторических записок» за 1929 год мне попалась статья о последних днях хозяйничания японцев во Владивостоке. В ней есть любопытный абзац. Я сейчас прочту его. Сперва в статье идут общие сведения об освобождении Приморья. Могу напомнить. Оно завершилось в октябре двадцать второго года. Соглашение между представителями Народно-революционной армии, которой командовал Уборевич, и представителями командующего оккупационными японскими войсками генерала Тачибана было подписано двадцать четвёртого октября. Эвакуация интервентов должна была закончиться к шестнадцати часам двадцать пятого числа. Она сопровождалась грабежами и пожарами... А далее вот что пишут «Записки»: «В эти дни из Владивостока было вывезено и погибло много документов. Так, был сожжён частный исторический музей, где хранилось наиболее полное собрание материалов по истории Приморья

и города. Известно также, что директор музея имел собственную коллекцию документов семнадцатого-восемнадцатого веков, представлявшую большую ценность. В числе их были письма Германа, копия журнала сотника Кобелева и другие. Поскольку директор Соболевский исчез в эти же дни, представляется несомненным, что он имел непосредственное отношение к пожару и исчезновению документов».

— Так, так. Кое-что становится яснее.

— Да, мои подозрения относительно личности директора оправдались. Но тут-то и началось для меня самое интересное! В статье упоминаются письма монаха Германа и журнал сотника Кобелева. Слышал когда-нибудь о них? Конечно, нет. А напрасно. Герман — это монах, имя которого связано с колонизацией самых восточных окраин России...

— Заметка Соболевского о трудах валаамских монахов?

— Да. Я нашёл эти труды. Библиотека выдала мне вместо одной книги сразу две. Это были те самые «Очерки из истории американской православной духовной миссии», о которых писал Соболевский, и «Миссионеры в Америке в конце восемнадцатого столетия», издания тысяча девятисотого года. В обеих есть имя Германа. Одновременно с первыми русскими колонистами, которые высадились на земле Аляски в тысяча семьсот девяносто третьем-четвёртом годах, туда прибыли и монахи.

Герман, или, как он подписывался, Убогий Герман, происходил из серпуховских купцов, настоящие его имя и фамилия неизвестны. Был, по свидетельству людей, знавших его, простым, необразованным человеком, но имел живой природный ум. 24 сентября 1794 года он прибыл на остров Кадьяк и в первом же письме с Кадьяка сообщил весьма примечательную вещь: «Есть на куковских картах...»

— Что за карты?

— Незадолго до того у берегов Аляски побывал

английский мореплаватель Кук... Так вот, продолжаю... «Есть на куковских картах назначено к северу: по одной реке живут русские люди, а у нас о них разные слухи...» Это значит, что на одной из карт, составленных Куком, есть надпись на английском языке — «Живут русские люди». А в другом письме Герман пишет: «Услышал там от приехавших с матерого (то есть с материка) от Лебедевской компании, что те русские люди от них близко, и хоть они с ними ещё не виделись, но... живут они, как слышно, на большой реке, и рыба в ней сибирских рек, которой у нас на Кадьяке нет...» Эти слова Германа надо понимать так, что в глубине аляскинских лесов уже задолго до первых колонистов и даже до открытия Аляски жили русские переселенцы... Интересно?

— Очень.

— Так вот: я решил — надо искать этот пенал. Год назад сюда приезжал директор южнокурильского музея. Я виделся с ним мельком. Кое-что рассказал, а теперь, собрав всё это, написал ему в Южнокурильск. И вот ответ.

Южнокурильский
краеведческий музей
б/н

Уважаемый тов. Лещенко!

С большим интересом ознакомился с фактами, изложенными в Вашем письме. История края, тем более события, связанные с революцией и установлением Советской власти на Дальнем Востоке, представляют для нас большой интерес.

Ваше предложение организовать поиск затонувших судов достаточно реально, музей располагает средствами и возможностями для организации небольших по размаху водолазных и поисковых работ.

Однако указанное в письме и в копиях документов название острова Тридцать первый отсутствует на

картах Курильских островов, и до выяснения этого вопроса предпринимать что-либо считаю преждевременным.

Мною возбуждено ходатайство перед дирекцией института о Вашей командировке.

С уважением *В. С. Степняк.*

— Ну что же,— сказал я,— могу поздравить. Но при чём тут я?

— Идём пройдемся.

Мы вышли на улицу, гостеприимный Невский понёс нас навстречу Адмиралтейской золотой игле.

— Учти,— сказал я,— что перед тобой сразу два нерешённых вопроса. Первое — пенал и его содержимое. Как их найти? Обнаружить что-либо на судне, которое погибло сорок с лишним лет назад, почти невозможно. Второе — загадка русских поселений. Это очень интересно, но почему именно эти документы директор владивостокского музея увёз с собой и они погибли во время крушения? Знаешь, что говорят математики о низких вероятностях?

— Откуда мне знать.

— Перемножаясь, они становятся ещё меньше. Кроме Германа, ты упоминал какого-то сотника.

— Кобелева.

— А он кто такой?.. Слушай, начинает моросить дождь, зайдём в кафе?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

которая продолжает предыдущую

Наш столик был у окна. Мы сидели и наблюдали, как покрывается лужами асфальт. Оранжевые огни Адмиралтейства, отражаясь в нём, змеились.

Прихлёбывая кофе, Аркадий продолжал рассказывать:

— Итак, кто такой Кобелев? Сотник Кобелев был

послан в 1799 году из Гижигинской крепости на Чукотку и посетил там острова. На острове Имаглин (теперь остров Крузенштерна) он беседовал с местным старшиной Каугуню Момахунином. Старшина рассказал, что на Большой земле и на реке Хеврёне (Юконе) есть островок, называемый Кынговей, а в нём «жительство имеют российские люди, разговор имеют по-русски ж, читают книги, пишут, поклоняются иконам...» У живущих-де там россиян «бороды большие и густые».

— Что, опять слухи о поселении на Аляске?

— Да. Те же, что и в письме Германа. Дальше. На просьбу Кобелева отвезти его на американский берег старшина ответил отказом, объяснив, что в случае пропажи Кобелева с него, с Момахунина, строго взыщут. Но на просьбу Кобелева отвезти русским людям в Америке письмо старшина ответил согласием.

Кобелев такое письмо написал. После возвращения из поездки он представил донесение. Текст его был сокращён, обработан и опубликован. Получился так называемый «экстракт». Вот из него выдержка:

«Он же, Кобелев, слышал от пешего чукчи Ехипки Опухина, якобы был он на американской земле походом и для торгу разов до пяти и имел себе друга на острове Укипане.

Означенный друг приходил с того на Имаглин остров и привозил ему, Ехипке, написанное на доске...»

— Уж не ответ ли на послание Кобелева?

— Да...

«...длиною та доска,— как он пересказывал,— три четверти, шириною в пять, толщиною в один вершок, писано на одной стороне красными, на другой чёрными с вырезью словами; и при той даче говорил, послали-де к вам бородатые люди, а живут они по той же реке в том же острожке, и велели то письмо довести до русских людей, где в тогдашнее время российская команда находилась — в Анадыр-

ске. Только те бородатые люди сказывали: всего у них довольно, кроме одного Железнова. Только он, Ехипко, то письмо не взял; а де для моления (как крестятся, показал мне ясно и перекрестился) собираются в одну сделанную большую хоромину и тут молятся; ещё есть у них место на поле, где те писанные дощечки...»

— Что это — «место на поле»?

— Кладбище. Кладбище и могилы с надписями...

— А «Железнова»?

— Железо. У них не было железа.

— Погоди, закажи ещё кофе. От твоих «Имаглин остров» и «Железново» у меня болит голова. Правильно я понял? Какие-то русские, живущие на американском берегу, сообщили Кобелеву, что живут они в достатке и испытывают нужду только в железных изделиях?

— Правильно... Дождь кончился. Побродим ещё?

Конец вечера мы провели у Аркадия, мы искали Тридцать первый остров.

Мой друг развернул на столе карты.

— Смотри. Вот Курильская гряда. Дело в том, что Шпáнберг... Ты, надеюсь, помнишь, кто он такой?

— Преемник Беринга. Начальник Камчатской экспедиции.

— Он самый. Так вот Шпанберг, совершая в своё время опись Курильской гряды, естественно, прежде чем положить острова на карту, давал им названия. За частью островов он оставил местные названия — айнские, например, Коносир, ныне Кунашир, а части других дал порядковые номера. На карте, которую после окончания плавания представил Шпанберг, пронумерованы таким образом тридцать островов. Но, кроме них, на карте есть и совсем мелкие! Что, если, получив номер, они сохранили его до сих пор?

Мы стали перебирать пожелтевшие листы, мы искали Тридцать первый.

Его не было.

Тогда мы начали листать книги, изданные в нашем веке, мы искали упоминание о вулканическом острове с плоской вершиной и озером посредине. Один такой остров нашёлся сразу, он был во всех описаниях Курильских островов, эффектную фотографию, сделанную с вертолёта — вулкан Креницына на острове Онекотан,— приводили многие.

— Видишь, у Зарайского? — сказал я. — «Остров представляет собой вершину громадного вулкана с затопленными ключевыми водами кратером. Особенностью является возвышающаяся посредине этого озера ещё одна огнедышащая гора — небольшой вулкан. Зрелище это в ясную погоду, в тех местах чрезвычайно редкую, производит незабываемое впечатление». Где у тебя карта? Нет, Онекотан, это местное название, сохранённое Шпанбергом.

— Отпадает,— согласился Аркадий.— Остров надо искать в другом месте. Тем более что там сказано «с озером посредине». Если бы посреди озера был ещё один вулкан — зрелище действительно незабываемое,— он был бы упомянут.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

**она начинается знакомством с адмиралом
и заканчивается ветром надежды**

Посещение Объединённого географического института оказалось делом серьёзным, требующим дипломатического умения.

Дом на набережной Невы. В анфиладе комнат с высоченными потолками умирают робкие звуки. Дверь с табличкой «Секретарь».

За большим, уставленным телефонами столом сидела старушка.

— Помню, помню. Вы звонили,— очень серьёзно, поджимая губы, сказала она мне.— Вам, голубчик, нужна, наверное, комиссия по неопознанным и неуточнённым островам. Я проведу вас к Василию Васильевичу.— Помолчав, она добавила, выговари-

вая каждое слово отдельно: — Он отставной адмирал.

Она провела меня на скрипучую, с бесконечными шкафами галерею.

Здесь за тонконогим столиком сидел человек в мундире. Зелёная лампа освещала его лицо. В золочёном пенсне бродили изумрудные огоньки. Золото на рукавах, золото на груди, золотая авто-ручка в белых пальцах.

— Вы ко мне? К вашим услугам. Что вам угодно? — спросил адмирал.

Я почтительно изложил суть дела. Адмирал внимательно слушал. Ни один мускул на его лице не шевельнулся.

— Комиссия по Курильским островам заседает три раза в год, — сказал он. — Сейчас я уточню — когда... Последние субботы апреля, августа и декабря.

— Но сейчас май!

Он сделал движение руками, означавшее: комиссия есть комиссия!

— Собственно, мне достаточно было бы... Я хотел ознакомиться с донесениями Шпанберга.

— Шпанберг?.. Этим мореплавателем занимается Наталия Гавриловна. Она будет в следующую среду.

— Может быть, её домашний телефон?

Адмирал поднял брови, беспокоить Наталию Гавриловну до среды он явно считал кощунством.

— Хорошо, — сказал я. — У вас, говорят, есть комиссия по неопознанным и неуточнённым островам?

В глазах адмирала промелькнула тень любопытства.

— Подкомиссия, — мягко поправил он. — Но она не оформлена де-юре. И дни работы её ещё не установлены. Следующий раз она, говорят, соберётся... — он снова полез в записную книжку, — двенадцатого сентября.

Он выдвинул ящик стола, достал из него несколько аккуратно завязанных тесёмками папок, развязал одну из них и, нацелив стёклышки пенсне, прочёл:

— Да, двенадцатого сентября. Председатель Горбовский Николай Петрович. Я могу при встрече посоветовать ему заслушать на подкомиссии ваш вопрос. Он будет для товарищей небезынтересен.

— Но я не могу так долго ждать. Я хотел бы сейчас...

Искра интереса на лице адмирала угасла. Он встал, давая понять, что разговор окончен.

— Наталия Минеевна, — сказал он, обращаясь к молоденькой девушке, которую я не заметил и которая тихо и незаметно, как мышь, копошилась в углу, — я на заседании редакционной коллегии.

Он проплыл мимо и, вспыхнув последний раз золотом, исчез за шкафами.

Я поплёлся к выходу, проходя мимо девушки, машинально сказал:

— Простите, милая, до свидания.

Девушка смутилась и встала из-за своего столика.

— Вам нужен Шпанберг? — спросила она. — Он здесь.

Проведя меня в дальний угол галереи к огромному, как скала, шкафу красного дерева, она, по-прежнему смущаясь и придерживая юбку, забралась наверх и углубилась в книжные дебри.

Оттуда был извлечён переплетённый в кожу пухлый тяжёлый том.

— Посмотрите. Не это?

Я бережно принял его. На пожелтевших ломких страницах бледные серые линии обозначали берега, около которых плавали первые исследователи Курил. Тонкая вязь надписей причудливо перемешивала айньские названия с порядковыми номерами.

Острова с тридцать первым номером среди них не было.

— Тогда посмотрите вот это.

На третьей странице, под рисунком утопающего в тумане берега, я прочёл название: «Жизнеописание натуралиста Стёллера, участвовавшего в экспедиции Беринга, с приложением рисунков мест, встреченных во время плавания».

На 264-й странице мой палец торжествующе замер около строк:

«...что до сообщения куров, что близ Тридцать первого острова наблюдаются бобры, то промышленники, которые видели их, утверждают — звери имеют своим местом обитания Коносир и к острову заплывают, преследуя стаи рыб...»

— Куры — это айны, — объяснила девушка.

Больше упоминаний об острове, сколько ни искал, я не нашёл.

Просидев за книгой до темноты, я вернулся к Аркадию.

Я сказал:

— Слушай, исследователь, Тридцать первый остров всё-таки был... Сегодня я остаюсь у тебя. Нет сил и желания добираться через весь город домой. Итак, к чему мы пришли?

Сев за стол, мы шаг за шагом восстановили результаты наших поисков.

Можно было считать установленным, что пароходы «Минин» и «Аян», принадлежавшие Русскому пароходному обществу и приписанные к порту Владивосток, вышли в один из дней октября 1922 года из Владивостока. На них бежали люди, связанные с белыми или японцами, а также те, кто, боясь новых порядков в России, решил эмигрировать и начать жизнь за границей.

Среди пассажиров «Минина» был директор частного Владивостокского музея истории Соболевский и с ним несколько офицеров.

Также можно было считать установленным, что «Минин» и «Аян» погибли спустя несколько дней где-то в районе южной части Охотского моря или той

части Тихого океана, которая прилегает к Курильским островам и Хоккайдо.

На пароходе «Минин» директор музея Соболевский и с ним неизвестные лица везли запечатанный свинцовый пенал, какой использовался на флоте для хранения чрезвычайно ценных документов и который пытались спасти даже в момент смертельной для судна опасности. Пенал не принадлежал к судовому грузу и не был судовым имуществом, иначе бы капитан и матросы вели себя в отношении этих людей и пенала иначе. Можно предполагать, что в пенале содержались наиболее ценные документы из собрания музея и частной коллекции Соболевского.

Остров, у которого произошла катастрофа, назывался Тридцать первый. Но такого острова в группе Курильских островов сейчас нет.

И наконец последнее. Пароходы «Минин» и «Аян» были выброшены на камни. Их остатки могли сохраниться до наших дней...

— Надо сделать вот что,— сказал я,— надо попытаться найти, во-первых, сотрудников газеты «Дальневосточный моряк», тех, кто работал там осенью двадцать второго года, во-вторых, родственников Соболевского. Сам он, полагаю, на родину не вернулся. В-третьих, кого-нибудь из команды «Минина» или «Аяна».

Аркадий кивнул:

— Ты прав. Я купил сегодня конверты, можно начинать.

Он вытряхнул из портфеля на стол кучу конвертов, сбил их в аккуратную пачку и уселся за пишущую машинку.

Звонящий белый лист с треском вошёл под валик. Аркадий упоённо выстукивал текст. Он касался пальцами клавиш легко, как пианист. Он печатал не глядя.

— Пишу в музеи. В архив. В справочный стол.

— Напиши в Дальневосточное пароходство ещё раз.

Кончив печатать, Аркадий ушёл бросить письма, а я, сняв туфли, лёг на кровать и вытянул усталые ноги. Незначительная, какой она казалась мне первоначально, история начала приобретать размах и чёткость. Тонкая нить, которой следовал Аркадий, упорно не рвалась. Я представил себе: на груди рукописей, которая висилась на столе у Аркадия, в один прекрасный день ляжет письмо в сером конверте с криво наклеенной маркой, я отчётливо представлял себе это письмо, долгожданный ответ...

Когда я проснулся, Аркадий сидел за столом, неторопливо листая том за томом.

В город уже входило утро. За стеклом последний раз вспыхнули и погасли фонари. Призрачный свет зарождающегося дня упал на оконную раму. В стёклах заблестели капли дождя. Над горбатой черепичной крышей дома на противоположной стороне улицы возник силуэт парусного корабля. Осторожно, словно пробуя глубину, парусник плыл вперёд. Безмолвные казаки сидели вдоль борта. Ветер надежды наполнял холщовый парус. Коч плыл в зелёном небе, отступая и уменьшаясь в размерах.

Я потёр усталые глаза — видение исчезло.

Когда я отнял от лица руки, Аркадий всё ещё сидел спиной ко мне и что-то неторопливо вписывал в карточки. Стол был уставлен маленькими деревянными ящичками. Тысячи карточек заполняли их. Карточки были исписаны аккуратным почерком, каждая имела свой номер. Я позавидовал аккуратному безумству этого человека.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

**где мы узнаём, что такое Тридцать первый остров,
и перелетаем во Владивосток**

Я сидел в редакции за колченогим столом, вдвинутом в узкое пространство между двумя шкафами, и писал передовую статью в номер. Послышался шум. Опрокидывая стулья, кто-то пробирался ко мне.

— Сергей! Я нашёл! Ты слышишь, я нашёл его!
Я поднялся со стула, ухватил на лету локоть Аркадия и потащил приятеля в коридор.

— Я нашёл, понимаешь, нашёл! — Он размахивал руками и поправлял поминутно падающие очки.— Всё оказалось так просто.

— Сядь на подоконник и успокойся. Что оказалось просто? Что ты нашёл?

— Остров. Я нашёл Тридцать первый. Понимаешь, в 1946 году после освобождения Курил производилось переименование. Я взял список названий и вот... Видишь: «Тридцать первый — новое название Изменный, в память о событиях, происшедших в бухте Измены в тысяча восемьсот одиннадцатом году...» А вот план, я только что начертил его сам. Вот Кунашир, мыс Весло, бухта Измены. На полпути между мысом и островом Шпанберга маленькая точка. Это и есть Изменный. Всё получается удачно: мы поедем туда в июле, в августе кончаются туманы, наступает сухая осень, тепло, только и работать.

— При чём тут я? Это ты едешь! Работать тебе.

— Ты был моряком.

— Станный предлог для того, чтобы тащить человека на край света...

— Какая разница, где тебе проводить отпуск? Пусть будут Курильские острова.

Я вздохнул:

— Если сказать откровенно, можно и поехать. Только уговор: пока не придут ответы на все письма, моего согласия нет. Уж я-то в отличие от тебя должен ехать наверняка.

— Идёт.

Первым пришло письмо из Владивостока:

Городской архив

г. Владивосток

№ 554/л

Тов. Лещенко А. Г.

На Ваш запрос (наш вх. 775—65) сообщаем, что,

по данным архива, газета «Дальневосточный моряк» выходила в 1922 году всего несколько раз и была закрыта распоряжением № 45 от 17 декабря 1922 года.

Фамилиями и адресами сотрудников газеты, а также лиц, имевших какое-то отношение к её изданию, архив не располагает.

На вторую часть Вашего запроса сообщаем, что директором частного исторического музея в городе Владивостоке до октября того же года был Соболевский В. П. Во время эвакуации белых из города музей частично сгорел, а Соболевский при невыясненных обстоятельствах исчез. Предположительно, бежал с белыми. До передачи не уничтоженных пожаром материалов в фонд государства обязанности директора исполнял тов. Прилепа Г. Р.

За начальника архива...

Вторым был ответ на запрос о родственниках Соболевского:

Центральный справочный стол

Отделение розыска

№ 25—17

На № 764—66

Гражданка Соболевская Нина Михайловна, 1885 года рождения, состоявшая в браке с гражданином Соболевским Вениамином Павловичем, проживает в г. Алма-Ате по адресу: Красноармейская ул., дом 4.

— Надо срочно написать ей. Может быть, она что-то знает о судьбе мужа,— сказал Аркадий.

— Столько лет прошло.

— Ну и что же?

— Захочет ли отвечать?

На следующий день пришло ещё одно письмо.

— Опять Владивосток? — удивился Аркадий. — Ах, да, ведь мы запрашивали пароходство! В конверте было:

«На Ваше письмо от 7.04 с. г.

Прошу сообщить перечень вопросов, какого рода обстоятельства аварии пароходов «Минин» и «Аян» Вас интересуют.

Инспектор безопасности кораблевождения

Белов».

— Вот это да! — восхитился Аркадий. — А если в перечень я включу сто вопросов? Он на все ответит? Сразу видно человека. Аккуратен и исполнитель.

— Пошлешь ему перечень?

— Поздно. Приедем во Владивосток, поговорим. Мы начали собираться.

Нужно было купить куртки, туристские ботинки, заказать билеты.

Аркадий отнёс на почту заявление, чтобы все письма, адресованные ему, пересылали в Южнокурильск Степняку.

Минута, когда в моих руках оказался билет до Владивостока, заставила наконец поверить в реальность происходящего — мы летели.

Последний день был наполнен горячечной суетой. Комната Аркадия оказалась заваленной вещами. Мы боролись с ними. Аркадий сидел верхом на рюкзаке и пытался втиснуть в него одеяло. Бельё, посуда, книги, полотенце уже лежали там. У ног Аркадия валялись зелёные ласты и водолазная маска. Я ликовал. Я уложил вещи в два чемодана и злорадствовал.

— Несчастный, как ты потащишь их? — спрашивал меня Аркадий. Лицо его то краснело, то бледнело; одеяло то погружалось в рюкзак, то медленно, как осьминог, выползало оттуда.

— Не знаю,— равнодушно отвечал я.— Ездят же люди.

— Трубка! — вопил Аркадий.— Где моя трубка?

Он становился на четвереньки и лез под стол. Стол с жалобным скрипом поднимался, шаткие ножки его повисали в воздухе.

— Ты уже спрятал её.

Аркадий бросался вытаскивать из рюкзака вещи и на самом дне обнаруживал анодированную трубку с загубником.

— Привяжи её к чемодану. У тебя ведь будет и чемодан?

— Зачем он мне? Ну скажи — зачем, что я — артист? — Голос Аркадия переходил в стон.

И всё-таки к концу дня рядом с его рюкзаком появился новенький, блестящий чемодан. Бока чемодана были безобразно раздуты. Лак потрескался.

— Первый раз еду так,— горестно говорил Аркадий.

По трапу самолёта мы поднялись последними.

Ил-18 взвыл моторами и, подрагивая на бетонных стыках, помчался навстречу восходящему солнцу. Он нёс нас к Тихому океану.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

**в которой появляется маленький инспектор
безопасности кораблевождения**

Приморье встретило нас прохладной сырой погодой. С аэродрома пассажиров повёз автобус. Он катил по равнине с рыжими конусами терриконов, по предгорью с редколесьем и камнепадами, по зелёному побережью залива. Впереди на рейде чернели корабли, голубые дымки висели над их трубами.

Вечером, получив в справочном бюро адрес Белова, мы отправились к инспектору. Его дом оказался неподалёку от гостиницы, где мы остановились. Сре-

ди низких, потемневших от времени строений старого города высилось новое многоэтажное здание.

Мы поднялись по лестнице и остановились перед дверью. Из-за неё доносился тонкий детский плач.

Аркадий осторожно нажал кнопку звонка. Плач прекратился, распахнулась дверь. На пороге стояла высокая грузная женщина, руки её были обнажены по локоть, на мокрых ладонях пузырилась мыльная пена, рыжие головы двух мальчишек выглядывали из-за её могучих бёдер.

— Нам нужен товарищ Белов,— сказал Аркадий.

— Михаил! — крикнула женщина. Она ушла, а на её месте возникла мужская фигурка в кителе, застёгнутом на все пуговицы.

— Слушаю вас.

— Мы из Ленинграда. Моя фамилия Лещенко. Я недавно получил от вас письмо. А это мой товарищ.

Из глубины квартиры послышался плач. Маленький инспектор обернулся.

— Мария, пусть она замолчит.

— Перестань плакать,— равнодушно сказал женский голос.

Прижимаясь спинами к стене, в коридор снова вышли мальчишки. Их зелёные глаза горели любопытством.

— Мария, может быть, ты возьмёшь мальчиков?

— Я стираю.

— Я вижу, мы не вовремя,— сказал Аркадий.— Вы уж извините. Наверное, нам лучше прийти в другой раз.

— В другой раз будет то же самое,— сказал маленький инспектор.— Идёмте во двор.

— Люсе надо давать через полчаса кашу.

— Я вернусь.

Сопровождаемые Беловым, мы спустились по лестнице.

— Ваша маленькая Люся плачет как большая,— сказал я.

— Плачет Катя. Ей пятнадцать.

Я поперхнулся.

— Сколько же у вас детей?

— Четверо, — сияя произнёс наш спутник. — Две девочки и мальчики-близнецы.

Около дома был разбит садик.

— Что вы хотели?

Аркадий помедлил.

— Многое, — сказал он. — Всё, что связано с обстоятельствами гибели парохода «Минин».

— Для чего это вам нужно?

— Я историк.

— Что ж, все дела, связанные с авариями, хранятся у нас в межведомственной инспекции. Эта авария, мне помнится, изучалась в 1925 году, но расследование до конца доведено не было.

Вверху отворилось окно. Женский голос громко позвал:

— Михаил! Каша готова!

Белов потёр ладонью висок и ушёл. Из раскрытого окна вылетела и рассыпалась в воздухе как фейерверк, пачка цветных карандашей.

— Бежим! — сказал Аркадий. — Этот человек слишком обременён семьёй. Никакой помощи мы здесь не получим.

В дверях подъезда снова показался Белов. Он тащил за руку упирающегося сына.

— Сейчас же собери карандаши! — сказал он. — Да, так на чём мы остановились? Вы правы — здесь неудобно, приходите завтра в инспекцию. Морская, семнадцать. Я буду в девять.

Мы ушли.

— Голова кру́гом. По-моему, у него не четверо детей, а шестнадцать!

— А ты заметил, — сказал Аркадий, — что двор вытопан больше с той стороны, где живут Беловы?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
содержит историю острова Изменного
и демонстрирует необыкновенные
способности Белова

Утром мы отправились в инспекцию. В комнате, стены которой были увешаны белыми морскими картами, за канцелярскими, заваленными документами столами сидели представительные, рослые, ладные люди в форме.

При виде нас Белов встал.

— Пойдёмте в библиотеку.

В библиотеке мы сели на диван, под картиной, которая изображала открытие русским пароходом «Америка» одноимённого залива в Приморье.

Маленький инспектор выслушал Аркадия, потёр ладонями виски, нагнул по-птичьи голову набок и не торопясь начал:

— ...Пароход «Минин» был построен в Англии по заказу России для работы на Дальнем Востоке фирмой Ланц. Фирме была заказана в 1906 году серия из трёх судов: «Минин», «Аян» и «Карс». Пароходы почти не отличались по своим данным.

— Их было три?

— Нет, заказ на «Карс» аннулирован.

Аркадий хмыкнул:

— Как же тогда их отличить? Особенно если они пролежали бок о бок под водой без малого полвека. Значит, они...

— Две кучи одинакового железного лома,— это сказал я.

Из-за книжных стеллажей бесшумно вышла пожилая женщина.

— Михаил Никодимович,— обратилась она вполголоса к Белову.— Одному товарищу с юридического факультета нужно подобрать случай столкновения двух грузопассажирских кораблей в тумане.

— «Садгепул» и «Парция». Дело слушалось в Лондоне в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году.— Белов произнёс это, не задумываясь.— Пусть

посмотрит реферат бюллетеней Ллойда за пятьдесят седьмой год.

Женщина исчезла.

— Итак, на чём я остановился?

— Вы сказали, что пароходы были однотипны.

— Да. Так вот, в двадцать первом году, после того как Владивосток заняли интервенты, суда поступили в распоряжение оккупационных властей. Пароходы использовались как войсковые транспорты, а затем были вновь отданы военной комендатуре белых. Перед бегством белых из города оба парохода получили приказание грузить на борт и гражданское население.

Кончив погрузку, они ушли в Японию, а оттуда рейсом на Сан-Франциско с заходом в Петропавловск-Камчатский — на север. У одного из островов Курильской гряды оба потерпели аварию.

Как я уже говорил, есть акт расследования двадцать пятого года. Из-за недостатка данных расследование тогда прекратили.

— Кто производил его?

— Управление безопасности кораблевождения.

— Капитан «Минина» погиб?

— Умер в Японии.

— А капитан «Аяна»?

— Вернулся и скончался в госпитале в двадцать седьмом году. Его показания были главными.

— Та-ак... А вы сами никогда не были в районе Изменного?

— Нет.

— И не собираетесь?

— Нет причин. Правда, в этом месяце я должен работать в тех местах. На Шикотане столкновение, кое в чём надо разобраться.

Нас снова прервали: в дверях показался пожилой моряк.

— Товарищ Белов,— сказал он,— совершенно срочно. Пришла телеграмма. Готовится решение о дополнительном оборудовании района Семи Камней:

маяк и два светящихся буй. Нужно сегодня же дать обоснование: кто сидел на Камнях. Ну, скажем, за последние три-четыре года.

— За три или за четыре, Алексей Алексеевич?

— За три.

Белов полуприкрыл глаза.

— 1960 год,— начал он.— Пароход «Шойна», пробоина в районе форпика, повреждён винт. Убыток тридцать одна тысяча рублей...— Его собеседник вытащил записную книжку и начал торопливо записывать.— Сухогрузный транспорт «Кассиопея», касание грунта, в убытки вошла только стоимость постановки в сухой док. Большой рыболовецкий траулер «Трепанг», пробит борт в районе сорок восьмого шпангоута...

Белов диктовал минут пятнадцать, он перечислил добрых два десятка судов, не забыв указать, что за повреждения были получены, во что обошёлся ремонт и какие особые обстоятельства сопровождали аварию.

— Иду, заказан прямой провод с Москвой,— сказал моряк и исчез.

— А если в цифрах ошибка? — спросил Аркадий, обращаясь к маленькому инспектору.— Вы не хотите пойти их проверить?

— Я вас не понимаю,— простодушно ответил Белов.— Меня спросили, что за суда терпели бедствие на Семи Камнях, и я ответил. При чём тут ошибка? На чём мы с вами остановились?

— На расследовании, которое вы будете вести на Шикотане. Кстати, действительно, это недалеко от Изменного. Точно вы поедете?

Белов пожал плечами.

— Скорее всего. А сейчас надо вернуться в кабинет. Как только дадут Москву, меня будут искать. Я заказал дело о расследовании аварии «Минина» и «Аяна». Его вам принесут из архива. Что ещё?

— Хотелось бы знать, что представляет собой Изменный.

— Возьмите лоцию.

Женский голос крикнул:

— Белова срочно наверх!

Мы отыскиали на полках несколько старых книг по истории открытия южных Курильских островов.

В пожелтевших пыльных изданиях нашлась история острова.

Плавания в его водах восходили к началу XVII века, когда Евреинов и Лужин, Анциферов и Козыревский начали движение к Курильским островам со стороны Камчатки и Охотска. Двигаясь с севера на юг, от острова к острову, изыскивая поселения айнов и облагая их ясаком, они наносили на карты бесконечные и неуютные каменные громады с дымящимися вулканами.

Однако эти мореплаватели до Изменного не добрались. Первый корабль, который появился в его водах, был «Св. Михаил» Шпанберга. Энергичный, упорный в достижении цели, Мартын Шпанберг был помощником Беринга во второй Камчатской экспедиции. В районе Курильской гряды он начал работать в 1738 году.

Результатом его работ стала карта островов. Пораженный их обилием и утомленный необходимостью придумывать для каждого название, Шпанберг часто ограничивался тем, что указывал на карте порядковый номер. На карте, которую он представил в Санкт-Петербург после окончания плавания, значились тридцать островов. Однако на карте, изданной двумя десятилетиями позже Парижской академией наук, в нижней части Курильской гряды значился и Тридцать первый.

Название Изменный было присвоено ему на основании свидетельства о плавании в 1811 году в этом районе Головнина и происшествия, которое имело там место.

Совершивший под командованием Головнина плавание из Кронштадта на Камчатку корвет «Диана» вышел из Петропавловска с целью уточнить

морскую опись островов, подтвердить государственную принадлежность Сахалина к России и попытаться установить дипломатические связи с Японией. Обнаружив в безымянной бухте на острове Кунашир селение, Головнин сошел в шлюпке на берег. Селение оказалось небольшим японским укреплением. Местные чиновники хитростью заманили Головнина с товарищами — мичманом Муром, штурманом Хлебниковым и четырьмя матросами — в крепость и арестовали их. Только после длительных переговоров, во время которых между крепостью и Хоккайдо, где сидел японский губернатор, с черепашей скоростью двигались гонцы, а каждое сказанное или написанное слово превратно истолковывалось, отважный капитан-лейтенант и его товарищи были освобождены. В память об этом происшествии Головнин назвал бухту бухтой Измены, а остров, лежавший неподалеку в море, получил название острова Изменного. Это название вначале не привилось, и о нем вспомнили только в 1946 году...

— Вот теперь все ясно! — сказал Аркадий. — Однако нам нужно и описание самого острова.

— Тебе же сказали, возьми лоцию.

Вскоре мы сидели над толстой книгой в красном коленкоровом переплете и затаив дыхание перелистывали страницы.

— Кунашир. Это не то, — бормотал Аркадий. — А вот и Изменный... «Вход в бухту. У входа в бухту установлен на возвышении семнадцати метров огонь... В бухте возможна стоянка судов малого водоизмещения...» Все, никаких выброшенных на камни кораблей.

Он захлопнул книгу.

— Подожди, — сказал я. — Посмотри соседние страницы.

Мы снова углубились в чтение.

— Вот, — глухо сказал мой друг. Палец его уперся в страницу. — Вот. Тут прямо написано: «В 1922 году». Читай!

— «Два Брата. Отдельная скала, с раздвоенной вершиной, лежит в центре каменной гряды. В двух кабельтовых от нее среди камней ранее возвышались остатки судна, затопленного во время шторма в 1922 году. Ограждена южная оконечность гряды...»

— «Ранее возвышались». Что, теперь не возвышаются?.. А где второй пароход?

— Больше в лоции ничего нет...

Затем нам принесли дело об аварии.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

**излагающая содержание папки
с делом об аварии двух пароходов**

Пароход «Минин» отошёл в плавание от тридцать третьего причала Владивостокского порта 22 октября 1922 года в 15 часов 30 минут.

Капитан парохода Мостовой имел все основания быть недовольным рейсом.

Военный комендант, который накануне вызвал его, был краток:

— Погрузите всё, что будут подвозить. Сколько влезет — всё брать. Людей — только по моим пропускам. Пойдёте в Нагасаки.

Капитан смотрел на узколицего лысеющего злого подполковника и думал, что если отказаться — расстрел.

— У меня неисправен радиотелеграф.

Подполковник пропустил эти слова мимо ушей.

— Взвод солдат посылаю сейчас. Команде на берег не сходить. И смотрите у меня...— Он выругался.

Когда капитан вернулся на пароход, погрузка уже началась. Первые часы солдаты кое-как сдерживали толпу у трапа, потом перестали проверять у тех, кто лез на судно, документы, а затем исчезли вообще, растворились, слились с пёстрой массой, бушевавшей на палубе.

В 15 часов 30 минут, видя, что положение становится угрожающим, что пароход переполнен, а на причале уже вспыхивают драки и щёлкают сухие винтовочные выстрелы, капитан приказал обрубить швартовы и перешёл на рейд. Там судно нагнала гребная шлюпка с приказом коменданта ждать его семью.

Узкие миноносцы с бело-красными японскими флагами один за другим покидали рейд. На сигнальном посту подняли какой-то сигнал. Он бесильно повис, прочитать его было невозможно.

Мостовой поднял к глазам бинокль. У дальнего причала в Гнилом углу тянулся над водой дымок, это отходил «Аян».

Капитан приказал выбрать якорь и переставил рукоятки машинного телеграфа на малый.

Длинный зеленый остров медленно пополз по правому борту. Стеклянная башенка маяка мёртво и безжизненно вспыхнула отраженным солнечным лучом.

Капитан вздохнул и приказал принести на мостик судовой журнал. Что писать? Количество людей, грузов, пункт назначения?

— Пишу, как акт о смерти,— сказал он помощнику.

Выписка из судового журнала парохода «Минин»

16.45. Снялись с якоря. На борту около 600 человек эвакуированных и груз около 40 тонн. Порт назначения Нагасаки.

17.01. Прошли маяк Скрыплев. На палубе среди нижних чинов возникла драка. Один человек убит. Тело выброшено за борт. Причины не выяснены.

Капитан смотрел на палубу, покрытую чёрно-зелёной массой пальто и шинелей, и думал, что в случае любой, самой незначительной аварии матросы

не смогут ни подойти к якорному устройству, ни пробиться в трюм, ни включить пожарную систему. От фок-мачты доносились тонкие звуки гармоники. Там пили и пытались петь.

Вышли в Уссурийский залив. Первая волна ударила в борт, окатив людей на палубе длинными холодными брызгами. Гармошка умолкла. Чёрно-зелёная масса шумно вздохнула, подвигалась и, отчаявшись изменить что-либо в своей судьбе, затихла.

Пароход повернул на юг. За кормой тонко прорезали горизонт мачты «Аяна».

Выписка из судового журнала парохода «Аян»

17.20. Снялись со швартовов. На борту: эвакуированное из Владивостока население и служащие армии в количестве до 500 человек, архив Дальневосточного правительства и дела смешанного русско-китайского банка. Груз около 60 тонн. Пункт назначения Шанхай, с заходом в Нагасаки. Имеем приказание следовать совместно с «Мининым».

19.15. Догнали «Минин». Следуем в кильватер, расстояние 10 кабельтов.

Капитанов «Аяна» и «Минина» связывала дружба. С первой же встречи в Англии, где Мостовой и Нефёдов принимали пароходы, между ними установились отношения, которые и должны были возникнуть между людьми одного возраста и одной судьбы. Оба из потомственных морских семей — их отцы начинали плавать ещё матросами, они — выходцы из низших чинов — с большим трудом добились капитанских дипломов и не могли рассчитывать на хорошее судно на Черном море или на Балтике. В маленьком неблагоустроенном Владивостоке их семьи жили на одной — Подгорной — улице.

Вот почему среди всех бед, связанных с участием в эвакуации, капитаны видели только одно благо — совместное плавание.

Переход до Нагасаки занял менее недели.

В Японии их ждали новые неприятности. Вместо сотен шумных и растерянных людей в оставленные каюты пришли щеголеватые, не потерявшие еще лоска офицеры и странные, хорошо одетые мужчины, тоже отличающиеся военной выправкой. Они принесли приказ обоим пароходам следовать на Камчатку в Петропавловск, взять там особо ценные грузы (меха! — как проговорился один из подвыпивших офицеров), а затем идти в Сан-Франциско в распоряжение русского консула.

Узнав, что пароход идёт в США, часть пассажиров вернулась на судно.

Запасы угля было приказано пополнить в Хакодате.

Придя туда в конце месяца, «Минин» и «Аян» стали готовиться к далёкому и, как надеялись Мостовой и Нефёдов, последнему рейсу.

В Хакодате к пассажирам присоединились несколько вечно пьяных казачьих офицеров со взводом солдат, от чего жизнь на пароходах приобрела характер скандальный и тревожный.

Выход из Хакодате был назначен на первое, затем перенесён на второе ноября. Пассажиры волновались. Ходили слухи, что во Владивостоке на сторону Советов перешли два миноносца и им приказано задерживать, возвращать и даже топить пароходы с эмигрантами.

Первым закончив погрузку угля, Мостовой стал ждать напарника, однако вмешался консул и приказал выходить, не дожидаясь, когда «Аян» кончит бункероваться.

Капитаны встретились на причале.

— Мне ещё полсутки, самое малое, — сказал Нефёдов, он только что поставил пароход под погрузку. — Что ж — иди сам.

— Выйду, лягу на курс 48°, — сказал Мостовой. — Догонишь?

— Должен догнать.

Мостовой ушёл, а капитан «Аяна», проклиная в глубине души консула и пассажиров, отправился на почту, рассчитывая послать весточку семье, оставленной во Владивостоке.

Вот почему на рассвете четвертого ноября «Минин» очутился один в водах западнее Хоккайдо, направляясь курсом 48° к островам Большой Курильской гряды.

Пароход шёл двенадцатиузловым ходом.

На судне царило молчание. Ровная белесая поверхность океана, её кажущаяся неподвижность не могли обмануть команду: по небу ползли длинные облачные перья — приближался тайфун.

Капитан за всю ночь только дважды покинул мостик. Первый раз, около трёх часов, он спустился в каюту, выпил чашку горячего чая, сменил влажное от тумана бельё. Второй раз прошёл в рубку радиотелеграфиста — тот доложил о том, что наладил искровой передатчик. Но, едва капитан попросил связаться с Хакодате и запросить погоду, передатчик снова вышел из строя.

Закутанный в длинную, до пят, шубу, Мостовой стоял у двери в ходовую рубку и смотрел, как впереди лиловыми полосами движется туман.

Настроение было плохим: длительный рейс на Камчатку не сулил ничего хорошего.

Около 13 часов он приказал помощнику принести карту. Она уверенно показывала полное отсутствие в районе плавания опасностей: цепочка безымянных мелких островов оставалась справа. Берег Кунашира должен был открыться часа через четыре. Обратив внимание помощника на высокую и, очевидно, приметную, судя по карте, вершину вулкана Тятя-Яма, капитан приказал взять, как только откроется вершина, её пеленг.

В 14 часов 03 минуты капитан подошёл к компасу

и заметил, что рулевой вместо заданного ему курса 48° держит 43°. Мостовой сделал ему замечание, и в тот же момент послышался крик помощника:
— По носу — камни!

Первым движением капитана было перевести ручки машинного телеграфа на «стоп». Почти одновременно, взглянув за борт, он увидел слабый водоворот над камнем, едва скрытым водой.

В машинном отделении не сразу заметили перевод стрелки. Капитан резким движением повторил «стоп». Телеграф звякнул и подтвердил получение команды.

Глухие удары винта затихли.

— Прямо по корме — камни! — закричал помощник. Он успел выбежать на крыло мостика и, приложив к глазам бинокль, обшаривал взглядом пространство, по которому только что прошло судно.

Этот доклад имел роковые последствия. Трудно сказать, были или нет в действительности за кормой камни, или помощник принял за них движение потревоженной судном воды. Во всяком случае, Мостовой, вместо того чтобы дать команду «полный назад», снял руки с телеграфа, и пароход какое-то время шёл по инерции, всё глубже забираясь в район мелей.

Изменение хода не могло остаться незамеченным, на палубе появился боцман с двумя матросами. «Минин» продолжал ползти вперёд.

— Отдать правый якорь! — раздалась команда. И тяжёлый судовой якорь, увлекая за собой цепь, с грохотом рухнул в воду.

Прошло еще около двух минут, прежде чем последовал доклад:

— Якорь забрал!

Цепь натянулась, и «Минин» под действием слабого ветра начал медленно разворачиваться.

Капитан осмотрел водную поверхность. То тут, то там виднелись выступающие из-под воды камни, тихая погода оказала пароходу плохую услугу: в

ветер, при волнении пенные буруны выдали бы местоположение скал...

Отдали второй якорь, отгрохотала цепь, и судно остановилось среди мрачных, чернеющих в воде камней. Проклиная карту, капитан опять прошёл в радиорубку. Искровой телеграф не работал. Надеяться на помощь не приходилось.

Пассажирам капитан ничего не объявил. Он выставил на носу и на корме вахтенных, вооружив их ракетницами, и приказал боцману приготовить на полубаке бочку, набив ее вымоченной в мазуте паклей. На мостике были прикреплены к фалам сигнальные флаги: «Терплю бедствие, необходима помощь».

Хотя непосредственная опасность судну не грозила, Мостовой прекрасно понимал, что, как только ветер усилится, положение судна может стать критическим. Поэтому он решил обследовать район вокруг судна, сделать промеры, обозначить буйками отдельные камни и вывести судно на чистую воду...

Шлюпка начала промер.

Между тем ветер усиливался, якорь-цепи натянулись. Размахи судна сделались значительными. Шлюпка то скрывалась среди пенных гребней, то показывалась вновь. Вскоре работать стало невозможно — шлюпку подняли.

Первым почувствовал надвигающуюся катастрофу капитан. По резкому вздрагиванию цепей он понял, что якоря ползут, а взяв пеленг на отдельно лежащую скалу, увидел, что пароход смещается по ветру в направлении двух больших торчащих под водою камней.

Где «Аян»? Вся надежда была теперь на него. Однако на сколько часов позже тот вышел из Хакодате и стал ли выдерживать в точности условленный курс?

Напрасно всматривался капитан в горизонт, затянутый тучами,— «Аяна» не было видно.

Между тем ветер крепчал, судно неотвратимо

ползло по камням. В 16 часов 20 минут послышался слабый удар, корпус парохода вздрогнул. Никто из пассажиров, томившихся в каютах и трюмах, не придал значения толчку, но Мостовой понял: «Это конец».

Выписка из показаний матроса 2-й статьи
Калинчука Г. Н.

...Получил приказание капитана осмотреть трюм. Спустился. Мешали люди, которые с вещами сидели на ящиках. Воды не обнаружил, хотел уходить, тут как толкнёт... Народ стал кричать: «Завезли нас и топите!» Какая-то женщина крикнула: «Вода!» Растащили ящики — и верно — вода. Ударило ещё раз. Мне долго не давали выйти наверх — все лезли, отталкивая друг друга. Но я всё-таки поднялся на палубу и доложил капитану...

В о п р о с. Что предпринял капитан?

О т в е т. Приказал запустить трюмную помпу. Стали откачивать воду. Вдруг ещё удар. Тут вода хлынула потоком, я понял — не откачать...

Пробоина, которую обнаружил Калинчук, оказалась не единственной. Волны кренили пароход с борта на борт, и он то и дело бился о камни. Скоро вода была обнаружена в коридоре гребного вала, а затем появилась и в машинном отделении.

Сильный ветер рассеял туман, и на северо-востоке открылся небольшой остров с плоской вершиной. Поскольку пароход уже начал крениться и каждую минуту могла возникнуть опасность, что он опрокинется, капитан распорядился вновь спустить шлюпку.

К этому моменту все пассажиры уже толпились на палубе. Вызвав помощника и боцмана, Мостовой приказал им собрать женщин и детей у шлюпбалок левого борта. Но тут послышался шум, вспыхнула

драка: несколько солдат и офицеров пытались самовольно спустить шлюпку.

Одну из шлюпбалок вывалили, корма шлюпки зацепилась за борт, солдаты не удержали канат, шлюпка перевернулась и пошла в воду носом — волна разбила её о борт.

Как показал на следствии помощник капитана, Мостовой понял, что действовать надо иначе. К спуску второй шлюпки он не приступил, пока не вооружил нескольких матросов и не заручился помощью группы солдат.

Под их охраной шлюпка была спущена. В неё посадили женщин и детей.

Судьба шлюпки сложилась, как свидетельствовали материалы дела, следующим образом.

Под командой помощника капитана шлюпка направилась к видневшемуся на горизонте острову, однако она была отнесена в сторону усилившимся ветром. Опасаясь подходить к берегу в темноте, помощник приказал зажечь фонарь и лечь в дрейф. На рассвете их обнаружило рыбацкое судно.

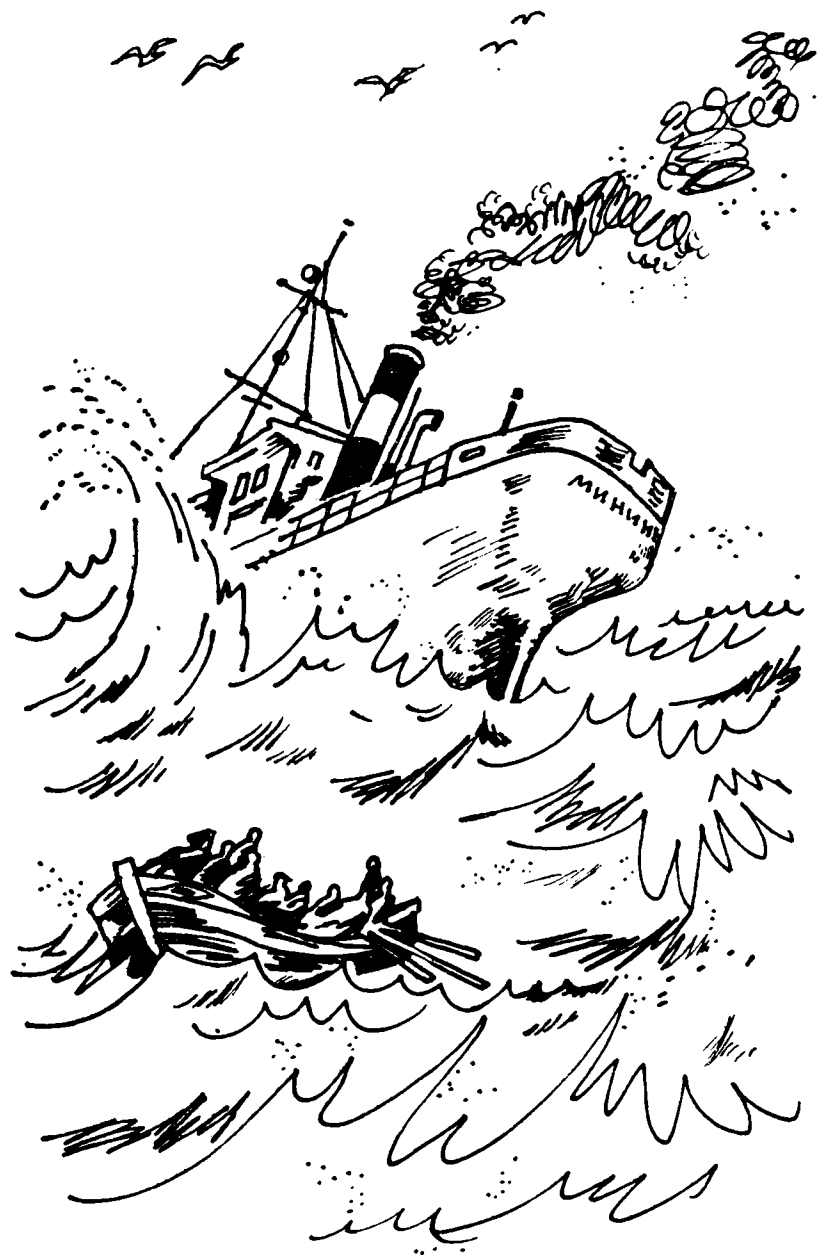
В тот же день спасённых доставили на Кунашир.

Между тем на «Минине» начали строить плоты, пытаясь использовать палубный настил, но он оказался прочно прикреплённым к корпусу — доски крошились и ломались.

Тогда, сняв с трюмов люки, боцман с матросами принялись крепить к ним по краям пустые бочки. Первый плот спустили на воду. Он закачался на волнах, его перевели за корму и взялись за изготовление второго.

Увлечённые сооружением плотов, Мостовой и команда перестали обращать внимание на пассажиров. А между тем обстановка на судне становилась всё более напряжённой.

Не отобрав в своё время у пассажиров оружие, Мостовой совершил ошибку. Когда стали вязать бочки ко второму плоту, на корме раздались выстрелы: группа офицеров оттеснила матросов, сбросила

с кормы два каната и по ним спустилась на плот. Вниз полетели чемоданы и баулы. Перегруженный плот осел, люди оказались по колено в воде.

Мостовой с мегафоном в руках перегнулся через борт и попытался образумить покидавших судно, в ответ раздались ругательства, щёлкнул выстрел. Пуля ударилась в фальшборт и рикошетом ранила матроса.

Выписка из показаний матроса 1-й статьи
Чалого П Н.

...Капитан приказал мне принести винтовку. Он, видно, хотел, чтобы те, на плоту, вернулись. Я только принёс, подошёл к борту, слышу — щёлкнуло, ударило в руку, на руке кровь. Меня повели перевязывать.

Вернулся, те — на плоту — перерезали канат, и их несёт. Вёсла на плоту были, но мало — весла два. Они — давай грести. Мачта у них, между прочим, была и парусины кусок, хотели парус на плоту поднять, а ветром их сносит и сносит. Тут одну бочку оторвало, вижу — они все кинулись на борт, на тот, что повыше. Как раз и вторая бочка из воды выскочила. Один конец плота в воду — все с него и посыпались. Вдруг волна подняла плот и перевернула. Капитан в бинокль смотрел. «Никого,— говорит.— Конец».

Это видели не только мы, видели все — ну, на пассажиров действовало. Работать стало легче, никто не мешал...

...Про второй плот могу показать следующее. Его мы собрали на воде, у левого борта. Аккурат над ним был открытый иллюминатор в каюту. Так вот, когда посадку заканчивали, кто-то из пассажиров вытащил на палубу груз, кричали — ценный очень. Что за груз, я не видел. Но капитан брать его не разрешил, брал только людей. Тогда груз унесли. И тут, слышу, в иллюминаторе, у меня над головой,

в каюте — выстрелы. Я попробовал заглянуть туда — аккуратно мной шлюпбалка была, я за трос зацепился, хотел подтянуться, кричат — отходим!

Как свидетельствуют документы, плот покинул судно в 17 часов 30 минут. Он пробыл в океане около двух суток, после чего был обнаружен рыбаками, которых направил в район катастрофы помощник капитана. Таким образом, экипаж и пассажиры «Минина» были собраны и доставлены на Хоккайдо.

Трагические события этого дня не прошли для Мостового бесследно. На Хоккайдо капитан заболел, долго лежал там в госпитале и скончался.

Команда после полутора лет пребывания в Японии почти вся вернулась на родину...

Судьба «Аяна» сложилась так.

Кончив бункероваться, Нефёдов вышел из Хакодате и, обогнув юго-восточный мыс, лёг курсом вдоль берега, огибая Хоккайдо и стараясь догнать «Минина». Машина была в хорошем состоянии, и, имея преимущество в скорости в два-три узла, Нефёдов рассчитывал догнать Мостового к исходу третьих суток.

Войдя в воды между Большой и Малой Курильскими грядками, «Аян» лёг на курс 48° и дал самый большой ход, который могла развить машина, — 13 узлов. Радисту было приказано не оставлять попыток установить связь с «Мининым».

Однако тщетно Нефёдов всматривался в затянутый тучами горизонт — впереди не было видно ни одного дымка.

Когда ветер усилился, Нефёдов приказал проверить крепление палубного груза и осмотреть трюмы.

Океан всё больше покрывался пенными гребнями. То и дело находил и полосами откатывался туман. В 18.20 заметили небольшую торчащую из воды скалу. На карте её не было — это удивило Нефёдова.

В 18.23 послышался голос вахтенного матроса:
— Слева тридцать — судно!

Одного взгляда в бинокль было достаточно, чтобы в чёрной полоске, то исчезающей среди волн, то появлявшейся вновь, узнать «Минина».

«Аян» с каждой минутой приближался к опасному району.

У англичан для обозначения судов, построенных по одному проекту, есть выражение «систер-шип» — «корабли-сёстры». У капитанов, плавающих на таких судах-близнецах, вырабатывается обострённое чувство понимания, в каком состоянии находится другой такой же корабль. Сначала Нефёдов показался неестественным курс, которым идёт «Минин», — почти на север, затем он обратил внимание на его значительный крен. Он уже хотел отдать приказание на руль повернуть влево, как вдруг высокие всплески волн у борта «Минина» показали, что судно не имеет хода и скорее всего сидит на мели. Заметив это, Нефёдов рывком перевёл ручки телеграфа на «стоп»! Но было уже поздно: содрогаясь всем корпусом, «Аян» со скрежетом выполз на камни. Как показало расследование, аварии способствовало и то, что вахтенный матрос, стоявший на носу судна, в это время отлучился сменить промокший насквозь ватник.

Осмотр трюмов принёс утешительные известия: вода внутрь судна не поступала. Пароход стоял, вылетев с полного хода на каменную плиту и накренившись на 15°. На все сигналы прожектором и фонарём Ратьера «Минин» не отвечал. Стало ясно — команда покинула судно.

На следующий день, когда видимость улучшилась, Нефёдов в бинокль увидел — палуба «Минина» пуста. Попытались запустить машину — корпус судна затрясся: погнут гребной вал. О том, чтобы сняться своими силами, нечего было и думать.

На третьи сутки на горизонте появились три паруса. Это шли рыбаки с Кунашира. Ими команда «Аяна» была снята...

В деле не хватало нескольких страниц. Вместо них чья-то заботливая рука аккуратно вшила такие справки:

Листы 275, 276 (метеообстановка в районе аварии) изъяты согласно запросу Гидрометеоотделения УБК.

Зав. канцелярией...

Здесь же были аккуратно вклеены: письмо таинственного УБК и памятная записка.

Гидрометеоотделение
Управление безопасности кораблевождения

На Ваш запрос сообщаю, что листы 275, 276 № 34-А высланы в Москву для составления сводного отчета ГМЦ по бассейну Тихого океана за 1922—1925 гг.

Начальник ГМО УБК...

В записке говорилось, что, по данным ГМО, в октябре 1922 года над районом южной части Курильской гряды проходил глубокий циклон. Можно с уверенностью предположить, что погода в районе аварии была неустойчивой, с дождём и ветрами до 7—8 баллов.

Всё дело заканчивалось кратким заключением, в котором начальник инспекции констатировал, что судовые и машинные журналы «Минина» и «Аяна» не сохранились, материал расследования не даёт возможности восстановить всю картину аварии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, **в которой мы покидаем Владивосток**

В течение тех дней, что мы провели в инспекции, я неоднократно убеждался в необыкновенной памяти нашего нового знакомого.

— Миша, дорогой,— обращался к Белову полный, черноусый, кавказского вида моряк,— лекция у меня сегодня в клубе. Хочу рассказать про локацию. Что, если им про «Стокгольм» и «Дориа», а? Популярно, наглядно.

Белов кивал:

— Расскажи.

— Где столкновение было? Где-то около Нью-Йорка? Лет десять назад?

— У плавучего маяка Нантакет. 25 июля пятьдесят шестого года.

— Швед с итальянцем? Виноват кто — итальянец?

— Суд этого не установил.

И Белов ровным голосом излагал драматическую историю столкновения, во время которого острый нос сверкавшего белой краской великолепного «Стокгольма» врезался в борт «Дориа», беспечного судна, команда которого плыла в тумане, не ведя прокладки за встречные суда, хотя их то и дело обнаруживали на экране радиолокатора.

— Нарисуешь на доске пеленга,— говорил Белов.— Бери лист бумаги... В центре — «Стокгольм». Около него пиши: момент первого обнаружения 23 часа, курс 90°, курсовой угол на «Андрея Дориа» 2° левого борта. Дистанция 10 миль... Второе определение...

Толстяк, пытая, послушно рисовал.

Наконец настал день, когда нам принесли билеты на рейсовый пароход до Южно-Курильска. Три билета, потому что Белов получил предписание тоже идти на Шикотан расследовать столкновение, о котором говорил нам.

Мы решили отнести ему билет домой.

Маленький инспектор озабоченно тёр на кухне морковь.

— «Бира»,— прочитал он на билете название судна.— Ну-ну...

Дверь скрипнула, и из-под неё показалось что-то чёрное, изогнутое, похожее на змею.

Я вздрогнул.

— Это кочерга,— сказал Белов.— Дети, марш от двери! Не мешайте взрослым.

Кочерга исчезла.

— Я хочу пить! — сказал мальчишеский голос из-за двери.

Белов налил кружку воды.

За дверью слышались хихиканье и плеск.

— Миша! — сказала жена.— Они обливают друг друга.

Белов выскочил в коридор.

— Может быть, вы хотите чаю? Посидим, поговорим,— неуверенно, даже испуганно спросил он, вернувшись.

— Нет, нет,— улыбаясь, сказал Аркадий.— До завтра, на пароходе.

Мы встретились на палубе «Бире».

Владивосток отступал. Медленно повернулась плотно заставленная пароходами бухта. Задрожало и слилось с голубыми дымками заводов туманное пятно над восточной окраиной. Отошёл Скрыплев — маяк на небольшом обрывистом островке. По правому борту потянулся бесконечный, с лысой горой и причудливыми бухточками, Русский остров.

Японское море гнало навстречу «Бире» пологую волну, раскачивало, шевелило в каюте вещи.

Мы с Аркадием сидели у иллюминатора и следили, как движется чёрно-зелёный берег, как сгущается над ним синева и как закипает белой пеной перепаханное ветром море.

Белов спал. Как только мы вошли в каюту, он забрался на верхнюю койку и заснул. Он лежал на спине беззвучно, вытянув руки по швам. Пухлый, огромный, покрытый царапинами дорожный портфель лежал у него в ногах.

Прошли остров Аскольд. Пять неровных, похожих на торчащие из воды зазубренные ножи скал —

кекуры Пять Пальцев — прорезали горизонт, проплыли мимо борта, тая и оседая, скрылись в туманной дали.

Ночью на пароход обрушился ветер. «Бира» валилась с борта на борт. Рюкзак Аркадия упал и, как черепаха, начал медленно странствовать по полу. Я лежал на койке, ощущая сладковатый вкус обильной слюны во рту и привычную тяжесть в голове.

В полночь «Бира» изменила курс. Иллюминатор оказался неплотно закрытым, стол залило струями солёной воды.

Я плотно закрутил барашки иллюминатора, потушил свет и повалился на койку.

Ветер стих так же неожиданно, как начался. Размахи судна уменьшились, а под утро совсем прекратились.

Мы сидели и по очереди играли в шахматы.

— Так что там за история на Шикотане? — спросил Аркадий. — Что вы будете расследовать?

— Столкновение, как всегда, — нехотя произнёс Белов.

— Сложный случай?

— Простых у нас не бывает.

...Это случилось туманным июньским днём. Рыболовный траулер «Заная», сдав улов, закончил разгрузку и, не дожидаясь улучшения видимости, отошёл от причала. Со стороны Кунашира к острову в это время подходил малый танкер «Тис». Они шли в тумане навстречу друг другу и наблюдали один другого на экранах локационных станций.

— Корабли расходятся левыми бортами, — сказал инспектор. Он повторил: — Они должны расходиться левыми бортами во всех случаях, когда идут прямо или почти прямо друг на друга.

Когда порыв ветра поднял туманную пелену, капитаны увидели то, что давно представлялось им ясным из дрожания зелёных пятен на экранах локаторов.

Капитан «Тиса» увидел судно, идущее прямо на

него, и для предупреждения столкновения приказал положить руль вправо. «Тис» покатился вправо, освобождая, как думалось капитану, дорогу встречному.

Капитан «Занаи» увидел нечто иное. Он увидел судно, идущее немного правее его курса, немного, но достаточно, как утверждал капитан, для того, чтобы благополучно разойтись, не прибегая к маневрированию. Он не изменил курс траулера и тогда, когда «Тис» начал, резко поворачивая, пересекать ему путь. Он не успел ничего изменить, и железный форштевень «Занаи» врезался в хрупкий борт танкера.

Не было жертв, оба судна ушли своим ходом на ремонт, комиссия определила ущерб.

— Итак, один из капитанов обязательно виноват? — сказал Аркадий.

— Обязательно, — ответил Белов, — всегда, при всех столкновениях есть нарушение правил.

— Когда это было?

— В начале мая.

— Но почему вы должны ехать из Владивостока расследовать случай, который наверняка сразу же был расследован другими, на месте, по горячим следам?

Белов кивнул.

— Столкнулись рыбник и строитель, а наша инспекция межведомственная. Было расследование. Признали виновным капитана «Занаи».

— Почему?

— Есть правило, — сказал он. — Во время расследования проверяются судовые журналы за последние три месяца. Судовой журнал «Занаи» вёлся с грубым нарушением правил. Записи в судовых журналах «Тиса» и «Занаи» противоречат друг другу, — добавил Белов. — Радиолокационные станции на судах были исправны, но показания станций явно записаны в журналы после столкновения.

Он достал из портфеля тоненькую книжку в сером переплёте и помахал ею в воздухе.

— Это «Правила предупреждения столкновения судов». Они родились вместе с кораблями. Не нарушая правил, не столкнёшься.

Я важно кивнул. Я разделял веру Белова в непогрешимую истину правил, над хитроумным усовершенствованием которых столетиями бились моряки...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Остров Кунашир

Вместо обещанных по расписанию пяти суток мы шли неделю — встречный ветер и пятибалльная волна уменьшили скорость «Биры» до трёх узлов. Пароход шёл настолько медленно, что пена, возникнув у его носа, успевала погаснуть, не пройдя расстояние до первой мачты.

Нам досаждал буфет. Мы не купили ничего на берегу и были отданы на милость двух женщин, изредка открывавших дверь с обманчивой табличкой «Обед и ужин».

Женщин укачало, вместо вожделенных супов и котлет в буфете продавали сырые яйца.

Мы пили их, давась от отвращения, собирая у пассажиров соль, как подаяние, и бегали на палубу смотреть, как проплывают мимо берега.

Ночью на теплоход надвинулся огромный вулкан. Он навис над палубой. Стекланные звёзды обрамляли его вершину. Вершина была двуглавой.

— Тятя! — назвал гору, сверившись с картой, Аркадий. — На рассвете придём в Южно-Курильск.

Южно-Курильск оказался маленьким городком на берегу неглубокой бухты.

Он встретил нас солнечной погодой. Над яркой, омытой дождём зеленью лесов синело небо. С бурых скал свисали белые ниточки водопадов. Одинокий клоч тумана дрожал, зацепившись за косматый склон сопки.

По шаткому, в три доски, тротуару мы добрались до единственной идущей вдоль моря улицы.

Она была вымощена чёрным шлаком. Невысокие деревья, кусты за низенькими заборчиками, высоко поднятые деревянные тротуары, одноэтажные домики... Чистым и даже шеголеватым был этот маленький посёлок, приютившийся у подножия холма, огибающего полукольцом бухту.

Найти музей в таком небольшом городке было несложно.

По внешнему виду он ничем не отличался от окружающих домов — дощатое одноэтажное здание. Аркадий поднялся на крыльцо.

Дверь открыла молодая женщина.

— Василия Степановича нет, — нараспев сказала она. — Они вышли.

— Скоро придёт?

— Скоро.

В руке она держала тряпку. Решив, что перед ним уборщица, Аркадий сказал:

— Мы к нему. Подождём в музее, а?

— Ждите.

— Можно войти?

— А бумаги у вас есть?

— Бумаг у нас больше чем нужно. И все с печатями.

— Я супруга Василия Степановича, — сказала женщина и провела нас в кабинет — комнатку с письменным столом, плоским стеклянным шкафом и тонконогим креслом, но одних не оставила, а принялась тут же протирать тряпкой окно.

Хлопнула входная дверь, и в кабинет вошёл грузный, весёлый, с красным обветренным лицом и копной русых волос мужчина.

— А, ленинградцы, — сказал он Аркадию. — Долго же вы, долго добирались. Ну что ж, выкладывайте новости.

Я понял, что предприятие, затеянное Аркадием, директору по душе.

Мой друг рассказал о том, что удалось нам узнать за последние месяцы о гибели «Минина».

— Изменный? — удивился Василий Степанович. — Так это же рядом! Там есть посёлок рыбаков. У меня бригадир знакомый. И добираться туда несложно.

Поговорив, мы решили, что тотчас отправляемся на Изменный.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, **в которой с помощью вертолѐта** **мы достигаем Изменного**

Нас отправили с первой же оказией. По узенькому трапу мы влезли в вертолѐт. Загремел мотор, кабина наполнилась рѐвом и дребезжанием, затем звук двигателя перешѐл в грохот, пол качнулся, за окном начала валиться набок, съѣживаться, уменьшаться земля. Лѣтное поле превратилось в узкую коричневую полосу. Синее искрящееся море понеслось навстречу.

Подавленные шумом, мы с Аркадием молчали.

Не успел скрыться Кунашир, как на синей поверхности океана возник небольшой зелѣный остров. Он был подобен пуговице — края приподняты, середина вдавлена.

Остров стремительно приблизился, остановился, и стало видно, что это вершина затонувшего вулкана. В кратере светилось голубое озеро. Туман испарений курился над ним. Ручей, синей лентой вытекавший из озера, резал край горы и с отвесной стены падал дымной полосой в море. Белая пена казалась неподвижной.

— Так вот он какой — Изменный! — крикнул мне в ухо Аркадий.

Земля стала приближаться, увеличивалось озеро, росли деревья, чудовищно увеличился весь остров. Отчаянно, из последних сил взревел двигатель. Ноги

ощутили удар, мотор чихнул и остановился. Тишина, как обвал, придавила нас.

Пилот открыл дверь.

К вертолёту сбегались люди в ватниках.

Сопровождаемые кучкой рыбаков, мы пошли по посёлку.

— Их к бригадиру надо! — сказал кто-то.

В бараке в низкой и тесной комнатке сидел за столом худощавый чернобородый человек. Он сидел согнувшись в три погибели над громадным, разграфлённым на мелкие клеточки листом и с ожесточением вписывал в них тупым карандашом неуклюжие большие цифры.

— Совсем задурили голову, — сказал чернобородый, поднимая от листа невидящие глаза. — Кому это, скажи, пожалуйста, нужно? Вот сижу. Нет чтоб в море ходить.

Мы с Аркадием вежливо слушали.

— Без статистики нельзя, — сказал я, поняв наконец, о чём идёт речь. — Это у вас улов?

Чернобородый кивнул.

— Матевосян, — сказал он. — Моя фамилия Матевосян. Вы кто — туристы? Жить у нас будете?

Мы объяснили, что хотели бы остановиться на месяц-два.

— У нас свободно, живи где хочешь, — сказал бригадир. — Раньше народу было много, комбинат хотели строить, не стали. Теперь мы от Кунашира работаем...

Аркадий сказал:

— Может быть, поговорим? Нам нужна ваша помощь.

— Потерпите немного. Совсем пропадаю. — И, обращаясь к рыбаку, который привёл нас, бригадир сказал: — Григорьев, покажи им какой-нибудь пустой дом. Если стёкол нет — фанеркой забей, дров принеси, в общем — сообразишь.

Дом, в который привёл нас Григорьев, был дей-

ствительно пуст, двери и окна прихвачены гвоздями, в щелях гулял ветер.

— Прекрасно! — Аркадий сиял.

Скоро в железной круглой дымной печке гудело пламя.

Вечером, прежде чем заснуть, я вышел на крыльцо. Звёздный свет лежал на уставшем за день океане, на горизонте то разгорался, то погасал огонь далёкого маяка, в посёлке в окнах слабо и неверно светились оранжевые огоньки.

Утром нас разбудил кто-то шумный и властный. По комнате ходил человек, он гремел сапогами, переставлял на плите посуду, распахивал одно за другим окна.

Это был Матевосян.

— Проснулись? — сказал он. — Долго у нас не спят. Это что у вас — ботинки? В ботинках здесь тоже не ходят. Возьмите на складе резиновые сапоги. — Он уселся на табуретку. — Так что за дело? Короче — мне через час в море.

Аркадий рассказал, что мы приехали искать следы «Минина».

— А в памяти ни у кого не осталось: на скалы ведь выскочили сразу два парохода, — закончил он. — Может, какие разговоры, слухи?

Бригадир пожал плечами:

— Чего-чего, а обломков всяких тут хватает. Идешь с тралом, особенно если с донным, зацепит, поднимешь — кусок железа. Всё время цепляем. Я почему про донный — это мы гребешка ищем. Ведь у нас что в плане? — гребешок, трепанг, морские ежи, мидии... Одним словом, морепродукты... Вам на острове сидеть расчёта нет, надо в море идти. Хотите завтра к Двум Братьям?

Мы радостно переглянулись.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

где меня облачают в водолазный костюм

На следующий день маленький водолазный бот, деревянный, с высокой надстройкой на носу, тархтя и раскачиваясь, вынес нас из бухты, чтобы направиться к двуглавой скале, которая одиноко возвышалась на горизонте.

Здесь бот поставили на якорь. Григорьев натянул на себя толстое, в два пальца, вязаное белье, напялил сверху оранжевые резиновые штаны, надел стальное кольцо-пояс, резиновую рубашу с капюшоном и маской, накатал подол рубахи на кольцо, затянул пружинной.

Запустили помпу.

— Давай! — сказал Матевосян.

Григорьев, тяжело ступая медными башмаками пошёл к трапу. Ему подали верёвочный мешок с петлей — питомзу и острый багорок с ручкой.

В том месте, где исчез водолаз, вспыхнуло, забурлило облако пузырей.

Я сидел, прижав к уху телефонную трубку, и слушал, как хрипит, откашливается водолаз, как шумит, врываясь из автомата в маску, воздух.

Григорьев работал молча. Только один раз я услышал от него:

— Подтяни!

Матевосян подобрал свободные метры шланга. Теперь пузыри всплывали у самого борта.

— Дай питомзу! — слышалось в трубке.

Бригадир поднял с палубы второй мешок, зацепил его защёлкой — карабином, бросил в воду. Когда верёвка дёрнулась, стал неторопливо, с усилием выбирать.

Из воды мешок всплыл раздутый, полный чёрной слизистой массы. Вдвоём с матросом Матевосян перевалил его через борт, на палубу хлынул поток шевелящихся шишковатых морских червей. Трепанги были похожи на резиновые игрушки. Их свалили

в ящик. Матрос взял нож, сел, опустил в ящик ноги, не торопясь начал вспарывать им животы.

Очищенных бросали в бочку с водой.

Дважды сменились водолазы. Подул было и затишье.

Когда все бочки были заполнены до краёв, Матевосян сказал не глядя:

— Может, кто из вас сходит?

— Я.

На меня надели костюм, сунули в рот загубник, я судорожно вдохнул сухой тёплый воздух, кто-то толкнул в плечо, сказал: «Можно!»

Я вспомнил свои последние погружения на флоте, замахал руками, открыл окошечко маски:

— У меня неважные уши.

— Тут всего метров десять,— сказал Матевосян.

Повиснув в зеленоватой, наполненной солнечными пылинками воде, я, задрав голову, рассматривал тёмный силуэт катера. Он парил надо мной, как дирижабль, поблёскивал винт, подрагивала, свисая с борта, узкая металлическая лесенка.

Когда боль в ушах утихла, попросил опустить пониже и очутился на дне. Всколмленным полем лежала мелкая серая галька, туманилась сумеречная зеленоватая даль.

С трудом отталкиваясь ногами, я сделал шаг, второй...

— Куда влево забрал? — раздался в наушниках жёсткий дребезжащий голос.

Я повернул вправо. Из зеленоватой полутьмы выплыл светящийся, голубой от падающего на него света якорный канат, тут же оранжевый от ржавчины якорь, одна лапа в гальке, вторая торчит вверх...

Я обошёл вокруг него.

— Ну вот,— сказал дребезжащий голос.— Запутал шланг. Как теперь тебя поднимать? Стой!

Я остановился.

— В обратную, в обратную иди. От якоря отлепись.

Якорный канат и мой воздушный шланг дважды перекрещивались.

— Опять путаешь! — сказал телефон. — Стой уж... Или с якорем его вытянем?

— Не надо с якорем, — ответил кто-то.

— Тогда жди!

Надо мной появилось тёмное пятно. Оно увеличивалось. Стали видны ноги, зелёная рубаша, блеснул шлем.

Водолаз сел на дно, повернулся, подошёл, приблизил лицо. Через стёкла на меня смотрели глаза Матевосяна.

— Он говорит, чтобы вы не шевелились! — произнёс голос в моих наушниках.

Матевосян осторожно взял в руки мой шланг, затем медленно, толчками стал подниматься. Его подтаскивали, а он, перебирая руками, отделял шланг от каната.

Водолаз уменьшился, превратился в неясное пятно и исчез.

— Всё в порядке! — передали сверху...

Когда бот шёл назад, к острову, Матевосян сказал:

— Спрашивал я рыбаков. Погиб где-то здесь пароход. Только давно, слух есть, а никто ничего не помнит. Поискать придётся...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Остров Шикотан и некоторые обстоятельства ещё одной аварии

В конце недели неожиданно прилетел Василий Степанович. Он привёз письмо.

— Написал! — удивлённо и обрадованно говорил Аркадий. — Узнал адрес и написал. Вот человек!

Письмо было от Белова.

Маленький инспектор сообщал, что он задерживается на Шикотане, где расследование аварии идёт

очень медленно. Затем он писал, что ему удалось узнать новые обстоятельства, связанные с судьбой «Минина» и «Аяна». Дело в том, что один из этих двух пароходов, находившихся с 1922 года на камнях Два Брата, был снят в 1927 году и переведён на остров Шикотан. Остатки его, как утверждают рыбаки, лежат у берега и их можно осмотреть. Этим объясняется указание лоции на остатки всего одного парохода близ Двух Братьев...

— Так, так, так... Надо срочно ехать к нему! — сказал Аркадий. — А вдруг это и есть «Минин», а? Как отсюда добраться до Шикотана?

— Через Кунашир, — ответил Василий Степанович, — рейсовым катером «Орлец».

Следующим утром «Орлец» уже принял нас на борт.

Был штиль, неправдоподобный штиль со стеклянной водой и синими островами на горизонте. За кормой таял в белой дымке вулкан Менделеева, двуглавый Тятя угадывался с левого борта, справа в белёсом небе висели розовые облака.

Мы сидели на носу «Орлеца» и молчали.

Шикотан возник слабым рисунком на голубом стекле, плоским и длинным, коричневым и зелёным.

В Мало-Курильске на причале нас встретил Белов. Усевшись на ящик из-под сайры, маленький инспектор достал из портфеля лист чистой бумаги и начал рисовать остров. Он вытянул его наискосок с северо-востока на юго-запад и нанёс с океанской стороны в верхнем углу аккуратную звёздочку. Около неё он написал: «Мыс Край Света», пониже — там, где берег делал изгиб, — поставил в воде крестиков и нарисовал упавшую мачту. У неё было несколько перекалинок.

— Так обозначают затонувшие суда, — объяснил я Аркадию.

Потом Белов вытащил из портфеля пачку потрёпанных машинописных листков, и мы с Аркадием принялись их читать.

Вот что узнали мы из немногословных донесений тридцатилетней давности.

«...Пароходы, затонувшие у Изменного, решили обследовать японцы, у которых в двадцатые годы широкое развитие получили легководолазные работы.

Один из пароходов оказался в хорошем состоянии: его днище было пробито только в одном месте, в районе мидель-шпангоута, судно лежало на боку, доступ к пробоине открыт. Водолазы работали около года, они наложили на пробоину пластырь, а изнутри залили её цементом. После этого из парохода откачали воду. Работа была закончена осенью, пароход всплыл. Его потащили на Шикотан в ближайшую бухту.

Двум буксирам, которые вели судно, оставалось только обогнуть мыс Край Света, как неожиданно погода испортилась. Подул резкий юго-восточный ветер, буксиры попытались отвести пароход в море, но это им не удалось: прижимной ветер развернул пустую, высоко поднятую над водой коробку, упёрся в борт, как в парус, и погнал судно на камни.

Когда на следующий год судно обследовали, стало ясно — вторично снимать с камней его нет смысла, днище и борт разрушены.

В отлив обломки парохода значительно выступают из воды». — Так заканчивалось описание.

Белов забрал у нас смятые листки, аккуратно сложил и, сколов скрепками, сунул обратно в портфель.

— Ну что же, — сказал Аркадий. — Прекрасно. Если это и верно «Минин» и он возвышается над водой, то лучшего нельзя желать.

В день, который предшествовал нашей поездке на Край Света, я стал свидетелем того, как работает Белов.

Инспектор сидел в углу дощатого барака, на массивной табуретке за таким же, рубленным из

тяжёлых корабельных досок, столом и терпеливо выслушивал здоровяка в синей капитанской куртке, аккуратно записывая каждую его фразу.

— Восстановим ещё раз последовательность ваших действий. Начните с момента отхода.

— Вышел я из бухты. Иду.

— Каким курсом?

Капитан вздохнул:

— Триста десять.

Белов взял со стола из стопки один журнал, полистав его, подтвердил:

— «Заная»... Триста десять...— И внёс запись в опросный лист.

— Десятый раз спрашиваете,— сказал капитан.

— Триста десять...— протянул Белов.—
Дальше?

— Тут он.

— Кто он?

— «Тис».

— Где вы находились, в момент обнаружения?

— На мостике, где же.

— На мостике...

— Туман. Помощник доложил: «Судно!»

— Время.

— В журнале записано.

Белов опять листает журнал:

— 9 ч. 43 мин.

Капитан опять вздыхает:

— Значит, 9 ч. 43 мин.

— Вот вам чистый лист. Будем восстанавливать прокладку.

Они выписывают из судового журнала доклады помощника и начинают прокладывать на бумаге пеленга и расстояния.

— Так?

— Так! — соглашается капитан.

— Хорошо. Теперь берём журнал «Тиса».

Они наносят на лист то, что записал в журнал второй капитан столкнувшегося судна.

— Получается... — тянет Белов. — Что получается?

— Ерунда, — говорит капитан и багровеет. — Как же так: я его обнаружил справа, в стороне, а он меня — прямо по носу? А шли мордотык: я — 310, он — 130.

— Ерунда, — соглашается Белов. — Значит, или у одного из вас был неисправен радиолокатор, или — записи фальшивы.

Белов берёт со стола ещё один журнал.

— Вот записи, которые вы вели с двенадцатого марта по двадцать седьмое августа. Ваш журнал?

— Мой.

— Страница двадцать вторая. 3 ч. 15 мин. Курс 27, скорость 12 узлов. Вот обсервованное место. Берите карту... Следующий момент. 4 ч. 5 мин. Ещё одна обсервация. Какое расстояние между ними?

Капитан раздвигает циркуль и снимает с карты пройденный путь.

— 18 миль.

— А сколько вы могли пройти за 50 минут при скорости 12 узлов?

Капитан достаёт из кармана огрызок карандаша и начинает подсчитывать на уголке карты. Белов морщится и подвигает к капитанской руке остро отточенный карандаш.

— Без малого десять миль.

— Без какого малого?

— Ровно десять.

— Другое дело... Так как это могло быть?

Шея капитана из розовой становится багровой.

— Сколько же вы прошли за 50 минут — 10 миль или 18?

Капитан молчит.

— Вот акт проверки радиолокационных станций. На обоих судах станции исправны. Вы говорите — неверны записи «Тиса». Почему я должен верить вашему журналу, а не его?.. Кстати, я проверил его журнал. Он вёлся предельно аккуратно.

— Суд? — прямо спрашивает капитан.

Белов поднимает плечи:

— Не знаю. Ущерб выплачен?

— Нет ещё... Могу идти?

— Идите.

Капитан мнёт в руках фуражку, кивает Белову и выходит, опрокинув по дороге стул.

— Так что и верно — суд? — спросил я Белова, после того как перед моими глазами дважды прошли оба капитана. Они были очень похожи, водители «Тиса» и «Занаи», но, вероятно, только внешне, так как безукоризненная аккуратность документов, представленных «Тисом», убеждала в точности поступков и слов его капитана.

— Может быть, обойдётся одним арбитражем.

— Но ведь дело это как будто ясное? Коли записям журнала «Занаи» верить нельзя, остаётся принять за истинную прокладку «Тиса».

— Выходит так. Если бы можно было восстановить, как они шли на самом деле...

И тут в голову мне пришла мысль.

— Михаил Никодимович, в районе острова были в тот день ещё суда?

— Конечно.

— И на них работали радиолокационные станции?..

Белов понимающе кивнул. Я предлагал ему непосильный труд: если собрать журналы всех судов, которые плавали в тот день в районе столкновения, и выписать их радиолокационные наблюдения, то среди сотен безымянных отметок где-то есть места «Занаи» и «Тиса»...

Каторжный, неблагодарный, рискованный труд...

Позвонили из рыбного порта и сообщили, что машина, выделенная в распоряжение инспектора для поездки на мыс Край Света, уже вышла.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

о том, что мы увидели,
попав на Край Света

На потрёпанных, облепленных сухой грязью шинах автомобиля висели цепи.

Мы погрузили в кузов надувную лодку, забрались сами, заурчал мотор. Пыльная дорога понесла нас мимо однообразных деревянных бараков... Впереди синел горный перевал. Дорога кончилась, и под колёсами начали прихотливо извиваться две разбитые, идущие вверх колеи.

— Я бы предпочёл асфальт! — сказал Аркадий.

Едва он успел это сказать, одно колесо вобразилось на камень, второе нырнуло вниз, Аркадий свалился на меня.

Жалобно стонали рессоры. Дорога соскользнула со склона горы, и началась болотная топь. Густая коричневая жижа поплыла вровень с осями. Шофёр то включал, то выключал коробку скоростей, наконец круто положил руль вправо и съехал на камни в ручей. Здесь по крайней мере было прочное дно. Мы шли как торпедный катер — шумный водяной вал с рёвом захлёстывал берега. Наконец ручей ушёл далеко в сторону. Снова вынырнула колея, теперь она шла круто вверх, машина лезла по склону. Среди поросших мелким бамбуком полян стояли увешанные голубым мхом ели.

Я перегнулся через борт и стал срывать со встречных кустов листья.

— Осторожнее — нарвётесь на ипритку! — сказал Белов.

— На что?

— Сумах ядовитый. — Белов показал на куст с маслянистыми тёмно-зелёными листьями. — Будет тяжёлый ожог!

Я отдёргнул руку.

Начался перевал, стало сыро, подул холодный

ветер. Машина преодолела последний подъём, ударила кузовом и остановилась.

Впереди, тускло поблёскивая в лучах неяркого солнца, лежал Тихий океан.

Начался спуск. Теперь машина катилась легко и непринуждённо. Расхлябанный кузов пел ритмичную песню: крак-крак-крак... Голубоватые сосны неслись мимо. Сделав зигзаг, дорога вылетела к берегу. Впереди, на плоском коричневом мысу, светился столбик маяка.

— Край Света? — спросил Аркадий.

Белов кивнул.

Мы проехали мимо башни, белой, с кольцевым балконом и стеклянным фонарём наверху. Башня была окружена грудой пристроек, бетонные казематы соединялись между собой глухими переходами. Маяк был похож на крепость, которой предстоит выдерживать осаду долгих зимних штормов.

Машина резко затормозила.

— Дальше не проедем, — сказал шофёр.

Внизу под обрывом, в центре небольшой бухточки, между двумя острыми, как лезвия ножей, скалами виднелся изуродованный корпус судна. Чёрные бакланы рядками сидели на его палубе.

— Вот ваш пароход, — негромко сказал Белов.

Разделив поклажу — корпус надувной лодки, вёсла, помпу, рюкзак — осторожно ступая, гуськом мы начали спуск. Из-под ног вырывались и, обгоняя нас, уносились вниз камни.

Судно лежало метрах в пятидесяти от берега.

Стали надувать шлюпку. Ручная, похожая на круглую гармошку помпа хрипела. Мы провозились целый час, пока наконец борта лодки не округлились и не стали тугими.

Спустили лодку на воду и, чувствуя себя в ней как неопытные наездники на непослушной лошади, двинулись в путь.

Острые края железных листов выступали из бортов, грозя распороть наше утлое судёнышко. Мы

кружили до тех пор, пока не заметили ровную стенку — остатки корабельной надстройки. Аркадий уцепился руками за иллюминатор. Белов с неожиданной лёгкостью прыгнул на палубу. Привязав лодку, мы начали осматривать пароход.

Зелёные нитевидные водоросли покрывали мокрые стены. Мелкие крабы шурша убегали при нашем приближении. На дне залитых чёрной водой трюмов мерцали фиолетовые иглы ежей.

Годы не сумели окончательно разрушить корпус. Палуба сохранилась, борт, правда, во многих местах разошёлся, но надстройка в средней части судна была цела. Над ней торчали изогнутые остатки мачт и трубы.

Аркадий карабкался с одной балки на другую, лазал по трапам, заглядывая в каждый люк.

— Где тут шлюпочная палуба? — спросил он.

— Мы на ней.

Белов сидел на корточках и скоблил угол между двумя балками. Они соединялись треугольной кницей. Перочинным ножом Белов отделял пластинку за пластинкой гнилое железо.

Я уже понял тщету поисков. Зимние шторы вымыли из корабельных кают всё. То, что не было унесено волнами, скрывалось теперь под грудой обрушившегося в трюмы железа или лежало на дне бухты под многометровым слоем песка.

— Что вы делаете? — спросил Аркадий.

Инспектор вытер тыльной стороной ладони потный лоб.

— Помогите мне.

Мы присели рядом и стали расчищать углубление. Наконец из-под ржавчины блеснуло железо.

Наши ладони были перепачканы коричневой пылью, пальцы кровоточили.

— Что мы делаем? Вы можете сказать или нет? — взорвался Аркадий.

Угол был расчищен, заклёпки, которыми соединялись балки, обнажены.

— Это не «Минин»,— сказал Белов.— Это «Аян».— Он печально усмехнулся.

Воцарилась тишина, великолепная тишина, которая всегда сопутствует неудаче. Слышны были только бормотание волн и тоскливые крики бакланов.

— Из чего вы это взяли? На судне нет ни одной надписи,— спросил Аркадий.

— Вот,— Белов погладил ладонью очищенные от ржавчины заклёпки.— В 1909 году фирма Ланц перешла на крепление палубного бимса со шпангоутом с помощью кницы и восьми заклёпок вместо шести, как это делалось ранее. «Минин» был построен в девятьсот шестом году, «Аян» заложен в девятьсот девятом... Здесь восемь заклёпок.

Аркадий слушал Белова, хмурясь и кивая в такт его словам.

— Значит, это «Аян»,— сказал он и захохотал.— Значит, это «Аян»! Ура!

С берега уже раздавались автомобильные гудки.

Назад мы ехали той же дорогой. Машина мчалась по ломкой, стеклянной воде ручья. Обезумевшие форели выскакивали из-под колёс. Аркадий держался рукой за моё колено и счастливо улыбался.

— Ты понимаешь,— кричал он мне в ухо,— я струхнул. Как только увидел этот пароход, струхнул: в нём бы нам ничего не найти. Не найти — слышишь? А так есть ещё шанс!.. Может быть, там, у Двух Братьев, до сих пор лежит «Минин»? Лежит спокойно на дне и ждёт нас!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

**в которой мы с Аркадием снова
расчищаем заклёпки**

Не застав на Кунашире Василия Степановича — он уехал по своим музейным делам на Сахалин,— мы с Аркадием вернулись на Изменный и с первым же катером отправились к Двум Братьям.

Мы везли с собой небольшую лодку, которую нам дал Матевосян.

За чёрной грядой рифов вяло раскачивался океан.

Сперва мы прошли в лодке вдоль внутренней стороны мели. Чёрные блестящие камни неторопливо проплывали мимо борта. Пузырчатые бурые водоросли шевелились у их оснований.

Аркадий лежал на носу лодки и держался за борт побелевшими от соленой воды пальцами.

— Что видно?

Он безнадёжно махнул рукой.

Зыбь лениво двигала воду.

Мы бродили между камней, то и дело уклоняясь от их острых, покрытых липкими водорослями боков.

— Смотри! — сказал вдруг Аркадий.

Он вытянул руку. Там, впереди, резко отличаясь от горбатых, облизанных волнами круглых каменных лбов, виднелся правильный чёрный прямоугольник.

— Это не камень.

Я перестал грести.

— Похоже. И верно не камень. Это какая-то платформа.

Мы прошли между извилистыми рядами бурых, вытянутых по ветру водорослей — ламинарий, проскользнули мимо островерхого кекура и очутились около ржавой, в чёрных потёках, железной платформы. Смятый, безжизненный металл — груда лома...

— Аркадий, как ты думаешь, — глухо спросил я, — что это?

— Остатки парохода.

Нос лодки ударился о платформу. Держась за её края, мы перебрались на обломок судна.

При виде нас прозрачные рачки, как брызги, покатались по железу.

Под платформой бормотала вода.

Я подошёл к краю, перегнулся и посмотрел вниз. В зеленоватой глубине шевелились бесформенные

тени. По стене из жёлтого металла, выгибаясь, ползла фиолетовая морская звезда.

— Давай проверим,— сказал Аркадий.

Он присел на корточки и начал скоблить ножом источенные временем балки.

Я присел рядом. Лезвия с каждым движением всё глубже погружались в коричневую ломкую кору. На руки Аркадия оседала красная пыль. Мы расчистили угол и стали считать заклёпки. Их было шесть.

— Это «Минин»,— сказал Аркадий.— Понимаешь, Сергей, это «Минин»! Надо срочно сообщить Василию Степановичу. Пусть вызывает водолазов.

Назад мы плыли медленно, мешала грести зыбь. Она подкрадывалась, поднимала, поворачивала лодку носом к Изменному. Остров дрожал на горизонте, впереди чернели Два Брата. Где-то около них раскачивался наш бот. Мы рассказали Матевосяну и Григорьеву о находке.

— Самое главное, парни, какое там дно,— сказал Григорьев.— Если каменистое, всё, что упало, ещё можно найти, а если там ил...— Он присвистнул.

— Какая там глубина? Забыли смерить, вот шляпы! — сказал Аркадий.

Он снова ушёл на лодке, на этот раз с Матевосяном. Вернувшись, бригадир сказал:

— А ведь нашли! Э! Я думал, не найдёте. Всё-таки городские люди, куда вам... Неглубоко — двадцать метров. Пустяк, да?

Мы вернулись на Изменный, и Аркадий тотчас же дал Степняку радиogramму. В ответ Василий Степанович сообщил по радио, что вылетает на Сахалин за водолазами, и обещал быть с ними к концу недели.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

закрывающая в себе содержание двух писем

Почта сработала четко.

Рыбаки привезли два письма. Их переслали почтовые отделения Ленинграда и Южно-Курильска.

Из первого конверта Аркадий извлёк пачку листов, исписанных мелким старческим почерком. Писал единственный оставшийся в живых сотрудник газеты «Дальневосточный моряк».

«Йошкар-Ола, 19 июля.

Уважаемый товарищ Лещенко!

На ваше письмо, переданное мне секретарём местного отделения Союза журналистов, сообщаю, что в 1922 году непродолжительное время был сотрудником оппортунистической газеты «Дальневосточный моряк», издаваемой эсерами. Будучи человеком молодым и политически незрелым, я соблазнился хорошим заработком, иметь который в те смутные дни во Владивостоке представлялось мне счастьем. Окончив незадолго до того курс гимназии и имея склонность к литературе, я решил стать на многотрудную стезю журналиста. В ответ на обращение близкого знакомого нашей семьи Неустроева Вадима Савельевича принять участие в редактировании газеты для русских моряков, дал согласие, в чём в дальнейшем неоднократно и горько раскаивался. Владелец газеты Неустроев оказался человеком эсеровских взглядов, алчным и предприимчивым. Газету, как помню, мы готовили в подвале дома № 8 на Суйфунской улице, где ранее размещались склады готового платья. Печатали её в частной типографии Лазебко.

Всего было выпущено пять или шесть номеров. Выходили они раз в неделю, по субботам.

Не могу не дать оценки личности Неустроева, который в непродолжительном времени разоблачил себя как человек, обуреваемый жадной наживы, для чего вскоре уехал на Камчатку и Колыму, где под прикрытием бочкаревских банд ещё творился разгул частной инициативы. Как мне известно, Неустроев организовал там акционерное товарищество по добыче морского зверя. Потерпев неудачу в этом предприятии, он после уничтожения под Гижигой в апреле

1923 года последнего отряда Бочкарёва бежал через Анадырь на зверобойной шхуне на Аляску, где след его теряется.

Что касается рассказа «Жертвы волн», то он был написан Левковским, печатавшим свои заметки под псевдонимом Н. Сорокин. По словам Левковского, писался он на основании свидетельств моряка, якобы спасшегося при гибели парохода «Минин».

Для того чтобы вы могли представить себе непорядочность Левковского, скажу только, что однажды этот журналист позволил себе опубликовать очерк о посещении Гонконга, в котором не бывал ни разу.

Из Владивостока Левковский бежал на пароходе «Осака-мару».

Моя дальнейшая судьба сложилась следующим нелёгким образом...»

Под письмом стояла ничего не говорящая нам подпись. Аркадий вскрыл второй конверт. На нём был владивостокский штампель.

«Уважаемый товарищ Лещенко!

На днях мне было передано письмо, из которого я узнал о Вашей работе по выяснению обстоятельств гибели парохода «Минин».

Будучи членом партии с 1921 года и занимая в продолжение жизни ряд ответственных постов, хочу живо откликнуться на Вашу просьбу.

Мне ничего не известно о пароходе «Минин» и причине его гибели. Однако упоминавшийся в Вашем письме пенал я видел.

Летом 1922 года в ожидании наступления Народно-революционной армии мы, подпольщики и активисты Владивостока, перешли к активным действиям. Мы вели разъяснительную работу среди населения, старались не допустить вывоз из города ценностей, оборудования заводов и средств транспорта. Чтобы предотвратить панику, решено было распространить среди населения листовки с прика-

зами командования НРА и обращения к населению.

В те месяцы я устроился на работу сторожем в частный музей, где директором был Соболевский Вениамин Павлович. Это было лучшей формой конспирации: разъезжая по всему городу с поручениями, я имел возможность выполнять задания организации.

Пользуясь особым положением музея, я стал хранить в нём отпечатанные листовки, а иногда и оружие.

Перед вступлением в город Народно-революционной армии нам передали через линию фронта текст подготовленного приказа командира Уборевича, который мы решили распространить для предупреждения паники и слухов о готовящихся в городе боях. В эти дни отступающие белогвардейцы усилили террор. В городе начались обыски.

Отпечатанный приказ и листовку-обращение я принёс в музей и хранил в мусорном ящике под лестницей.

Как-то, незадолго до ухода японцев, меня вызвал директор. Он был взволнован, то и дело нетерпеливо смотрел в окно. Не вдаваясь в подробности, Соболевский попросил моей помощи в упаковке пенала с какими-то бумагами, как он сказал, огромной исторической ценности. Я помог принести из подвала пенал, и мы стали укладывать в него зашитые в материю свёртки.

Уложив их, Соболевский достал из своего стола небольшую тетрадь в мягком переплёте, долго не мог решиться, но положил и её в пенал, сказав что-то об особой ценности тетради для него лично.

В это время во дворе раздался шум, крики — звали директора. Соболевский вышел, а я выглянул в окно и увидел взвод солдат и несколько человек в штатском. Я понял, что пришли с обыском, бросился к себе в каморку, достал из ящика пачки с листовками, пистолет и, вернувшись в кабинет, спрятал их в пенал, на самое дно.

После разговора с директором солдаты ушли, и я до возвращения Соболевского успел изъять из пенала свои свёртки и пистолет.

Соболевский приказал мне поскорее закатать пенал, что я и сделал, после чего попросил разрешения отлучиться. Я решил отнести листовки на квартиру одного товарища, который должен был расклеить их той же ночью. Однако на улице я был арестован и брошен в тюрьму, где просидел всего двое суток. Тюрьма была захвачена отрядом подпольщиков, а мы, арестованные, выпущены.

Вернувшись в музей, я не обнаружил там ни директора, ни пенала.

По сообщению жителей соседнего дома, ночью, перед эвакуацией, в музей ворвалась группа вооружённых офицеров. Вскоре они ушли, вместе с ними музей покинул и Соболевский. Какие вещи были унесены, соседи не видели, но через час после их ухода в музее начался пожар. Потушили его жители соседних домов (пожарная команда не приехала), при этом большая часть экспонатов пропала, что установлено актом инвентаризации, к составлению которого я привлекался.

После сдачи в государственные фонды оставшегося имущества музея я уехал из Владивостока, занимал ответственные должности в системе органов культуры и здравоохранения. В родной город Владивосток вернулся недавно, после выхода на пенсию.

Возвращаясь к личности директора Соболевского, могу сказать, что, кроме случая с кражей документов, других отрицательных черт за ним не могу отметить.

Искать же пенал, по моему убеждению, следует в подвале дома или в саду, окружавшем музей, где он вполне мог быть зарыт Соболевским.

Пенсионер республиканского значения
Прилепа».

— Теперь мы знаем историю пенала. Многое стало ясно,— сказал Аркадий.— Прилепа ошибается только в одном — пенал не был спрятан, его увезли. А главное — мы теперь знаем: в нём есть важные документы и ещё какая-то тетрадь — тетрадь Соболевского.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

в которой появляются водолазы

Маленькое судёнышко навалилось на пирс, раздался короткий хруст дерева и протяжный скрип стали.

Двое парней на палубе катера — рядом с ними стоял Василий Степанович — с любопытством разглядывали посёлок.

— Водолазы? — крикнул Аркадий.

Парни закивали.

— Давай, ребята, выкидывайтесь,— сказал им, выходя из ходовой рубки, моряк в мятой капитанской фуражке.— Стоять не будем.

На пирс полетели рюкзаки, сумки, открыли борт, стали выносить какие-то ящики.

— Акваланги привезли,— сказал через борт Аркадию Василий Степанович.— Ну как, заждались? Новости есть?

— Есть немного.

Последней вынесли на причал связанную в оранжевый тук палатку. Катер затарахтел дизелем, вычертил сложную кривую посреди бухты и исчез.

— Ну что ж, давайте знакомиться.

— Николай...

— Боб.

— Вообще-то его зовут Борисом,— объяснил Василий Степанович.— Но, сами понимаете, Боб звучит лучше — приобщение к цивилизации.

— Какая там глубина? — спросил Николай.

— Двадцать метров.

— Когда мы уродовались на «Эмбе»,— сказал

Боб,— у нас палатка стояла на палубе. Это около Сухуми, дыра у неё в борту была — грузовик въедет! Немцы торпедировали в начале войны... Начнём скоро?

Утром мы ушли к Двум Братьям.

На «Минине» ничего не изменилось.

По наклонной, изъеденной ржавчиной палубе бегали серые, похожие на пауков крабы. В пробоинах тускло светилась вода.

Николай ходил по обломкам «Минина», как кошка, принохиваясь.

— Так... так...— бормотал он.

Затем они с Бобом надели акваланги, с плеском, баллонами вперёд, упали в воду, поблескивая ластами, скрылись.

Овальные пузыри, вихляя, поднимались из глубины. Они выскакивали на поверхность и с лёгким урчанием распадались.

Мы с Аркадием ждали.

Прошло полчаса, Николай с Бобом взобрались на платформу, сняли акваланги, закутались в одеяла и стали рассказывать.

— Кто его знает,— как-то неопределённо начал Николай.— Пароход, конечно, тут. Вернее, то, что от него осталось,— средняя часть. В общем, лом. Там, под нами, машина, котлы. Много труб. Заросло всё, раковин, извести — горы.

Аркадий слушал и мрачнел.

— Водорослей — лес,— добавил Боб.

— Не в них дело,— продолжал Николай.— Судно почему уцелело? Сидит между камней. Здоровенные две скалы. Из-под воды если смотреть, получается так: скалы — между ними судно. Тут же лежат отдельно нос, корма. А чего удивляться — столько лет прошло.

Накатился дождь, капельная морось упала на остатки «Минина», море слилось с небом, воздух стал серым, непрозрачным, низкие ленты тумана повисли над скалами, как бинты.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Про остров водолазов

Матевосян стоял на берегу и с удивлением смотрел, во что превратила Двух Братьев фантазия Боба. Позади скрипел форштевнем о гальку водолазный бот.

Боб был комендантом. Он сам назначил себя комендантом острова и начал с водружения флага. На острове рядом с палаткой он установил мачту, на мачте развевался флаг. На нём были нарисованы два скрещённых баллона от акваланга и водолазная маска.

Боб объяснял бригадире назначение флага:

— Это выппел. Понимаете? Выппел, как на военных кораблях. Сегодня подняли, а в день окончания работ торжественно спустим.

— Флаг — это хорошо, — спокойно отвечал бригадир. — А хлеб где будешь брать?

— Проживём на галетах.

— Умрёшь ты на галетах. Деньги дай — привозить будем. Раз в три дня буду присылать катер.

Боб провёл его в палатку. В ней стояли четыре раскладушки, стол, лежали акваланги, четыре рюкзака и наши с Аркадием чемоданы.

Рядом с палаткой стояли укрытые прозрачной плёнкой компрессор и мешки с консервами.

Кухня располагалась под скалой, в нише.

Подивившись нашему быту, поцокав языком, Матевосян ушёл.

Каждое утро, гремя кружками, мы собирались на завтрак. Потом надували шлюпку, и водолазы шли обследовать судно.

Начали с осмотра дна.

— Чисто. Кругом каменная осыпка, — рассказывали они. — Всё хорошо видно, если бы что лежало — нашли бы сразу.

— А если пенал в середине судна? Что тогда?

— Тогда надо взрывать...

От картины, созданной когда-то воображением Аркадия, в которую поверил и я — громадный пароход на боку, в каютах плавают разноцветные пучеглазые рыбы, а в одной из кают лежит, ожидая нас, пенал, — не осталось ничего. Длительный, но такой понятный поиск — каюта за каютой, — полный приключений и романтики, оказался химерой.

Я с нетерпением ждал, когда под воду разрешат опуститься мне.

Наконец настал день, и Николай сказал:

— Сегодня пойдёте, только недолго и со мной.

Одеться мне помогал Боб. Мы с ним бережно тянули, раскатывали тонкую резину, я приседал, разводил ноги; когда костюм был надет, взвалив на спину акваланг и сбив на лоб маску, пошёл к борту, гулко шлёпая ластами, добрёл до края платформы, боком свалился в воду.

Зелёная густая полутьма, наполненная серебристыми пузырьками, закипела перед стеклом.

Пузырьки ползли вверх, следом за ними поднимался, переворачивался, теряя равновесие, и я. Всплыв, вынул изо рта загубник и попросил:

— Добавьте груз!

Меня подтянули, расстегнули пояс, надели на него ещё два свинцовых кубика. Я снова прыгнул. Рядом, с шумом, в треске лопающихся пузырей, свалился в воду Николай. Сбоку от нас уходила вниз жёлто-зелёная стена — борт «Минина». На ней звёздчатыми пятнами сидели ежи. Я тронул пальцем одного. Тоненькие нитевидные ножки высунулись между иглами, протянулись к выступу в борту, ткнулись в него, приклеились. Сокращая ножки, ёж начал уползать...

Две скалы, как огромные корни гигантского зуба, прочно держали остатки парохода. В одном месте борт был разорван от киля до палубы. Николай приблизился ко мне, показал рукой на пробоину, жестом позвал: «Плывём?» Я робко последовал за ним. Кромешная тьма. Кто-то тронул за руку, я

вздрогнул, моё запястье обхватили чьи-то пальцы — Николай тащил меня вовнутрь. Впереди смутно зазеленело пятно. Оно было сначала расплывчатым, потом приняло форму круга. Иллюминатор! Забортная вода, серая, тусклая, теперь — если смотреть на неё изнутри судна — казалась изумрудной. Я высунил руку из иллюминатора, к ней тотчас подплыла стая вилохвостых рыбок.

Чувство радостного удивления захлестнуло меня. Я оттопырил вверх большой палец и показал Николаю — его маска была рядом: «Хорошо, очень хорошо! Мы найдём здесь этот чёртов пенал. Подумать только: очутиться в затонувшем корабле!»

После полудня мы вернулись на скалу, разожгли костёр и, согреваясь его горячим дыханием, слушали, как пузырится и щёлкает в котелке вода и шевелится бережно залитая водой картошка.

Вечером на остров пал туман. Белая непроницаемая стена отгородила скалы от моря, палатку от камней, нас друг от друга. Серые капли сыпью оседали на лицо, всё сделалось липким и скользким, стало трудно дышать.

Тяжёлое белое безмолвие колыхалось вокруг палатки. Только крики чаек, обычно заглушаемые ветром, разносились необычно громко.

Наступила холодная сырая ночь. Я забился в глубь спального мешка и, закрыв глаза, ещё раз увидел зелёное пятно иллюминатора и голубых рыб, доверчиво трогающих губами мои пальцы.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Мы находим сейф и ствол от пожарного рукава

На четвёртый день Николай нашёл гребной вал. Короткий и толстый массивный цилиндр лежал, вырванный из тела судна и отброшенный прочь силой удара. Винта около него не было.

Полуголые, сняв рубашки, мы с Аркадием сидели на железной платформе и следили, как пузырьчатые

дорожки опоясывают «Минин», — Николай и Боб плыли, расширяя круг поиска.

Ничего больше не обнаружив на дне, приступили к поискам во внутренних помещениях.

В носовой части «Минина» был трюм, а около форштевня система узких, похожих на колодцы отсеков. Обшивка здесь была почти вся содрана, и мы легко попадали внутрь. Навстречу из тёмных углов выплывали потревоженные жители: мраморные камбалы испуганно таращили глаза, колючие крабы, заметив приближение человека, откидывались назад и, подняв вверх массивные клешни, начинали грозить пришельцу.

Нашей добычей стал ящик с битым стеклом. На изогнутых осколках виднелись следы краски — в ящике боцман держал свой малярный скарб.

Закончив осмотр носовой части, вернулись на платформу. Через пролом в борту, который мы с Николаем нашли во время моего первого погружения, стали проникать внутрь судна. Доступными оказались три помещения.

Первое, с единственным, так восхитившим меня иллюминатором, оказалось пассажирской каютой. Пиллерсы — столбы, между которыми размещались койки, — остались нетронутыми, но сами койки провалились, их деревянные части сгнили. В каюте мы не нашли ничего.

Второе помещение было коридором.

Я попал туда с Николаем. Пятно дрожащего неверного света бродило по стенам. Фонарь выхватывал из темноты прихотливые ряды заклёпок и коричневые облачка жидкости, которой стреляли в нас перепуганные, сидящие по углам крошечные осьминожки.

Столб света упёрся в висевший на стене длинный предмет. Мы не сразу узнали его — пожарный ствол чистой меди избежал тлена. Николай протянул руку — сгнившие крючья рассыпались, ствол медленно, невесомо опустился на пол.

Я унёс его на поверхность. Коллекция поднятых со дна вещей росла.

В коридоре мы нашли дверь. Она вела в маленькую, без иллюминаторов, каюту. В таких размещаются третьи и четвёртые помощники капитанов.

Каюту обследовал Боб.

По его словам, он проплыл внутрь судна, осторожно проник в коридор и остановился перед дверью.

Она не была закрыта, но щель между дверью и стеной оказалась узкой. Плыть через неё, имея за плечами акваланг, он не решился.

Тогда он принёс сверху ломик.

Пузыри воздуха бродили под потолком, ласты пловца поднимали облака жёлтой мути. Наконец свет фонаря стал неразличим.

Войти удалось только на второй день.

Через распахнутую дверь Боб вошёл в крохотное помещение. Он выкинул вперёд руку с фонарём и стал торопливо светить по углам, стараясь всё разглядеть, пока не поднялся потревоженный его вторжением ил.

Он успел различить остатки кровати, металлический стол, на стенке — крепления от книжной полки, в углу — открытый сейф.

Резкое движение, которое он сделал, подняло с пола новую струю ила. Боб отпрянул назад, забурлил ластами — всё исчезло в жёлтом тумане. Держась руками за стенки, водолаз выбрался из парохода.

— Сейф? — переспросил Аркадий, когда Боб поведал нам историю посещения каюты. — Здорово! В нём тоже может лежать что-то важное. Надо осмотреть.

— Небольшой. — Боб показал руками размеры. — Стоит на полу. А вдруг и верно найдём в нём что-то?

Опускались Николай и Боб. Мы с Аркадием сидели на мокром холодном железе и смотрели вниз в воду.

Пузыри били родничком. Сперва они всплывали

у наших ног. Потом исчезли — водолазы проникли внутрь судна, — спустя минут десять появились снова. В зелёной воде извивались две тени. Они увеличивались. Белые купола воздуха, обгоняя их, приближались к поверхности. Наконец из воды показалась физиономия Боба. Он держал над головой кулак. Раскрыл ладонь — на ладони лежала покрытая зеленью медная зажигалка...

— Я подумал: это часы или кошелёк, — рассказывал он потом. — Оказывается — пустяк! Ерунда. Он сплюнул.

— А по-моему, — сказал Аркадий, — зажигалка — это целая драма, это детектив.

Я понял ход его мыслей и представил себе такую картину.

На аварийном судне уже нет света. В тёмную каюту входит человек. Можно только догадываться; был ли это владелец каюты или кто-то посторонний? На палубе с боем, с криками идёт посадка, а он (его лицо едва угадывается в темноте) шарит в сейфе, держа горящую зажигалку. Что он искал в сейфе? Деньги, ценные бумаги, драгоценности?.. И что извёдал?

Этим кончились наши поиски: коридор и каюты не имели сообщения с остальными помещениями. Для того чтобы проникнуть внутрь, нужно было взорвать борт.

— Тола у нас взрыва на два, может, на три, — сказал Николай. — Рвать, так уж наверняка. Где? Есть такое место?

Такого места мы не знали. Решили ещё раз осмотреть дно.

Теперь мы плавали от «Минина» по радиусам. Направления отмечали, устанавливая каждый день на платформе два шеста. Линия, проходящая через них, была ведущей. Водолаз, всплывая, смотрел — не сошёл ли он с неё?

Эти дни ничем не порадовали. Только однажды тревога заставила забиться наши сердца. Плавающая

в паре с Бобом, я заметил странный предмет. Одна половина его была погребена под галькой, вторая выступала наружу. Ощупав его, мы с Бобом с радостным удивлением обнаружили, что это цилиндр, но когда очистили, на выпуклой крышке отчётливо проступили головки заклёпок: всего лишь какая-то часть паровой машины...

Ощущение неудачи сделало нас необщительными. В тот вечер мы мало разговаривали между собой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

где я встречаюсь с осьминогом

Шли однообразные дни поисков, мы осматривали шаг за шагом дно около «Минина», всё ещё надеясь обнаружить какой-нибудь след разыгравшейся когда-то здесь драмы. И он нашёлся.

Под водой был Николай, время от времени Боб перегибался через борт катера, опускал в воду металлический стержень и ударял по нему молотком — это означало «работаешь в видимости катера, в сторону не ушёл, всё в порядке». Если сигнала долго не было, Николай всплывал; над водой показывался коричневый, как тюленья голова, капюшон его гидрокостюма, вспыхивало стекло маски, водолаз внимательно смотрел в нашу сторону, оценивал расстояние и снова нырял.

Но вот Николай всплыл, уцепился за лесенку, подтянулся, вылез по пояс из воды и, протянув сжатый кулак, раскрыл его. На ладони лежало жёлтое с зеленью колечко. Боб принял его, потёр — колечко вспыхнуло золотым огоньком.

— Вот так раз! — удивился он. — Клад, ребята! Место засёк?

— Буйком отметил, — тяжело дыша, сказал Николай. — Втроём обшарим? Чем чёрт не шутит.

Он был таким же, этот очередной день поиска, — прохладный, полный утренней сырости и ус-

талого бормотания волн. Первым в район буйка нырял Боб. Он вернулся с горстью патронов.

— Лежат там россыпью на дне,— объяснил он.

— Никогда таких не видел. К нашей винтовке не подойдут,— сказал Николай.

— Мало ли какие винтовки были тогда,— ответил Аркадий.— Что это за место? Может, где перевернулся плот, а?

Следующими погружались Николай и я.

Мы нашли буёк и вдоль тросика, на котором болтался белый пенопластовый поплавок, опустились на дно. Битая галька, перемешанная с чёрным песком, голубые пушистые водоросли. Даже ежей, обычных ежей с длинными фиолетовыми иглами здесь не было, пустыня, один только свет, слабый, рассеянный.

Около камня, к которому был привязан буёк, Николай, отстегнув от пояса нож, начал ковырять дно.

Я отплыл чуть в сторону. По-прежнему ровное галечное поле.

И вдруг прямо перед собой я увидел странную фигуру, похожую на диковинный тонконогий гриб. Вода увеличивала её, делая зыбкой и неустойчивой.

Два внимательных глаза смотрели на меня из-под шляпы гриба. Животное стояло, опираясь ногами о дно, высоко задрав пульсирующий мягкий живот. Это был осьминог.

Я тоже застыл на месте. Моя неподвижность успокоила животное. Оно не бросилось наутёк, а стало отступать боком, не поворачиваясь и не спуская с меня глаз с чёрными квадратными зрачками.

Осьминог уходил на цыпочках, каждый раз высоко поднимая щупальце и перенося его вперёд. Прежде чем поставить ногу, осторожно касался кончиком дна, находил камень, присасывался.

Я сделал неосторожное движение. Колебания воды встревожили животное. Осьминог покраснел. На коже его появились бурые пятна, он толкнулся

ногами, оторвался от дна, набрал внутрь себя воды, выбросил её сильной струёй и поплыл. Восемь щупалец сложились в плеть, размахивая ею, животное стало удаляться. Оно плыло, ритмично сокращая тело, набирая в себя воду и выталкивая.

Два окружённых морщинками глаза непрерывно следили за мной.

Я решил было следовать за ним, как вдруг кто-то ухватил меня за ногу. Я испуганно обернулся. Позади меня парил Николай. Он парил, как большая чёрная птица, и настойчиво показывал пальцем вниз.

Повинуясь его жесту, я наклонил голову и увидел под собой разрытый разбросанный песок, на дне песчаной ямки какие-то комки. Николай взял несколько и жестом показал мне — возьми остальные! Я собрал их, порылся в песке, извлёк ещё два.

Усталые, озябшие, мы вернулись на остров к Двум Братьям.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,

в которой мы изучаем находку

Поутру мы увидели в море чёрную точку. С Изменного шёл сейнер. Он ткнулся носом в гальку, с катера прыгнули два человека: навстречу нам брёл Василий Степанович, за ним семенил Белов.

Сидя на перевёрнутых ящиках, мы пили, обжигаясь, чёрный несладкий чай.

— Писем нет? — спросил Аркадий.

— Не приходили. А у вас как дела?

— Нашли кое-что: золотое кольцо, какие-то странные патроны. Да ещё вчера очень подозрительные камешки. Предлагаю их разбить: может, внутри что-нибудь есть?

Около палатки, прямо на гальку, постелили клеёнку, рядом Боб поставил ведро с водой. Найденные камешки (комочки известняка, глины?) сложили горкой. Аркадий осторожно ковырнул остриём ножа

первый — камень распался, и на клеёнку упал изъеденный ржавчиной, покрытый налётом извести и грязи железный болт.

— Та-ак,— сказал Аркадий.

Василий Степанович и Белов по очереди потрогали его. Болт развалился, как будто он был слеплен из ржавой глины.

Во втором комке оказалась горстка винтов.

В третьем — странно изогнутая, с замочком, двойная дужка.

— Это остатки кошелька,— сказал Белов.— Кожа, естественно, истлела... А вот и монетка... К сожалению, никаких надписей и цифр не сохранилось.

Василий Степанович бережно завернул монетку в тряпочку.

Оставалось ещё два комка.

Осторожно разбили первый — в нём был точно такой патрон, какие нашёл вчера Николай.

— И последняя попытка...

Аркадий надавил, комок развалился на части.

— Ого!

На ладони у Аркадия лежал корпус небольших наручных часов. Стекло утеряно, механизм сгнил...

— А я думал, ещё найдём золото,— сказал Боб.

— По-моему, эти часы дороже золотых.— Белов взял корпус и поднёс его к глазам.

— Вы опять говорите загадками.— Аркадий уже сердился.— Люди в панике покидали судно, стычки и драки, мало ли что было потеряно. Ну обронили в воду часы. Ну и что?

— Да, но часы наручные, небольшого размера, корпус из нержавеющей стали, штампованный.

Белов сказал последнее слово тихо, почти безразлично, но я заметил, как вытягивается у Аркадия лицо.

— А ну-ка, дайте.— Василий Степанович взял корпус часов, внимательно осмотрел, удивлённо пожал плечами.— А ведь и верно, такие часы до

революции не выпускали, им лет сорок-пятьдесят от силы.

Над палаткой нависло молчание, стал слышен шорох выбегающей на берег волны.

— Вы хотите сказать,— запинаясь начал Аркадий,— что часы попали в воду намного позже, чем погиб «Минин»?

— Да.

— И что кто-то побывал здесь до нас?

— Давайте рассмотрим ещё раз патроны.

Их осмотрели, бережно перекладывая из ладони в ладонь. Патроны были не от русской винтовки.

— Когда же это было? Во время второй мировой войны — вряд ли. После войны — исключено. Выходит, тот, кто опередил нас, побывал здесь ещё в двадцатые-тридцатые годы,— пробормотал Аркадий.— Шлюпка этих людей перевернулась — об этом говорят кошелек, часы, патроны...

Мы старались не смотреть друг другу в глаза. А что, если эти люди забрали пенал?

— Положим, о том, остался пенал внутри судна или нет,— сказал наконец Василий Степанович,— находка не говорит ничего. Ясно одно, кто-то продолжал интересоваться «Мининым». А мы... Нам надо продолжать искать. Будем пробиваться внутрь.

— Вот что,— сказал Белов.— Корпус пока не взрывайте. Осмотрите ещё раз дно. Мне нужно съездить на Шикотан, к «Аяну». Постараюсь вернуться тотчас.

На следующее утро мы стояли на берегу и смотрели, как кивает кормой, переваливается с волны на волну маленькая лодочка. Григорьев отвозил Белова на сейнер.

Аркадий сказал:

— Зачем он едет? Зачем ему нужен «Аян»? Для чего? Не понимаю? И просил ждать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

о том, как мы достали цилиндр

Ни через два, ни через три дня Белов не вернулся. Вместо него пришла радиограмма. Её привёз Матевосян.

В каракули, которыми радист Изменного записал принятый с Шикотана текст, мы всматривались по очереди.

«СРОЧНО ВЫЗВАН ВЛАДИВОСТОК. БУДЕТЕ ВЗРЫВАТЬ, ПРИКРЕПИТЕ ЗАРЯД БОРТУ ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ ТРЕХ МЕТРАХ ПОВЕРХНОСТИ РАЙОНЕ ШЛЮПБАЛКИ. ПРОВЕРЬТЕ ОТСЕК БЛИЖАЙШИЙ ВЗРЫВУ, ОСМОТРИТЕ ШКАФ, ОСОБЕННО КОЙКУ, ПОВТОРЯЮ, КОЙКУ. БЕЛОВ».

— Какая-то чепуха! — сказал Аркадий. — Какой шкаф, какая койка? Что он там выдумал? Откуда он всё это взял?

Николай ещё раз перечитал радиограмму.

— В трёх метрах от поверхности, районе шлюпбалки. Ишь какой умный! Что это ещё за точность?

Боб присвистнул.

— Чудак! Заметили, какие у него глаза? Вроде смотрит на тебя и видит насквозь. И голова всегда — в плечи!..

— Что же нам делать?

Мы с Аркадием переглянулись.

— По-моему, надо рвать, — сказал я. — Если Белов пишет, значит, у него есть на то веские основания...

Николай вздохнул.

— Как прикажете. Ждать больше нельзя, будем рвать!

Взрывали на следующий день.

Николай и Боб прикрепили под водой к корпусу «Минина» толовые шашки, вывели провода наверх.

Катер стоял в стороне на якоре. Тонкие оран-

жевые проволочки, взбежав из-под воды на палубу, кончались у подрывной машинки. Около неё, держа в руке ключ, сидел Николай.

Мы с Бобом, одетые в гидрокостюмы, ждали в резиновой шляпке.

Как хлыстом по воде ударил двойной взрыв.

Затем глухо и резко, ещё один.

— Всё,— сказал Николай.— Кинулись!

Мы спустились под воду.

Облачки пузырей клубились в груди искореженного железа. В борту зияло отверстие... Кусок обшивки, который преграждал вход внутрь к каютам, упал, открылась узкая неровная щель.

Боб протянул мне фонарик и начал расстёгивать пояс.

Я смотрел, ничего не понимая. Он сделал глубокий вдох, вынул изо рта загубник и сбросил акваланг. Взяв загубник в рот и держа акваланг перед собой в вытянутых руках, осторожно приблизился к пролому и начал пролезать внутрь судна. Чёрная пробойна поглотила его. Я просунул в пролом руку с фонариком. Тень человека внутри колебалась, таяла и наконец исчезла.

Я ждал.

Наконец в слабом укороченном луче фонаря зажелтело какое-то пятно. Оно приблизилось, выплыло из полутьмы и превратилось в круглое дно баллона. Вслед за аквалангом из пробойны выплыл Боб.

На катер Боб влез первым, я — за ним.

— Ну? — нетерпеливо спросил Аркадий.— Ну? Что? Как там теперь — посвободнее?

Боб молчал.

— Так что? — взорвался Аркадий.— Что? Внутри парохода были, каюты смотрели? Много их?

— В одной был,— сказал, смакуя каждое слово, Боб.— Прямо тут, где рвали... Какой-то цилиндр там лежит под койкой.

Если бы он сказал, что встретил там привидение

или живого человека, прожившего под водой тридцать лет, он поразил бы нас не больше.

— Как? Прямо под койкой?

— Ну... Говорю — заплыл в каюту, ничего не тронуто. Всё, конечно, поржавело, сгнило, ничего не завалилось — рванули мы аккуратно... А он в рундуке под койкой. Лежит вот такой. На трубу похож. Диаметр сантиметров двадцать. Тяжёлый — не качнуть... Чтобы достать его, придётся сломать у койки борт, а у пробоины загладить края. Иначе тросы, когда тащить будем, порежем.

— А если это не пенал?

— Вроде бы пенал.

— Фантастика!

— Но Белов-то каков! Откуда он всё знает?

Последующие дни летели как мгновение.

Под водой пилили железо — снимали заусенцы, ломали в каюте остатки койки. Николай и Боб каждый раз проверяли таинственный предмет.

— Лежит, — говорили они, — лежит, а тащить неловко.

Наконец Николай сказал:

— Можно поднимать!

За борт опустили два тонких стальных троса с петлями и металлическими карабинами. Укрепляли их на цилиндре Николай и Боб. Возились долго. Отогреваясь на палубе катера, Николай рисовал нам систему креплений. Несколько раз он мастерил из обрывков пеньковых верёвок мягкие петли-удавки и уносил их с собой под воду.

— Ещё вот так прихватил, — говорил он, добавляя к рисунку линию. — И тут, для страховки...

Поднимали вечером. Погода хмурилась. На юге, над горизонтом, сгущалась синева. Невидимое солнце заходило.

Мы стояли у борта катера, наклонясь, ожидая, когда на поверхность выскочит белый буёк, который унёс с собою под воду Николай. Это будет сигнал к подъёму.

Буёк выскочил внезапно, заиграл, заплясал на воде. Мы расхватили стальные концы, обернули ладони тряпками.

Сначала тросы шли легко — выбиралась слабина, — потом остановились. Боб скомандовал: «Два — взяли!» — упираясь, преодолевая сопротивление, мы стали тянуть.

Мы тащили, крихтя, переругиваясь, топчась на скользкой палубе.

— Скоро? — не выдержав, спросил я.

Боб озлобленно посмотрел через плечо:

— Тяни!

— Вижу! — закричал Аркадий. — Идёт!

Он ошибся. Всплывал аквалангист. Николай выскочил на поверхность, замахал руками, сорвал с лица маску и крикнул:

— Стой!

Укрепив маску на лице, снова скрылся.

Мы ждали с полчаса.

Наконец Николай опять всплыл, устало сказал:

— Давай!

Мы работали с тупым упорством галерных гребцов, перебирали жёсткие петли троса и укладывали их на палубу.

— Вот! — снова сказал Аркадий. — Идёт!

Никто не отозвался. Все видели: из глубины в дробном облаке пузырей, поддерживая руками что-то длинное и бесформенное, всплывал человек.

Он тёрся у борта катера, остерегаясь удара, поддерживая опутанный тросами груз, отводил его от борта.

— Раз-два — взяли! — скомандовал Боб.

Груз вышел из воды, превратился в длинный, опутанный зелёными водорослями, заросший ракушками цилиндр.

Мы стали плотнее, упёрлись, потянули. Груз, ударяясь о борт, пошёл вверх, остановился, приподнялся, с грохотом обрушился на палубу.

Мы молча сели вокруг него.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой мы вскрываем пенал

Вечером того же дня мы открывали поднятый с «Минина» цилиндр. Николай лезвием ножа счистил налёт водорослей, сбил слой раковин, нашёл щель. Все затихли. Нож уверенно открывал место кольцевого стыка. Лезвие, повинаясь руке, углублялось в поверхность цилиндра, отделяло от металла чешуйку за чешуйкой. Тусклый свинцовый блеск возник на месте среза.

— Это пенал,— сказал Аркадий.— Друзья мои, это пенал.

В сарае, где мы сидели, наступило молчание. Немая тишина звенела над нашими головами.

Очистив цилиндр и уложив его на кусок брезента, мы внимательно рассмотрели находку. Это был действительно металлический пенал. Он состоял из двух половин. Свинец в месте соединения был искусно раскатан и закрывал щель впотай, были даже заметны остатки разорванных ушек (они, вероятно, предназначались для замка и пломбы)...

Николай стал осторожно резать свинец кончиком ножа. Узкая голубая полоска отходила, открывая щель. Пенал поставили на попа. Стали тянуть крышку вверх, она поддалась не сразу, покачали — нехотя поползла, из открывшегося отверстия пахнуло прелью. Показался матерчатый истлевший чехол.

— Осторожно, ради всего святого, осторожно! — едва выдавил из себя Аркадий.

Пенал снова положили набок и из него бережно вытащили свёрток, зашитый в холст.

Василий Степанович вынул перочинный нож и аккуратно подпорол материю. Показались края бумажных листов, скатанных в рулон.

— Стойте,— сказал Василий Степанович,— надо фотографировать. Фотографировать и составлять акт.

Я начал снимать. Из пенала извлекали карты,

хрупкие листы документов с коричневыми неровными краями. Выпала тетрадь.

— Вот она! — сказал Аркадий и бережно поднял её. — «Версия господина Соболевского относительно русских поселений в Америке». Название почему-то зачёркнуто. Под ним — «Черновая запись для журнала «Русское историческое обозрение», тоже зачёркнуто. — Он перелистал тетрадь. — Прочсть будет нелегко — это черновик.

Стали по одному вынимать документы.

— Какие карты! — сказал Аркадий. — Им нет цены. Вот этой самое малое двести лет.

— Здесь написано «Необходимый нос», — сказал Боб.

— Да, да... А на этой карте карандашом — курсы. Смотрите, чьё-то плавание с Камчатки на Сахалин.

— Какой год? — спросил Василий Степанович.

— Тысяча восемьсот двадцать второй. Время Крузенштерна и Головнина.

— Вот предписание, — сказал я. — «Предлагаю отправиться...» А это вообще не прочитать.

— Дай-ка! — Аркадий взял у меня из рук ветхий листок. — Письмо XVII века, челобитная царю Алексею Михайловичу.

Пенал перевернули. Ещё два тронутых плесенью листка упали на деревянный пол. Николай подал их Василию Степановичу.

— Ничего не понимаю, — сказал тот. — С ума можно сойти — листовки 1922 года. Вот посмотрите.

«Товарищи командиры, комиссары и бойцы Народно-революционной армии. Сегодня в ночь вам придётся отойти на несколько вёрст и с японцами в бой не вступать. Народно-революционная армия не хочет войны с японским народом. Она борется во имя мирной жизни...»

Далее текст приказа был неразличим, сохранился только конец:

«Товарищи! Держите крепче винтовку в руках и ждите дальнейших приказаний.

Главнокомандующий
Народно-революционной армии
Уборевич И. П.»

Во второй листовке было:

«Граждане города Владивостока!

Товарищи и братья!

Близок час освобождения. Народно-революционная армия стоит у ворот города. Ещё несколько дней, и она победоносно вступит на его улицы. Презренные захватчики, интервенты, много месяцев топтавшие землю Приморья, и остатки разбитой белой армии бегут. Уходя, они стараются посеять панику, вывести с собой как можно больше ценностей, машин, продовольствия, принадлежащих народу.

Не поддавайтесь панике! В городе не предполагаются бои. Не помогайте интервентам и белогвардейцам, не разрешайте им грузить на пароходы оборудование и продовольствие.

Сохраняйте революционный порядок.

Час освобождения настает...»

— Ничего не понимаю,— сказал Василий Степанович,— откуда эти листовки?

Я нервно засмеялся:

— Прилепа! Ну конечно, это листовки Прилепы. Он вытащил пачку, а две остались. Представляешь, Аркадий, какую панику могла наделать такая находка среди твоих друзей историков? Листовки девятьсот двадцать второго года и документы семнадцатого века.

Василий Степанович теперь тоже улыбнулся.

— Да-а... А знаете,— сказал он,— этот приказ есть у меня в музее. Известный приказ Уборевича.

— И всё-таки меня поражает Белов,— сказал я.— Откуда он мог узнать, где лежит пенал?

— Может быть, он нашёл на «Аяне» какой-нибудь документ? — сказал Аркадий. — Не зря же он туда уехал. И эта удивительно точная телеграмма...

Он развёл руками.

Мы бережно сложили карты и бумаги обратно в чехол. Отдельно спрятали листовки. Пенал закрыли. Василий Степанович сел писать акт. Водолазы разошлись.

Ночью на Изменном неожиданно ударили заморозки. Белые пятна инея потекли по склонам горы. В зелёной листве у подножия горы пробились первая желтизна. По небу мчались когтистые облачка, в обманчивой тишине угадывались предвестники осенних непогод.

Наш катер уходил. Держа в руках вязанные шапочки, на пирсе стояли Матевосян и Григорьев. Оба молчали. Когда катер развернулся, оба невесело помахали нам.

Легли курсом на мыс Весло.

Синие вершины Кунашира медленно поднимались из воды. Нескончаемо длинный остров наступал на нас. Мы шли к его водопадам, к двуглавному вулкану Тятя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

про тетрадь Соболевского

Гостиница в Южно-Курильске была маленькая, со скрипучими полами и огромной русской печью.

Купили билеты и стали ждать самолёт. Аркадий целыми днями теперь не выходил из номера. Он взял у Василия Степановича тетрадь Соболевского, сидел на плоской койке, застеленной рыжим одеялом, и, шевеля губами, что-то читал и писал.

Был осенний солнечный день, когда мы собрались в номере Аркадия — Василий Степанович, Николай, я и Боб. За окном раскачивались жёлтые и белые осенние берёзы.

— Я прочёл тетрадь, — сказал, обращаясь к нам, мой товарищ. — Это черновые наброски к большой статье, которую начал, а может быть, и закончил где-то в другом месте Соболевский. Помимо текста, тетрадь содержит выписки из документов, которые автор привлёк для доказательства своих мыслей. Надо признаться, что он был упорный человек и строгий исследователь. Итак, я начинаю читать. Я буду читать всё подряд, и только там, где текст станет бессвязным, постараюсь дать свои объяснения.

Он откашлялся, потёр рукой воспалённые глаза и повернул листы тетради к окошку, к свету.

— Первые страницы представляют собой изложение письма монаха Германа о слухах, которые касались затерянной в юконских лесах русской колонии. Далее следуют записи, касающиеся сообщения, доставленного в Россию сотником Иваном Кобелевым.

Затем начинается текст, принадлежащий самому Соболевскому:

«Итак, чем больше я размышлял над неопределёнными, и, может быть, даже сомнительными сведениями, полученными Германом и Кобелевым, тем яснее мне становилась необходимость опереться на новые, не замеченные ранее исследователями или ещё не найденные источники. Перебрав документы, относящиеся к плаваниям на Алеутские острова и на Аляску кораблей русских промышленников, и не найдя в них ничего, кроме сведений о меркантильной стороне походов, я вдруг вспомнил об одной славной и несчастной экспедиции 1732 года. Само по себе плавание подштурмана Ивана Фёдорова и геодезиста Михаила Гвоздева на боте «Святой Гавриил» — явление замечательное. Напомню о нём. Мореплаватели имели предписание «идти к Анадырскому устью и от Анадырского носа к так называемой Большой земле», то есть искать Америку.

Экспедицией, которая отправлялась с Камчатки,

должен был командовать штурман Генс, но он к моменту начала экспедиции ослеп. Фёдоров тоже лежал, страдая цингой. По приказу Генса Фёдорова насильно перенесли на бот, и 23 июля 1732 года «Гавриил» вышел из Большерецка, а 5 августа был уже у Чукотского носа (т. е. у мыса Дежнёва).

И вот, наконец, 21 августа, как пишет Гвоздев:

«...подняли якорь, паруса распустили, и пошли к Большой земле, и пришли к оной земле, и стали на якорь, и против того на земле жилищ никаких не значилось. И подштурман Иван Фёдоров приказал поднять якорь, и пошли подле земли к южному концу и от южного конца к западной стороне, видели юрты жилые».

Так совершилось ещё до Беринга открытие северо-западной оконечности Америки.

Совершив своё удивительное плавание, «Гавриил» вернулся на Камчатку. Но вскоре после этого слабый здоровьем Фёдоров умер, а Михайло Гвоздев отослал свой «Морской журнал, или лагбук» в Охотское правление. Свои объяснения Гвоздев писал ещё дважды в виде «рапортов», которые требовались Берингу и Шпанбергу, то есть начальникам Сибирско-Тихоокеанской экспедиции.

Документы, переданные им Шпанбергу, считались утраченными. Но, разбирая в частном собрании личные записи одного из участников экспедиции, я обнаружил листки «Экстракта, выбранного из лагбука руки подштурмана флота Ивана Фёдорова капитану Мартыну Шпанбергу для собственной его памяти», а среди них запись, сделанную иным почерком и на отличной по цвету бумаге. Запись эта не могла не привлечь моего внимания. Вот она:

«...августа 22 числа вдругорядь приезжал в кухне иноземный чукча и оной же чукча сказывал через толмача, что на Большой острову не раз русские люди за морским зверем ходили, а родники его чукчины ушли с теми людьми из Нова города на реку Хеуверен, где жительство русские люди имеют из-

давна от Ерасима». Толмач — это переводчик, кухня — байдарка, река Хеуверен — Юкон...»

— Далее,— прервал чтение Аркадий,— Соболевский на основании найденного документа утверждает, что первыми поселенцами на Юконе были потерпевшие бедствие спутники Дежнёва, а именно та часть казаков, которая шла с Герасимом Анкудиновым. Кстати, выражение «вор», «воровской», которыми наградили Дежнёв в своём известном доцесении этих людей, означает всего лишь подозрение в том, что они намереваются присваивать государственный лес. Соболевский приводит цитату из Дежнёва, где говорится, что буря, которая раскидала суда, унесла четыре коча, на которых были ранее спасённые люди Анкудинова, «а его семейкины кочи разбило чуть погодя...»

Интересно, что, опережая возражения, Соболевский сам пишет: «Но ко времени путешествий Кобелева (1799 год) или Германа (1794 год) существование поселения, в котором жили бы дети дежнёвцев, владеющие грамотой, читающие книги и прочее, становится невероятным. Смены трёх-четырёх поколений в те времена было достаточно для полного забвения грамотности или пропажи к ней интереса. Кроме того, предприимчивые казаки постарались бы и на новом месте построить или починить кочи и уйти назад на Чукотку с вестью о новом богатом крае, каким представляется лесная Аляска по сравнению с каменной чукотской тундрой. Спутники Дежнёва не были в душе своей колонистами. «Читают книги, пишут, поклоняются иконам...»! — это, конечно, не дежнёвцы. «Всего у них довольно, кроме одного железа» — так можно писать только о рачительных переселенцах. У потомков людей, выброшенных на берег сто лет назад, «всего вдоволь» быть не могло...»

И тут же Соболевский выстраивает цепочку фактов, которая окончательно убеждает в обратном. Вот смотрите, что он пишет:

«Однако, рассматривая письменные свидетельства о плаваниях на Аляску в прошлом веке, я обнаружил следующее удивительное явление. Начиная с похода Фёдорова и Гвоздева в тысяча семьсот тридцать втором году, начинается магия имён. Историки начинают следить за именитыми мореплавателями, бережно сохраняя для нас высокие фамилии Чирикова, Беринга, Евреинова, Шпанберга... О тех же, кто на самодельных дощаниках или ботах уплывал в океан из Колымы, или Анадыря, или Камчатки, никто более не пишет и судьбы их не прослеживает.

А ведь на Алеутских островах первые русские зверобои были уже в пятидесятых годах. Около семьсот шестидесятого года их корабли уплывали к побережью Аляски. На Большой земле Америки зимовали в семьсот шестьдесят первом — шестьдесят втором году промышленники иркутского купца Бичевнина. В том же шестьдесят втором году корабли русских промышленников под начальством мореходов Дружинина и Медведева были разбиты и сожжены алеутами после случайных ссор и стычек, судьба людей с них, за малым исключением, неизвестна. Не говорю уже о шлюпке, пропавшей с корабля Чирикова «Святой Петр», когда пятнадцать человек во главе с боцманматом Дементьевым, уйдя в июле семьсот сорок первого года в глубь залива, у которого остановился корабль, не вернулись...

Таковы были факты. И они образуют одну непрерывную цепочку от горемычных спутников Дежнёва до современников Германа».

— Дальше текст обрывается,— сказал Аркадий.— Есть варианты окончания, но они все густо замазаны чернилами. Однако и без этого ясно, в чём состояло открытие Соболевского. Поселение на Юконе, основанное первыми путниками Дежнёва, сохранилось, принимая всё новых и новых жителей, до времени Кука и Германа.

— Так вот почему он так стремился вернуть

утраченный пенал,— сказал я.— В тетради труд всей его жизни...

— И всё-таки...— сказал Василий Степанович.— Похитить такие документы! Какое тут может быть оправдание?

Я взял из рук Аркадия тетрадь. Листы в голубую линейку были густо исписаны, кое-где автор начинал и бросал рисовать чертежи земель. Около мыса Дежнёва стоял крестик — это Соболевский отметил предполагаемое место гибели кочей Герасима Анкудинова.

— Упорный старик,— сказал Аркадий. Он забыл, что Соболевский в год написания статьи был одного возраста с ним.— Ну что же, Василий Степанович, принимайте тетрадь. Вам её хранить. Самолёт, обещают, прилетит завтра. Вот и конец нашему поиску, друзья.

Сказав «конец», он ошибся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ, **в которой из Алма-Аты приходит письмо**

Мы прилетели в Ленинград солнечным холодным днём. Жёлто-красные гатчинские аллеи пронеслись под крылом самолёта. Жухлая болотная трава стремительно поднялась и превратилась в разноцветный дрожащий ковер. Движение ковра замедлилось, ноющий звук моторов оборвался и перешёл в добродушный гул. Самолёт запрыгал по бетонным плитам. Мы спустились с трапа, получили вещи и направились искать такси. Я провожал Аркадия.

Дома у него под дверью лежало письмо... из Алма-Аты.

«Уважаемый товарищ Лещенко!

Вам пишет дочь Соболевской Нины Михайловны — Вера Вениаминовна. С глубоким прискорбием должна сообщить, что моя мать умерла год тому

назад от белокровия, болезни в нашей семье неизвестной и потому вдвойне коварной.

Из Вашего письма я поняла, что вопросы, которые Вы хотели бы ей задать, касаются моего отца, Соболевского Вениамина Павловича. Именно он исполнял обязанности хранителя частного музея в городе Владивостоке в годы революции. У него был брат, Константин Павлович, офицер белой армии, пропавший в те годы без вести, — вероятно, уехавший во время эвакуации с японцами.

Я не знала отца — родилась в 1922 году в январе месяце, в Петрограде, куда мать уехала к родственникам, незадолго до событий на Дальнем Востоке.

Отец погиб в посёлке Вторая Речка под Владивостоком в том же 1922 году вследствие острого простудного заболевания, ослабленный потерей крови от тяжёлой огнестрельной раны, полученной при неизвестных нам обстоятельствах. На могиле его я была в 1939 году.

Выполняя Вашу просьбу, я перебрала письма отца, оставшиеся после смерти матери, и нашла среди них одно, которое, может быть, заинтересует Вас. Никаких других вещей или документов отца у нас не сохранилось. К сожалению, это всё чем могу помочь.

С искренним уважением

Соболевская В.».

В конверт было вложено ещё одно письмо. Пожелтевшие страницы, выцветшие чернила.

Аркадий бережно развернул его.

«Дорогой друг!

Пишу тебе, вероятно, в самое тревожное время нашей жизни. В этом году рано кончились туманы, но для меня прояснение остаётся по-прежнему далёким и желанным. У вас в Петрограде уже всё спокойно, а наш многострадальный Восток до сих пор терзаем распрями и междоусобицами. На рейде,

против моего окна, стоят борт о борт японский и американский крейсера, и никто не может поручиться, когда и в кого начнут стрелять их пушки. Ходят слухи о близкой эвакуации, но кто их знает, этих наших так называемых союзников. Нет более ранимой науки, согласись, чем наша с тобой история, и нет ценностей, более легко разрушаемых и похищаемых, чем ценности исторические. Вот почему предстоящие перемены, а они, конечно, наступят, беспокоят меня. Уже была попытка конфисковать и отправить морем в Нагасаки бесценные коллекции минералов. Я так и не понял, что за люди приходили тогда. Двое из них были в форме японских офицеров, двое в штатском — эти говорили по-французски. Однако японский комендант, к которому я обратился на другой день, сам был очень удивлён и выразил предположение, что это действовали частные лица.

У нас участились случаи ограбления на улицах. Поэтому, когда я задерживаюсь, приводя в порядок ценности, порученные моей защите, то не рискую идти нашей полутёмной Шанхайской, а ложусь тут же, на кожаном диване, против стола, за которым когда-то любила сидеть ты, наблюдая за моей работой.

Вот почему, друг мой, я решил нынче же собрать все наиболее ценные рукописи, относящиеся к первым историческим плаваниям наших соотечественников в восточных водах и первым поселениям на Аляске, рукописи, которым нет цены и которые могут принадлежать только нашему народу. Я решил спрятать их. Для этого милейший С. (он часто вздыхает, вспоминая нашу дружную поездку семьями шесть лет назад из Петербурга сюда) принесёт мне из штаба свинцовый пенал, в котором бросают за борт в случае гибели корабля карты минных полей и шифровальные коды. Я решил поместить внутрь его наиболее ценное и закопать пенал во дворе нашего дома. В случае если судьба окажется жестокой ко мне, передай письмо лицам, заинтересованным и

облеченным государственным доверием, с тем, чтобы они могли вернуть стране принадлежащее ей по праву.

Многие суда уже ушли, и Золотой Рог кажется в эти дни мрачным и опустевшим. Я смотрю на тёмную поверхность его, скудную зелень сопок и на белый лоскут тумана, который один по-прежнему лежит в самом углу залива. Мне кажется, что жизнь покидает организм нашего города, и кто знает, когда она вернётся в него снова.

Береги нашу дочь. Подумать только, преступный отец, я ещё не видел её,— тысячи вёрст и десять фронтов отдалили нас.

Уповая на высшее милосердие, остаюсь любящий вас и целую

В.

Р. S. Мне не нравится последнее время Константин. Он твёрдо решил покинуть Россию и усиленно собирается сейчас с японцами. Но главное, что пугает меня,— это его разговоры относительно ценностей, которые поручены моей заботе. Вчера я был вынужден говорить с ним в очень резком тоне. Ну да что тебе — у тебя своих забот сейчас полно.

Ещё раз целую, *В.*».

Мы сидели молча. То, что мы узнали,— изменило всё.

Аркадий нехотя вложил письма обратно в конверт.

— Так вот оно что! — сказал он.— Значит, Соболевский был арестован и уведён солдатами. При этом тяжело ранен. Кто знает, может быть, его просто хотели убить, что стоила в те дни человеческая жизнь? Здание музея поджог, конечно, не он. Пенал он не успел спрятать. Пенал нашли и увезли. То, о чём пишет Прилепа, как раз и было нападением на музей и похищением пенала. Кто знает, может

быть, организатор нападения — его брат? И на Хоккайдо и у Изменного тоже был он?

Я кивнул.

— Трагическое время, — сказал я. — Большие приобретения и большие потери всегда рядом.

— На днях приезжает из Владивостока Белов, — сказал Аркадий. — У него в Ленинграде недельные сборы. Что-то по безопасности кораблевождения. Думаю, на этот раз он расскажет нам всё.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, последняя

Мы сидели втроем в узкой комнате Аркадия, зажатые между отвесными стенами из книг. Нетерпеливое ожидание, как вода, наполняло комнату.

И Белов начал рассказ. Из его косноязычных объяснений и односложных ответов я постарался извлечь нить, которой придерживался наш друг, размышляя о деле «Минина».

Из материалов расследования 1925 года он выделил для себя два обстоятельства.

Во-первых, пенал представлял для кого-то из пассажиров «Минина» особую ценность. Таким человеком мог быть директор музея Соболевский. Пенал пытались спасти, вывезти с гибнущего парохода любой ценой.

Во-вторых, когда это не удалось, пенал был унесён с палубы, очевидно, в ту самую каюту, где он хранился на протяжении всего плавания.

Далее появилось письмо и стало известным, что каюта, откуда слышались голоса и выстрелы, находилась на левом борту, ниже шлюпбалки.

Оставалось сделать последний шаг — узнать, где точно находилась каюта. И тогда в голову Белова пришла простая мысль — найти подобную каюту на «Аяне». К счастью, это сделать было несложно. Белов вторично посещает «Аян». Обнаружить каюту,

расположенную как раз под шлюпбалкой в средней части судна, было нетрудно. И вот тогда, стоя в ней, Белов задаёт себе вопрос: куда мог положить пенал его владелец? Конечно, на старое место, спрятать его туда, где пенал хранился во время плавания. Подходящих мест оказалось всего два: металлический шкаф для одежды и рундук, служащий основанием для койки. Однако в шкафу пенал мог только стоять и во время качки сломать дверцу и вывалиться. Прятать его под койкой во всех отношениях удобнее.

Так родилась телеграмма...

— Конечно, это всё были мои предположения — каюта, койка... Пенала там могло и не оказаться. Но чем больше я думал, ставя себя на место похитителя, тем крепче становилась моя уверенность: ценную вещь, которую я вынужден оставить на судне, я могу отнести только назад в свою каюту и спрятать снова только на старом месте... Вот почему я написал: «Если будете взрывать...»

— Поразительно,— сказал Аркадий.— Так просто... Знаете, тогда, во Владивостоке, я ошибся в вас. Вы мне показались... Как бы это сказать... Проще. Кстати, как здоровье ваших детей?

— Мои дети?.. Спасибо, все здоровы.

Чтобы не расхохотаться, я впился себе ногтями в ладонь.

— А чем закончилось дело о столкновении «Занай» и «Тиса»?

Белов пожевал губами.

— Капитана «Занай» оправдали,— нехотя сказал он.— Мне удалось восстановить прокладку. «Тис» действительно шёл в стороне. Если бы он не произвёл поворот, суда бы спокойно разошлись.

— Как это удалось доказать?

— Вы сами называли тогда способ. В районе столкновения действительно было ещё несколько судов. Я собрал их журналы и нанёс на карту всё, что обнаруживали их радиолокационные станции.

Среди отметок нашлись и места «Занай» и «Тиса».

— Сколько времени вы потратили на это?

— Какая разница? Два месяца.

— А могли ничего и не найти.

— Я нашёл,— сухо сказал Белов.— Это моя работа.

— А как же аккуратный журнал «Тиса»?

— Он был заполнен после аварии. Капитан признал это на суде...

Мы помолчали.

— Аркадий,— спросил я,— что дальше? Ну, ты напишешь статью, кабинетные учёные, такие, как ты, узнают, что существуют ещё листки из лагбука подштурмана Ивана Фёдорова и что разгадана тайна первых русских поселений. А Соболевский, его доброе имя? Разве мы теперь не его должники? А бессонные ночи на Изменном и белое галечное дно, по которому ходят, пританцовывая, осьминоги,— неужели это останется только в наших разговорах?

Я не упомянул имя Белова. Этот удивительный человек сидел наискосок от меня и задумчиво рассматривал бесценные книжные сокровища Аркадия. Неужели и его невероятная память и преданность поиску чужих ошибок в выполнении «Правил предупреждения морских аварий» канут в Лету?

Аркадий пожал плечами:

— Не знаю.

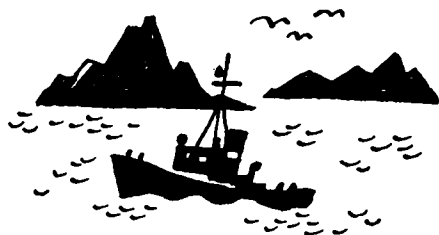
— Завтра на семинаре у меня,— сказал Белов,— манёвр последнего момента. К нему прибегают, когда все прочие меры приняты.

— Друзья мои,— пробормотал я,— мне пора идти, проводите меня.

Мы вышли из дому. По пустынной улице ветер гнал ржавые листья, они мчались по тротуару, гремя и подпрыгивая. Жёлтые стены Адмиралтейства, подсвеченные фонарями, тлели как уголья, небо светилось отражённым светом реклам, разноцветные облака плыли качаясь — они кренились с борта на борт, как кочи.

Миновав начало Невского, мы вышли на Дворцовую площадь. Коричневая колонна парила в воздухе. Я понял, что должен написать об истории «Минина» сам. И ещё мне захотелось стать летописцем маленького инспектора, расследующего морские аварии.

Остров Кунашир — Ленинград
1968—1981 гг.

Олег Орлов

«ПИШИТЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ, ВСЮ НЕДЕЛЮ...»

(биографическая справка)

Святослав Владимирович Сахарнов родился 12 марта 1923 года в городе Артёмовске на Украине. Его мать и отец умерли рано. Воспитывала мальчика старшая сестра.

Рос, как все мальчишки: любил до темноты гонять в футбол, любил читать книги, особенно о приключениях, путешествиях.

В степном городе Харькове, где всей-то воды — три небольших речки, мечтал о море и кораблях.

В 1940 году поехал в Ленинград сдавать экзамены в Высшее военно-морское училище.

Первое плавание оказалось недалёким — по Ладожскому озеру на шхуне «Учёба». Но зато шхуна — настоящий парусник, с высокими мачтами, с деревянной, пахнущей смолой палубой.

Великая Отечественная война застала на первом курсе училища. Фашисты окружили Ленинград, под городом завязались жестокие бои. Курсантов послали было на фронт, но осенью их уже было приказано эвакуировать на Большую землю. Ушли пешком через Ладогу по Дороге жизни. Училище заканчивали в Баку. И сразу — на действующий флот, на боевые корабли. Сахарнов попал на Чёрное море.

И вот — Малая земля, та самая, легендарная... Тральщик, на котором начал службу, идёт к Новороссийску. Там, где гора Дооб, где маяк, тральщик сворачивает круто в море. Он шёл туда, где голубая полоска берега обрывалась, где был вход в Цемесскую бухту. Всю ночь корабль, затемнённый и настороженный, ходил переменными галсами. У орудий и пулемётов наготове стояли матросы. Они всматривались в темноту: не идёт ли враг? Берег Малой земли вспыхивал зарницами артиллерийских залпов, светил багровыми огнями пожаров.

Тральщик охранял от фашистских кораблей занятый нашим десантом берег.

Здесь, под Новороссийском, Сахарнов после нескольких боёв получил первый орден — Красного Знамени.

С наступающей армией он прошёл берегами Чёрного моря от Новороссийска до Севастополя, Одессы, и далее — к румынским, к болгарским портам, освобождая земли, захваченные гитлеровцами.

А после воинский эшелон повёз его на восток, где вскоре началась война с империалистической Японией. Снова рейды наших кораблей, но теперь уже к занятым врагом северо-корейским портам Расин, Сейсин, Гензан — высадка десантов.

Война закончилась. Сахарнов продолжает службу на Дальнем Востоке на торпедных катерах, был штурманом, начальником штаба. Через несколько лет направили учиться в Ленинград. В Ленинграде, в морской академии защитил диссертацию и получил учёную степень кандидата наук.

В Ленинграде же начал писать первые рассказы и сказки.

И вот случилось так, что один из рассказов попал к писателю Виталию Бианки. В общежитие, где жил молодой офицер, пришло письмо:

«Приходите, побеседуем, что хорошо, что плохо в вашем рассказе. Принесите что-нибудь новенькое. Предварительно позвоните. Жму руку

Ваш Виталий Бианки».

Письмо очень обрадовало Сахарнова: книги Бианки он с детства любил, читал и перечитывал...

Сказка, которую принёс Сахарнов в тот памятный день, была о жителях морского дна.

Виталий Валентинович читал её внимательно. Сначала хмурился, потом удивлённо поднял брови и, наконец, заулыбался. Видя это, повеселел и молодой автор.

Кончив читать, Виталий Валентинович сложил листки.

— Очень плохо, — с явным удовольствием, почти радостно сказал он. — Ах как плохо!

Сахарнов вспоминает, что, услышав это, покачнулся на стуле... Как же так? Ведь Бианки улыбался...

— Будем учиться, — сказал Виталий Валентинович. — Сколько вы проживёте в Ленинграде? До осени? Значит, впереди у вас — год... Садитесь за стол и пишите... Пишите каждый день, всю неделю, а по субботам в шестнадцать часов будете приходить и читать, что написали... Через год вы должны сделать книжку — «Морские сказки»...

И книжка вышла. «Морские сказки» издавались и переиздавались. Только спустя много лет понял Сахарнов, чему радовался старый писатель, читая его первую сказку: подвод-

ный мир, о котором писал Сахарнов, был для него, для Бианки, миром непознанного...

«Морские сказки» — это причудливое соединение выдуманного и абсолютно точного, реального. В них читателю открывается мир, лежащий совсем рядом с нами и в то же время такой необычный, а для большинства и вообще неизвестный. Его обитатели, оказывается, имеют каждый свой характер, привычки, особенности. Они дружат или враждуют между собой. Тут под водой происходят прелюбопытнейшие события. Плывёт, например, морской петух-тригла, опустился на дно, шесть кривых шипов выпустил и уже идёт как на ходулях. Пешком! Не хотел маленький крабишка сначала прятаться в узкую щель. Плохой, мол, это дом — тёмный да тесный. Решил в другом месте укрыться. А там за ним стали охотиться и огромный осётр, и катран-акула, и скат — морская лисица. Пришлось крабишке назад в каменную щель вернуться. Так этот дом оказался для него лучшим.

На разные вопросы можно найти ответ в этой книге: куда прячутся во время отлива морской ёж, рак-отшельник и рыбка-бычок? Как хищница — морская звезда поедает свою добычу?

Много в ней занятных историй: и приключения рачишки-чилима, любопытного ласкиря, простоватого, доброго кита, и похождения рака, не совсем справедливо прозванного «мошеником». И что, вероятно, самое главное — в основу всех сказок Сахарнова легли его собственные наблюдения.

...Впервые под водой он побывал в 1948 году. Было это в Японском море. Нужно было кому-то спуститься под воду, осмотреть винты у торпедного катера. Водолаза не было. Сахарнов облачился в тяжёлый водолазный костюм и опустился под воду. И увидел тот таинственный мир, изучению которого посвятил потом многие годы, — мир морских глубин, морских животных. С тех пор, с того первого раза, он погружался под воду во многих морях и океанах — в водолажном костюме, с аквалангом, просто с маской и ластами.

Две первые книги Сахарнова — «Морские сказки» и «Зелёная рыбка» — Бианки успел увидеть (они вышли в 1958 году), прочитал и написал статью, представляя среди других молодых писателей, пишущих о природе, и Сахарнова.

Но когда статья увидела свет, фамилия Бианки стояла под ней в траурной рамке...

Жанр первой книги определил интерес Сахарнова к сказке. В последующие годы он напишет: «Гак и Буртик в Стране бездельников», «Рам и Рум», «Сказки о львах и парусниках»; соберёт привезённые из дальних стран, переведёт и перескажет «Сказки из дорожного чемодана». Будет отдана дань обычной литературной сказке (страна, в которой «всё наоборот», — Страна бездельников) и сделана попытка рассказать

дошкольнику о кибернетике (люди-роботы Рам и Рум), и просто каскад весёлых приключений, где действие происходит стремительно, как в мультипликационном фильме (львы, слоны, парусник-корабль и рыба-парусник). А что касается сказок других народов, то эта работа закончится обработкой и пересказом для детей индийского эпоса «Рама-яна».

«Сказание о Раме, Сите и летающей обезьяне Ханумане» (так Сахарнов назвал свою книгу) вышла в 1986 году в Москве и по праву заняла своё место среди книг, которые помогают нашим детям открывать для себя мир прошлого и культуру других народов.

Но всё же вернёмся к «Морским сказкам». Море, морские обитатели... Ну, а как ему — профессиональному моряку — не рассказать и о тех, кто плавает по морям, какие бывают корабли, как люди веками побеждали морскую стихию? Море — тема поистине неисчерпаемая.

Слова Бианки: «Пишите каждый день...» — Сахарнов делает дивизом своей жизни, правилом работы. В 1960 году выходит его книга «Человек под водой», в 1961 — «Злой узел». В 1963 году сразу три — «Мартышкина бухта», «Разноцветное море», «Путешествие на «Тригле».

А что, если написать книгу, в которой было бы всё о море? И вот итог пятнадцати лет работы — «По морям вокруг Земли. Детская морская энциклопедия». Книга про корабли и про китов. Про компасы и про флаги. Про загадки моря и легендарного Морского Змея. Про современный океанский лайнер, такой, как «Александр Пушкин», и про корабли-революционеры — «Потёмкин» и «Аврора».

Всё, что относится к морю и представляет интерес для читателя, — всё можно найти в этой книге, написанной с выдумкой, потому что это ведь не просто энциклопедия, не просто сухое собрание различных справок. Нет! Это рассказы, сказки, шутки, загадки и, главное, — кругосветное путешествие. Вся книга — плавание по морям и океанам. Вокруг света... Когда читаешь её, словно ощущаешь: вдруг вернулось детство, вернулись те дни, когда так мало знаешь и когда всё — радость узнавания.

Детскую морскую энциклопедию перевели во многих странах мира...

Но как расширять свои знания о морях и океанах, не путешествуя? И писатель всё время, когда он не работает, — в дороге. Поездка на Курильские острова. На север — Канин нос, Шойна. На Кубу. В Африку, в Танзанию. В Индию. На Командорские острова. Снова на Чёрное море.

Путешествия стали основой многих книг автора. Приключения, которые всегда поджидают пытливого наблюдателя в дру-

гих странах. «В гостях у крокодилов», «Белые киты», «Осьминоги за стеклом», «Дорога на Багамойо», «Друг Тембо», «Что я видел в Танзании», «Заколдованные острова», «Цунами», «Слоны на асфальте»...

Писатель погружается под воду на коралловом рифе под Дар-эс-Саламом, с проводником углубляется в джунгли Индии, бродит среди крокодилов в заповеднике Гуама на Кубе. А уж сколько приключений было на Курильских островах! Заблудился в зарослях бамбука, где обитали медведи, едва выбрался к жилью, попал в цунами...

Говорят, что первая половина ценности книг писателя в том, про что он пишет, а вторая — как.

Сахарнов пишет необычно. Вроде бы очень просто, но в этой простоте много своих особенностей.

Ну, скажем, его мир — это по преимуществу мир красок. В нём мало запахов и не очень много звуков. Зато краски подмечаются охотно, они яркие и чистые:

«По небу плыли красные перья облаков».

«Шхуна окуталась густым зелёным дымом».

«Среди мелких камней торчали мелкие рыжие водоросли».

«Дымила красноватая земля. Зелёная щетинка трав била в трещины тротуаров...»

Недаром в его книгах цвет даже в названиях многих глав, рассказов: «Какого цвета море», «Разноцветное море», «Зелёный слон» и так далее.

Разгадка проста: мир, полный красок, но без запахов, с редкими звуками — это мир водолаза. Таким Сахарнов запомнил его и перенёс это удивительное восприятие жизни на всё, что описывает.

А ещё на одну особенность сахарновских книг обратил внимание известный детский писатель, друг Сахарнова, Лев Иванович Кузьмин:

— Язык, которым Святослав Владимирович пишет книги, он принёс в литературу с ...кораблей. Там ведь и думают и поступают быстро, не мешкая, говорят коротко, ёмко. Не верите? Вот несколько примеров.

«На лету зубами — клац! — мимо. Развернулся — и снова на крабишку. Тот — удирать. А это катран-акулка: спина и голова узкие, рот — дырой, хвост — полумесяцем. Крабишка — вокруг камня, катран — за ним». Вон сколько в нескольких строчках действия! Рассказывается всё стремительно. А за счёт чего? За счёт предельной сжатости фразы.

Или так. «И вот я на Камчатке. В машине. В кузове груз. Здоровенный бетонный куб. В кабине — шофёр и я. Шофёр — лицо жёлтое, вроде бы пожилое. Орёл, сразу видно. А я не орёл, мне бы только доехать до берега. Наш пароход давно уже там».

Здесь уж вовсе удивительно: девять предложений и всего

один глагол! Это из сказки «Крабишкин дом» и из рассказа «Два колеса в воздухе». Точно подметил Кузьмин!

Вот так работает и пишет Святослав Владимирович Сахарнов. И как тут не сказать, что он ещё много лет главный редактор детского журнала «Костёр», а значит, работы у него в два раза больше, чем просто у человека, пишущего книги. И что в последние годы он стал «взрослеть» — выпустил книгу повестей и рассказов для взрослых читателей, готовит и ещё книги.

«Пишите каждый день...» Иначе не успеешь рассказать людям то, что уже открылось тебе — загадочный, сложный, незнакомый, волнующий мир.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДВОДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ. Повести

Путешествие на «Тригле»	5
Трепанголовы	65
Дом под водой	127

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Лимон для Чугункова	221
Арий камень	241
Белушонок	256
Звери Микуми	261
Из африканских рассказов	278
Птичий человек из Мадраса	285
Акулы	299
Хозяин каменной норы	309
Из рассказов о коралловом рифе	319
В гостях у крокодилов	328
Ночные путешественники	343

ОСТРОВ ВОДОЛАЗОВ. Повесть .	347
------------------------------------	------------

<i>О. Орлов. «Пишите каждый день, всю неделю...» .</i>	457
--	------------

Для младшего и среднего возраста

Святослав Владимирович Сахарнов

ИЗБРАННОЕ

Том II

ИБ № 9962

Ответственный редактор Н. А. Терехова. Художественный редактор И. Г. Найдёнова. Технический редактор И. П. Савенкова. Корректоры В. А. Иванова, Г. В. Романова.

Сдано в набор 20.11.86. Подписано к печати 20.03.87. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 29. Усл. кр.-отт. 30. Уч.-изд. л. 20,26. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4450. Цена 1 р. 10 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополномерных форм «Целлофот»

Сахарнов С. В.

C22 Избранное/Послел. О. Орлова; Рис. М. Беломлинского. 1—2 т.— М.: Дет. лит., 1987.— Т. 2. 463 с., ил.

В пер.: 1 р. 10 к.

В книгу вошли лучшие произведения писателя, написанные для детей младшего и среднего возраста: «Путешествие на «Тригле», «Трепанголовы», «Дом под водой», «Остров водолазов», а также рассказы о жизни животных в заповедниках разных стран.

С 4803010102—283
M101(03)87 359—87

P2

1р. 10к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“